А.А. ШИРИНСКАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1999

ББК 63.3(2)524
Ш64

Ширинская А.А.
Ш64 Бизерта. Последняя стоянка. — М.: Воениздат, 1999. — 246 с., илл. — (Редкая книга).
ISBN 5—203—01891—X

Анастасия Александровна Ширинская родилась в 1912 г.. она была свидетелем и непосредственным участником событий, которые привели Русский Императорский флот к последнему причалу в тунисском порту Бизерта в 1920 г. Там она росла, училась, прожила жизнь, не чувствуя себя чужой, но никогда не забывая светлые картины раннего детства.

Воспоминания автора — это своеобразная семейная историческая хроника на фоне трагических событий революции и гражданской войны в России и эмигрантской жизни в Тунисе.

ББК 63.3(2)524

ISBN 5—203— 01891—X

© Ширинская А.А., 1999
© Оформление, Воениздат, 1999

ОТ АВТОРА

Приношу сердечную благодарность директору Российского центра науки и культуры в Тунисе Олегу Ивановичу Фомину и военному атташе посольства РФ в Тунисе Николаю Дмитриевичу Качану за постоянно оказываемую мне дружескую помощь.

Спасибо нашему любимому доктору Юрию Богданову. Без него не было бы книги на русском языке.

Спасибо моим дорогим Ирочке Калмыковой и Ларисе Николя, которые поработали над рукописью, не щадя своих сил и не жалея времени.

За организационную помощь в издании книги благодарю Фонд содействия флоту «Отечество»: первого вице-губернатора Санкт-Петербурга В.Н. Щербакова, председателя Попечительского совета фонда; капитана 1 ранга в запасе А.Г. Кравченко, председателя правления фонда; капитана 2 ранга в запасе В.А. Летучего; капитана 1 ранга в запасе В.П. Мамайкина; капитана 2 ранга в запасе А.С. Николя, директора фонда; руководителя программы «Петербург — Бизерта» Н.К. Кравченко. Я бесконечно признательна моим многочисленным друзьям за их теплоту и поддержку. Среди них хочу выделить генерального директора предприятия «Балтийский эскорт» капитана 2 ранга в запасе А.Г. Бабурова, депутата Государственной Думы П.Б. Шелища, редактора радиожурнала «Андреевский Флаг» В.М. Бузинова, президента Русского географического общества С.Б. Лаврова и ученого секретаря А.О. Бринкена, генерального директора предприятия «XXI век — универсал» К.В. Горбатенко и Военное издательство.

А. Ширинская

Глава I

БИЗЕРТА. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Февраль 1917 года!

Мне еще нет и пяти лет, а уже безвозвратно ушло мое безмятежное, радостное детство.

Три последующих года, страшные годы революции, остались в моей памяти годами полного уничтожения всего того, что еще так недавно составляло нашу жизнь.

«Все закрутилось», — запомнил детский ум. Закрутилось в каком-то безостановочном движении, и уже привычными казались поспешные отъезды неизвестно куда и тяжелые скитания по незнакомым дорогам.

Последний отъезд в неизвестность — в ноябре 1920 года из Севастополя: эвакуация из Крыма Белой армии — армии Врангеля.

Последняя гавань — Бизерта, куда Черноморский флот пришел в декабре этого же года.

Одним из первых прибыл пассажирский транспорт «Великий князь Константин» с семьями моряков. Когда, огибая волнолом, он вошел в канал, все способные выбраться из кают пассажиры были на палубе. Мы тоже были там, рядом с мамой, и я думаю, что мы могли бы послужить прекрасной иллюстрацией к статье о бедствиях эмигрантов: измученная молодая женщина — маме было около тридцати лет — в платье, уже давно потерявшем и форму, и цвет, окруженная тремя исхудавшими до крайности девочками.

Маленькая для своих восьми лет, я медленно, с трудом оправлялась от тифа. Густые светлые кудряшки только появлялись на моей обритой во время болезни голове.

Мои сестры, Ольга и Александра — Люша и Шура — трех и двух лет, мало интересовались происходящим вокруг них. К счастью, эта смена климата была для них очень благоприятна, так как сухой кашель после тяжело перенесенного коклюша заметно уменьшался.

Еще один очень важный член семьи — маленький черный тойтерьер Буся, милая спутница раннего детства, появившаяся на свет у серых вод Балтики, приближалась вместе с нами к залитым солнцем берегам Средиземного моря.

Не хватало только папы, но в этот раз мы, по крайней мере, знали, где он. Миноносец «Жаркий», которым он командовал, покинул Константинополь со вторым отрядом флота, конвоируемым французским авизо «Бар-ле-Дюк». Он был на пути к Бизерте.

В душе возрождалась надежда.

После всех опасностей и лишений длительного перехода по Черному и штормовому в это время года Средиземному морю мы дошли наконец до нашей последней стоянки.

Просторный залив, изогнувшийся между Белым мысом и мысом Зебиб, заливал солнечный свет. Было тихо и удивительно безветренно, что очень редко для Бизерты, ничем не защищенной от ветров: морского северо-западного — причины ее холодных зим — и дующего из Сахары сирокко — сухого, жаркого, так тяжело переносимого летом.

От этой первой встречи с Бизертой 23 декабря 1920 года в памяти остались только вода и солнце.

Очень широкий и длинный канал соединяет залив с озером Бизерты и знаменитым с древних времен озером Ишкель, сыгравшим немаловажную роль в истории города.

Кто думает о Бизерте — видит море!

Когда сейчас, уже старая бизертянка, я возвращаюсь из путешествия, то всегда жду мгновения, когда после последнего перевала вдруг откроется взгляду сверкающее под солнцем море, волнорез вдали, белые дома на противоположном берегу канала вдоль набережной и башня маяка. И как десятки лет тому назад, возможно, даже осмысленнее, чем когда-то, я с радостью думаю: «Ну вот, слава Богу, доехали!»

Здесь, у самого моря, где побережье очень напоминает Крым, мы меньше чувствовали себя лишенными родных краев.

Не раз в течение моей жизни я поблагодарю судьбу за то, что в несчастье она позволила нам обосноваться в Бизерте.

Я родилась в большом родовом имении, и навсегда запечатлелись во мне картины безграничного деревенского простора: роскошь украинского лета, шорохи и запахи старого парка и серебряный блеск Донца, стремящегося к Дону.

На чужбине стихи наших поэтов, которые так хорошо знала мама, не дали мне забыть эти первые впечатления раннего детства.

Городская жизнь не для меня.

В большом городе я чувствовала бы себя как в тюрьме. В маленькой же Бизерте, у самого моря, дороги открыты на весь мир, а длинная и бурная история города живет еще в его стенах.

При первой встрече с Бизертой мы не знали, что этому новенькому, очень европейскому городку только 25 лет, тогда как старой части города, расположенной между Старым портом и городской стеной, уже почти три тысячелетия.

Основанная финикийцами в IX веке до нашей эры, ранее Карфагена и Утики, Бизерта сыграла в истории значительную роль благодаря своему исключительному географическому положению.

Белый мыс — самая северная точка Африки в центре Средиземноморья — колыбели западной цивилизации. Все суда, пересекая Средиземное море с запада на восток или с востока на запад, неизбежно проходили близ Бизерты. Старый порт, являясь природной гаванью и сообщаясь каналами с внутренними озерами, служил надежным убежищем отважным мореплавателям.

Находясь на перекрестке главных морских дорог, Бизерта представляла собой своеобразный водоворот, в который попадало и неизбежно перемешивалось множество народностей, образуя за тысячелетия бесконечный людской поток.

Гиппон — Акра — у карфагенян, Гиппон — Диаритус — у римлян, Бензерт — у арабов, Бизерт — у французов, Бизерта — для нас, русских, этот город сумел все пережить и всем обогатиться.

След, оставленный основателями города — финикийцами, сохранился надолго. Эти отважные мореходы, отправляясь в неизведанные края, преследовали только мирные цели, устанавливая торговые ряды по всему побережью Средиземного моря, что способствовало и взаимному культурному обогащению. В Карфагене находилась одна из лучших библиотек мира. В музее Бардо в Тунисе пунические могильные плиты свидетельствуют о духе терпимости к культуре других народов: на некоторых из них надписи на трех языках — ливийском, финикийском и пуническом.

Постоянные сношения с внешним миром выработали у горожан гибкость мышления, а также способность приноравливаться к создавшемуся положению — в самых трудных условиях всегда находила Бизерта свой, иногда совершенно новый путь.

В таких местах легче живется. «Гиппон — Диаритус — безмятежный городок, ревностно берегущий свой покой, привлекающий многочисленных римских вельмож свежестью климата и ласковым летом», — писал Плиний Старший еще в I веке нашей эры.

Так ли уж отличались от нас эти люди?

По некоторым данным, в начале V века святой Августин посетил город и проповедовал в одном из христианских храмов. Несмотря на прошедшие пятнадцать столетий, мысль его еще жива и настолько современна, что Лакан, обращаясь к аудитории психоаналитиков, рекомендует: «Прежде всего прочтите Августина!»

В течение веков Бизерта пережила ряд войн и более или менее мирных нашествий: вандалы, арабы, испанцы, турки — все оставили след в истории города.

С XVI века сам город и прибрежные поселения стали настоящим пиратским гнездом. Но и морской разбой способствовал связям с внешним миром и не только материально обогащал население — до сих пор на побережье можно встретить светловолосых и голубоглазых жителей, а деревенские легенды рассказывают о потомках местных рыбаков и сирен.

Когда в XIX веке корсарство было запрещено, город затих. Бизерта мирно зажила рыболовством и сельским хозяйством. Вокруг разветвлений Старого порта, среди сплетения каналов, перехваченных множеством малых мостов, которые можно еще увидеть на редких почтовых открытках, расселились мелкие, но весьма активные торговцы и ремесленники, образовав счастливый озерный городок, романтическую прелесть которого мы узнаем из впечатлений путешественников.

Александр Дюма в 1846 году, находясь в Тунисе, писал: «...сколько волшебства в одном слове «Бизерта» ... зачарованные берега озера... крупные птицы на берегу с пламенными крыльями... скрытые в пальмовых зарослях белые марабу...*»

А эрцгерцог Луис Сальвадор так вспоминает о «восточной Венеции»: «Бизерта осталась в моей памяти одновременно как сказка Востока, воплотившаяся на юге Средиземного моря, и как прелестная и пленяющая новая Венеция... Маленький белый городок грациозно отражается в кристаллах вод уснувших к вечеру каналов... Каналы начинают мерцать в мягком свете звезд, огнях базаров, кафе, загадочных жилищ...»

Думается, что и сегодня в Старом городе руины дворцов еще хранят воспоминания о той невероятной эпохе. Таинственные дома, дворцы барберусов**... Поведает ли нам однажды кто-нибудь их истории?!

В конце XIX столетия маленький спокойный городок, казалось, утратил даже воспоминания о своей бурной истории. С 1881 года Тунис находится под французским протекторатом, к большому неудовольствию Италии и Англии. Опасаясь дипломатических осложнений, Франция не сразу решается преобразовать Бизерту в военный порт.

В 1887 году известный французский журнал «Illustration» писал: «В настоящий момент в Бизерте нет ни шоссе, ни железной дороги. Полностью запущен и засыпан порт, который только и мог бы связать ее с внешним миром.

В городе не найти ни гостиниц, ни кафе. Почта приходит один раз в два дня. Нет ни торговли, ни промышленности. Единственное торговое предприятие четвертого разряда, принадлежащее местному еврею, обслуживает город, который насчитывает от 6 до 10 тысяч жителей, в большинстве своем арабов. Есть итальянцы, мальтийцы, греки... но ни одного француза».

Потребовалось четыре года, с 1891-го по 1895-й, чтобы через песчаный перешеек прорыть канал, непосредственно соединивший открытое море с озером Бизерты. Изъятыми из русла канала тысячами кубометров земли были засыпаны морские лагуны и разветвления каналов Старого порта. На полученной таким образом насыпи площадью 750 гектаров был возведен современный город.

В 1895 году порт был открыт для международной торговли, и тогда же он перешел во владение военно-морского флота Франции. И опять, как уже много раз в своей истории, Бизерта возродилась для новой, деятельной жизни.

Строительство фортов, арсенала создавало новые рабочие места для населения, что способствовало быстрому развитию города. Многочисленные ремесленники и торговцы — коренные тунисцы, итальянцы, мальтийцы, евреи — весь этот такой типичный для Средиземноморья люд, уже поколениями тесно сжившийся с мусульманской частью населения, быстро влился в оживленную портовую жизнь.

Первый иностранный визит в новоотстроенный порт Бизерты нанесли русские моряки, о чем свидетельствует медная пластинка от картины, исчезнувшей из муниципалитета во время бомбардировок города в 1942 году: «Командир и офицеры Императорского крейсера России «Вестник» — в дар французской колонии в Бизерте. На память, октябрь, 1897 год».

«Вестник»! Несущий весть. Это название — как предзнаменование!

В июне 1900 года российский броненосец «Александр II» под флагом контр-адмирала Бирилева, в сопровождении миноносца «Абрек», стал на якорь на рейде Бизерты. Адмирал по приглашению губернатора Мармье посетил новый форт Джебель-Кебир в окрестностях города.

Блестящий морской офицер, весьма честолюбивый, Бирилев вскоре будет морским министром России. Мог ли он на пороге XX века предугадать, что через 20 лет этот же рейд станет последней якорной стоянкой последней российской эскадры, что эти же казематы Джебель-Кебира станут последним убежищем для последнего русского морского корпуса!

Мог ли он предполагать, что члены его семьи будут доживать свой век в изгнании и умрут на этой африканской земле!

В декабре 1983 года в Тунисе в одиночестве умирала последняя из Бирилевых — вдова капитана второго ранга Вадима Андреевича Бирилева, племянника адмирала.

Я поехала навестить ее незадолго до ее кончины. Когда я вошла в слабо освещенную комнату, мне показалось, что она в бессознательном состоянии — столько безразличия было в ее отрешенности. Возможно, случайно ее усталый взгляд встретился с моим. Она меня тотчас узнала.

Она знала, что я приехала из Бизерты, но для нее это была Бизерта 20-х годов, а я — восьмилетней девочкой.

— Ты приехала из Севастополя?! — воскликнула она радостно.

Я не пыталась ее поправить. Для нее «Севастополь-Бизерта» было одним целым: два города, навсегда слившиеся воедино...

И она добавила с какой-то неожиданно сдержанной страстью:

— Если бы ты знала, как мне туда хочется!

* Марабу — священные для мусульман небольшие кубические постройки с куполом.

** Барберусы — имя, данное западными историками двум пиратам-туркам, жившим в XVI столетии.

Глава II

СЕВАСТОПОЛЬ

Для многих прибывших в Бизерту Севастополь был родным городом. Они могли говорить о нем часами, с оживлением обмениваясь воспоминаниями. С тоской описывали они широкие, засаженные деревьями бульвары, элегантные набережные, изумительный вид на Южную бухту...

К тоске по родному краю примешивались горькие сожаления о навсегда прошедших временах, беззаботных и веселых годах потерянной молодости.

Мягкий морской климат Крыма манил людей на улицы, гуляли подолгу. Ходили слушать музыку на Приморский бульвар, где под открытым небом играли оркестры, а любители морского царства толпились у Аквариума.

Молодых модниц притягивал Нахимовский проспект с его роскошными магазинами и элегантными витринами.

Исторический бульвар в районе Четвертого бастиона, прославившегося в Крымскую кампанию, был излюбленным местом прогулок.

Самый веселый бульвар, Мичманский, весь в зелени, поднимался в гору, прямо к теннисным площадкам, — бульвар молодежи, первых встреч, нежных свиданий, первой любви.

Графская пристань с античной колоннадой и огромными львами вела к обширной площади, в центре которой до сих пор стоит памятник Нахимову; справа была очень комфортабельная гостиница «Кист», слева — Офицерское собрание.

В Севастополе жилось уютно не только людям, животные тоже не были забыты: генерал Кульстрем, губернатор Севастополя, позаботился о том, чтобы в парках кошки и собаки могли напиться. Полвека спустя его дочь, Евгения Сергеевна Иловайская, объезжала на велосипеде улицы Бизерты в поисках больных и покинутых животных: приютить, накормить, полечить. Почти до 90-летнего возраста она одна воплощала в себе все Общество покровительства животным.

Все это я узнала, конечно, много позже, уже в Африке, из воспоминаний севастопольцев. Единственное, что я лично очень хорошо помню, это сильное впечатление, которое произвела на меня севастопольская Панорама. Когда я пыталась потом объяснить, что меня так поразило, я не могла даже сказать, где мы были: ни музей, ни театр, ни поле битвы.

Мы с мамой стояли в центре самого сражения, и вокруг нас все жило. Люди строили укрепления, уносили раненых, грелись у костров в слабом мерцании раскаленных углей, и нельзя было различить, где живопись, где скульптура, а где просто предметы в этом, казалось, огромном поле.

Совсем близко от нас — мальчик помогает у пушки своему отцу-матросу, и я полюбила мальчика, потому что он любил своего папу и любил Севастополь...

Посещение Панорамы было одним из наших редких выходов в город.

Мы жили на Корабельной стороне, в квартале, весьма отдаленном от центра. Чтобы до него добраться, надо было объехать трамваем всю Южную бухту, открытую всем ветрам.

Это был совсем иной мир — район казарм, построенных для зимних квартир моряков, и флигелей для семей военных. Но и здесь, как везде в Севастополе, история еще жила: мы часто ходили гулять на расположенный неподалеку знаменитый Малахов курган.

За Корабелкой простиралась Слободка — рабочее предместье, окраина.

Перед флигелями, вдоль моря, тянулась широкая улица, по которой проходили похоронные процессии, так как новое кладбище находилось совсем близко.

— Видишь, это кавалериста хоронят, — говорила мне мама, указывая на лошадь, которая, понурив голову, шла за катафалком.

До сих пор осталось во мне от этой картины чувство бесконечной жалости, но, как и тогда, я не могу сказать, кого я больше жалела: кавалериста или его лошадь.

В пустой и холодной квартире мы были уже беженцы, прибывшие с севера.

Для меня Россия была не здесь. Настоящей была Россия первых пяти лет моей жизни. Счастливая Россия, Россия, которую мы потеряли!..

Глава III

УГОЛОК УКРАИНЫ. РУБЕЖНОЕ

Первые пять лет моей жизни, с 1912 по 1917 год, обогатили ее навсегда.

Мои сестры, намного моложе меня, родились в тяжелые годы революции, и казалось мне, что они остались «за дверью» волшебного, сказочного детства, что они ничего не видели, ничего не знают... не знают даже наших родителей.

Я родилась 23 августа 1912 года в родовом имении моих прадедов, около — тогда еще села — Лисичанска.

Потом мы жили на Балтике переезжали из порта в порт, меняли меблированные квартиры, и даже если жизнь и была полна интереса и новых впечатлений, я знала, что летом мы вернемся домой в Рубежное, где мне все знакомо, где все свое, где всех я знала...

Удивительным образом запечатлелись в моей памяти детские воспоминания, отрывки картин, любимые лица.

Рубежное навсегда останется для меня Россией — той, которую я люблю: белый дом с колоннами и множеством окон, открывающихся в парк, запах сирени и черемухи, песнь соловья и хор лягушек, поднимающийся с Донца в тихие летние вечера.

На старых фотографиях дом все еще живет своей мирной жизнью XIX века, которой не коснулись потрясения XX; тихая жизнь, которую я еще застала.

Самые известные русские писатели воспевали Украину. Все дети знали наизусть описания ее ночей, ее рек «чище серебра», ее безграничных степей и цветущих хуторов, утопающих в вишневых рощах.

«Ты знаешь край, где все обильем дышит?»

И я знала!

Я открывала этот мир восхищенным взглядом детства. Небо — такое высокое и чистое, это небо совсем маленького ребенка, который рассматривает его из своей колыбели, внимательно следя за легким полетом облаков. Игра солнца сквозь листву, светлые и темные пятна по земле — это тот мерцающий, зыбкий мир, в котором ребенок делает свои первые, неуверенные шаги.

От лета к лету, по мере того как росла, я понемногу открывала этот зачарованный край, который, как мне казалось, простирался в бесконечность.

Тенистые аллеи лучами разбегались во всех направлениях от овальной площадки в центре парка, множились в тропинках, сбегавших с холма к Донцу, к лесу, в поля... Главная аллея, усаженная густой сиренью, исчезала в рощах вишен, яблонь, груш...

Удивительно явственно предстают перед взором картины прошлого, когда прошлое запечатлено в сердце!

Там, у Донца, дом, вероятно, давно уже не существует. Но он живет еще в Бизерте на фотографиях в дубовых рамках, которые папа сам для меня сделал.

Для всех — это лишь фасад на пожелтевшем картоне, и только лишь одна я могу распахнуть двери и войти в этот дом.

Старомодная гостиная, красное дерево, темно-красный бархат. Застекленная дверь открывается в парк. Старинные портреты, секретер со множеством ящичков, пожелтевшие фотографии... Здесь еще живут воспоминания. Здесь и еще в рабочем кабинете дяди Мирона со стенами, заставленными полками юридических книг. Дядя Мирон — мировой судья. Он работает под строгим взором мрачного мужчины, чей портрет занимает почетное место. «Портрет неизвестного» — как пишут в музеях.

Узнаю ли я когда-нибудь, кто он был?

Может быть, это он покоится в глубине парка, там, где аллеи, теряясь в беспорядочно разросшемся кустарнике, упираются в деревянный забор с заколоченной калиткой над оврагом.

В этом отдаленном углу парка сохранились две одинокие могилы с надгробными плитами из черного мрамора с небольшим квадратным отверстием, плотно замкнутым заржавевшей створкой, отчего все здесь кажется еще таинственнее.

Не помню, выгравированы ли имена на мраморе.

— Первые владельцы Рубежного, — как-то ответил папа на вопрос, кто здесь похоронен.

Почему я его не расспросила подробнее?

Навсегда вместе и вдали от всего покоится здесь супружеская пара, построившая этот дом, посадившая деревья, прожившая здесь, возможно, всю жизнь с конца XVIII до начала XIX века.

Начало XIX века — это уже Наполеон, Отечественная война, эпоха «Войны и мира», времена Пушкина.

Сколько романтизма, сколько бурных переживаний...

Впрочем, в самом облике дома не было ничего от угрюмого замка. Одноэтажный, со множеством окон, он был распахнут свету и воздуху. Вдоль фасада узкая веранда, вся в цветах, и два крыльца с большими белыми колоннами. Сзади к дому прилегал парк, границ которого я так никогда и не узнала. Мне и сейчас видятся за окнами большой столовой качающиеся ветки молодых деревьев.

Жизнь в таких больших поместьях отличалась гостеприимством. В светлой, просторной столовой не было никакой мебели, кроме большого стола, за которым свободно размещалось до сорока гостей, и рояля, чтобы молодое поколение и поколение постарше могли потанцевать.

В летнее время все комнаты были заняты многочисленной родней и даже павильон в парке всегда был полон народу.

Совсем не помню, что было в нашей комнате, помню только, что под окном цвела сирень и в ней по вечерам пел соловей.

Однако я удивительно живо помню комнату бабушки, знаю даже по фотографии 1912 года, что старые обои с геометрическими фигурами и букетами цветов в медальонах были заменены новыми, светлыми, однотонными, на фоне которых выделялась яркая полотняная ткань занавесок и обивки кресел.

Минувшие столетия, казалось, никак не повлияли на жизнь усадьбы, все так же пребывающей в ином, неторопливо-замедленном измерении времени. Перед длинным рядом высоких окон гостиной невольно замедлялись шаги. Я могла подолгу стоять, наблюдая грациозные прыжки белок меж стволами деревьев.

Иногда все моментально менялось — стремительный ливень... внезапная буря...

Сознавала ли я, что кто-то задолго до меня также вглядывался в жизнь старого парка, защищенного от нескромных взглядов.

У детей особое понятие о времени, им чужда мысль о недолговечности, для них настоящий момент длителен — в нем и прошлое и будущее.

Годы (или месяцы), прожитые в Рубежном, стали самой значительной частью моей жизни, и память о них не только не стерлась, но и обогатилась.

«Надо дать время времени!» Постепенно, благодаря личным воспоминаниям, рассказам близких, встречам, книгам, а главное — старинным фотографиям с пометками дат и мест предо мной приоткрывалось прошлое — я узнавала своих предков.

Хозяева Рубежного, предки моего отца с материнской стороны, мне известны лучше других. Их имена связаны с судьбой одного из самых промышленных районов России — Донецкого бассейна. Это совсем недавняя история, так как местность начала активно заселяться только во второй половине XVIII века.

Столетиями между Днепром и Доном только ветер гулял по степи да азиатские орды прокатывались по бескрайним просторам, разрушая Киевскую Русь и угрожая Западу.

Еще в первой половине XVIII века эти богатые земли были пустынны. Там и тут только редкие казачьи станицы да иногда огни цыганских таборов.

Экспедиции геологов, направленные Берг-коллегией Санкт-Петербурга для поиска полезных ископаемых в бассейне Донца, открыли месторождения каменной соли. Этим объясняется быстрое развитие города-крепости Бахмут. Однако очень редкие земледельцы отваживались селиться здесь из-за постоянной угрозы нападения крымских татар: грабежи, истребление мужчин, продажа в рабство женщин и детей были обычным явлением в этих краях.

Только энергичные правительственные меры могли изменить ситуацию. В 1753 году императрица Елизавета Петровна, опираясь

на декреты Сената от 29 марта, 1 апреля и 29 мая, предложила двум сербским полкам, укрывавшимся в Австрии от турок, обосноваться на этих пустынных землях, которые стали называться Славяно-Сербией. Два полка вскоре слились в единый Бахмутский гусарский полк, состоящий из 16 рот. Обжитые ими места именовались по номерам рот — отсюда эти долго непонятные мне названия поселков: Первая Рота, Вторая Рота... Пятая Рота стала затем селом Привольным, там родилась моя сестра Шура.

Военнослужащие получали землю, которую должны были возделывать и защищать. Таким образом, в 1755 году майор Рашкович основал Рубежное в расположении Третьей Роты. Название произошло от слова «рубеж», которым являлась балка, разделявшая два казачьих поселка — Боровское и Краснянка.

Молодому майору было 25 лет. Хочется думать, что ни энергии, ни мужества ему и его супруге было не занимать: поселяясь в степи, надеяться на легкую жизнь не приходилось! Все бросить и найти силы все создать заново — это дух первых поселенцев во всех заселяемых краях! Остается только удивляться быстроте, с которой они преуспели. К счастью, со времени завоевания Крыма в 1783 году отпала угроза татарских набегов.

Основание крупных городов, таких, как Екатеринослав и Николаев, относится к этой эпохе. Ранее основанный Харьков становится центром светской жизни для крупных помещиков; многие из них имеют в Харькове свои дома и регулярно проводят в нем часть года. Налаживалась оживленная жизнь разнородного общества — множество иностранцев обосновывается в этой еще недавно пустынной Новороссии, которая благодаря усилиям Потемкина превращается в цветущий край: с севера — немцы, с юга — итальянцы, греки, с запада — французы, спасающиеся от революции, и, конечно, издавна проживавшие здесь татары и турки.

К концу столетия Европа, политическая карта которой беспорядочно менялась, стала всенародным полем битвы и русская армия находилась в постоянных походах. Между походами молодые офицеры усердно посещали харьковские салоны, чтобы при случае блеснуть знанием французского и даже проявить некоторую долю вольтерьянства. Никогда, кажется, не танцевала молодежь с большим рвением, чем в эти бурные годы.

Менуэт и шаконь* пришли к нам из Франции, так же как и мода прибавлять к фамилии приставку «де» как отличительный признак принадлежности к высшему обществу. Рашкович, например, вдруг с удивлением узнавал, что его командир Прерадович стал де Прерадович, а вскоре — обычай в России не прижился — Депрерадович в одно слово!

Но ни один танец не вскружит головы, как польская мазурка. В радостном полете сложных и разнообразных фигур, в вихре

* Шаконь (чакона) — старинный танец.

шелков и расшитых мундиров каждый танцор стремился к совершенству своего искусства.

В общественной жизни Харькова балы были часты.

Семью Рашковичей и их четырех дочерей все хорошо знали. Майор стал полковником, но все так же деятельно занимался своими поместьями, что не мешало ему внимательно следить за поисками месторождений каменного угля. Он часто принимал надворного советника Аврамова, который совместно с губернатором Екатеринослава В.В.Коховским наметил целую программу поисков в Донецком бассейне. И вот в 1792 году на земле казенного села Верхнее, в урочище Лисичья балка, Аврамов нашел самое значительное, как по размерам, так и по качеству, месторождение угля в бассейне Северского Донца.

В 1795 году полковник Рашкович присутствует на торжественном открытии первой угольной шахты в Донбассе. Это — первая угольная шахта России! Вокруг Рубежного начинается промышленная разработка каменного угля, что очень способствует быстрому развитию экономики юга России.

«Вновь созданный Черноморский флот, возникшие береговые крепости и новые порты на Черном море — Севастополь, Николаев, Херсон, Одесса — предъявляли все больший спрос на топливо, вооружение, изделия из металла. В повестку дня был поставлен вопрос о создании в этих краях топливно-энергетической базы юга России», — писал В.И.Подов в книге «У истоков Донца».

Указ Екатерины II от 14 ноября 1795 года вошел в историю под названием «Об устроении литейного завода в Донецком уезде на речке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля». Это также дата рождения городов Луганска и Лисичанска.

В голой степи, на открытом всем ветрам холме, возле балки Лисичьей, используя камень-известняк, хворост и глину, шахтеры сами себе построили землянки и бараки. Вскоре заготовка строительных материалов и постройка домов начались и на казенные средства. Уже в ноябре 1797 года смотритель рудника Адам Смит мог доложить директору завода К.Госкойну, что он перевел всех мастеровых из Третьей Роты в новые казармы в «Лисичьем буераке, где им будет тепло и удобно». Так был заложен первый в стране шахтерский поселок — будущий Лисичанск.

Полковник Рашкович не имел сыновей. Которая из его четырех дочерей (Анна, Юлиана?..) вышла замуж за Шахова? Архивы этого не уточняют, но имя Юлиана отдается слабым эхом в моей памяти!.. Три первых поколения передавали Рубежное по женской линии.

Дочь Шаховых вышла замуж за Богдановича, вероятнее всего, в самом начале нового столетия, но еще в 1799 году из «Бахмутского уездного плана» было известно, что «...верхнянская земля с северо-запада граничила с землями села Рубежного майорши Шаховой».

Героические времена остались в прошлом. Молодые Богдановичи могли бы себе позволить более светскую жизнь в городе, но похоже, что жизнь в деревне была им по душе.

Пришло время строить новый дом, рассаживать парк, достойно разместить работающих в усадьбе людей.

Мало что осталось от этих далеких времен, а ведь сколько было писем, рисунков, дневников — этих девичьих «тетрадей в сафьяне», хранившихся десятилетиями на чердаке в тяжелых сундуках и изящных ларцах.

Все было истреблено, но, вероятно, никакое человеческое чувство не исчезает бесследно. Даже камень хранит его отпечаток.

В моем детстве оно еще жило в глубине парка у одиноких могил из черного мрамора, запомнившихся мне на всю жизнь.

Первые владельцы Рубежного...

О них я многое почерпнула в книге В.И.Подова «У истоков Донца».

Конечно, строя дом, думали они и о детях, и о внуках, и потому строили его так, чтобы он стоял века — удобный, светлый и теплый. К счастью, есть леса на противоположном берегу Донца — редкость для степного края. Дубовые стволы могут пережить столетия. Под фундамент торжественно была заложена пластинка с датой — чисто человеческое желание приостановить время!

Молодой Богданович в поисках опытного мастера добрался до Польши. Он привез отличного работника, Сергея Фадеевича Адамовича, и никогда не раскаивался в своем выборе. Невольная симпатия, возникшая к этому крупному и сильному молодому человеку с правильными, немного тяжеловатыми чертами лица полностью оправдалась.

В течение более ста лет потомки Адамовича проживут бок о бок с хозяевами Рубежного, разделяя общий успех и привязанность к этим местам.

Работы продвигались быстро. Дом зажил собственной молодой жизнью. Через окна светлой столовой видны подрастающие деревья. Одна лишь тропа к Донцу не изменилась и хранит еще следы ушедших в прошлое времен первобытной степи: рыжая молния лисы, скользящей средь гибких стеблей ковыля, реже — серый силуэт одинокого волка и везде среди колючих кустов шиповника — пучки горькой полыни...

Загадочная история связана с этой тропой — трагедия, которая навсегда сохранит свою тайну.

Цыгане веками кочевали по русским равнинам, но всегда жили обособленной жизнью. Они подчинялись лишь собственным законам, имели свои личные понятия о чести, и никакая власть не была им указом.

Они исчезали, появлялись, свободные как степной ветер, которому не заказана ни одна дорога, но никогда они не оставляли своих в беде!

Откуда же взялась молодая цыганка, чье бездыханное тело было найдено на этой заброшенной тропе? Годовалая девочка отчаянно цеплялась за одежды матери. Какая драма заставила ее покинуть табор? Одни лишь вопросы без ответов, но так ли уж важны ответы? Очевидны лишь страдания обессиленной женщины, карабкавшейся по крутой каменистой тропе с младенцем на руках, отчаяние умирающей вблизи возможной, но уже недосягаемой помощи да ужас ребенка, очнувшегося подле остывшей, неподвижной матери!

Об этом будут говорить еще долго... Будут говорить даже через 200 лет, так как найденная девочка будет воспитана в усадьбе!.. Позднее она выйдет замуж за поляка и станет прародительницей многочисленного потомства Адамовичей.

Поколения хозяев следовали одно за другим, каждое вносило в строительство усадьбы свою лепту усилий и любви.

Родившись в Рубежном, я унаследовала эту любовь к очарованному краю — богатство, которого никто не может меня лишить, силу, позволившую мне пережить много трудностей, никогда не чувствуя себя обделенной судьбой.

Глава IV

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

С какого момента, с какого этапа поколений те, кто нам предшествовал, перестают быть нашими близкими?

Мой отец с безразличием отзывался о «первых хозяевах Рубежного», не называя даже их имен. Совсем еще молодым он был пристыжен дядей Мироном, который застал его в своем рабочем кабинете, целившимся в портрет «неизвестного». Такую воображаемую «дуэль» папа никогда бы не позволил себе против своего прадеда Насветевича.

Для меня это еще одна из причин предполагать, что это был портрет отдаленного предка, Богдановича, который в начале XIX столетия построил новый дом — «мой дом». Даты подтверждают это предположение.

Мужчине на портрете около пятидесяти лет. Некоторые детали его облика характерны для моды двадцатых—тридцатых годов прошлого века: густые волнистые волосы, бакенбарды — это еще эпоха романтизма, сюртук из мягкого драпа с узкими лацканами, жилет из такой же материи, белые треугольники воротничка над широким галстуком — все это тоже мода первой половины столетия.

Ребенком я была уверена, что портрет таинственно живет в тишине мрачного кабинета. Задумчивый, внимательно следящий за мной взгляд, строгий, без улыбки рот... Не все унесли с собой прошедшие года! Портреты продолжают жить своей особенной, загадочной жизнью. Вечная улыбка, не покидающая лица, была бы нестерпима на портрете. Улыбаться можно лишь на фотографии навстречу мимолетной, счастливой минуте.

Первые владельцы Рубежного! Со временем я много о них узнала и они сделались для меня близкими.

Богдановичи тоже не имели сыновей, и Рубежное перешло дочери Анастасии, которая вышла замуж за Александра Насветевича.

У меня сохранилась ее большая фотография, датированная 1860 годом. Вот она, моя прапрабабушка! Анастасия Насветевич на снимке выглядит еще молодо, ей около пятидесяти лет. Кашемировая шаль наброшена на плечи, миниатюрные пальцы зябко

сжимают края шали под кружевным воротничком. Слегка завитые волосы, аккуратно уложенные по обе стороны пробора, обрамляют удивительно спокойное, гладкое лицо. Это мать трех сыновей: Александра, Владимира и Сергея Насветевич.

Старший, Александр Александрович Насветевич — мой прадед; имена Александра и Анастасии будут повторяться в семье.

Он родился в тридцатых годах, возможно, в 1837-м. Детство трех братьев прошло в семейном поместье на берегу Донца.

Эксплуатация угольных шахт бассейна уже шла полным ходом. Химические фабрики привлекали многочисленных специалистов. Работы велись в тесном сотрудничестве с Петербургским Горным институтом и Казачьей армией Дона и Черного моря.

Крупные поместья, эти очаги семейной, а также культурной жизни, охотно принимали этот быстро развивающийся деловой мир.

Александр унаследовал энергию своих предков и передал ее некоторым своим потомкам.

Детство трех братьев, без сомнения, было счастливым. Принадлежа к военно-помещичьей семье, они получили типичное для их среды образование: до 10 лет росли дома под присмотром нянь, гувернанток, репетиторов, которые готовили детей к поступлению в корпус или в другое закрытое учебное заведение.

Каким культурным уровнем обладали молодые немки, француженки (англичанки были редки), которые обучали детей иностранным языкам? Вероятно, что их положение в собственной стране было весьма скромным, если они решились уехать в далекую таинственную Россию.

Свечины, друзья Насветевичей, имели гувернером старого француза, бывшего легионера зуавского полка, который часами красочно-преувеличенно рассказывал восхищенным мальчикам о завоевании Алжира. Тяжело раненный при штурме Севастополя, он был взят в плен и остался навсегда в России. Сколько было таких гувернеров и гувернанток, которые впоследствии в эмиграции горько оплакивали «свою Россию»!

Как бы то ни было, но все читали французские книги, беседовали по-французски на светских приемах и на семейных «чаях», были в курсе происходящего за границей, тем не менее все эти «чаи» на верандах в тени акаций бывали чисто русскими. За столом было не принято, чтобы дети вмешивались в беседы взрослых, и они с радостью ускользали от бесконечных разговоров, чтобы порезвиться в саду.

Александр был невысоким для своего возраста, но шустрым и ловким. С компанией деревенских сверстников он часто убегал в шахтерский поселок, где он знал многих его обитателей, как, впрочем, и всю многочисленную домашнюю прислугу.

А потом долгие годы учения в Санкт-Петербурге: семь лет в кадетском корпусе, еще два года в военном училище, где юноши, в зависимости от желания, готовятся к службе в пехоте, артиллерии, кавалерии или инженерных войсках.

В девятнадцать лет Александр Насветевич начинает свою военную карьеру.

«С 6 июня 1857 года по 24 сентября 1877 года я служил в лейб-гвардии егерском полку. Генерал Насветевич», — написал он собственноручно на отвороте красно-золотого переплета записной книжечки, которую сам смастерил из обшлагов своего парадного мундира в день выхода в отставку.

Гвардейские полки располагались в окрестностях Санкт-Петербурга, что позволяло офицерам наведываться в столицу в часы свободные от службы. Для молодого Насветевича это было открытием светской жизни — мира театров, выставок, музыкальных вечеров, балов у друзей и у родственников.

Русские мыслители разделились тогда на два направления: славянофилов и западников. Среди наиболее видных представителей славянофилов в сороковых годах были братья Иван и Петр Киреевские.

Без сомнения, Александр посещал литературные круги, так как примерно в 1860 году он женился на совсем юной Марии Петровне Киреевской.

Уже с самого начала их семейной жизни она познакомилась с усадьбой. Развитие железнодорожной сети позволяло без трудностей добраться до Харькова, а далее — на лошадях. Александр мечтал о железнодорожной ветке Харьков — Лисичанск, чтобы обеспечить транспортом бассейн Донца и связать Рубежное с внешним миром. Он всецело посвятил себя реализации этого проекта, предоставил землю, вложил большие суммы в строительство и продолжал интересоваться ходом работ, где бы ни находился — при дворе ли в Петербурге или на Балканах, воюя с турками.

Мечта осуществилась только 1 февраля 1905 года, когда состоялось торжественное открытие разъезда Насветевича и небольшой белый вокзал, построенный у подножия холма рубежанского поместья, украсила вывеска: «Станція Насветевичъ».

Александр Насветевич проявил интерес и к развивающейся фотографии. Он оборудовал настоящую фотолабораторию у себя дома в Петербурге (Каменный остров, 13), и оставленные им большие картонные фотографии, надписанные его рукой, пережили столетие. Для меня, его правнучки, это единственное и бесценное наследство.

Сохранился лишь один его портрет, уже пожилого генерала. Энергичное с неправильными чертами лицо, удлиненный разрез глаз, тяжеловатые веки, внимательный взгляд — невольно вспоминаются семейные предания о взятии Казани и родстве с Гиреями.

Столько было драгоценных фотографий и столько их погибло в тяжелые годы изгнания!

Я никогда не утешусь от того, что в 1942 году из нашего покинутого дома в занятой немцами Бизерте пропал большой кожаный альбом со снимками, запечатлевшими постепенное стро-

ительство моста через Донец, участки железнодорожного пути, группы рабочих и инженеров. Помню также фотографию харьковского вокзала в 1878 году — встреча генерала Насветевича по возвращении с турецкой войны: его сухощавая небольшая фигура на ступенях лестницы лицом к площади, заполненной народом...

История Донбасса, история России...

Александр Александрович Насветевич имел разрешение снимать события при Императорском дворе. Еще молодым офицером он привлек внимание Александра II. Во время празднования юбилея егерского полка император узнал о рождении первого сына в семье Насветевичей. Император, поздравляя отца, выразил желание быть крестным новорожденного и добавил, что ему бы хотелось, чтобы ребенок был назван Мироном в честь святого покровителя полка.

— Увы, Ваше Величество! Это невозможно — мальчик уже крещен и назван Николаем. Однако я обещаю, что через год у меня будет второй сын...

Родившийся впоследствии мальчик был назван Мироном. Он стал последним хозяином Рубежного.

Я бережно храню пожелтевшую визитную карточку прадеда:

Александръ Александровичъ

Насветевичъ

Флигель-Адъютантъ Его И. Величества

Звенигородская, Старо-Егерскія Казармы 12

Адъютант Александра II, он обучал фехтованию его сына — будущего Александра III, с которым его связывала искренняя и долгая дружба. Впоследствии они станут товарищами по оружию во время турецкой войны. Оба генералы гвардейского Преображенского полка, они воевали на Восточном фронте на Балканах.

Последний ребенок Насветевичей — Александра, родившаяся в 1868 году, стала крестницей наследника трона и его жены Марии Федоровны. Будущая императрица России была датского происхождения и ее первым именем Дагмар была названа одна из шахт Донбасса.

В семейной памяти сохранился еще один случай.

Во время визита Вильгельма II в Россию оба императора принимали парад гвардейских полков. В день церемонии шел сильный дождь и почва неизбежно превращалась в слякоть. Вдруг Вильгельм II нагнулся и концом свой трости высвободил из земли резиновую галошу. На его вопросительный взгляд Николай II ответил с улыбкой:

— Это маленького генерала. Он где-то тут бегает.

А «маленький генерал» в это время, взобравшись с помощью жандарма на телеграфный столб, фотографировал парад...

В 1989 году в Москве была выставка в Манеже «Сто пятьдесят лет фотографии», где, говорят, были выставлены фотографии Насветевича.

Если во время парадов и церемоний «маленький генерал» мог оставаться бесстрастным свидетелем, то, снимая своих близких, он был иным. В семейном альбоме, где надписи на обороте фотографий полны невысказанной нежности, я вижу молодыми тех, кого знала пожилыми. Портреты Марии Насветевич в любом возрасте передают ее чистую, спокойную красоту. На самом старинном из них, уже поблекшем от времени запечатлен облик юной, грациозно задумчивой девушки. Вот еще она — хозяйка Рубежного в малороссийском костюме: широкий, вышитый крестом рукав, соскользнув, обнажил тонкую руку, изящная кисть слегка поддерживает склоненную голову.

Вот, наконец, она такая, какой я ее знала — старенькая, хрупкая, наша любимая баба Муня, окруженная своими детьми: Анастасией, Александрой, Николаем. Мирон, скорее всего, фотографирует, так как его жена Анна тоже в семейной группе.

На этом снимке никакой надписи — «маленького генерала» уже нет в живых. Он умер в Петербурге в 1911 году совершенно неожиданно, как это часто случается с людьми, полными жизни и энергии, и его кончина потрясла всех своей внезапностью. Очень подвижный, он никогда не брал извозчика и во всякую погоду ходил пешком.

В один из зимних вечеров на балу при дворе он танцевал мазурку с одной из своих дочерей. Разгоряченный, в распахнутой шинели, он вышел на ночной мороз и слег на другой день с воспалением легких.

На его похоронах присутствовало очень много народа, о чем мне рассказала уже много лет спустя одна старая дама, случайно находившаяся в Петербурге в те далекие дни. Так хозяин Рубежного был похоронен вдали от своих...

* * *

Существуют личности, которые занимают исключительное место в окружающем их обществе. Близость к ним придает особый смысл повседневной нашей жизни. Их душевное богатство не имеет никакого отношения ни к уму, ни к образованию, ни — еще меньше — к их внешнему облику: часто они даже совсем не похожи друг на друга.

Одно лишь общее есть у таких людей: они любят жизнь с благодарностью.

Их никогда не забудешь! Но когда их теряешь навсегда, в душе остается место, которое ничем и никем уже заполнено быть не может.

Это о них думал Жуковский, когда писал:

Не говори с тоской их *нет*,
Но с благодарностию — *были!*

К таким людям принадлежала Мария Петровна Насветевич. Даже в последние годы жизни, прикованная к креслу, так как каждое движение становилось страданием, она не замкнулась в себе и находила силы оказать помощь именно тогда, когда люди более всего в ней нуждались.

Друзья приезжали издалека, только чтобы повидаться с ней. Дети и внуки собирались в Рубежном, как только предоставлялся случай. Регулярные приезды на каникулы, тесные семейные связи, дружеские встречи и новые знакомства — всему этому мы обязаны Марии Насветевич.

В наше время много говорят про одинокую старость. Но ведь счастливую старость надо заслужить!

В Москве в Третьяковской галерее есть картина В.М. Максимова 1889 года «Все в прошлом». Она для меня является наглядным примером старости, которой всеми силами надо избежать. Картина скорби — так в ней все безнадежно! Большое заброшенное поместье, барский дом необитаем, заколоченные досками, закрытые ставни, парк зарос бурьяном, деревья — голые стволы со скрюченными ветвями.

Ничто больше не трогает старую барыню, кажется, часами сидящую в кресле. Безразличный, устремленный в пустоту взгляд. Она отсутствует даже для своей собаки, уже не надеющейся на ласку, отсутствует и для старой служанки с суровым лицом, упорно поглощенной вязанием. Самовар угас, чашки пусты, а маленький домик, их последнее прибежище — темен и печален.

Все в прошлом! Но что она делала в прошлом?..

Есть души грустные, хуже того — души вечно недовольные. Мария Насветевич, к счастью тех, кто ее знал, была душой щедрой, доброжелательной и пылкой. Рядом с ней все оживало — и люди, и вещи. Это о ней чаще всего рассказывала мне мама; благодаря ей Рубежное стало для мамы семейным очагом, которого она была лишена с самого детства.

* * *

Зоя Николаевна Доронина, моя мама, родилась в Петербурге 13 февраля 1890 года. Ее сестре Кате было уже около двух лет. Дети очень рано остались без матери.

Мама часто вспоминала о первых годах жизни, и несмотря на то, что говорила она простые, очень обычные слова, я, совсем еще маленькая, с щемящей жалостью понимала, что значит — не иметь мамы!

Катя уже училась, отец уходил на работу, а маленькая Зоя оставалась одна с бабушкой, слишком старенькой, чтобы заниматься ребенком. Девочка проводила долгие часы рядом со старушкой, вполголоса читавшей Библию. Маленькая Зоя разглядывала буквы, слушала — таким образом научилась читать, и окружающая ее жизнь преобразилась.

В книгах, которые приносил ей отец, она открывала неожиданно богатый мир, не ограниченный тишиной мрачноватой комнаты, сквозь заиндевевшие окна которой проглядывало изрытое тучами зимнее петербургское небо; сказочный мир, вход в который широко распахнут, в котором все надежды осуществимы. С того времени мама никогда не переставала читать.

Когда мне кто-нибудь говорит, что он «слишком устал, чтобы читать», я думаю о маме: для нее даже в эмиграции, несмотря на постоянную тяжелую работу, чтение было лучшим отдыхом.

Иностранные писатели широко читались в России; мама лучше меня знала Бальзака, Золя, Мопассана; только позже она стала их читать по-французски.

Ее знание русской истории и русской литературы, ее интерес к русской культуре были для нас единственным богатством на чужбине. Мама была из тех людей, о которых И.Шмелев пишет, что «они в себе понесли Россию — носят в себе доселе». И эта была Великая Россия, и были в ней великие люди и любимые мною писатели, и никогда, несмотря на все материальные трудности, не пришлось мне пожалеть, что я родилась русской.

Трудное детство — это не всегда детство несчастливое. Мама рассказывала о своем порой весело, порой с грустью, но всегда с уважением к тем, кого она глубоко любила.

Мамина семья относилась к среднему классу Санкт-Петербурга: мелкие предприниматели, ремесленники, чиновники — люди со скромными условиями жизни. Вероятно, ее семья «во все времена» была петербургской. Рано осиротев, мама мало помнила о семейных корнях и рассказывала только о тех, кого она хорошо знала. Ее отец был чиновником. Он овдовел совсем молодым, и ему нелегко было воспитывать двух девочек, в которых воплотился весь его мир.

Своей сестре Паше, пытавшейся его женить, он с грустной улыбкой отвечал:

— Хорошо, но при условии, что вы мне найдете кого-нибудь, как моя Ольга.

Он знал, что этого никому не удастся! Он умер внезапно в 42 года, от сердечного приступа. Маме было 14 лет.

За ней пришли в класс и вначале не хотели говорить всей правды.

— Но я тотчас все поняла, — говорила мне мама, и в ее голосе слышалось безысходное отчаяние, пережитое много лет назад.

Я слушала ее, и мне было бесконечно жаль моего бедного дедушку, которого я знала только по фотографии, одной-единственной фотографии, давно пропавшей: высокий мужчина, что-то неловкое во всей его полной фигуре, открытое лицо с кротким взглядом близоруких глаз.

На его похоронах мама поняла, что простые люди его очень любили:

— Я никогда не видела столько бедных в нашем квартале. Откуда они пришли? Каждый хотел нести его гроб. — И она добавила: — Он был очень добрый.

Мне вспоминается большое кладбище в Петербурге, наверно, Смоленское... Две могилы бок о бок: Николай и Ольга Доронины.

* * *

Катя и Зоя не могли жить одни.

Тетя Паша, обремененная уже многочисленной семьей, приютила Катю. Зою взяла дальняя родственница, более обеспеченная, у которой был всего один сын. Странно, но я так и не узнала их имен. Мама избегала разговоров о них. Мне кажется, что она переживала их равнодушие и то, что она вынужденно и, как ей казалось, не по праву их обременяла.

Только однажды она попыталась объяснить:

— Тетя вовсе не была злой. Позже я поняла, что она, скорее, была несчастлива, поглощена собой, своим сыном, которого она слишком баловала, и частыми отлучками мужа.

К счастью, Зоя находила семейное тепло у Сорокиных, в большой семье тети Паши. Главное — там была ее Катя. Когда мама рассказывала о Кате, ее лицо светлело.

С самого раннего детства Катя относилась очень серьезно к своей роли старшей. Импульсивная, преданная, по-мальчишески задорная, она всегда была готова защитить свою маленькую сестру и всем об этом заявляла:

— Попробуйте только тронуть Зайку!.. Будете иметь дело со мной!

Чаще всего никто и не думал нападать на кроткую маленькую Зою, но иногда подобные «вызовы» воспринимались как угрозы и стоили ей подзатыльника.

— Как ты посмел!.. Попробуй только еще!.. — кричала Катя храбрецу.

И еще раз подзатыльник. Тогда в благородном порыве Катя бросалась в сражение...

Разница в возрастах с годами стиралась — теперь уже Зоя чаще беспокоится за сестру: переходный возраст, хрупкие бронхи, слабость... Девочку посылают в деревню лечиться «свежим воздухом и парным молоком».

Кате приходится бросить учебу, но Зоя продолжает учиться, блестяще переходя из класса в класс, и всю свою жизнь она с радостью будет вспоминать ученические годы, своих подруг и учителей и свою любимую Екатерининскую гимназию.

В семье Сорокиных старшие дети уже студенты. В кругу учащейся молодежи в Петербурге начала XX столетия способная девушка заканчивает среднее образование.

В 1907 году Зоя Николаевна Доронина получает диплом об окончании гимназии за подписью ее директрисы, баронессы Кайзерлинг, в котором после перечисления главных предметов упоминается, что она обучалась «рукоделию, пению и танцеванию». Зоя навсегда расстается с гимназической формой — строгим черным передником, коричневым длинным платьем с глухим стоячим воротничком.

Вероятно, к этому периоду относится ее портрет в широкой шелковистой юбке и облегающем лифе со множеством мелких складочек и пуговичек. Светлое, с правильными чертами лицо, обрамленное темно-русыми вьющимися волосами. Прямой, слегка вздернутый нос, хорошо очерченный, сдерживающий улыбку рот, приветливый взгляд ясных глаз.

Что ждет ее дальше? Кто не колебался при поступлении в университет? Сколько возможностей! Все интересно! Все заманчиво! Но выбрать одно — это отказаться от другого!

Зое хотелось бы стать врачом, но для этого надо иметь некоторое знание латыни. Володя, сын тети Паши, военно-морской врач, служит в Каспийской флотилии в Баку. Решено! Зоя едет к нему — он ей поможет готовиться к конкурсу!

Кто-то сказал, что жизнь постоянно требует от нас выбора. Но так ли мы свободны в выборе?

В 18 лет ничто не удерживает Зою в Петербурге. Она решилась быстро, тем более что сестра уже вышла замуж и живет в Парголове в окрестностях Петербурга. Теперь она Екатерина Николаевна Маслова!

Отъезд Зои в Баку был в ее жизни одной из редких возможностей свободного выбора, который предопределил всю ее судьбу.

* * *

В семейном альбоме есть фотография, датированная 1890 годом: двухлетний мальчуган в светлой вязанке, большой соломенной шляпе с загнутыми полями подставил яркому свету смеющуюся мордашку. Во взгляде, полном надежды, ожидание — что-то должно произойти! Это первый внук Марии Петровны и Александра Александровича Насветевич, сын Анастасии, Александр Манштейн.

Мне хорошо знакомы эти веселые глаза. Я узнаю этот взгляд, полный интереса к жизни, который не угаснет за тяжелые годы изгнания.

Это тот же взгляд, та же доверчивая улыбка, с которыми он обратится ко мне в последний день своей жизни, перед тем как заснуть и уже не проснуться.

Александр Манштейн — мой отец.

Довольно часто случается, что в старости, на покое, люди могут позволить себе вернуться к непринужденности детства. Гораздо труднее людям, ведущим еще деятельную жизнь, — им не всегда удается избежать компромиссов. Моему отцу это удавалось легко, правда, часто не без материального ущерба. Для него достоинство личности не измерялось социальным успехом, и моти-

вы его поступков никогда не носили даже оттенка личной заинтересованности.

Таких людей жизнь мало меняет.

На фотографии мальчику два года. Чудесный майский день в Царском Селе, где Александр родился 22 июня 1888 года. Молодая мать казалась счастливой и безмятежной. И тем не менее...

14 декабря 1892 года она добивается развода и вскоре выходит замуж за гвардейского офицера Иосифа Казимировича Кононовича.

Я долго думала, что папа не мог тяжело переживать развод родителей — ему только исполнилось 4 года, и к тому же все было сделано, чтобы ребенок сохранил уважение к матери и отцу.

Православная церковь признает развод, но на виновного накладывается епитимья, и он долгие годы не может вступить в брак. Сергей Андреевич Манштейн взял на себя вину, дабы оградить жену от унизительных формальностей, оплатив даже двух лжесвидетелей против самого себя. Со своей стороны, его жена, которой суд оставил сына на воспитание, никогда не принимала важных решений относительно ребенка, не посоветовавшись с отцом.

Только позже я поняла, что, несмотря на все, ребенок страдал. В аттестационной тетради кадета Морского корпуса Санкт-Петербурга Александра Манштейна в графе «Характер и поведение» от 16 апреля 1903 года его отделенный начальник, лейтенант Гаврилов, писал: «По характеру бойкий, добрый и почтительный. Товарищами любим. Своим положением в семье мальчик угнетен и пытается его скрывать».

Этот архивный документ попал ко мне из Морского корпуса, когда папы уже давно не было в живых. Нет в живых и лейтенанта Гаврилова, нет и архивиста Александра Ефимовича Иоффе, который переслал мне ксерокопии «аттестационной тетради», а я все еще с волнением чувствую их живое присутствие.

Но, возвращаясь к рассказам отца, я продолжаю думать, что детство у него было счастливым. Он любил о нем вспоминать, говорил свободно и весело, рассказывал, что он чувствовал себя окруженным заботой и лаской, но сами родители, несмотря на их сильные личности, занимали мало места в его детской жизни.

Его мать, воспитанная в Смольном институте благородных девиц, могла много ждать от жизни. Для нее все двери были открыты. Живая, элегантная, она умела нравиться и любила успех.

Замужество Анастасии Насветевич удивило хорошо знающих ее людей. Что было у нее общего с молодым ученым-филологом, полностью поглощенным работой? Он мог целыми днями не выходить из кабинета, работая над греческими и латинскими переводами.

Выйдя вторично замуж за гвардейского офицера, она вернулась в свою среду. Несмотря на светский образ жизни, она сама занималась своими маленькими детьми, рождения которых следовали одно за другим.

В пять лет Александр уже большой, он переходит на воспитание бабы Муни и Тотки — так он называет Марию и Александру Насветевич.

Как отмечает в кадетской тетради лейтенант Гаврилов: «До поступления в корпус ребенок воспитывался в деревне своей бабушкой и тетей, которые проявляли к нему интерес». Лейтенант не мог знать, что «деревня» была обширным фамильным поместьем в центре бурно развивающегося края, а «интерес», проявленный к ребенку, — заботой и любовью исключительной бабушки, необычайная личность которой останется в семейной памяти.

Что касается Тотки, у которой никогда не было детей, то ее крестник Александр — единственный, любимый ее сын.

Ребенок, конечно, был общий баловень. Но что значит «баловать»?

«Если ребенок ничего не требует и с благодарностью принимает исполнение своих страстных, хотя, может быть, и не совсем разумных желаний, то почему бы не предоставить ему эту радость?» — часто говорила баба Муня.

Понятно, что ребенок часто этим пользовался. Живой, изобретательный, он постоянно что-нибудь предпринимал и с большой энергией добивался результата, если только увлечение неожиданно не остывало. Несмотря на пылкую фантазию, он признавал, что есть пределы его возможностям: если ему удалось соорудить с товарищами настоящую хижину, то от постройки локомотива он все-таки отказался. Дядя Мирон решил помочь делу. Однажды он вернулся из Харькова с ошеломляющей новостью:

— Беги скорее во двор, я привез тебе паровоз!

— Господи, паровоз?!

— Ну да, паровоз, с двумя трубами, сам передвигается и гудит.

— С двумя трубами? — это уже Александру понравилось меньше. Скорей, скорей во двор... Это был осел!

Но Шурик быстро утешился, когда узнал, что скоро настоящий паровоз побежит по рельсам на землях поместья...

Экономическое развитие местности требовало строительства средств сообщения. Россия при Александре III покрывается сетью железных дорог. Уже в действии Закаспийская линия, соединяющая Каспийское море с Самаркандом, и рельсовый путь через Сибирь, протянувшийся от Челябинска к Владивостоку.

Генерал Насветевич делал все возможное, чтобы ускорить постройку железнодорожной ветки к Лисичанску, предоставляя для этого значительные суммы денег и часть своих земель. Уже построили небольшой вокзал у подножия холма; мост, весь в переплетении металлических балок, соединил берега Донца.

Шурик не отставал ни на шаг от деда на этой огромной стройке, кипучая деятельность которой оживала на страницах альбома в кожаном переплете.

Большой тяжелый альбом — ларец, полный давно ушедших участников давно забытых событий. Листая его, словно приоткрываешь дверь в прошлое, такое бесконечно длинное, что настоящее кажется мимолетным.

Жизнь в усадьбе тоже мало напоминала деревенскую. Мария Насветевич принимала множество посетителей, несмотря на то что болезненный ревматизм все чаще приковывал ее к креслу. Она в курсе дел компаний, где семья является акционером; особенно ее интересовало «Ливенгофское общество стекольных и пробочных заводов» с фабрикой, построенной на землях поместья.

Но здоровье ее ухудшалось, несмотря на все курсы лечения, поездки на воды за границу и мягкий климат Ниццы, где она проводила зиму, спасаясь от русских морозов. В 1898 году ей пришлось передать на тридцать лет некоему А.Д.Иванову исключительное право на разработку в Рубежном месторождений каменного угля на площади в 153 десятины.

Ее сын Мирон, мировой судья, посвящал свободное время разведению редких фруктовых культур. Он выписывал семена из Франции, выращивал виноград, предварительно засадив часть парка деревьями для защиты винограда от холодных ветров. Новый, аккуратно обведенный забором Круглый сад — это его творение.

Несмотря на скромные размеры, а может, как раз благодаря им этот Круглый сад со своими затейливыми аллеями, необыкновенной величины фруктами, изящной беседкой казался драгоценной миниатюрой рядом с амбарами, хлевом и конюшнями.

Конец XIX века. Маленький Шурик видел, как на глазах новые открытия меняли повседневное существование.

В день, когда к дому подводили электричество, он, похоже, сожалел об уюте с керосиновой лампой.

— Но, дорогой, это ведь не тебе приходится заливать лампы керосином и менять фитили, — резонно заметила тетя Александра.

Позже установка телефона в кабинете дяди Мирона дала повод к случаю, позабавившему всю семью. Молоденькой Наташе, накрывавшей на стол, нужно было проходить по коридору, ведущему в девичью, но она его пробегала, роняя в спешке ножи и вилки. Почему она бегала? Ответа добиться было невозможно. Потом уже она призналась, что ей страшно: за дверью кабинета, выходящей в коридор, ей слышались таинственные разговоры, в то время как барин там один! Позже Наташу научили пользоваться телефоном — «богатый» опыт, позволивший ей много позже работать «телефонной барышней».

Плотная и энергичная, Наташа — настоящая Адамович, была правнучкой поляка. Ее деда Ивана в имении звали «сын цыганки». Ходила молва, что он «видит вещи» и «знает, что будет» ...

Во всяком случае, Шурик был уверен, что дед разговаривает с животными. Он их видел — старика и большого рыжего лиса — в глубине парка. Губы Ивана шевелились, и ясно было, что человек и зверь друг друга понимают!..

Разве не Иван научил юную Алю — тетю Александру — приручать животных? Конечно, с белками это не трудно, но Аля не хотела приучать их к дому, так как маленькие бельчата любили прятаться в дверных портьерах и их легко было раздавить.

Безумная привязанность к ней воробья объяснялась просто: махонький, неоперившийся, он выпал из гнезда и был обязан жизнью заботливому и терпеливому уходу девушки. Его появление в Харьковском институте, где Александра была пансионеркой, вызывало у всех бурную радость. Когда наступало время каникул, экипаж прибывал из Рубежного и воробей, конечно же, встречал первым, кружил под высокими потолками, искал Алю во всех залах...

— Насветевич, это за тобой! Твои приехали! — кричали веселые голоса, возбужденные появлением этого вестника лета.

Но приручить куницу!.. Это уже походило на колдовство. Когда девушка приходила в буковую рощу, хитрющая зверюшка не сразу показывалась: ей хотелось удостовериться, что никого другого поблизости нет, и только потом она бесшумно выскальзывала, мягкая, шелковистая — сама нежность. Трудно представить, что ночами эта кровожадная хищница опустошала курятники!

«Колдовство» Ивана проявлялось прежде всего в его глубоком понимании природы, да к тому же он прекрасно знал все закоулки громадного парка и его обитателей, так как с детства помогал своему отцу — поляку в его обязанностях садовника.

Постарев, он часами грелся на солнце в тихом углу парка, там, где упокоилась его «барыня» — мать генерала.

Она лежит в стороне от родителей, чьи могилы из черного мрамора кажутся заброшенными. Иван считал себя старожилом края и не одобрял новшеств. Этот паровоз с вагонами, о котором все говорили, его пугал — степь перестанет быть степью, если машина заменит лошадей. В этом его поддерживали двое его сыновей: кучер Кирилл и конюх Федор. Что касается третьего — повара Михаила, то он находил в этом быстром транспорте много преимуществ.

— Вот именно! Уж слишком быстро, — ворчал с горестью Иван, — хотел бы я видеть, как все это повернется лет через двадцать!

Ивану приписывали дар предвидения, но сам он не мог в этом разобраться. Или, может, не хотел?..

Маленький Шурик знал всех Адамовичей; знал, каким уважением они пользуются у всех работающих в имении. Мальчику нравилось бывать на конюшне, слушать рассказы Кирилла Ивановича о путешествиях в дилижансе.

До постройки железной дороги как бы жила семья без него, Кирилла Ивановича? Отъезды детей в пансион, приезды на каникулы, важные покупки в Харькове, визиты в соседние поместья, прогулки и пикники — и в стужу, и в грозу, и в темную

ночь — всегда и во всем можно было положиться на него, Кирилла Ивановича.

Шурик слушал бесконечные рассказы, забравшись в старый дилижанс — свидетель ушедшей старины; а у бабы Муни была еще дорожная шкатулка из железного дерева, с потайным ящичком, которую раскладывали в дороге как письменный стол.

Мой отец всю жизнь хранил яркие воспоминания об этих выездах времен своего раннего детства. Помнится, он никогда не расставался с дорогой ему шкатулкой, признаться, весьма тяжелой и вне дилижанса очень неудобной; но ее ожидала непредвиденная участь.

Кто мог подумать в конце XIX столетия, на берегу Донца, что полвека спустя она пропадет в маленьком африканском городке Меджез-эль-Баба в Тунисе, где в ноябре 1942 года развернулся фронт сражающихся американской и немецкой армий?

Папе, вынужденному пересечь линию фронта на велосипеде, чтобы вернуться в Бизерту, пришлось выбирать между дорогой его сердцу шкатулкой и любимой собачкой Боби — увезти их вместе было невозможно.

Не задумываясь, папа усадил Боби в корзиночку на руль, и они отправились в дорогу.

«Блаженны нищие духом». Ему и в голову не пришло, чем это могло бы обернуться для него лично: русский эмигрант с немецкой фамилией пересекает линию американо-немецкого фронта!

Из папиных рассказов об этой «веселой прогулке» выходило даже, что в пути Бобик имел большой успех и пользовался исключительной симпатией у воюющих сторон — сначала у американцев, затем у немцев, и что, глядя на эту пару на велосипеде, и те и другие их радостно приветствовали!

С тех времен прошло еще полвека, но все это, так сильно пережитое — будь то у далеких мирных берегов Донца или в страшное время войны на африканской земле, — еще и сегодня живет в моей памяти.

Ко времени моего рождения железная дорога уже давно обслуживала шахтерский Донецкий район. Приезжая из Кронштадта или Ревеля, мы выходили на станции Насветевич, где нас уже ждали лошади, и по широкой пыльной дороге, вьющейся по склону холма к имению, подъезжали к правому крыльцу с колоннами, оставляя слева служебные строения и фруктовый Круглый сад дяди Мирона.

В жизни большого поместья повар был особенно важным лицом. Сама барыня обращалась к нему не просто по имени, а по отчеству — Михаил Иванович.

По вечерам Александр наблюдал, как повар и баба Муня долго обсуждали завтрашнее меню. Непонятно!

— Что там обсуждать, разве так уж важно, что на обед! Было бы фруктовое мороженое — его можно съесть гораздо больше, чем ванильного!

Домашним хозяйством всецело командовала Анна Петровна Берестова. Между ней и Адамовичами было определенное соперничество: Михаил Иванович пытался отстаивать свое первенство на кухне. Шурик побаивался Анну Петровну и полагал, что в усадьбе ее должны бояться все. Прямая осанка, темные и длинные платья делали ее строже, чем она была.

Ей исполнилось 14 лет, когда в 1861 году отменили крепостное право. Предпочтя остаться со своей молодой хозяйкой, она помогала Марии Насветевич в управлении делами большого дома и осталась в имении на всю жизнь. Став управляющей, она властвовала над прислугой и даже — поскольку ключи от погреба были у нее — над кухней, где Михаил Иванович отстаивал свои права.

Баба Муня построила для нее дом рядом с усадьбой, и когда она была уже на покое, все приезжавшие в Рубежное обязательно приходили с ней поздороваться.

Привыкшая к обилию света в усадьбе, Анна Петровна непременно хотела, чтобы в ее доме было много окон. Высокая печь, облицованная светлым фаянсом, согревала комнаты. На новоселье собралось много народу. Батюшка Андрей и дьякон Герасим приехали из Лисичанска. Судья Мирон Александрович принес «на счастье» кувшин в виде барана из коричневой керамики: вскоре в поместье начали производить вино. Все удавалось на этой щедрой земле под бдительным оком предприимчивых хозяев.

Предприимчивых? Безусловно, владельцы Рубежного именно таковыми и были. Но бдительны ли? Генерал часто в отъездах, а Мирон Александрович очень доверчив — аргумент в пользу строгости Анны Петровны в обращении с прислугой: от ее опытного взора ничего не ускользало.

Шурик знал, что она воюет с его деревенскими друзьями, когда они лазают в Круглый сад за неспелыми еще фруктами, и уводил ребят подальше, в глубину парка, где аллеи теряются в роще вишневых, яблоневых, грушевых деревьев, растущих на полной свободе. Там спуск к Донцу; они рыбачили, купались. Там же, по вдохновению, становились ковбоями, индейцами, охотниками...

Шурик много читал и делился впечатлениями с товарищами по приключениям. Жюль Верн, Фенимор Купер, Марк Твен, Стивенсон — их имена стали знакомыми деревенским ребятишкам. Донец для них — и Миссисипи, и безбрежный океан. Даже если нет острова, несомненно, что сокровище где-то на дне реки! Ведь Донец был частью речного пути богатых караванов — «из варяг в греки». Дети мечтали... Приключения, отвага, щедрость... Великое счастье для человека уметь восхищаться! Не один из них в мыслях чувствовал себя «последним из могикан» перед лицом неоглядной степи, жившей своей дикой жизнью.

— Надолго ли еще? — спрашивал сам себя Иван.

Что он знал, что он видел, этот сын цыганки?

* * *

В папиных рассказах о детстве в Рубежном чувствовалась окружавшая его любовь и свобода. Какое место было отведено ученью в этом вольном воспитании? Об этом точно никогда не упоминалось. Без сомнения, совсем еще маленьким Шурик научился читать: любимая Тотка обладала необходимым терпением, чтобы выработать у мальчика разборчивый и даже элегантный почерк.

Она же уделяла много внимания выбору книг. Дядя Мирон, пока еще холостяк, никогда не возвращался из Харькова без книг, часто «поучительных». Правда, иногда нравоучения имели обратный эффект: рассказ о Гоше, у которого вырос большой нос, оттого что он засовывал в него пальцы, так понравился Шурику, что он больше не вынимал пальцев из носа.

— Хочу, как Гоша, возить его на тачке!

В царствование Александра III всюду учреждались церковноприходские школы, узаконенные в 1884 году. При стекольной фабрике тоже была открыта школа, и весьма возможно, что учитель приходил заниматься с ребенком на дом. Во всяком случае, с этих времен сохранил он нелюбовь к задачам о поездах, встречающихся где-то в пути, и кранах, наполняющих и опорожняющих бассейны.

Географию мальчик познавал в путешествиях с «Детьми капитана Гранта» или составляя по кусочкам разложенную на столе карту мира. Что касается французского, то он его понимал, не пытаясь на нем говорить. Странным образом он сохранил на всю жизнь особенное предпочтение к сослагательному наклонению и употреблял его, когда нужно и не нужно.

Другие науки откладывались «на потом», но это «потом» в конце концов наступило, и в 10 лет Шурика определили по желанию отца в знаменитый Московский лицей цесаревича Николая Александровича. Сергей Андреевич Манштейн, учебники которого по латыни и греческому языку хорошо знали русские гимназисты, хотел дать своему сыну классическое образование, но Шурик, ничего не делая в течение четырех лет, скучал, его оценки регулярно снижались, и наконец он заявил, что так будет и далее, если его не отдадут в Морской корпус. Чтение «Морских рассказов» Станюковича занимало его более, чем Цицерон или Тацит, и сыграло решающую роль в его призвании.

Отец смирился.

1 сентября 1902 года Александр Манштейн стал кадетом Морского корпуса в Санкт-Петербурге, первым моряком в долгой череде Манштейнов — офицеров Русской армии, служивших России со времен Петра Великого, — и получил от отца в дар экземпляр известной среди историков рукописи «Записки о России» генерала Христофора-Германа Манштейна.

Согласно свидетельству, выданному Ярославским Дворянским депутатским собранием и представленному Александром при поступлении в кадетский корпус, русская ветвь Манштейнов зарегистрирована во второй части родословной книги дворянства Ярославской губернии и «в дворянстве утверждена указом правительствующего Сената от 8 мая 1858 года под № 3127».

«Записки о России» Христофора-Германа Манштейна (1711 — 1757) пользуются большим авторитетом у историков. Профессор К.Н.Бестужев-Рюмин называл их «знаменитыми» и утверждал, что «кроме Манштейна, для царствования Анны Иоанновны, нет ни одного иностранца, на которого можно было бы положиться».

Историки и исследователи, русские и иностранные, в своих трудах о России первой половины XVIII века постоянно ссылаются на «Записки» Манштейна, как на основной источник.

Христофору-Герману исполнилось 14 лет, когда умер Петр Великий. Его отец, Эрнст-Себастиан, был одним из наиболее близких сподвижников Петра. Сам Христофор-Герман, будучи флигель-адъютантом фельдмаршала Миниха, служил при дворе Анны Иоанновны и участвовал во всех северных и южных кампаниях русских войск. Манштейн многое видел, многое слышал, знал всех именитейших представителей власти в России и, кроме замечательно добросовестного изложения событий, оставил ряд ярких литературных портретов своих современников и современниц.

Он знал латынь, владел французским, итальянским, шведским, немецким и русским языками, «умственным занятиям посвящал большую часть своего времени».

«Записки» Манштейна после его смерти опубликовали в нескольких странах: четыре издания на французском (Лейпциг, 1771; Амстердам, 1771; Лион, 1772; Париж, 1856), три на английском (Лондон, 1770; 1773; 1856), два издания на немецком (Бремен, 1771; Лейпциг, 1771).

На русском языке они выходили в 1810, 1823 и 1875 годах. Последние из упомянутых изданий печатались в типографии Балашова в Санкт-Петербурге. В нем есть описание самой рукописи:

«Эта рукопись на французском языке писана на толстой белой бумаге, в лист, мелким, весьма четким почерком, в конце 1740-х годов, рукою Манштейна, со множеством, в особенности в начале рукописи, помарок, вставок и дополнений, писанных тем же почерком, но уже позднейшими чернилами; есть страницы, почти целиком зачеркнутые, и вместо них — на особо приклеенных листах и лоскутках — помещены рассказы о тех же событиях в уже более или менее измененной редакции; все ссылки на вставки и дополнения сделаны автором с большою тщательностью.

Весь манускрипт состоит из двух частей, переплетенных в один том, в простой картон...»

Первая часть составляет 211 страниц и завершается смертью Анны Иоанновны. Затем следует вторая часть, озаглавленная: «Дополнение к воспоминаниям о России: общее обозрение России в политическом, статистическом, финансовом и прочих отношениях» — обозрение, составленное и написанное также рукой Манштейна.

Существует множество биографий Манштейна. Первая появилась в 1759 году, спустя два года после его смерти. Одна из самых полных — это та, которая сопровождает русское издание 1875 года; она дополнена из русских и немецких архивов и из воспоминаний Фридриха Великого.

Мне хорошо знакома биография, написанная Михаэлем Хубером в 1770 году. Биограф, безусловно, хорошо знал семью, возможно, даже самого Христофора-Германа, до такой степени он переживает излагаемые им события.

Христофор-Герман родился 1 сентября 1711 года в Санкт-Петербурге. На месте будущей Северной Пальмиры тогда раскинулась огромная стройка под постоянной угрозой пожаров и наводнений, где под напором западных ветров Нева «вздымалась и ревела», где сам царь пока еще ютился в деревянном домишке.

Жизнь была не легкой даже для людей обеспеченных, каковыми были родители новорожденного: «...родителя ево звали Эрнст-Севастіанъ Манштейнъ, а мать ево, Дорофея Дитмаръ, произъшедшая отъ одной из шведскихъ фамилій, которая и ныне еще в Лифляндии деревни имеетъ. Предки отца ево, древняя богемская дворяня, принуждены были переселиться отъ туда в Польскую Пруссію по причинамъ гоненія веры...»

Биограф М.Хубер утверждал, что он бы мог многое рассказать о прошлом предков, но что собственных качеств самой семьи «вполне достаточно, чтобы освободить его от этого труда».

Отца и мать Христофора-Германа он хорошо знал: «Господинъ Манштейнъ имел сіе редкое счастіе, что родился от благонравныхъ и разумныхъ родителей, которые с великим тщаніем пеклися о ево воспитаніи».

Ребенок проводил первые годы жизни на необъятной стройке, видел царя-плотника, который вопреки всему и наперекор всем с непоколебимым упорством строил свой город на неприветливой, почти необитаемой, скудной земле, покрытой лесами и болотами.

В какой момент Эрнст-Себастиан Манштейн становится губернатором Ревеля? Есть все основания полагать, что семья покинула Петербург только после Ништадтского мира.

На воспитание ребенка было обращено должное внимание. Отец преподавал ему начала математики, с малых лет приучал к телесным упражнениям и к перенесению всякого рода трудностей, для чего постоянно брал в свои путешествия; он дал ему наставника и до 13 лет послал учиться в Нарвское училище.

Закончив военное образование в Пруссии, Христофор-Герман вступил по приглашению императрицы Анны на русскую службу в гренадерский Петербургский полк.

Он участвовал в войнах против турок и против шведов, трижды ранен и, будучи уже флигель-адъютантом фельдмаршала Миниха, после смерти Анны Иоанновны арестовал ее фаворита Бирона.

Дворцовые интриги вынудили его вернуться в Пруссию, где он стал флигель-адъютантом короля Фридриха II. Погиб он в июле 1757 года после сражения при Колине, о чем писал в своих мемуарах Фридрих II: «Только лишь в июле могли приступить к перевозке раненых. Манштейн в сопровождении 200 новобранцев отправился в Саксонию лечить свои раны. Лаудон*, действовавший партизаном с 2000 пандуров, напал на него. При виде беспорядка, произведенного в своем отряде, Манштейн выходит из экипажа и отчаянно защищается шпагой. Не согласившись на предложение сдаться в плен, он был убит в схватке».

Хубер описывал эту гибель с большим чувством. Он упоминал, что со времени возвращения на службу королю Пруссии Манштейн с семьей проживал в Потсдаме, где и писал свои «Записки». Как только началась Семилетняя война, он с сентября 1756 года, участвовал в кампаниях. Разлука его с близкими была трогательной: «...онъ будто бы предчувствовалъ смерть свою, ибо, разлучаясь со своими домашними в слезахъ, взялъ он на руки меньшаго сына и, целуя его, сказалъ: «Тебя, мой сынъ, я больше не увижу». Въ последнемъ письме, которое онъ писалъ к своей супруге, старался ея пріуготовить к полученію печальнаго известія, толкуя ей о неисповедаемости судьбы всеведующаго промысла...»

Описывая схватку, в которой погиб Манштейн, Хубер добавляет подробности: «Простреленный въ грудь пулею онъ упалъ на месте и черезъ несколько минутъ умеръ на рукахъ у своего сына. Такимъ образомъ кончилъ жизнь Манштейнъ, сожалеем всеми, кто зналъ ево, и самые непріятели, которые весьма часто испытывали храбрость ево, по немъ плакали».

Хубер рассказывает не очень, казалось бы, связано, употребляет разговорную речь, припоминает различные эпизоды, и в сплетении фраз, примечаний персонаж предстает удивительно живым.

Темноволосый, крупного телосложения, очень сильный, настойчивый и деятельный, Манштейн с детства был закален лишениями военной жизни. Блестящий офицер, он отличался исключительной храбростью. Ему было всего 25 лет, когда под его командованием взята хорошо укрепленная турецкая крепость на Перекопе. Его вынесли из сражения без памяти, сильно раненным.

Мог ли он предвидеть, что двумя столетиями позже судьба двух других Манштейнов, как и он, служивших единству Российской империи, окажется тесно связанной с событиями на Перекопе, соединяющем Крым с остальной Россией?!

Описывая кампании против турок, татар и шведов, Манштейн упоминает в ряду неприятелей России имена татарского князя Колчака и шведа Врангеля. Действительно, пути Истории неисповедимы! Адмирал Колчак и генерал Врангель! Всем изве-

* Лаудон — австрийский генерал, участвовавший в Семилетней войне

стны имена этих полководцев, возглавивших верных сынов России в борьбе за «Русь единую и неделимую» во время гражданской войны уже нашего столетия.

Мемуарист, историк, считавшийся одним из самых образованных людей своего времени — эпохи энциклопедистов, — Манштейн еще и талантливый педагог: обладая терпением и даром преподавания, он в течение двух лет обучал младших детей и лично занимался образованием старшего сына.

Все биографы говорят о его человеческих качествах. Хубер возвращается к ним очень часто, упоминая в особенности о поведении генерала-победителя в оккупированной стране. Манштейн не терпел жестокостей в отношении местного населения: «...въ самой непріятельской стране наблюдалъ онъ строгую дисциплину и заставлялъ любить себя. Однимъ словомъ, господинъ Манштейнъ исполнялъ все должности общества человеческаго; твердостію своею и непоколебимостію духа достоинъ онъ нашего уваженія, а добродушіемъ и честностью в жизни поведенія заслуживаетъ народа любовь...»

Сочетать в себе качества талантливого военачальника, педагога, историка, писателя, обладая при этом благородной душой, — редчайший пример в истории.

Какие обстоятельства формируют личность такого склада? Врожденные качества? Тщательное воспитание? Безусловно, и то и другое, но, вне всякого сомнения, еще и совершенно исключительные условия первых лет жизни.

«Моя страна — это страна моего детства», особенно если детство необычайно. Христофор-Герман рос вместе со сказочным городом, возводимым царем-плотником с топором в руке. Он всегда в кругу московской знати, оказавшейся на берегах Невы по воле Петра, но вокруг — мир самых разных сословий, людей искусства, ремесленников и военных.

Пребывая постоянно в среде людей, приближенных к царю, он не мог не почувствовать неукротимую энергию этого человека. Позднее он написал о всепоглощающей любви Государя к морю, к своему городу, любви, ради которой он не жалел ни сил, ни денег.

Хотим мы того или нет, страной детства Христофора-Германа был уголок русской земли во всей своей многоликости. В городе, заселенном весьма разнородным обществом, ребенок каждодневно общался с детьми разных сословий.

Прислуга в доме тоже из народа: любимая няня, верный дядька приглядывали за ребенком. Он их знал, понимал и к кому-то из них, наверно, был привязан.

Манштейн не мог завершить свои «Записки», не отдав должного этим людям: «...в окончаніе сихъ записокъ сообщить надлежитъ о душевныхъ дарованіяхъ россійскаго народа. Вообще многіе писали и говорили, будто россіяне до государствованія Петра Великаго были все погружены в крайнее невежество и будто они

мало от бессловесныхъ животныхъ различались; но сіе совсемъ ложь и легко сему противное доказать можно. Желающие иметь правильное понятіе пускай читаютъ исторію XVII века!

Тогда надменность Годунова и хитрости польскіе разделили российскую націю на разные партіи и довели сіе государство почти до самого паденія. Шведы завладели Новымъ городомъ, а поляки московской столицей Имперіи.

Но несмотря на все оныя злополучія, россіяне добрымъ своимъ поведеніемъ умели воспротивиться власти двухъ страшныхъ непріятелей, каковы тогда были поляки и шведы, и в менее 50 летъ возвратили они назадъ все те провинціи, кои отняты у нихъ были во времена мятежныя, не имея тогда никакого министра или генерала из чужестранцевъ для исправленія штатскихъ или военныхъ делъ; и такъ разсуждая о сихъ произшествіяхъ безъ труда признаться должно, предпріятія такой важности не могутъ никогда производимы быть людьми непросвещенными.

Вообще сказать можно, что россіяне не имеютъ недостатка в разуме. Стараніе Петра Великаго о просвещеніи своего народа не простиралось до мещанства или до крестьянства, однакожъ, если спросить о семъ кого-нибудь из сего рода людей, то всегда найдешь в нихъ здравый разумъ и правильное разсужденіе, только не надлежитъ делать вопросовъ, касающихся до правительства или ихъ законовъ, ибо въ сехъ пунктахъ остаются они всегда въ томъ, что имъ въ верено съ младенчества. О всемъ же протчемъ ответствуютъ весьма правильно и доказываютъ великую способность к понятію что имъ предложишь, и весьма легко находятъ способы къ достиженію своего предпріятія, не упуская нимало удобныхъ случаевъ.

Словомъ сказать, въ простомъ россійскомъ народе более находится просвещенія, нежели в протчихъ европейскихъ, сего сословія, людей.

А какъ безъ знанія россійскаго языка сію разность никакъ определить не можно, чужестранцы жъ не хотятъ принять труда поучиться сему языку, то и произошли отъ сего глупые сказки о семъ народе».

Живя за границей, я постоянно сталкиваюсь с этим незнанием России и вопросами, которые так раздражали Манштейна два с половиной столетия тому назад.

«Читайте историю! Старайтесь узнать и понять! В противном случае вы наговорите глупостей!» — как никогда своевременный совет.

Что иностранцы плохо знают Россию, это характерно и по сей день, и, признаться, не удивительно. Но как возможно допустить эти безапелляционные заявления при полном незнании!

А что сказать о тех, кто, будучи хорошо осведомлен, намеренно искажает факты в угоду идеологии с полным презрением к своей аудитории!

Сегодня не без интереса читаются страницы «Записок», посвященные России начала XVII века: раздробленная нация на

грани крушения государства, волнения в стране и к тому же угроза иностранного нашествия.

Россия 1992 года пережила распад, готовившийся с 1917 года. Многочисленные историко-социологические и экономические работы как в России, так и за рубежом, сейчас наглядно об этом свидетельствуют. Примечательно, что вероятность распада СССР со всеми вытекающими последствиями неоднократно предсказывалась.

Изданная во Франции еще в 1978 году книга Э.Каррер д'Анкосс «Распавшаяся империя» оказалась пророческой. России сегодняшней не приходится опасаться иностранной интервенции, но структура государства и экономическая жизнь огромной территории нарушены. Духовно русский народ страдал более семидесяти лет! Но возрождения России, как это произошло в XVII веке, можно ожидать только от самого русского народа.

Что думают о нем те, кто его знает и любит?

«В Россию можно только верить», — писал Тютчев в 1866 году в своем знаменитом четверостишье, подчеркивая бессилие разума в познании необъятного.

Возврат к истокам России, к свидетельствам людей, хорошо ее знавших, очень важен для желающих понять ее глубоко и полно, изучая не только данный момент, часто обманчивый.

«Настоящее без прошлого — это настоящее без будущего».

Даже в самые трудные минуты мои родители никогда не сомневались в будущем России. Они знали, что все приходит в свое время!

Все! Но не для всех!

Может быть, когда-нибудь мои внуки или правнуки будут искать крупицы истины в этой книге, как искала их когда-то я в «Записках» Христофора-Германа Манштейна...

Был ли он моим прямым предком? Я не могу этого утверждать!

Каким образом его подлинная рукопись вернулась из Потсдама в Россию? Как русский вариант рукописи оказался достоянием нашей семьи?

Вдова Христофора-Германа, возвратилась ли она в Россию, где жили ее родители и родители мужа?

Известно только, что в 1875 году подлинник рукописи Манштейна на французском языке находился в Павловске, в отделе рукописей библиотеки великого князя Константина Николаевича...

Мой отец навсегда сохранит уважение к имени, которое он носил.

Знание прошлого, своих корней, культуры своего народа — какая это сила в тяжелых испытаниях!

* * *

1 сентября 1902 года Александр Манштейн, сопровождаемый отцом, переступил порог Морского кадетского корпуса на берегах Невы.

Его самые счастливые воспоминания навсегда остались связанными с шестью годами, проведенными там, — шесть лет жизни, бережно хранимые в архивах Морского корпуса. В них мои внуки смогут когда-нибудь найти сведения о юноше, который был их прадедом.

Здесь все: «прошение о зачислении», подписанное «С.А.Манштейн», «свидетельство о крещении», оценки из года в год, характеристики кадета, подписанные наставниками: «Физическое развитие с указанием недугов, требующих особого внимания», а также «Общие черты и особенности характера с указанием свойства его отношений а) к основным требованиям нравственности; б) к внешним требованиям благовоспитанности».

Тепло было у меня на сердце, когда я узнала, что уже в ученике преподаватели видели хорошего офицера, уважаемого и любимого подчиненными, хорошо воспитанного, чуткого и любимого товарищами.

Конечно, были и менее лестные замечания: «Способен, но очень ленив и неаккуратен». С улыбкой читаю и о наказаниях: «19 ноября 1903 года. Позволил себе на уроке произнести с цинизмом некоторые французские слова. Стр. арест 2 суток».

Как горд был, наверное, Шурик щеголять французскими ругательствами, заимствованными, вероятно, у отчима, генерала Кононовича, который не всегда затруднял себя в выборе выражений. Все удовольствие было как раз в этом неожиданном наборе французских слов, а совсем не в их смысле. Ругаться папа не любил, и я за всю жизнь не слышала от него ни одного грубого слова.

Достойна уважения сдержанность педагога, который лишь вскользь упоминает о «некоторых» словах!

Другая запись: «27 февраля 1906 года. Был выслан из класса за чтение посторонней книги во время урока навигации. Воспитательная мера — 2 очереди без отпуска».

Это, пожалуй, самые серьезные проступки. Остальные — их не так уж и много — типа: «...после команды «смирно» продолжал спокойно пить чай. Сокращение отпуска на 6 часов».

Тетрадь кончается с производством в корабельные гардемарины 6 мая 1908 года (дата выпуска) с пометкой в графе «Степень способности к морской службе» — «Очень способен».

* * *

В 1905 году адмирал Бирилев стал морским министром. Для лучшей подготовки будущих офицеров он задерживал производство в мичмана и, восстановив звание «корабельных гардемарин», расписывал их на суда гардемаринского отряда.

Мой отец поведает о своем первом заграничном плавании в сборнике рассказов «Подвиги моряков и судов родного флота», за который он получил Строгановскую премию. Именно так в первый раз Бизерта вошла в историю нашей семьи.

В ноябре 1908 года отряд под командой контр-адмирала Литвинова, состоявший из двух линейных кораблей — «Цесаревич» и

«Слава», крейсеров «Богатырь» и «Адмирал Макаров», имея на борту корабельных гардемаринов и учеников унтер-офицеров, находился в Бизерте.

Фотографии тех дней на стеклянных пластинках большого формата долго сопровождали нас в переездах — опрятный городок, гуляющие на набережной, пальмы вдоль моря...

Какие неожиданные сюрпризы готовит нам иногда судьба!

Когда мама увидела эти фотографии впервые, у нее невольно вырвалось:

— Ну, уж Бизерту я, наверно, никогда не увижу! Париж, возможно, но Бизерта!..

Париж мама никогда не увидела.

Папа часто вспоминал о своей первой встрече с Бизертой. Он и его товарищ с «Цесаревича» начали знакомство с городом, плотно позавтракав в «Гранд кафе Риш». Желая исследовать «глубины Африки», они взяли напрокат два велосипеда и, выехав из города, стали подниматься по дороге, ведущей в Надор. Крутой подъем, монотонный пейзаж — ничего, что напоминало бы африканские дебри, — скоро охладили их пыл. Спускаться в город было легче, и, не теряя времени, они вернулись в тот же ресторан и пообедали еще раз.

Воспоминания об этом «походе» быстро поблекли на фоне событий, ожидавших их в Сицилии, куда отряд отправился после Бизерты; там, в порту Аугуста, предполагалось проведение учебных артиллерийских стрельб.

15 декабря 1908 года началось извержение вулкана Этна; мощное землетрясение почти полностью разрушило город Мессину.

На спасательных работах русские моряки трудились с таким воодушевлением, с таким пренебрежением к опасности, что пострадавшие жители запомнили их навсегда. Впоследствии они это доказали.

Выпуск 1908 года будет называться «мессинский».

Весной 1909 года для Александра Сергеевича Манштейна началась действительная служба в Императорском флоте России. 27 апреля он получил назначение на «Геок-Тепе» — судно службы связи в составе Каспийской флотилии.

Почти в это же время Зоя Николаевна Доронина приехала из Петербурга к своему двоюродному брату Володе Сорокину, морскому врачу на «Геок-Тепе».

Они не могли не встретиться в тесном морском кругу у границ Персии, где практически все друг друга знали.

Это был тот случай, когда стечение обстоятельств предопределяет будущее. Мои родители венчались весной 1910 года. Главе семьи не исполнилось и 22 лет; даже требуемые по уставу усы еще не отросли!..

Родители папы сочли своим долгом предупредить сына о принимаемой им ответственности, но, конечно, это его не смутило. Юность, беспечность!..

Летом того же года молодожены отправились проводить отпуск в Рубежное. Я думаю, что не без волнения сошла мама с поезда на небольшой станции Насветевич. Кирилл Иванович в парадном костюме уже поджидал их с лошадьми.

Дорога, ведущая на вершину холма к имению, огибая склон, делала широкую петлю и казалась маме бесконечной. Как примет ее семья, занимающая столь важное место в жизни ее молодого мужа, который беспечно обменивался новостями с Кириллом Ивановичем? Все ему здесь было близко, он был у себя, а ей казалось, что она здесь совершенно чужая, одна, как в своем далеком сиротском детстве.

Но окружающий пейзаж начал понемногу оживляться, пыльная дорога стала шире, появились первые строения, старые фруктовые деревья — окраина обширного сада, и вдруг за поворотом — большой белый дом со множеством сверкающих на солнце окон. Еще несколько, точно рассчитанных кучером секунд, и экипаж замер у широкого, с массивными колоннами, крыльца.

Вся семья, радостно взволнованная, вышла встречать молодоженов. Теплая простота приема сразу же успокоила маму: она жена Александра, значит, она у своих, в своем доме.

Этот первый день был заполнен радостными открытиями, так ярко прожит ею, что даже годы спустя она в малейших деталях могла восстановить его в памяти.

Они вошли в дом под гирляндами цветов, и Тотка занялась их устройством. Прежняя комната Александра в левом крыле дома, выходящая окнами в парк, в заросли сирени, была заново меблирована.

Едва оправившись от дороги, им надо было идти здороваться с Анной Петровной, ожидающей их в своем доме.

Одним из удививших маму открытий было изобилие еды — одна из особенностей деревенской кухни. Перед обедом, подаваемым позже, им предложили «легкую закуску», оказавшуюся плотным завтраком, и почти тотчас же подали обед. В пять часов пили чай с множеством варений и пирогов. Вечером ужинали.

Пережив первый, столь богатый впечатлениями день, мама быстро освоилась с безмятежной прелестью сельской жизни. Старое поместье жило в своем, давно установленном ритме. Время мало влияло на этот мир, где столетия словно замедляли свой бег.

Для мамы, никогда не жившей в деревне, все здесь было необычно. Откуда взялись эти странные названия окрестных поселков: Первая Рота, Вторая Рота... Не со времен ли Петра Великого, Анны Иоанновны? Или в царствование Екатерины?

А прислуга и люди, работающие в усадьбе! Многих из них ее муж знал еще с детства! Они совсем не походили на безликие силуэты, заполняющие большие города. Каждый из них был яркой личностью.

Самым старым был почтальон: в 1910 году ему исполнилось 100 лет!

— Нашел себе занятие — как раз для столетнего, — удивлялась мама.

Однако более всего удивляло, что за всю свою долгую жизнь, прошедшую в хождении по деревням, он ни разу не был в Харькове — самом близком городе. После нескольких неудачных попыток пробудить в нем интерес маме пришлось отказаться от этой мысли: он действительно никак не мог понять, что ему там делать, в Харькове?

Анна Петровна жила на покое, но ее появления в большом доме были частыми и регулярными.

Последние 17 лет своей жизни баба Муня страдала очень болезненным ревматизмом суставов, обрекшим ее в конечном счете на полную неподвижность в кресле-качалке. Тем не менее дом все так же щедро принимал друзей и родню, и Анна Петровна была незаменима.

Надо сказать, что она прекрасно знала себе цену. С малых лет уважали ее дети, внуки и правнуки Насветевичей, и, фактически, она была членом семьи.

Не в меньшей мере чувствовал свою ответственность и повар Михаил Иванович.

Если часы обедов, ужинов точно установлены, то для легких завтраков или чаев каждый был свободен в выборе времени. Большой стол в столовой накрывался ранним утром для тех, кто рано вставал. Дворецкий хорошо знал вкусы каждого: кому чай, кому кофе со сливками, разные виды молока, горячий шоколад. Подавались всевозможные хлебцы, сдобные булочки, ватрушки с творогом, мед, варенья, а также разнообразные колбасы, сосиски, цельная ветчина, соленья и маринады.

Что касается обедов и ужинов, то баба Муня и Михаил Иванович всегда составляли меню накануне вечером. Переговоры бывали долгими и трудными. Хрупкая баба Муня полулежала в кровати, поддерживаемая множеством подушек; Михаил Иванович, крупный, солидный, устраивался рядом. Чередовались названия блюд, шло обсуждение. Иногда заведенный порядок прерывался:

— А к дичи какой соус, барыня?

— Это я оставляю на ваше собственное усмотрение, Михаил Иванович.

Следовала пауза, тень нерешительности во взгляде, повар соглашался. Однако, обговорив меню, не уходил, не прояснив это непонятное «собственное усмотрение»:

— Так какой же соус к дичи, барыня?

В будущем мой отец и даже мой сын приобретут ту же привычку употреблять малопонятные слова, как будто инстинктивно отказываясь недооценить собеседника.

Иногда, под конец, баба Муня просила Михаила Ивановича приготовить что-нибудь для своей Дези — рыжей таксы, с которой она никогда не расставалась.

Однажды наш кроткий дядя Мирон, рассуждая здраво, но особенно не задумываясь, высказал свои добродетельные соображения по поводу «голодающих детей» и «собак, которым готовят бефстроганов». Мама навсегда запомнила ответ бабы Муни:

— Не будь лицемером, Мирон! Когда ты за один только день в Харькове на свои удовольствия тратишь в сто раз больше, чем Дези съела бы за всю свою жизнь, ты ни на минуту не задумываешься о несчастных детях. Так что не лишай меня одной из немногих, доступных мне в моей инвалидной коляске радостей заботиться о Дези, любовь которой ко мне никогда не угаснет; любовь совершенно бескорыстная, ибо она предпочитает рыться где-то в помойке, чем есть мои изысканные блюда. И наконец, забота о собаке вовсе не мешает мне заботиться и о детях.

Смущенный Мирон не мог не согласиться. Надо сказать, что баба Муня отчасти понимала и Мирона: собаки, как и их владельцы, бывают очень разные, причем часто походят на своих хозяев.

В Рубежном, особенно в летнее время, и большой дом, и павильон в парке были полны народу, и редко кто приезжал без собаки. В безмятежном времяпрепровождении долгих летних дней дамские разговоры не отличались разнообразием. Дядя Мирон относился к ним с опаской, переходил от группы к группе и с большой осторожностью вступал в «салонные» беседы дам, предварительно прислушиваясь и иногда поспешно отступая:

— Опять собачьи разговоры!

У Тоткиной свекрови, очень ворчливой старушки, была собака, которая сварливо и безостановочно лаяла; утихомирить ее было невозможно.

— Вы-то разговариваете — вот и Кара хочет поговорить, — заявляла хозяйка.

Дина, извилистая такса тети Анны, бесспорно, считалась самой умной.

— Что же, вполне логично, — как-то, улыбнувшись, заметила мама, — тетя Аня, разве она не самая умная из наших дам?

Тетя Аня, для меня тетя Нюся, и дядя Мирон только что повенчались; от первого брака у нее осталась дочка Ольга десяти лет. Живая, независимая, она весьма смущала Нику, папиного самого младшего брата.

Александр, Иосиф и Николай чудом выжили в ужасной эпидемии скарлатины 1907 года, которая за одну неделю унесла трех их братьев и сестренку Киру, единственную девочку из семи детей моей бабушки. Когда мама познакомилась с семьей, траур был еще свеж.

Мама на всю жизнь сохранила глубокое уважение к силе характера своей свекрови, несмотря на то что не всегда их взаимоотношения носили тот теплый оттенок соучастия, который как-то сразу установился у мамы с бабой Муней и Тоткой.

Еще один человек в семье пользовался всеобщим уважением: Анна Георгиевна, Ага-го для детей. Я поздно и в общем-то мало узнала о ее судьбе. История несчастной любви — она была изгнана из родительского дома и обрела семейное тепло рядом с моей бабушкой.

Глава V

РАННЕЕ ДЕТСТВО

В 1911 году мой отец был назначен в Балтийский флот. Кронштадт — первый город, который я узнала: морской пейзаж, острова, контуры крепостей в тумане.

Санкт-Петербург защищен Кронштадтской крепостью. Петр Великий с удивительной проницательностью оценил стратегическое положение острова Котлин в 25 верстах на запад от столицы.

Начав там возведение крепостных сооружений в 1704 году, он оставил завет: «Содержать сию цитадель с Божией помощью, аще случится, хоть до последнего человека».

Завет Петра был свято выполнен — укрепления, протянувшиеся на северном и южном побережье континента, были неприступны. Петр предвидел то, что было подтверждено сто лет спустя другим замечательным флотоводцем адмиралом Нельсоном: «Флот, атакующий крепость, совершает безумие».

Я провела в Кронштадте первые два года жизни, и единственное, что мне напоминает об этом, — несколько фотографий младенца с серьезными глазами: иногда одна, иногда с мамой, одетой по моде тех лет — в тесном костюме с крупными пуговицами, в длинной юбке, жабо с кружевом и в непременной шляпе. Все фотографии сделаны у одного и того же фотографа: «КВАР. Николаевский проспект, дом Турина, 25 (напротив церкви)».

С какого возраста начинаем мы запоминать отдельные картины? Наверное, это зависит от самого ребенка. Я знаю, что мне не было еще и двух лет, когда я пережила страшные минуты безысходного отчаяния. Вероятно, мы только что приехали в Кронштадт и устроились у друзей моих родителей, Змигродских.

Не знаю почему, но мы, дети, были одни в большой гостиной. Зоя и Толя Змигродские были гораздо старше меня и сообща пытались меня напугать.

«За большим окном темная зимняя ночь; лишь белые шапки снега на заледенелых ветвях деревьев, и по пустынной улице, — шептали они, — большой медведь уже идет, чтобы тебя схватить!»

Я пыталась бежать через дверь, но Зоя и Толя появлялись из-за портьеры и, держась за руки, преграждали мне путь. Отчаяние бессилия и одиночества!

Это мое единственное личное воспоминание о Кронштадте.

Я даже не помню нашу собаку Мишку, хотя много о ней слышала.

Мы, должно быть, жили недалеко от дома адмирала Вирена, военного губернатора Кронштадта, так как Мишка приобрел привычку лазить в сад адмирала и портить аккуратные грядки цветов.

— Поймать этого мерзавца! — кричал в гневе адмирал.

Матросы бегали, суетились, делая вид, что ловят, зная наперед, что Мишка вовремя улизнет, к их большой радости.

Лишь мама всегда чувствовала себя неловко перед любезной Надеждой Францевной Вирен — адмиральша дорожила своим садом.

Об этих годах в Кронштадте родители сохранили веселые воспоминания.

В 1914 году мой отец был переведен в Ревель; 1 августа он принял командование «Невкой» — посыльным судном службы связи между Ревелем и Гельсингфорсом.

Ревель — Таллин в настоящее время — средневековый городок, старинный торговый порт с XIII века, живописный, оживленный, навсегда связан для меня с первыми сознательными годами моего счастливого детства.

Мы жили в небольшом особняке, закругленное, как мне казалось, во всю стену окно которого выходило на широкую набережную — излюбленное место прогулок у самого моря, недалеко от памятника «Русалке»*.

Как ни удивительно, но годы войны были для меня, маленького ребенка, безмятежно мирными.

Надо сказать, что мои родители не имели личного состояния и жили на скромный доход молодого офицера. Потом я узнала из папиного «послужного списка», что он получал 920 рублей в год и в графе «недвижимое имущество» стояло — «не имеет».

Тем не менее это было единственное время нашего семейного существования, когда материальные трудности не были постоянной заботой для мамы.

Встречи с друзьями, театр, лыжные или велосипедные прогулки, купальные сезоны в Гапселе (Хаапсалу). Жизнь была очень оживленной. У папы был мотоциклет с коляской, и он иногда катал меня с мамой.

Конечно, я не могла в то время отдавать себе отчет в опасности, которой подвергался папа, постоянно находясь в море; угроза нападения германского флота, минные поля, зимние штормы Балтики — все это мало что для меня означало. И тем не менее война 1914 года была «моя война»...

В очень дружной морской среде я пережила ее с чувствительностью маленького ребенка, который воспринимает события че-

* «Русалка» — русский броненосец

рез отношения своих родителей. Эта среда навсегда останется для меня родной; впоследствии мы вместе пережили самые тяжелые дни Русского Императорского флота, его гибель, оскорбление Андреевского стяга.

Естественно, за мою долгую жизнь я много слышала и немало прочла об этих далеких годах, и трудно мне сказать, когда и как запечатлелись картины в моей памяти.

Важно, что они еще живут.

Как забыть слова командира немецкого крейсера «Магдебург», 26 августа 1914 года выброшенного штормом на камни в 50 милях от Ревеля! Взятый в плен, командир, старший лейтенант Ричард Хабенихт, благодаря русских офицеров за достойный прием, высказал пожелание, чтобы и они «были встречены с такой же вежливостью и пониманием, если когда-нибудь окажутся в подобном положении».

Многим припомнились эти слова, когда русскому флоту пришлось терпеть унижения от своих же союзников. Особенно горько припомнилось это тем, кто уже в первые месяцы войны потерял родных и товарищей.

В октябре 1914 года немецкой подводной лодкой «И-26» был взорван крейсер «Паллада». Он затонул в три минуты — никого не смог подобрать экипаж находившегося неподалеку «Баяна» — ни раненых, ни погибших.

19 августа 1915 года две канонерки — «Сивуч» и «Кореец», направляясь в Моонзунд, наткнулись в тумане на основные германские силы. Командир «Сивуча» Черкасов, старший по званию, понимая, что спасти оба судна не удастся, дал сигнал «Корейцу» «идти по способности в Моонзунд», а сам, развернув свой «Сивуч» лицом к врагу, принял на себя всю силу огня, позволив тем самым своему товарищу скрыться в тумане. Так, открыв огонь по головному дредноуту противника, маленький «Сивуч» пошел на смерть.

— Крепись, Петр Нилыч! — кричал старый боцман на мостике своему командиру...

«Крепились» все, но под залповым огнем дредноутов, сопротивляясь атаке дивизиона из пяти эскадренных миноносцев, почти никто не спасся...

Чуть ранее гибели «Сивуча» затонул «Туркменец Ставропольский». «Невке» удалось спасти его экипаж.

Кому из внуков передам я массивный серебряный портсигар с выгравированной надписью на внутренней стороне крышки :

«Спасибо доблестному командиру «Невки»

А.С.МАНШТЕЙНУ.

«Туркменцы Ставропольские. 27 июля 1915».

В конце жизни папа однажды забеспокоился: не потерян ли портсигар?

Я уверила, что он в сохранности, но не показала его и ни о чем не расспросила. Промолчала.

— Ты отдай его Сереже, — сказал он мне.

По своему темпераменту папа не выносил бездеятельности. Командование небольшим посыльным судном в постоянных походах было ему по душе. Но не дай Бог, если вдруг «Невка» требовала ремонта! Всякое промедление выводило его из себя.

Однажды мама получила телеграмму от своей приятельницы Змигродской из Кронштадта: «Приезжайте немедленно. Шурик оплачивает дополнительных рабочих из месячного жалованья».

«Бессребреник» — какое многозначащее слово! Исконно русское! Мне кажется, что ни в одном языке нет ему равноценного.

Папа был всецело поглощен своим кораблем и его экипажем; семейным же, повседневным существованием занималась мама, и она, конечно, знала цену деньгам, но для обоих деньги никогда не были целью.

Много лет спустя, когда их уже не стало, одна пожилая дама, относившаяся с подозрением ко всем окружающим, заявила, что она «полностью может на меня положиться, так как хорошо знала моих родителей».

Как видно, достаточно было их знать, чтобы не сомневаться даже в их дочери!

Какими юными кажутся мне мои родители в те далекие годы! Юными, но вовсе не беспечными, как мне казалось раньше.

Можно привыкнуть «жить с войной», но переживать смерть близких всегда так же тяжело. Мои родители потеряли первого ребенка — Киру, мою старшую сестру. Она умерла в возрасте 18 месяцев в сентябре 1912 года. Мне был всего один месяц.

Вероятно, новорожденный чувствует горе матери. Говорят, что младенцем я никогда не улыбалась, и на первых фотографиях — на всех — серьезный вопрошающий взгляд.

Позже я нежно полюбила эту ушедшую от нас девочку, ее слегка приподнятую милую головку, шелковистые светлые волосы.

Мои родители очень много мною занимались. Не посещая детский сад, не покидая дома, я смогла многому научиться. Единственный ребенок, я тем не менее никогда не скучала. Мама открыла мне волшебный мир книг. Она мне часто читала и по моей просьбе перечитывала сказки, одни названия которых до сих пор навевают радостные воспоминания: «Конек-Горбунок» Ершова, «Золотая рыбка» Пушкина, сказки Перро, Андерсена, братьев Гримм...

Я знала переводы в стихах «Макса и Морица» Буша и очаровательный журнал «Мурзилка», забавные персонажи которого и в наши дни могли бы с успехом стать героями мультфильмов.

Сказочный мир так прекрасен, что ребенок каждый раз переживает его заново все с той же силой. Я так хорошо знала трагический исход «Красной шапочки», что, желая ускорить нестерпимую развязку, захлопывала книгу на коленях у мамы. И сама с

плачем выкрикивала последние строчки: «Ах ты бессовестный, дерзкий нахал! Бабушку съел, ты и внучку сожрал!»

Папа предпочитал рассказывать мне истории, которые сам выдумывал. Это было еще интереснее, но случалось, что я так и не узнавала конца. Папе было необходимо самому увлекаться своими героями, и если он терял к ним интерес, то они исчезали очень быстро, без всяких объяснений.

К счастью, Буся, героиня множества приключений, в которых и я могла принять участие, никогда не исчезала. Черненький той-терьер, с тонкой мордочкой и умными, любящими глазками, Буся была совсем маленькой собачкой, но я прекрасно сознавала, что маленькая-то я, а она — взрослая и разумная. Она все понимала и никогда на меня не сердилась.

Папа знал про Бусю чудесные истории:

— Ночью, — говорил он мне, — когда мы засыпаем, животные устраивают великолепные праздники. Буся тихо встает, надевает длинное белое кружевное платье, а Рольмопс, бульдог наших друзей, приходит, чтобы проводить ее на бал. На нем парадный фрак со стоячим белым воротничком, на голове — черный цилиндр.

Бесшумно катится их карета по уснувшим улицам Ревеля в сказочный мир, широко открытый детскому воображению. Где этот бал? Никто из людей не знает, но они танцуют до зари! Конечно, Буся — царица бала, она танцует лучше всех.

Иногда ночью я просыпалась и прислушивалась — не карета ли это катится по неровной мостовой Ревеля?.. Наутро я пристальнее вглядывалась в своих друзей. Если Буся была всегда весела, то Рольмопс казался мне еще более сонным, чем обычно, и только мы с папой понимали почему.

В этом мире фантазии, полном радости, у нас был даже свой язык. Помню, что картофель назывался «гардомс»; а мы с мамой, к общему удивлению, превратились в «слонов». На всю жизнь «Моська умер» означало в семье плакать над трогательной книгой, а прозвище «Свечин» произносилось не без некоторой доли восхищения, так как «Свечиным» мог быть только человек исключительно умный, но и безгранично неряшливый!

Как полны жизни, полны ко всему интереса эти далекие ревельские годы. Каждое слово, каждое малейшее происшествие — все имело свое глубокое значение и оставляло свой след.

В этом, пожалуй, и заключается разница между ранним детством и глубокой старостью: с годами все становится «так мало важно».

Конечно, многое все-таки было забыто. Я совсем не помню няню Аннушку, которая, несмотря на мамины вразумления, продолжала говорить «ведмедь» и «облизьяна».

— Да что вы, барыня! Как я смогу говорить «медведь» и «обезьяна», когда вернусь в деревню. Все ведь скажут: «Ишь, какая горожанка! Русский язык коверкает!»

Смутно помню пожилую эстонку, с которой у меня самой были пререкания насчет «собак» и «сапог»: для нее разница в произношении заключалась в том, что Буся была одна, а сапог была пара!

Но как хорошо я помню веселую краснощекую Машу, которую я очень любила. Она каждый день водила меня гулять вдоль моря по длинной набережной, и мы вели бесконечные разговоры. Милая Маша! Простая и бесхитростная! Ей самой было легко с маленьким ребенком, который это хорошо понимал. Детей в этом отношении трудно обмануть.

Маша охотно посвящала маму в свои «сердечные дела». Ей очень нравился молодой писарь, который смущал ее своим цветистым слогом: «щеки» и «глаза» в его устах были «ланиты» и «очи», и это поэтическое красноречие Машу немного пугало, хотя и льстило ее самолюбию.

Маша в конце концов вышла замуж, и, расставаясь с ней, я очень плакала.

Человеческая теплота!.. Никакие куклы не в силах ее заменить, и я была к куклам очень равнодушна: целлулоидные назывались «Яшками», а резиновые — «Маньками». Лишь одна, привилегированная, назвалась «Гаврилюк» — в честь папиного вестового.

Гаврилюк появлялся иногда у нас на кухне, где его всегда угощали рюмкой водки... Почему он так покорил мое воображение? Вероятно, потому, что его имя часто упоминалось в связи с различными приключениями.

Почему-то у папы любимые матросы были настоящими сорвиголовами. Ему не раз приходилось вызволять их из полиции. При этом он считал своим долгом взывать к их совести:

— Опять ты, Гаврилюк, жандарму в морду дал! Ты же мне обещал! Как тебе не стыдно!

— Так что, господин командир, это не моя вина! Я ему говорю вежливо: «Господин жандарм, отстраните голову...» А он так и лезет на мой кулак!

* * *

Ревель — большая морская база. У папы было много пока еще неженатых друзей, радующихся вне службы оказаться в семейной обстановке, поэтому наш дом всегда полон народу.

Самыми близкими друзьями родителей были Владимир Николаевич и Серафима Павловна Раден, точнее, барон и баронесса фон Раден, но титулы, насколько мне помнится, в морском кругу популярностью не пользовались.

Их сын Слава — мой первый товарищ детства. Однолетки, мы, кажется, всегда знали друг друга, и я была убеждена, что это давало мне на Славу особые права, тем более что, будучи нрава миролюбивого, он их никогда не оспаривал.

Летом многие семьи уезжали в Гапсель — небольшой балтийский курорт. Я помню маленький пляж, купания в хорошую погоду, дачу в зелени и чаепития с сочными пирогами с черникой.

Конечно, Маша и Буся всегда были со мной. По утрам мы встречались со Славой на пляже, и он в угоду мне сбегал вниз или карабкался на крутой берег, покорно шел за мною в воду, а нам всего только три или четыре года!..

Какими красивыми казались нам наши молодые мамы в длинных юбках, облегающих лифах, широких шляпах, высоких шнурованных ботинках.

Папа сам, с помощью учебника по сапожному делу, смастерил маме ко дню рождения пару таких ботинок: опыт, который впоследствии оказался ему очень полезным.

В далекие времена Первой мировой войны меня мало интересовали возможные и, безусловно, неизбежные трудности и лишения повседневной жизни. У меня так и осталось воспоминание, что в ту войну всего было вдоволь, а во вторую — всего не хватало. Помню все же, что как-то Маша подала на обед картофельный суп на первое и картофельные котлеты на второе.

Но какое изобилие представляла собой одна только кондитерская «Штудэ»! Когда мы входили в узкий длинный зал, у нас разбегались глаза: налево в углу — сверкающая касса, а вдоль стен под стеклами — шоколадные и марципановые цветы и фрукты — все как «настоящее».

«Штудэ» был так знаменит, что, даже уезжая в Петроград, мы всегда везли бабушке огромную коробку марципановых роз.

Ревель, Гельсингфорс, Кронштадт, Петроград, Рубежное!.. Как много мы ездили, да и к нам часто кто-нибудь приезжал! Мне казалось, что все вокруг меня находится в постоянном движении.

Мне трудно было представить, что возможно жить как-то иначе, постоянно на одном и том же месте. Не знаю, было ли это свойственно лишь балтийцам? Может быть! Во всяком случае, черноморцев они называли «оседлыми фермерами».

Принадлежать к тесной, дружной морской среде! Что это могло означать для маленького ребенка? Главным образом — безошибочно узнавать «своих». «Чужого», не принадлежавшего к так хорошо известному мне окружению, я распознавала сразу.

Посторонний! Он появился у нас как-то после обеда, высокий, очень худой и, кажется, еще очень молодой. Пришел он с письмом от дяди Володи и никого в Ревеле еще не знал. Он стал у нас бывать, приходил всегда с новыми книгами, и они с мамой увлеченно их обсуждали. Мама всегда любила читать, но она никогда и ни с кем так много о прочитанном не говорила. Наверное, и он тоже любил читать, но все же он был «чужой»! Его легкая походка, бледное лицо и слишком длинные волосы только усиливали мою неприязнь.

Однажды под вечер он появился с электрическим кофейником — последняя модель, которую он привез из Гельсингфорса.

На редкость жив еще в моей памяти этот новый замысловатый кофейник на углу стола с разбросанными книгами под мягким светом абажура. Домашний уют, аромат кофе, беззаботные минуты, веселые, оживленные...

Мы с Бусей сидели в дальнем темноватом углу гостиной у большого, выходящего на опустевшую набережную окна. Зажигались уличные фонари, и море из серо-синего превращалось в черное... Никто нами не занимался. Нам был слышен их оживленный разговор, иногда легкий смех. Мы сидели и ждали. Сколько мы ждали?..

Наконец нежеланный гость поднялся.

Все тогда произошло настолько быстро, что я потом ничего не могла объяснить. В тот момент, когда молодой человек нагнулся, чтобы поцеловать меня, я вцепилась обеими руками ему в уши и, поджав колени, повисла на нем. Несчастный не мог поднять голову, пытался мне что-то сказать, лицо его становилось все краснее и краснее. Мама старалась разжать мои пальцы. Остального я не помню; не знаю даже, пришлось ли мне когда-нибудь снова встретить мою несчастную жертву. Но это чувство слепой безграничной ярости я запомнила навсегда.

Это был единственный раз в жизни, когда я была «нападающей» стороной.

* * *

Россияне так привычны к просторам своей страны, что расстояния для них не препятствия. Меня всегда приводит в замешательство часто задаваемый вопрос: «Вы из какой части России?»

Я родилась на юге России, у истоков Донца, притока Дона, но мое детство прошло на севере, на берегах Балтики. В течение пяти лет в Рубежном я проводила только лето. Странная особенность памяти: мне запомнились переезды через Россию только с севера на юг — так сильна была радость встречи с родным поместьем и нежелание его покидать.

Российские железные дороги шире европейских, и вагоны, следовательно, просторнее и удобнее для долгих переездов. Не помню, чтобы дорога меня утомляла. Все было похоже на затянувшийся пикник: традиционная корзина с провиантом, бутерброды, пирожки, сдобные булочки — все это было гораздо интереснее, чем суп с мясом. Человек проносил по вагону громадный чайник с кипятком.

Остановки, вокзальные буфеты, оживленная толпа — это означало, что мы едем в мое любимое Рубежное.

Я не сохранила никаких воспоминаний об обратной дороге.

Мы уезжали из Ревеля в вагоне 3-го класса, так как мама, сама еще молодая, с удовольствием путешествовала в компании студентов, разъезжавшихся на каникулы. Студенты, с не меньшим удовольствием, возились с ребенком, что облегчало маме дорожные хлопоты.

Так с самого детства запечатлелась во мне моя страна во всей ее необъятности. Это тоже было подарено мне судьбой.

Перед глазами мелькали поля и леса под солнечным летним небом; иногда серебряный блеск ручья, стремившегося вниз по откосу между стволами деревьев, которые, казалось, карабкались в гору все выше, все быстрее, убегая от поезда.

Незабываемые картины детства! Как живо вставали они предо мной на чужбине, когда я позже начала читать книги наших писателей и поэтов, которых так любила моя мама.

Можно только удивляться, как в изгнании, работая с утра до вечера, в нищете и заботах, она продолжала жить полной духовной жизнью. Она была из тех людей, про которых Шмелев писал, что они «в себе понесли Россию».

В ее дипломе об окончании Екатерининской гимназии Санкт-Петербурга в 1907 году записано после ряда отметок, что помимо перечисленных предметов она обучалась также рукоделию, пению и «танцованию». Когда после длинного трудового дня, поздним вечером, мама садилась за вышивание мережек, оплачиваемых грошами по метру, она любила вспоминать прочитанное и часто пела русские песни.

Случалось, она читала стихи на память, и словами поэтов оживала на чужой земле Русь Великая: «даль степей расстилалася», «цепи гор стояли великанами», а нас ждал «край, где все обильем дышит и реки льются чище серебра».

И жила в нас надежда, которая будет теплиться всегда, что в конце жизненного пути все-таки будет Рубежное.

Мы выходили на небольшой белой станции, где, как всегда, нас ожидали лошади, но однажды вместо постаревшего уже Кирилла Ивановича нас встретил уже другой, молодой кучер. Год за годом наступал новый век.

Пока жила Мария Насветевич, старое поместье продолжало свое мирное существование еще прошлого века, и малая часть моей жизни — два-три года — принадлежит этому благодатному времени.

Я и сейчас вижу бабу Муню в кресле-качалке на залитом солнцем крыльце, Дези у ее ног, а я, стоя на стуле сзади, пытаюсь ее обнять.

Светлые, ласковые картины доживающего века.

В парке, перед окнами столовой, варят в больших медных тазах вишневое варенье. Беззаботная молодежь возвращается с тенниса. Где она была, эта теннисная площадка?

Мой дядя Ника, весь в белом, с ракеткой в руках; вот он уже у рояля, подбирает аккорды, не сводя глаз со смеющегося лица Ольги Роговской. Ольга, юная и стройная, с длинной толстой косой на спине... Дочь тети Анны от первого брака, она большей частью жила у родителей матери, владельцев конных заводов. Ольга, искусная наездница, не страшащаяся никаких лошадей и

никаких препятствий, воплощенная радость жизни... Что стало с ней в обрушившихся на нас бурях?

Мне кажется, что первое мое сознательное воспоминание — о похоронах бабы Муни. Я уже умела ходить, но была очень мала и видела перед собой только ноги, множество ног, которые медленно двигались по аллее, ведущей к семейным могилам в глубине парка. Эти ноги и лиловые ирисы вдоль аллеи, я их видела сама, когда шла с процессией. Никто не мог мне про них рассказать.

Но про старого еврея Иоську я, конечно, слышала от мамы. Баба Муня знала его ребенком, и благодаря ее помощи сметливый, трудоспособный мальчик «выбился в люди». Его уже величали Иосифом Михайловичем, только для старожилов он оставался Иоськой. Один из его сыновей стал адвокатом, другой врачом.

Когда умерла баба Муня, его горе было так глубоко, так искренне, что ему, как он просил, позволили идти сразу за гробом. И он шел, в черной шляпе с огромным венком в руках, который он держал обеими руками.

Когда это было, в пятнадцатом или в шестнадцатом году?..

На небольшом семейном кладбище в углу парка над Донцом появилась третья могила, которая с наступлением весны покрывалась бархатистыми анютиными глазками.

* * *

Где я провела свое детство?

«Жила» я, пожалуй, в Ревеле; Петербург-Петроград — это было «у бабы Таты», но моим «царством» было Рубежное.

От Ревеля до Петрограда недалеко. Мы с мамой часто ездили повидать бабушку и тетю Катю. Я пишу «бабушка», но для меня она была «баба Тата», так как ее облик совсем не соответствовал моему понятию о бабушках. Я прекрасно знала, что она «папина мама», дочка бабы Муни, сестра папиного дяди Мирона и бабы Али — папиной тетки.

Анастасия Александровна Кононович, урожденная Насветевич, была старшей дочерью хозяина Рубежного. Из всех детей «маленького генерала» она больше всех на него похожа. Небольшого роста, стройная, всегда очень элегантная, она никогда не оставалась в бездействии. На выразительном лице едва угадывались азиатские черты — след древней татарской крови, что не редкость в старинных русских семьях.

В ней чувствовалось редкое сочетание энергии, фантазии и умения владеть собой, но, конечно, я поняла это много позже. Наверное, вокруг меня часто о ней говорили, так как я много о ней слышала. Когда мне было больно, когда мне было страшно, я старалась не плакать и не кричать. Вспоминала, как терпела баба Тата затянувшуюся зубную операцию, продолжавшуюся сорок пять минут, хотя местный наркоз давно закончился.

Я очень гордилась своей храброй бабушкой, и все мне казалось в ней сказочно красиво: и кружева, и необыкновенный головной убор из локонов, тюля и цветов, и тонкий лорнет на золотой цепочке.

Генерал Иосиф Кононович, командовал лейб-гвардии Литовским полком, и во время войны активная благотворительность была задачей полковых дам, деятельность которых не ограничивалась светскими вечерами. Много времени они проводили в госпиталях с больными и ранеными.

Строгое воспитание знаменитого Смольного института сказывалось и вне светских салонов. Ошибка думать, что жизнь институток была легкой.

В 1939 году, 7 мая (24 апреля по старому стилю), в Париже торжественно праздновали 175-летие основания Института благородных девиц. Тогда можно было еще услышать от самих смолянок их личные воспоминания.

Первая встреча со Смольным...

Никто из них не забыл, как билось детское сердечко, когда, расставаясь с семьей, девочка переступала порог института. Эти огромные двери, которые бесшумно отворялись, высокий швейцар с булавой, в красной ливрее, длинный, пустой коридор — все вело в новый, неизвестный мир, который на несколько лет становился второй семьей.

И.В.О.Б.Д. — Императорское воспитательное общество благородных девиц — Смольный институт больше ста пятидесяти лет давал в своих стенах приют, образование и воспитание десяткам тысяч русских девушек.

Из старых архивов, как из глубокой дали, плывут воспоминания смолянки 70-х годов XIX столетия, может быть одноклассницы Анастасии Александровны Насветевич: «Как, вероятно, во многих семьях, так и в нашей семье, поступление в Институт долго обсуждалось... Условия домашней жизни и мой неуравновешенный характер после мучительных колебаний заставили мою мать решиться на разлуку со мной.

Позднее я убедилась, насколько это было правильно. Избалованная, своевольная, я попала в иную среду: товарищество, с которым я должна была считаться, а что еще важнее — я сразу стала «как все» — ни поблажек, ни снисхождения. Я выучилась молчать и сдерживаться, и если я иногда переживала горькие минуты, то впоследствии оценила смысл той дисциплины, которую от нас требовали. То была реальная подготовка к реальной жизни, и как далеки мы были от типа изнеженной «институточки», о которой в обществе так часто говорилось с пренебрежением, а порой и с насмешкой...»

Это понятие «как все», чувство товарищества, равенства в правах, избалованная дома девочка освоила сразу.

«...Передо мной стояла незнакомая дама в синем платье, которая и провела меня в класс. Девочки в коричневых платьях и белых передничках сидели за своими партами и, как мне показалось, с любопытством меня рассматривали. Но грянул звонок, меня поставили в пару и повели в столовую. Помню, как мне неприятно было в первые дни, что я еще не в форме, и с каким нетерпением я ждала, когда мне наконец ее дадут. Я уже тогда ее полюбила и скажу, что в мое время у нас, институток, была привязанность к своей форме: маленькие — «кофейные», или, как их ласково называли, «кофульки» — смотрели на голубые платья, как на повышение, воспитанницы «голубого» класса так же смотрели на зеленые и на серые...

Мы гордились нашей формой и стояли за ее честь, как воины за честь мундира...»

В основе институтского воспитания была дисциплина. Порядок в расписании дня и занятий соблюдался строго. Каждый класс находился под неусыпным наблюдением классной дамы, которая неотлучно жила в Институте и, жертвуя личной жизнью, полностью посвящала себя ученицам, благодаря чему в классе отставших в науках не бывало.

Каникулы были редки: три дня по большим праздникам и два месяца летом, а последние два года воспитанницы вовсе не покидали стен Института.

Некоторые ученицы из отдаленных районов России проживали в Смольном безвыездно в течение семи-восьми лет до самого выпуска.

Развлечения были редки, но отводились часы для чтения, музыки, пения. Конечно, танцы были частью программы, и дважды в год старшие классы устраивали балы для самих себя — без кавалеров. Для младших классов приглашали иногда какого-нибудь известного фокусника.

Каждый год 22 июля выпускные классы всех институтов Санкт-Петербурга приглашались в Петергоф. Во дворце их угощали завтраком, а затем катали по Петергофскому парку в открытых экипажах.

Для двух старших классов взамен праздничных отпусков предоставлялось исключительное в своем роде развлечение — прогулка на Марсово поле, где проходили ярмарки с балаганами.

Дважды в год, на Масленой и на Пасху, в назначенный день прибывали из дворца за воспитанницами огромные дворцовые кареты, на козлах которых важно восседали в красных ливреях и треугольных шляпах кучера и лакеи. Девушек рассаживали по шести в каждую карету; самые шаловливые сидели с классной дамой.

Кортеж трогался, лошади бежали рысцой, сбоку гарцевал конюшенный офицер, прозванный «ange-gardien» — «ангел-хранитель».

На Марсовом поле, объезжая балаганы, лошади переходили на шаг, и во всеобщей суматохе молодые люди, чаще всего офицеры — братья и их друзья — пытались пробиться к каретам: быстрые фразы, улыбки, коробочки конфет в обмен на кружев-

ные платочки. Очень модны были мячики, обтянутые шелковыми нитками, — они делались только в Смольном. Не везло, конечно, шалуньям, сидевшим с классной дамой: она безжалостно поднимала стекла окон.

Объехав три раза вокруг балаганов, воспитанниц везли во дворец, где было приготовлено угощение. Иногда Государь выходил к ним и расспрашивал о катании. По дороге домой все умоляли «ангела-хранителя» проехать по каким-нибудь длинным улицам, чтобы продлить удовольствие.

Иногда суровые будни прерывались Высочайшими визитами.

Один из таких визитов императора Александра III и императрицы Марии Федоровны остался в памяти и долго забавлял петербургское общество. Во время визита царскую чету сопровождал шах Персии со свитой. Администрация Смольного была предупреждена о прибытии высоких гостей и подготовилась к приему.

Маленькие «кофульки», одетые в прелестные воздушные платьица, танцевали балет. Этот номер очень заинтересовал шаха. Очарованный, он умолял императора подарить ему «хоть одну» из девочек. Все присутствующие заметили, что император рассмеялся и очень оживленно начал что-то объяснять шаху. Только позже, благодаря начальнице Института, сидевшей рядом с Государем, удалось узнать о подробностях. Оказалось, шах очень удивился, что самодержавный царь не мог ему доставить такого удовольствия и исполнить его просьбу.

Для смолянок 70-х годов царем был — и остался для них на всю жизнь — трагически погибший Александр II.

В бесхитростных рассказах на пожелтевших страницах архива живет еще искренняя, чистая любовь. Неизвестная смолянка писала: «Мои воспоминания близятся к концу. Я вижу себя в первом классе, а передо мной так ясно выступает прекрасный облик царя-освободителя, «нашего Царя», как мы говорили. Я вижу Его добрые серые глаза, вижу Его улыбку, слышу Его низкий, слегка картавящий голос, такой мягкий, ласковый... Приезжал Государь в Смольный несколько раз в году и всегда без предупреждения.

Когда раздавался в коридоре звонок, возвещавший о Его прибытии, мы, старший класс, бросали свои занятия и стрелой неслись на другой конец здания: «Царь, Царь приехал», — кричали мы. Обыкновенно Он уже шел по коридору. Мы Его окружали, некоторые счастливицы шли рядом с Ним, остальные — лицом к Государю, составляя тесным полукругом живую цепь. Мы пятились быстрыми, мелкими шагами — это был наш особый прием; исполняли мы его очень искусно и очень забавляли им Царя.

Помню, когда Он приехал к нам с принцессой Мекленбургской, в то время еще невестой великого князя Владимира Александровича. Государь сказал нам: «А ну-ка покажите ваше искусство, покажите, как вы умеете пятиться».

Царь был всегда с нами приветлив и доступен. Мы во время нашего шествия по длинному коридору задавали Ему разные вопросы, которые Его очень смешили. Спрашивали: в котором часу Он встает, так ли рано, как мы; много ли Ему приходится принимать людей и не очень ли они Ему надоедают; что делал Он в последней поездке за границу; был ли в других Институтах и где Ему больше нравится; отчего Он не привез с собой свою любимую собаку Милорда? Просили непременно привезти в следующий раз.

В свою очередь Царь задавал нам вопросы из нашего мира, спрашивал, кого мы больше всех боимся, часто ли получаем единицы. Шутил, даже иногда и поддразнивал нас.

Дойдя до средней лестницы, Царь нас спрашивал: «Куда вы теперь меня поведете?»

Тут же при Нем мы решали: одни говорили — на урок словесности, другие — на урок истории, третьи — в большую залу на танцкласс.

За нами в некотором расстоянии шло наше начальство. Царь шел очень быстро, крупными шагами. Мы скользили перед Ним так же быстро, так что всегда оставалось расстояние позади Него.

При отъезде Государя мы бросались подавать Ему шинель, подпрыгивая, чтобы набросить ее на Его плечи. Это нам так же ловко удавалось, как и наше «пячение».

Весь вечер потом мы перебирали слова Царя, и те, к которым Он обращался, должны были много раз это рассказывать в других классах. Им завидовали, и многие мечтали, что через год-два и они могут быть такими же счастливицами...

...Я сказала, что Государь приезжал без предупреждения, но был день в году, когда Он всегда бывал в Смольном. Это 4 апреля, памятный день покушения на Его жизнь.

Царь считал, что пропетая Ему воспитанницами молитва «Спаси, Господи, люди Твоя» спасла Его от злодейской руки, когда Он в этот день проехал из Института в Летний сад, где было совершено покушение...

...В год моего выпуска последний приезд Государя был 24 апреля. Мы были очень взволнованы: в последний раз в нашей жизни мы видели Его таким особенным, таким доступным.

Перед отъездом Царь роздал нам свои фотографии, а мы сквозь слезы пели Гимн и молитву «Спаси, Господи, люди Твоя».

Обаяние Царя было велико: Царь, освободивший свой народ от рабства, вызывал в наших юных сердцах благоговение перед величием Его реформы.

Его, только Его мы обожали в самом чистом, в самом высоком значении этого слова...

...Приближалось время выпуска, и с наступлением экзаменов нам давалось больше свободы: теперь для подготовки мы могли располагаться, как хотели, не только в классе, но и по разным закоулкам наших обширных коридоров.

Немало времени уходило на примерку платьев — в дортуары постоянно приходили портнихи с огромными картонками. Приезжали родные в неурочное время.

По окончании экзаменов, за несколько дней до выпуска, наградных воспитанниц повезли во дворец, где Государыня Мария Александровна лично раздала им награды.

Выпускной бал был накануне выпуска. Присутствовали, кроме представителей нашего ведомства, наше начальство, родственники и знакомые воспитанниц и приглашенные гости.

Первый и единственный бал с настоящими кавалерами: военный оркестр, ярко освещенный зал, парадные формы... счастливая, полная надежд молодежь.

На другой день рано утром мы по традиции без разрешения спускались в сад. Ведь через несколько часов мы будем свободны, значит, не взыщут, если мы себе позволим то, что нам обыкновенно запрещалось. Может быть, нам никто бы ничего и не сказал, но мы, крадучись, потихоньку спускались в сад и там «стеной», то есть взявшись под руки во всю ширину аллеи, обходили все дорожки, а затем так же неслышно возвращались в дортуар.

Последняя общая молитва, последний утренний чай!

В дортуарах на кроватях были уже разложены наши выпускные белые платья. Еще час на переодевание, и мы навсегда расстанемся с нашей формой. Нарядные, оживленные, мы шли в церковь на молебен, после него — в залу, где в присутствии начальства и родных нам раздавали аттестаты.

Прощание, много слез, много объятий, поцелуев...

Как понятно волнение, которое переживала каждая из нас: горесть разлуки, радость перед новой жизнью!

Прощай, дорогой Смольный, прощай навсегда!»

Но можно ли расстаться со Смольным навсегда? Какой бы ни была дальнейшая судьба его воспитанниц, они сохранят до конца жизни верную любовь к их «Смольному»... и гордость быть воспитанными в его стенах.

Сколько было рассказано, сколько было написано о Смольном! Еще наши матери увлекались книгами Лидии Чарской, переживали трагическую судьбу учившейся в Смольном грузинской княжны Нины Джаваха.

У мамы в Екатерининской гимназии преподавал Закон Божий отец Филимон, который ранее преподавал в Смольном и знал Нину. Ученицы на уроке старались отвлечь его от занятий, чтобы послушать историю любимой героини.

Роман Екатерины Долгорукой и Александра II, так тесно связанный со Смольным, — ныне достояние истории.

Мне так и не удалось разглядеть в сумраке серого зимнего дня прелестные черты Екатерины на поблекшей, старой фотографии в глубине небольшой часовни в Ницце, где она похоронена.

Анастасия Насветевич училась в классе с черногорской княжной Еленой, вышедшей впоследствии замуж за короля Италии Виктора-Эммануила. Королева Елена не забудет своих подруг по Смольному — на чужбине они будут регулярно получать от нее подарки на Пасху. Но придет день, и королевская семья Италии тоже окажется в изгнании...

Не знаю, от кого и когда попала к нам фотография Смольного института: на фоне глубокой ночи смутные очертания здания, погруженного в темноту, и только ряд ярко освещенных окон — единственный признак жизни в окружающем его затихшем мире. Может быть, в этих стенах живет еще праздничная ночь бала и сотни юных сердец бьются с надеждой и верой в сказочное будущее.

Образы далекого прошлого, которые — пусть даже неразумно — страстно стремились к недостижимому, существовали не только в Смольном, но и по всей Руси. Они существуют и в наши дни, везде, где молодежь не потеряла веру в жизнь. Нет ничего печальнее молодежи, заранее во всем разочарованной.

До конца своей жизни сохранила моя бабушка веру в завтрашний день. Сохранила она и память о своем выпускном бале, но только через полвека узнала я о встрече в тот памятный вечер, которая могла бы совсем по-другому определить ее жизнь...

* * *

Приезжая в Петроград, мы останавливались у бабушки. Я до сих пор помню ее адрес: Большой проспект, дом 44, квартира 13.

Бабушкина квартира в Петрограде по сравнению с просторным домом Рубежного никогда не казалась мне большой. Мне очень нравилась гостиная в сиренево-золотых обоях. Но меня удивляла «неодетая» статуя из белого мрамора, которую я из скромности называла «босикомой». В ванной комнате, слева по коридору, как и у нас в Ревеле, стояла высокая колонка из красной меди, которая топилась дровами или углем.

В нашей спальне стояла кровать, покрытая белым одеялом, и над ней на стене был звонок для вызова прислуги. С этим звонком связано событие, которое я до сих пор помню. Однажды вечером у бабушки были гости, и меня, конечно, уложили спать. Мне не спалось, и до меня доносились говор и смех из гостиной. Тихонько я подняла руку и нажала на кнопку...

Я перестала скучать! Легкое движение кончика пальца вызвало суматоху: в гостиной не сразу сообразили, что звонят совсем не у входной двери. Но с появлением мамы игра закончилась.

Эта белая кровать связана еще с одним дорогим моему сердцу воспоминанием. Папин отчим Иосиф Казимирович Кононович, не будучи моим настоящим дедом, подшучивал иногда над своей молодой и кокетливой женой — она, мол, бабушка, в то время как он еще не дедушка.

При нашей первой встрече, делая реверанс, я обратилась к нему с подсказанным мне приветствием: «Здравствуй, Кузен!»

Ему это очень понравилось, и прозвище за ним так и осталось. С ним было как-то очень просто ладить, может быть, оттого, что он никогда не старался говорить со мной, как с маленьким ребенком. Он был всегда самим собой, мой Кузен и мой самый любимый дедушка.

— Что ты хочешь, чтобы я тебе принес? Я выйду, но очень скоро вернусь.

Мы были одни — мама и бабушка были в гостях, прислуга на кухне.

— Копченого сига и красную капусту.

Он даже и не подумал меня отговаривать. Вернувшись, Кузен отдал мне мой «заказ», не допытываясь, что я буду с ним делать.

Полное уважение свободы каждого! Свободы, которой я сразу же злоупотребила. Но с каким удовольствием я расплющивала жирную рыбину на белоснежном покрывале! Я до сих пор вспоминаю, сколько упоения было в каждом моем жесте: я ее пришлепывала, переворачивала, мяла и время от времени раскатывала кочаном капусты по кровати.

— Мама, Тата идите посмотреть, что мне принес Кузен!

Я даже не дала им времени раздеться, так торопилась повести их в нашу комнату полюбоваться моим сокровищем. Я не помню, чтобы мне был выговор. А Кузену? Тоже не знаю.

29 октября 1916 года... День святой Анастасии, именины бабушки, а также и мои. Мы были у нее в Петрограде. Помню, что визитеров было очень много и среди них верный поклонник бабушки, некто Родзянко, брат председателя Думы. Несколькими днями раньше он шутя спросил меня, что я предпочитаю, цветы или конфеты.

Я очень любила шоколад, но почему-то ответила: «Цветы!»

В день Ангела я получила от него огромный букет!

Теперь я могу сказать, что эти цветы, полученные накануне зимы и революции, остались на всю жизнь в моей памяти ярким, красочным воспоминанием.

* * *

Мой дед Сергей Андреевич Манштейн тоже жил в Петрограде. Когда мы приезжали, меня, как полагалось, водили с ним поздороваться в большую, строго обставленную квартиру, где все казалось чужим.

Да так оно и было — он знал меня так же мало, как и я его.

Его отрывали от книг, чтобы единственная внучка сделала ему реверанс. Он появлялся в дверях кабинета, силясь сосредоточить внимание на четырехлетнем ребенке, но мысли его явно были далеко.

Спустя годы, в Бизерте, в случайном разговоре с уже пожилым С.С.Ворожейкиным мой ученый дедушка сделался мне много ближе:

— Сергей Манштейн? Тот, чьи греко-латинские учебники? Он был прекрасным наездником! Летом на даче под Петербургом мы его каждое утро видели на лошади по дороге в деревню.

Не от этого ли моего малознакомого дедушки я унаследовала любовь к книгам и интерес к прошлому? И как сказочно недостижимыми казались мне в Африке эти прогулки ранним утром на лошади по деревенским тропам далекой России!

Из внуков Сергея Андреевича я единственная его знала... немного!

В доме тети Кати, маминой сестры, жившей в Парголове под Петербургом, в теплой семейной обстановке мы чувствовали себя как дома. Мама очень привязана к старшей сестре — их сиротское детство было не так уж далеко.

Тетя Катя жила очень скромно и, похоже, счастливо с мужем и детьми. Старший, Коля, моего возраста, был тихий мальчик с большими черными глазами. Олег, крепыш, совсем еще младенец.

* * *

Нет сомненья, что мои близкие, насколько возможно, старались оградить мое детство от невзгод. Не все прошлое было утрачено, фасад еще держался. Маленький ребенок, я видела лишь верхушку айсберга.

Если мой отец или мои дяди появлялись дома, то благодаря лишь редким отпускам.

Генерал Кононович и оба его сына служили в гвардейских полках, которые с самого начала войны участвовали в самых опасных военных операциях. Я вижу еще фотографии траншей, я знаю, что они были ранены и пострадали от удушливых газов.

За внешним спокойствием моей мамы и бабушки таилась глубокая тревога, которую они умели скрывать.

Подходил к концу 1916 год...

Глава VI

1917 год

Февральская революция полностью изменила нашу жизнь.

Вспоминая сейчас далекое прошлое, я думаю, что жизнь моя состоит из двух частей: до 1917 года и после. Конечно, для меня, маленького ребенка, эта перемена не могла быть очень заметной: скорее, все стало «не как раньше». Но для моих родителей перемена была полная и резко ощутимая. Русский Императорский флот пострадал первым, и очень сурово.

Император Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 года. Временное правительство, созданное 3 марта, оказалось абсолютно бессильным перед хорошо, с давних пор организованным за границей аппаратом большевистской партии, представителем которой был Совет рабочих депутатов, образовавшийся 27 февраля.

Действуя параллельно с Временным правительством, иногда с его более или менее сознательной помощью, Совет, пользуясь тяжелым военным положением, сумел выждать и подготовить полное разложение фронта, физическое истребление лучших его кадров и выбрать момент захвата власти: это будет Октябрьская революция.

Как ясно освещены картины пережитого бывшим председателем Государственной думы М.В. Родзянко в его статье «Государственная дума и Февральская 1917 года революция», появившейся в «Архивах русской революции» в Берлине в 1922 году. Его свидетельство подтверждает то, что наши военные круги знали уже в 1917 году, но что многие не знают до сих пор: «Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, конечно, существовал, хотя и тайно, без перерыва начиная с 1905 года, и своей агитационной деятельности не прекращал... 27 февраля вооруженные рабочие овладели зданием и помещением Государственной думы... Совет рабочих депутатов имел несомненно определенные директивы и действовал по заранее тонко и всесторонне обдуманному плану, однообразие которого сказывалось и в деревне, и в провинции, и в городах...

Ясно видно, что уже 27 февраля Совет рабочих депутатов, присоединивший к себе еще название солдатских депутатов, имел

определенную программу действия превращения политически национального переворота в социалистическую революцию, основанную на беспощадной классовой борьбе...

С самого начала все лозунги мирового интернационала налицо, но руководители вели свое дело осторожно... расточая целый букет посул о грядущих благах, и этим путем привлекали к себе массы, войска гарнизона и рабочих».

Родзянко, говоря о слабости и нерешительности правительства, ищет объяснений. Одна из указанных им причин — это сразу же установившееся двоевластие: с одной стороны — Совет рабочих и солдатских депутатов, ловко руководимый людьми, преследующими определенную цель и опирающимися на силу, с другой стороны — законное, но безоружное Временное правительство.

Капитальную роль в этом двусмысленном положении сыграл А.Ф. Керенский, одновременно министр Временного правительства и вице-председатель Совета рабочих депутатов.

«Я смело утверждаю, что никто не принес столько вреда России, как А.Ф. Керенский. Ведь несомненно, что он способствовал ввозу в Россию, в запечатанных для видимости только, вагонах того «букета» главарей большевизма, которые, добившись власти при помощи, главным образом, тех же революционированных запасных батальонов, залили кровью и покрыли позором всю матушку Россию. Это он, несомненно, из тайного сочувствия к большевикам, но, быть может, и в силу иных соображений побудил Временное правительство согласиться на этот преступный акт», — писал Родзянко.

Действительно, непостижимо, как законное правительство, находясь в состоянии войны с Германией, согласилось принять Ленина, которому немцы помогли пересечь их страну в надежде, что обещанное Лениным разложение Восточного фронта позволит им перебросить силы на запад.

Людвиг Фишер в своей книге «Жизнь Ленина» в деталях описывает это путешествие и прибытие в Россию: «Съехавшись со всех концов Швейцарии, путешественники собрались в Берне. Тут были Ленин и Крупская, Инесса Арманд, Григорий Зиновьев с женой, Григорий Сокольников, Карл Радек и другие — всего 31 взрослый и один маленький, курчавый четырехлетний мальчик, сын одного из членов еврейского Бунда. Вагон, в котором они разместились в Берне, не был «запечатан». (В своей книге «Моя жизнь» Троцкий пишет в кавычках слова «запечатанные вагоны».)

Располагая специальным вагоном и хорошим поваром, они путешествовали транзитом и не имели права выходить из поезда. Протокол, составленный Лениным и подписанный немецким послом в Швейцарии фон Ромбергом, определял условия путешествия: паспорта и багаж не подлежат контролю, немецкие власти не имеют права голоса в выборе пассажиров. Таким образом, эти последние пользовались правами дипломатической неприкос-

новенности; в этом смысле можно сказать, что вагон был «запечатанный». Кайзер лично распорядился, чтобы, в случае если Швеция откажет в транзите, революционеры могли пересечь немецкие линии Восточного фронта. В Халле поезд кронпринца прождал два часа, чтобы освободить путь поезду Ленина.

В Берлине немецкие социал-демократы пытались представиться Ленину... Он отказал им во встрече...

Ленин прибыл в Петроград к 11 часам вечера 3 апреля 1917 года за несколько дней до своего сорокасемилетия. С Финляндского вокзала его повезли в Императорский дворец, где его ждал официальный прием, на котором присутствовали председатель Петроградского совета Чхеидзе и министр Временного правительства Скоболев. Внимательный наблюдатель, присутствовавший на приеме, оставил следующие заметки: "Ленин держал себя так, будто все здесь происходящее его не касается: он разглядывал залу, людей, которые его окружили, и даже потолок, поправлял букет цветов — что так мало соответствовало его личности, потом он отвернулся от официальных представителей и обратился к «дорогим товарищам солдатам, матросам и рабочим».

Эти последние представляли его избирателей; на них он надеялся, чтобы свергнуть тех, кто его принимал, и завладеть государством.

Государство это Ленин намеревался впоследствии уничтожить, как он пишет в своем произведении «Государство и революция».

По свидетельству Людендорфа*, немецкое командование ничего не знало об этих намерениях, как не знал о них и Вильгельм II.

Тем не менее надо заметить, что уже с сентября 1914 года русские революционеры, обосновавшиеся в Швейцарии, поддерживали связь с немецкими властями. Немецкий посол в Берне, фон Ромберг, передал в 1915 году немецкому канцлеру Бетману Хольвегу меморандум, в котором подчеркнут важнейший пункт программы Ленина: переход от империалистической войны к гражданской.

Когда в 1917 году Германия разрешила Ленину ехать в Петроград через свою территорию, Ленин не стал колебаться. Фриц Платтен, швейцарский социалист, разработал с бароном фон Ромбергом все детали путешествия. Конечно, возник денежный вопрос. Фишер указывает лишь на ряд полученных Лениным сумм, но только в наше время, с открытием немецких архивов, стало известно, насколько дорого обошлось Германии «разложение Восточного фронта».

Приезд в апреле вождей большевистской партии усилил полномочия Совета рабочих и солдатских депутатов, который перестал принимать меры предосторожности. Его члены рассылались по всей стране, чтобы распропагандировать разложение фронта.

* Людендорф Эрих (1865 —1937) — немецкий генерал, во время Первой мировой войны фактически руководил военными действиями на Восточном фронте.

Первый удар по военной мощи России был нанесен, когда Временное правительство еще не существовало:

ПРИКАЗ № 1

1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.
2. Во всех воинских частях, которые еше не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 3 сего марта.
3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.
4. Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.
5. Всякого рода оружие, как-то винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем районных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.
6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни, солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.
7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.п. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение с ними на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Этот приказ из Петрограда — неизвестным распоряжением — был отослан на фронт. Были даже случаи, когда этот приказ передавали в огромном количестве из немецких окопов в русские.

Основа, на которой держалась военная мощь — дисциплина, была окончательно подорвана. Приказ № 1 оказался гениальной мерой, разработанной с немецкой помощью партией, которая готовила Октябрьскую революцию.

В книге Клод Анэ «Русская революция», изданной в Париже в 1918 году, мы находим следующее заявление одного из главных деятелей Совета рабочих и солдатских депутатов Иосифа Голденберга: «Приказ №1 не был ошибкой, это была необходимость... В тот день, когда мы создали революцию, мы поняли, что если мы не разрушим прежнюю армию, то она в свою очередь раздавит революцию. Нам надо было выбирать между армией и революци-

ей. Мы не колебались, мы выбрали последнюю и применили, смею сказать, гениальным образом необходимые средства».

Одно из первых «гениально примененных средств» было массовое убийство офицеров. Еще до того как Приказ №1 был напечатан, 28 февраля 1917 года в портах Балтики десятки офицеров были зверски замучены и убиты.

Уже несколько дней как в Ревеле было неспокойно. Конечно, родители старались оградить меня от происходившего, но я хорошо помню, как мама взволнованно говорила про Виренов. Что мог понять пятилетний ребенок?! Конечно, ни политического развития событий, ни даже опасности, которой подвергалась семья. И тем не менее куда-то исчезла ребяческая, веселая беззаботность, а живой детский ум запечатлевал отдельные картины, смысл которых я поняла много позже.

Какой печальный был тот вечер начала марта! Казалось, что город замер в каком-то оцепенении. Ночь быстро падала, и сильный ветер сметал, как мне казалось, с пустынной набережной бледный свет фонарей. В доме — тихо. В тот вечер только один папин товарищ по выпуску был у нас.

Я покинула скамейку у закругленного окна и вскарабкалась на высокий плетеный стул около него. Я очень любила Александра Карловича Ланге, несмотря на то что он совсем не похож на папу. Он имел склонность к полноте, никогда не торопился и носил зимой вокруг шеи толстое шерстяное кашне, что необыкновенно для молодого офицера. Его здравый смысл, не без юмора, ладил с папиными фантазиями, и их верная дружба длилась с первых лет Морского корпуса.

Обыкновенно очень спокойный, он не мог в тот вечер не беспокоиться о брате. Тревожные слухи доходили из Кронштадта. Больше двухсот офицеров были убиты. Что с Владимиром Ланге? Еще ничего не известно. Только много лет спустя я найду его имя в длинном мартирологе.

Про события в Кронштадте я тоже узнаю много позже. Капитан 2 ранга А.П. Лукин в своей книге «Флот» подробно описывает гибель адмирала Вирена, семью которого он хорошо знал, так же как и семью совсем молоденького мичмана Тарнавского, который чудом был спасен своими матросами.

Вот последние часы жизни адмирала, первой жертвы революции: «Возбужденная толпа вплотную подошла к массивному зданию дома главного командира. В окнах ни единого огонька. В мрачном блеске зеркальных стекол отсвечивалось зарево горевшего суда. В вестибюле сидели ординарцы и престарелый 84-летний городовой Церковный с колодкой медалей от одного плеча к другому. Со страхом наблюдали они надвигающуюся толпу. Размахивая саблями, ружьями, в пулеметных лентах, толпа бурными потоками окружила дом. Медь и барабаны нестройной, оглушительной Марсельезой ударили по стеклам и стенам домов.

Когда толпы еще не было, но когда она уже шла, охваченная своими инстинктами, к дому главного командира, было получено ошибочное сообщение, что толпа свернула. Вероятно, обитателям дома это вселило надежду, что опасность, хотя бы на сегодня, миновала, и адмирал, решив набраться сил для следующего дня, пошел к себе прилечь, убедив остальных последовать его примеру.

Утомленная двумя бессонными ночами, измученная пережитым, адмиральша одетая упала на постель и забылась тяжелым сном. Когда проснулась, было 5 часов 15 минут утра. У постели стояли дочь и сестра: «Я только что слышала голос папы. Он шел с командами мимо нашего дома». Вдруг из залы среднего этажа донеслись бравурные звуки рояля, взрывы смеха и шум многочисленных голосов. Поняв все, адмиральша вскочила с постели и бросилась вниз.

По лестнице с ружьями наперевес взбегали матросы. Впереди них был какой-то субъект с саблей наголо, в фуражке с козырьком и Аннинской лентой через плечо.

— Что вы хотите?!

— Не бойтесь, мадам, — остановились матросы. — Мы женщин не трогаем. Мы боремся за свободу и ищем оружие.

— Вот вам револьвер моего мужа. Но умоляю вас, не проливайте крови.

Вожак старался успокоить женщин:

— Не тревожьтесь за судьбу адмирала. Мы арестовываем офицеров, чтобы избежать кровопролития. Вы сегодня же будете допущены к нему и принесете ему пищу.

Внизу шел повальный грабеж. Голодная улица накинулась на съестное и пожирала его. Все было перевернуто вверх дном. Особенно пострадал кабинет. Письменный стол стоял с вывороченными, опустошенными ящиками. По всей комнате валялись клочки бумаги, письма, конверты. На полу лежал Георгиевский крест адмирала, его орден Белого Орла, адмиральские эполеты. Разбитый несгораемый шкаф зиял пустотой. Деньги, фамильное серебро, драгоценности, царские подарки были разграблены...

Но что же стало с самим адмиралом?

Когда толпа окружила его дом, группа вооруженных до зубов матросов вошла в вестибюль:

— Где главный командир?

— Спит, — ответили ординарцы.

Матросы засмеялись:

— Спит?! Ну и пущай спит. Мы еще сами не знаем, для чего он нам нужен.

Матросы ушли. Было около пяти часов утра. Вскоре они вернулись.

— Разбудите адмирала! Скажите, что мы просим его выйти к нам.

Адмирал не спал. Он знал, что придут за ним, и ждал этого. Когда запыхавшийся ординарец, бледный и испуганный, прибе-

жал с докладом, он был готов. С лицом, полным решимости, спокойно надел пальто, фуражку, застегнул перчатки и вышел к подъезду.

— Здорово, ребята!

Услышав знакомый голос грозного главного командира, толпа стихла. Матросы, как один, ответили по привычке: «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство!» Адмирал спустился к ним. Толпа окружила его и, подпираемая со всех сторон, стала отдаляться от дома. Адмирал что-то громко говорил. Стоявшие возле него слушали его. Но задние напирали, и адмирал, в своем кольце увлекаемый толпой, все дальше и дальше отходил от дома, подвигаясь к собору.

Вдруг, один за другим, сверкнули два выстрела, и смертельно раненный в спину адмирал упал. Это была первая жертва. Первая кровь. Обезображенный труп адмирала, героя Порт-Артура, еще недавно спасшего Кронштадт, приволокли к Якорной площади и сбросили в тот самый ров, куда потом побросали тела остальных офицеров».

Так начался 1917 год.

Теперь я знаю: офицеры поняли очень быстро, что флот не может рассчитывать на какую-либо помощь со стороны законного, но бессильного Временного правительства и что с учреждением Советской власти само его существование находится под постоянной угрозой.

Да как не понять, когда во главе морского ведомства фактически оказался баталерский юнга с «Гангута», судимый за кражу бушлата, некий Дыбенко; руководителем же «мозга флота» — Главного штаба явился самозванный мичман-недоучка Раскольников (Ильин). Будущее подтвердит их опасения.

А война продолжалась, в то время как все устои рушились! Как найти свой путь в полном хаосе? Само чувство долга колебалось перед выбором.

Но для моего отца, с его пренебрежением к материальным лишениям, с его презрением к приспособленцам, с его верностью присяге, путь был только один — все другие были неприемлемы. Ни опасность, ни «новые веяния» не смогли сломить его веру в полноценность того, чему он присягал, и его имя осталось в памяти моряков. Мне случалось слышать рассказы о нем от людей, которые его даже не знали лично. Мама только дополняла рассказанное...

Ревель в первые дни революции; ходят слухи об отречении Государя, но официально еще ничего не известно.

«Невка» не в плавании, стоит в порту, а папу посылают в Центральное управление службы связи. Утро. По уставу офицеры и матросы в строю поют молитву. Затем должен следовать гимн, но матросы молчат. Несколько решающих секунд! Но вот уже их офицер — мой отец — перед ними, лицом к экипажу, глядя им в глаза, запевает своим неправильным, фальшивым голосом ни на что не похожий гимн, но слова отчетливы: «Боже, Царя храни!»

Едва заметное колебание, и вдруг целый хор молодых, сильных голосов подхватывает за ним, и в чистом утреннем воздухе, в самом центре города, охваченного революцией, звучит: «Боже, Царя храни!».

Переполох в Ревеле! Переполох в Главном штабе: «Кому пришло в голову послать Манштейна в службу связи?»

Как такой человек, абсолютно не умеющий приспосабливаться к обстоятельствам, мог выжить в это смутное время?!

Во-первых, всякое бывает! Случается, что опрометчивая решительность помогает лучше, чем чрезмерная осторожность. А с другой стороны, факт, что папа командовал маленьким судном, на котором он был единственный офицер, тоже сыграл свою роль. Матросы очень хорошо его знали, и никто бы не смог их убедить, что их командир кровопийца!

Когда уже офицеры были отстранены и корабли находились в руках революционных комитетов, матросы с «Невки» приходили нас предупредить: «Не надо, чтобы господин командир был этой ночью дома. За ним придут».

Бравый Гаврилюк, который мне так нравился, не он ли следил теперь за нашей безопасностью?! Вероятно все же, что многие на корабле вспоминали своего командира, так как при раздаче провизии кто-нибудь всегда приносил «часть», которую ему честно откладывали и которую, конечно же, мы с радостью принимали.

Уже с некоторых пор жалованье не платилось, и мама с папой работали сапожниками. Опыт, который папа приобрел, сшив на мамино рожденье пару ботинок, очень пригодился: папа умел теперь тачать сапоги! Мама помогала, как могла. Даже теперь я вижу их склоненными над сапогами... Мама засыпала, сидя в редкие минуты отдыха. Но если они теперь и умели шить сапоги, то они все еще не умели получать за работу деньги. Не умея торговаться, папа иногда выходил из себя: «Берите и уходите, я их вам дарю!»

В апреле 1917 года в Ревеле родилась моя сестра Ольга — Люша. Крестины были в Парголове у тети Кати. Я была крестная и очень этим гордилась!.. Все мое детство я себя чувствовала очень ответственной за моих сестер.

Насколько я помню, праздник был очень веселый; погода прекрасная, семья, собравшись в последний раз, старалась забыть в этот день повседневные заботы.

Плохо помню, как прошло лето: длинные скучные дни в опустошенной квартире; мама и папа нагнулись над столиком, заваленным сапогами; тихая Люша, которая никогда не плакала; даже Слава Раден куда-то исчез.

И на этом повседневном, расплывчатом фоне — последняя сильная картина истекающего 17-го года. Почему мы с мамой и маленькой Бусей были в этот пасмурный осенний день в Петрограде?! Никого из семьи не помню. Мы были как оторванные от

всего в большом неузнаваемом городе. Мама, очень близорукая, не сразу заметила, что жизнь вокруг нас замирала: улицы пустели, магазины, администрации, банки спешно закрывались.

25 октября 1917 года! Огромные грузовики с шумом катятся по середине шоссе, солдаты стоят с ружьями наперевес... а мы с мамой бежим... бежим к вокзалу... Мама держит меня за руку, в другой руке у нее какие-то пакеты; я тяну Бусю за поводок, но ее маленькие ножки плохо поспевают. К тому же начинает идти мелкий дождь и я сама скольжу... Перед глазами только ромбовидный узор тротуара, очень, как мне казалось, широкого и бесконечно длинного — через весь этот пустынный большой город... где нет больше извозчиков, где вокзал очень далеко и где никак нельзя остановиться.

Мы успели на последний поезд, и долго еще билось сердце, и в ушах звенел шум разбиваемого стекла: это выбивали вокзальные окна.

В тот день мы покинули Петроград — мамин Петербург — навсегда... Она его больше никогда не увидит, но она будет говорить о нем всю свою жизнь. И я тоже буду рассказывать о нем моим детям и, особенно, моим внукам. Когда они были еще совсем маленькими, на Мадагаскаре, по дороге в «Majunga» я им рассказывала его сказочную историю. С тех пор случалось, что в длинном путешествии они меня просили: «Пожалуйста! Расскажи нам о Санкт-Петербурге».

Так, на пустынных тропах далекого острова, на берегах Индийского океана, теплилась жизнь потерявшего свое имя города — столицы России, стертой с мировой карты.

Глава VII

1918 год

В феврале 1918 года немецкая армия заняла Ревель. Помню даже нашу первую встречу с немецкими солдатами. Мы с Машей вышли гулять, не зная, что «блюстители порядка» предприняли ловлю бродячих собак.

Маленькая Буся чинно шла рядом с нами, когда большая сеть, ловко брошенная, обкрутила ее со всех сторон. Все произошло очень быстро. Быстро... и очень деловито: не теряя ни минуты, присев, я отбросила сеть и уже, не успев даже испугаться, стояла, прижимая Бусю к груди. Вероятно, вид решительной пятилетней девочки был очень смешен. Глядя на меня, солдаты начали смеяться, и мы спокойно вернулись домой.

Очень скоро русские офицеры были интернированы. Мы с мамой ходили носить папе еду; в большом зале стояли кровати, одна рядом с другой, как в госпитале. Мы садились на кровать, и часто разговор становился общим. Некоторые даже шутили: один из офицеров финского происхождения — звали его Линдебек — докучал немецкой администрации, ссылаясь на свое «незаконное заключение», и перед сном, уже в кровати, заявлял во всеуслышание: «Спи, бедный финн!»

Другой случай произошел в самом начале, при проверке личных документов: к одному из офицеров с чисто немецкой фамилией контролер обратился по-немецки. Машинально офицер ответил на том же языке:

— Религия?

— Лютеранин.

— Вы свободны!

— Почему? Я русский офицер!

Он был вне себя. Он требовал, чтобы его арестовали вместе с товарищами. Безуспешно!

Что касается папы, вопрос был быстро решен: его незнание немецкого языка и его православная религия не позволяли сомневаться в его национальности.

Вопрос о национальности, который в наши дни имеет такое важное значение, не был камнем преткновения в старой России. Я не говорю о семьях, которые со времен Петра верно служили России: иностранного у них, кроме фамилии, ничего не было. Но

я знала семьи, совсем недавно обосновавшиеся в России, но которые, несмотря на французские, немецкие или английские паспорта, горько оплакивали в эмиграции свою потерянную родину.

Так, чисто русским уголком был в Бизерте дом адмиральши Адельгунды Яковлевны Ворожейкиной. Для милого гостя была ласковая встреча: чашка чая у самовара, булочка с домашним вареньем. На большие праздники лампадка горела перед иконой. На Рождество каждый должен был попробовать взвар и кутью; на Пасху — куличи, и все было так искусно приготовлено, как мало кто из нас умел. Она знала все обычаи, связанные с религиозными праздниками: когда надо было съесть «хоть ложку меда», чтобы быть счастливым целый год, когда открывать клетки и выпускать птиц на волю. А все, что касалось флота, было ей особенно дорого.

Тем не менее она оставалась англиканского вероисповедания и не забывала свой родной остров Святого Фомы в Антильском архипелаге. Своим трогательно-забавным русским языком, в котором женский и мужской род неожиданно менялись местами, она рассказывала о своем далеком детстве... Черная няня, суеверия сказочных караибов, ядовитые или лечебные растения, черепаший суп и соусы из редких трав. Дочь английского консула, она познакомилась с будущим мужем, впоследствии адмиралом Русского Императорского флота, на приеме в честь русской эскадры. Покинув в 19 лет свой тропический остров для далекой России, она никогда об этом не жалела, даже оказавшись в изгнании. Около своего полного, маленького роста, торжественно-величаво передвигающегося мужа и осторожного, из всего делающего тайну сына, она была самая русская из троих.

Все они уже давно покинули этот свет. Какой-то тунисец получил все, что осталось в квартире.

Я жалею, что не спасла портрет Адельгунды Яковлевны: совсем юная девушка, хрупкая и грациозная, тонкие черты лица, обрамленного светло-пепельными волосами. Я упустила прошлое!.. Караибы, Россия и разбитое бизертское кладбище!.. Прошлое!

* * *

В том 1918 году, страшном для всех, мои родители тяжело пережили убийство царской семьи. В ночь с 17 на 18 июля вся семья была замучена в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Первый раз в жизни я видела, что мама плачет. «Несчастные, — говорила она, — несчастные...» Тогда она еще не знала подробностей зверского убийства. Она вспоминала, что ей случалось иногда видеть в Петербурге этих, теперь замученных детей, а тогда улыбающихся прохожим, простых, приветливых. Казалось, что прошлое России уничтожено! Что России больше нет. Даже маленьким ребенком я понимала, что «все потерялось» вокруг меня.

В своем дневнике от 27 июня 1917 года молоденькая княжна Екатерина Сайн-Виттгенштейн, ведущая записи изо дня в день в течение первых лет революции, замечала с отчаянием: «Россия погибает! Возможно ли, чтобы люди, обладающие разумом, не отдавали себе в этом отчет. Ни один из тех, кто мог бы что-нибудь сказать, не говорит ни о стране, ни о России. Россия больше не существует! Существуют «пролетарии всех стран», свободные Украина, Финляндия, Крым, Сибирь, Кавказ и приблизительно двадцать других независимых республик. В теории в целом этот организм носит название «Свободная Россия», но где свобода и где Россия, никто не знает.

То, что называется «русская республика», не имеет ни президента, ни парламента, но их заменяет Совет рабочих депутатов. Нет больше ответственных министров, но на их месте так называемое Временное правительство, не имеющее ни власти, ни силы, ни умения проявить какой-либо авторитет, как это можно было бы ожидать от всякого правительства».

Вот как двадцатилетняя девушка передает то, что чувствовали все те, кто любил свою страну. История была впоследствии так искажена, что писатель А.И. Солженицын признает, что ему понадобилось много лет опыта и работы над восьмью книгами, чтобы познать истину. Можно ли верить в искренность такого видного члена партии, как Л.Б. Красин, когда он в письме к жене от 6 июня 1923 года описывает разработку новой конституции: «попал я к сессии ЦИКа, принимали проект новой Конституции Союза Советских Социалистических Республик...

...Несомненно, что объективный смысл этой реформы состоит в приближении от множественных республик к единой, но при наличности большого национального сепаратизма, особенно в верхних слоях советского (и партийного) аппарата, приходится принимать множество всяких гарантий, обеспечивающих свободное выявление и самоопределение всяких национальностей, да и весь Союз объявляется добровольным, и всякая республика, если захочет, может из него выйти, но, конечно, не захочет; зачем ей хотеть и куда иначе она вообще может деваться».

Вопрос, который остается злободневным и в наше время! Вопреки принципам мирового интернационала, Ленин, стремясь уничтожить Российскую империю, нареченную с этой целью «тюрьмой народов», способствовал развитию национальных течений в народностях, ее составлявших. Это оказалось чревато последствиями: развившийся национализм все пережил. Народы СССР, на словах независимые, были в руках Коммунистической партии. Причины распада СССР имеют глубокие корни, искать которые надо еще в 1917 году.

Глава VIII

ПРОЩАЙ, БАЛТИЙСКИЙ КРАЙ!

Трудно сказать, как мы жили в течение шести месяцев, пока папа сидел в лагере. Кажется, мама продала все, что было возможно. Я никогда больше не видела на ней ни одной, даже самой скромной драгоценности.

Слава совсем исчез, и только много позже я узнала, что уже летом 1917 года Радены уехали на юг.

Все, кто понимал угрозу надвигавшихся событий, чувствовали необходимость объединиться для защиты Родины. Так зародилась Белая борьба под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России. Узнавались пункты, куда надо было пробираться, и, несмотря на постоянную слежку, многие уезжали с опасностью для жизни, главным образом холостые и старшие ученики военных училищ. Много труднее было семейным.

...Последние июльские дни в Ревеле... Ни поездов, ни почты, ни, конечно, сведений о родных и друзьях.

Рубежное! Только там могли бы мы быть у себя, но и там ждала нас полная неизвестность. После лозунгов, суливших крестьянам помещичьи земли, сколько помещиков было убито, сколько поместий разграблено и сожжено!

Однажды мама вернулась домой с новостью: формировался поезд-эшелон на Украину, которая объявила свою независимость. Мы чуть его не пропустили: поезд был для «украинцев», а не для «русских». После многих хлопот нам разрешили ехать как «уроженцам Украины». Единственным «уроженцем» была я, родившаяся в Лисичанске. Сколько раз впоследствии за границей столкнемся мы с таким же национальным фанатизмом!

Для сборов не потребовалось много времени. Мы жили в меблированной квартире, все ценное распродано. Наше имущество поместилось в одну корзину, довольно неудобную; не помню, как папа ее понес. Мама несла Люшу на руках, а я вела Бусю.

В товарном вагоне без окон мы разместились в углу на полу возле других пассажиров. Дверь оставалась открытой днем и ночью, и папа с мамой спали по очереди, опасаясь, что, встав ночью, я выпаду спросонья из поезда.

Как рассказать об этом путешествии?!

Часть нашей жизни перестала существовать. Не знаю, как проходил день, как мы одевались, как мы ели, о чем говорили, кто был вокруг нас. И тем не менее этот бег поезда с притихшими людьми оставил во мне такое впечатление, что я до сих пор ощущаю его реальность.

Однажды, рассказывая об этом, я заново так сильно все переживала, что это чувство передалось моему внуку: «Бабу, картина разлуки у поезда из «Доктора Живаго» — это как твое путешествие».

Казалось, что мы никогда никуда не приедем. В полумраке вагона, бросаемого справа налево и слева направо, стремящегося под неровный стук колес к неопределенной цели, мы были полностью оторваны от нашей предыдущей жизни.

Иногда поезд останавливался посреди пустого поля. Недостаток угля? Близость фронта? Бандиты?.. Все выходили из вагонов...

Случалось, что в дороге мы получали помощь Красного Креста. Я навсегда запомнила неповторимый вкус сгущенного молока, которое раздавали детям.

Остановки! Русские равнины, поля, цветы, летнее солнце... Но измученные люди их больше не видели...

Наступил все же день, когда мы приехали в Харьков. Возвращение к жизни! Вероятно, в наши дни космонавты чувствуют то же самое, приземляясь. Поезд в Рубежное уходил с другого вокзала. Надо было взять извозчика.

— Сколько я вам должна? — спросила мама.

— Сорок рублей.

— Вот последние, — и мама опустошила кошелек.

Извозчик поднял на нас глаза; надо думать, что вид у нас был невеселый. Папа с корзиной, маленькая Люша, уже слишком тяжелая для мамы, и я с Бусей. «Давайте двадцать», — сказал извозчик. Мы запомнили этого человека на всю жизнь.

Ночь в поезде «Харьков — Рубежное» мы с Бусей просидели, приютившись в уголке широкой скамьи, на которой спали, растянувшись во весь рост, двое взрослых людей. Мне казалось несправедливым, что они не хотят уступить немного места таким маленьким, как мы!

Утром, когда мы были уже недалеко от станции Насветевич, папа стал расспрашивать пассажиров. Поместье Рубежное около Лисичанска?.. Никто ничего точно не знал. Некоторые слышали, что дом сгорел... Другие, что владелец ранен... Мама старалась нас успокоить: «Ну вы же видите, что это только все по слухам!» Но выбирать не приходилось. Короткая остановка перед маленьким белым вокзалом — и только мы одни спустились с поезда.

Как только он отошел и шум колес затих, нас окружила полная тишина. Железнодорожная станция... И ни одной живой души! И нас, конечно, никто не мог встретить. Прямой путь — это широкая тропа в гору, где высоко над Донцом, в глубине парка, прячется дом. Великолепие украинского лета, глубокая тишина знакомой природы, чувство, что мы у себя после бесконечных

дней, полных неизвестности; от этого пережитые волнения отступали.

Мы поднимались медленно: багаж, жара, усталость и тревожный вопрос: «Что ждет нас наверху?» Мы часто останавливались, чтобы передохнуть, и снова собирались с силами, и снова в гору!..

Наконец, мы у садовой маленькой калитки, которой мало кто пользуется. Увы! Она забита толстой доской, все заброшено, все пустынно. Сколько тоски в этой заколоченной калитке! За разросшейся зеленью ничего не видно, ничего не слышно. Удручающая тишина. Кажется, что никого нет в большом доме и что все заросло, все вымерло в старом парке. «Если никого нет, мы пойдем в деревню к Анне Петровне», — решает мама. Опять в дорогу! Идем вдоль забора к главному подъезду.

Вдруг, через большую щель в заборе, выскакивает из парка маленькая девочка и от неожиданности останавливается как вкопанная. Первое для нас проявление жизни.

— Кто сейчас в большом доме?

— Барина нет, но генеральша здесь.

Баба Тата в Рубежном, и дом еще стоит! Усталости как не бывало!

Зачем нам парадное крыльцо, когда есть дыра в заборе! В конце двора небольшая прямая фигура, защищаясь рукой-козырьком от солнца, старается разглядеть новоприбывших. Радость неожиданной встречи переживается нами как чудо. Члены разбросанной семьи, без всякой связи друг с другом, в тяжелую минуту разлуки потянулись к верному убежищу — Рубежному. В шесть лет я возвращаюсь в мое волшебное царство, и для меня, мановением волшебной палочки, замок Спящей красавицы очнулся ото сна. Это твердое детское убеждение никогда меня не покидает.

Здесь было даже много народа: баба Тата и Кузен, дядя Ника и, конечно, Анна Георгиевна; даже старенькая Анна Петровна приходила каждый день. Повар Михаил Иванович и горничная Наташа еще помогали вести скромное домашнее хозяйство отживавшей усадьбы. Конец лета 1918 года был для нас концом навсегда ушедших времен, от которых вскоре не останется и следа.

Для меня настало время личных открытий. Я была уже «большая девочка». Не помню, чтобы я когда-нибудь скучала. Приходили ребятишки из деревни, вероятно, немного старше меня. Дома при мне всегда была Буся и бабушкина такса Тусик.

Постоянным спутником в прогулках по парку был мой сверстник Сережа. Мы знали каждую аллею, каждую тропу, лазили по деревьям и прятались в разросшихся кустах сирени. Я и по сей день знаю, где росли фиалки, где можно найти орешки и где так заманчиво ютились маленькие бархатистые огурчики. Крапива, которую собирали для супа, была нежно-зеленая, а розы для варенья отличались своими крупными головками со множеством пахучих лепестков.

Как интересно все для ребенка в жизни: конюшни и хлева, мягкие и теплые губы лошади, которая осторожно берет сахар с ладони, ласковые и глубокие глаза коровы, возня розовых поросят вокруг ведра дымящихся помоев, только что принесенных из кухни, и рыло свиньи, протянутое к любопытной маленькой визитерше, которая однажды резким движением всадила ей два пальца в ноздри. Я хотела сама кормить кур, и их кудахтанье, когда они в спешке пробегали мимо рассыпанных зерен, меня очень забавляло. Но к индюкам я не имела никакого доверия. Один из них однажды набросился на маленькую Люшу, гулявшую во дворе. Я запомнила, как Люша бежала, индюк за ней, а мы за индюком!

Зато гуси очень привязываются к хозяину. Мой добрый Кузен очень подружился с одним гусем, который часто садился к нему на колени.

Я ходила за Анной Петровной в погреб, выложенный из больших толстых камней: несколько ступенек вели под землю, где огромные куски льда, завернутые в солому, поддерживали все лето приятную прохладу. На полках, вдоль стен, стояли бесчисленные банки разных размеров: запасы варенья, сиропов, меда, солений и маринадов на всю зиму. Но в то лето мало что заготавливалось, хотя август и сентябрь прошли спокойно.

Еще до нашего приезда революционные лозунги докатились до Донбасса. Имение было разграблено, но дом не пострадал. Бабушка во время грабежа находилась в госпитале при раненом Нике и, вернувшись, ничего не нашла из своих вещей. Украли все, что можно унести. Единственно, что осталось, это белое кружевное домашнее платье, которое было на ней, когда Нику нашли в парке с простреленной грудью. Он пытался застрелиться: Ольга его не любила!

Весна 1918 года прошла здесь сравнительно спокойно. После Брест-Литовского мира в марте немцы заняли Украину, которая с 22 января объявила себя независимой республикой. С помощью немцев и под их контролем правительство гетмана Скоропадского, взявшее власть в апреле, пыталось восстановить порядок в стране.

Задача была трудная: слишком мало вооруженной силы, недостаток государственных чиновников, и, хотя Одесса и Николаев были включены в Украину, кораблей не было, за исключением нескольких маленьких рыболовных судов. Скоро в Рубежном появились немецкие солдаты.

Как часто бывает в таких случаях — стали сводиться личные счеты. По доносу немцами был невинно арестован еврей, бухгалтер стекольной фабрики. Бабушка хлопотала за него, и его освободили. Желая отблагодарить, он много позже, сам того не подозревая, спас маму от смерти.

Когда мы добрались до Рубежного в конце июля, немцев уже не было. Большевиков тоже. Мы оказались на каком-то перепу-

тье, куда еще никто не дошел, и все дышали свободнее. Но как жить?! Денег не хватало.

Мужчины решили варить мыло и свечи с помощью польского химика по имени Макарень. Для начала построили печь. Утром они уходили по дороге в Лисичанск и возвращались под вечер, очень довольные. Мне кажется даже, что я видела большие куски мыла, но не знаю, как шла продажа.

Мыловарение скоро закончилось, так как папа и Кузен, очень странно одетые, куда-то ушли. Ника исчез раньше. Я поняла сама, что не надо об этом говорить. Они уехали на телеге с сеном до Харькова; потом никто не знал, как они будут пробираться на Кавказ, где по слухам организовывалось сопротивление.

Еще летом 1917 года среди молодых офицеров армии и флота и учащейся военной молодежи возникла мысль о необходимости объединиться для защиты Родины. Воспользовавшись именем Совета казачьих войск, находившегося в Петрограде на Знаменской улице, была создана патриотическая организация, во главе которой стоял командир лейб-гвардии Измайловского полка полковник Веденяпин.

Организация состояла из армейских офицеров, офицеров Дикой дивизии и моторизованных войск. Члены организации, группами в пять человек, пробирались в Новочеркасск, где с ноября 1917 года генерал Алексеев формировал Добровольческую армию. В Гельсингфорсе адмирал Михаил Андреевич Беренс разъяснял обращавшимся к нему молодым офицерам, как туда лучше добраться. Развал Балтийского флота прогрессировал. Это особенно чувствовалось после зверского убийства командующего флотом адмирала Непенина. С первых же дней революции моряки-офицеры поняли, что флоту грозит полное уничтожение. Их опасения подтвердили события 1918 года.

Декретом Совета народных комиссаров от 29 января 1918 года объявлялось, что Российский флот, «существующий на основах всеобщей воинской повинности, установленной царскими законами, объявляется распущенным и организуется социалистический рабоче-крестьянский флот на вольнонаемных началах».

Были распущены все военные училища и корпуса, в июне 1918 года Ленин и Троцкий подписали приказ затопить Черноморский флот в Новороссийске, до которого немцы так никогда и не дошли.

Такой же приказ получил Балтийский флот в Гельсингфорсе еще в начале года. Капитан 1 ранга А.Н. Щастный, возглавлявший «Ледовый поход» из Гельсингфорса в Кронштадт и спасший от немцев около 200 вымпелов, был обвинен Троцким в «саботаже» и расстрелян 22 июня 1918 года.

Все, кто тяжело переживал те события, кто имел возможность, стремились туда, где организовывалось сопротивление.

Так, осенью 1918 года все мужчины покинули Рубежное. Нет уже людей, переживших те дни, осталась только память. Как писал И.С. Шмелев: «Годы борьбы: Юг, Север, Ледяной Поход, Сибирь, Урал, Кубань и Крым!

...Три года бились — в пожаре...

С голыми руками пошли они... и доходили: до Орла, от Юга до Казани, от океана до Петрограда с Запада... Сотни тысяч их полегли в боях, брошены в овраги, в ямы, в реки, в моря...

И они ушли из России, в себе понесли Россию — носят в себе доселе.

Кто напишет о них достойное слово?»

Я хорошо знала многих из них. Вся моя жизнь прошла с ними в Бизерте, куда пришли умирать остатки Русского Императорского флота. Вот почему в моих воспоминаниях память о прежней славе, о Голгофе наших моряков и юная надежда на возрождение занимают такое большое место.

Глава IX

ПОСЛЕДНИЙ ГОД В РУБЕЖНОМ

Когда большевики появились в Рубежном, в доме оставались одни только женщины, что было менее опасно, хотя угроза существовала, так как убийства помещиков возобновились.

Мы уже больше не были «владельцами»: Рубежное принадлежало «народу». К счастью для нас, два комитета, Совет рабочих и Совет крестьян, оспаривали права на усадьбу. Когда один из комитетов появлялся у крыльца, чтобы нас выселить, бабушка звонила другому: «Я, мол, всегда думала, что дом принадлежит вам, не знаю, что и делать...» Сразу же второй комитет появлялся у другого крыльца. Начинались бесконечные пререкания, которые, конечно, не могли разрешить вопроса. Непримиримые соперники уходили... а мы оставались! Но надолго ли?..

Последняя фотография «нашего» Рубежного датирована 10 сентября 1918 года. От нее веет грустью и запущенностью. Дом требовал покраски, ступени крыльца и большие колонны несли следы разрушения...

С начала учебного года мама работала учительницей в школе при стекольной фабрике. Эта работа с детьми, которых она любила, позволила нам выжить. Приближалась зима... Урожай, скот — все было «реквизировано». К счастью, нам оставили одну корову, из-за рождения Шуры в октябре. Но как кормить корову, когда нет сена? У нас, конечно, были хорошие отношения с крестьянами, среди которых были даже очень зажиточные. Но и для них настали тяжелые времена. Великая война, Гражданская война, грабившие население банды...

Многие крестьяне не верили в обещанную раздачу земель и начинали опасаться реквизиций.

Анна Петровна знала кое-кого, кто хотел бы нам помочь. Но как помочь барам и не быть обвиненным в контрреволюции? Это делали тайком. Я помню одну из встреч в хлеву.

...Зима. Все кругом спит. Мы пересекаем двор, погружаясь в снег. Группа крестьян выгружает сено.

Бабушка с мамой беспокоятся:

— Мы не можем столько взять. У нас не хватит денег.

И решительный ответ старшины:

— Ничего! Берите! Когда будут деньги, вы нам заплатите. А не будет денег, лучше вам даром отдать, чем эти свиньи все отберут!

Вот смельчак, который не побоялся доноса, в то время как предатели были везде. По любому навету людей посылали в тюрьму и часто на смерть.

В декабре 1917 года Ленин поручил Дзержинскому организацию ВЧК, полномочия которой — судить «врагов народа» и немедленно исполнять приговор.

Создание в сентябре 1918 года концентрационных лагерей позволяло избавиться от любого, кто считался опасным для системы. Дзержинский предложил брать заложников из помещиков и высших слоев общества: последовали массовые убийства, число жертв которых до сих пор не установлено.

Мы очень быстро узнали о смерти моего крестного, дяди Коли Дудинского; помещик Смоленской губернии, он всю жизнь старался улучшить жизнь крестьян. Так как его очень любили в Смоленске, его взяли заложником и увезли в другую губернию, где сразу же расстреляли без всякого суда.

Осталась одна только столетней давности фотография: красивое энергичное лицо, ясный взор умных глаз, полных живой мысли. Такие люди послужили прообразом героев Толстого и Тургенева; благодаря им Россия заняла исключительное место в мировой культуре.

Осень, зима 1918/19 года. Новости доходили нерегулярно; самые разные тревожные слухи распространялись запуганными людьми. Одно лишь было ясно для всех: не надо быть помещиком и не надо иметь офицеров в семье.

Мы были неоспоримо хозяева Рубежного — «паны». С другой стороны, мы были семьей учительницы, ученики которой были дети рабочих; учительницы, очень любимой своими учениками. Для мамы они были прежде всего дети, и часто несчастные дети. Она иногда возвращалась домой расстроенная:

— Маленькая Саша ошпарилась!

— Нюра упала со второго этажа!

Она носила им игрушки, которые могла еще найти в доме, она страдала за них, и дети это знали. Между хорошим преподавателем и учениками устанавливаются особые отношения, в которых ни социальные, ни политические условности не имеют никакого значения. Впоследствии я испытала это на собственном опыте!..

Вскоре, совсем неожиданно, появился уже знакомый бабушке «человек с коляской и 5000 рублями». Он был теперь комиссаром округа! Сохранил ли он хоть немного благодарности к бабушке? Во всяком случае с обыском он пришел только один раз и, как видно, потому, что не мог от этого уклониться; держал себя при этом вполне корректно.

Зато члены комитетов учащали обыски. Конечно, фотографии военных и военные отличия — эти явные «признаки контррево-

люции» — были давно зарыты в парке, под кустом сирени. Мы откопали их позже.

Правда, тетя Аня не нашла небольшую коробочку с золотыми монетами, которую зарыла еще до нашего приезда. Мама только удивлялась: «Русской доверчивости нет границ!»

Местность была открытая; пожалуй, даже издалека, несмотря на темноту, можно было увидеть тех, кто участвовал в этом предприятии... Австрийский военнопленный Вацлав, который работал в Рубежном садовником, копал землю. Ничего нельзя поставить ему в вину, общее мнение о нем было самое хорошее, но знали-то его только год или два, и, даже будучи безупречно честным, сумел бы он никогда не проговориться?

Закопав «контрреволюцию» в парке, мы спокойнее ждали обысков. Ждали когда угодно, и днем и ночью. Знали ли те люди, что они ищут? Многие из них были, наверное, просто любопытные.

— Смотри, Ванька, — говорил деревенский парень товарищу, крутя выключатель в зале, — поворачиваю один раз — одна лампочка зажигается, поворачиваю два раза — две лампочки зажигаются...

Раскрывая шкафы, они переворачивали белье, содержимое ящиков вытряхивали на пол...

— Ищите, раз это ваш долг, — говорила бабушка, — но будьте вежливы. Это инструкции вашего правительства, — и она разворачивала перед ними местную газету.

Спокойствие бабы Таты и мамы, безусловно, производило впечатление. Возможно, наши визитеры думали, что кто-то за нами стоит! Спокойствие! Ни при каких обстоятельствах не предаваться панике! Ведь опасность была во всем!.. Во время обыска разговор беспрестанно шел о «врагах народа» и о том, что их ждет.

Однажды мама, очень некстати, возмутилась. На вопрос, кто ее муж, она поначалу осторожно ответила: «Моряк». Колебания в группе, переглядывания и наконец успокаивающий вывод:

— Это хорошо. Матросы были первые львы революции!

— Но мой муж не матрос! Он офицер!

Не то возмутило маму, что папу сочли за матроса, а то, что его произвели в «льва революции». К счастью, мамины замечания не всегда были настолько опасны. В павильоне в парке размещалась большая юридическая библиотека дяди Мирона. Однажды во время обыска один из молодых «активных деятелей» заявил, что все книги надо сжечь, так как судить следует по совести, а не по законам. На это мама ответила, что «закон одинаков для всех, в то время как совесть...»

Особенно хорошо помню я один из таких обысков, который мог плохо закончиться. Группа членов одного из комитетов, очень разнородная, в полумраке гостиной рылась в ящичках письменного стола. Как была забыта и попала им в руки фотография генерала Насветевича в форме и при орденах?!

— Вот она контрреволюция! Мы ее уносим! Вы за нее ответите!

— Вы ее никуда не унесете. Это фотография моего отца, который давно умер и не представляет никакой опасности для революции!

Бабушка внимательно искала глазами в группе хоть одно знакомое лицо:

— Да вот же один из старшин деревни! Он вам скажет, что это давно уже скончавшийся Александр Насветевич.

Старый крестьянин это подтвердил. Обыск продолжался, и вдруг неожиданно среди бумаг они увидели портрет Александра II, подаренный когда-то Насветевичу и подписанный рукой самого Государя. Мама признавалась потом, что сердце у нее замерло от страха.

— Опять их отец! Оставь, — сказал молодой парнишка, читая через плечо своего товарища подпись императора.

Иногда слежка принимала скрытую форму. Однажды во время обыска какой-то бородач ласково выведывал у меня, где мой папа. Я действительно этого не знала и могла ему ответить, не прибегая ко лжи. Но если бы и знала, то все равно ничего не сказала, так ясно чувствовала я в нем неискренность. Как часто недооценивают взрослые суждение детей!

В длинные зимние вечера в темном парке скользили украдкой смутные тени. Мы знали, что за нами следят через ярко освещенные окна. Макарень, который часто приходил к нам, был потрясен. Он не скрывал, что мамина и бабушкина неосторожность пугает его. А они, в свою очередь, считали его трусом. Трусом он, конечно, не был, иначе давно прервал бы с нами всякие отношения. С каких пор обосновался Макарень в Донбассе? Застал ли он еще те счастливые времена, которые безвозвратно ушли со смертью бабы Муни.

Дом умирал. Обыски и слежка, грубые вторжения не оставляли больше места милым теням прошлого, но парк оживал весной, как бы наперекор всем разрушениям, оживал бурно и беспорядочно, тем свободнее, что садовника Вацлава больше не было.

Дверь гостиной распахивалась в парк, на яркий свет украинского дня, на зеленую свежесть аллей, запахи и цветы сирени и роз. Утром мы с бабушкой спускались в парк. Большими садовыми ножницами она срезала длинные стебли роз и клала в корзинку, которую я ей протягивала. Иногда мы обходили все клумбы и часто сидели на старенькой скамейке у дорогих могилок.

Посредине большая могила бабы Муни, вся покрытая бархатистыми разноцветными анютиными глазками. Справа маленькая могилка моей сестрички Киры. Много позже я поняла мамино горе, сравнивая даты. Кира Манштейн — родилась 1 апреля 1911 года, скончалась 21 сентября 1912 года. Я же родилась 23 августа того же года. Я появилась на свет как-то неуместно, и кажется, еще в колыбели чувствовала мамино горе. Но в любви моих родителей я никогда не сомневалась.

Подрастая, я открывала полный интереса мир. В тот тяжелый 1918 год я была часто предоставлена самой себе, но у меня осталось о нем самое богатое воспоминание.

Мама была слишком занята работой и двумя малолетними девочками, чтобы заниматься моим учением. Анна Георгиевна — «Ага-го» для детей — научила меня читать время на больших часах в столовой. По мнению бабы Таты, дети должны воспитываться и учиться в корпусах и в институтах, и ей не приходило в голову засадить меня за уроки. Зато она часто привлекала меня к своим занятиям. Надо сказать, что я никогда не видела ее в бездействии и что, конечно, я старалась ей подражать. Интерес, с которым она все делала, был заразительным. Она не пыталась встать на мой уровень, она мне доверяла. Тем стыднее было мне, что я ее разочаровала — правда, только один раз, но я это никогда не забуду.

Я хорошо помню тот вечер. Мы сидели с бабой Татой в ее комнате около кровати, в которой еще не так давно баба Муня, опираясь на множество подушек, составляла по вечерам меню с помощью Михаила Ивановича. Новые однотонные, светлые обои заменили старые, с цветами в больших медальонах. Занавески из толстого полотна с мелкими букетами роз были задернуты. В саду темнело... Баба Тата, поглощенная замысловатым узором вышивки и собственными невеселыми мыслями, молчала... Считалось, что вышиваю и я. Время как бы остановилось... Тогда потихоньку, не нарушая царящего оцепенения, я воткнула иголку в электрический провод настольной лампы. Неожиданность вспышки, ослепительная искра — мы обе вздрогнули, и все вернулось на свое место. Бабушка сделала мне замечание, и вышивание было изъято из образовательной программы.

Конечно, танцы были намного занимательнее рукоделия. Примостившись около рояля, я смотрела, как баба Тата танцует с Макаренем менуэт. Из-под пальцев Анны Георгиевны легко и беззаботно лились чистые звуки старинного французского танца с его многочисленными фигурами, плавными движениями и глубокими реверансами. Менуэт танцуется небольшими шагами — откуда и произошло его название.

Дети ничему не удивляются. Все вокруг нас рушилось, но для меня эта пара, танцующая менуэт в большом светлом зале, была и останется на всю жизнь очаровательной картиной из далекого прошлого. Позже я поняла, что это тоже пример человеческого достоинства: отказ быть обреченной жертвой не зависящих от нас обстоятельств! Все прекрасно сознавали окружающую опасность. Все были готовы, когда придет время, ее встретить. А пока жизнь текла своим чередом.

Только близкие знакомые и старые слуги присутствовали на крещении Шуры, как и мой маленький приятель Сережа со своими родителями. У его мамы была странная прическа, она много смеялась и старалась понравиться. Сережа от этого страдал. Они

жили теперь в павильоне в парке, и мы часто виделись. Сережа — тихий и добрый мальчик. Так открылся для него волшебный мир «моего» Рубежного.

С приближением весны в парке появлялись ребятишки из деревни. Зная все ходы и выходы, они умели ускользать от Анны Петровны, которая ревностно стерегла фруктовые деревья. Однажды я тоже ускользнула с ними вместе на соседнюю гору, где росли в большом количестве ландыши. Наша прогулка заняла много времени. Мама начала беспокоиться. Я получила строгий выговор, который нашла вполне заслуженным, так как я прекрасно знала, что мне запрещено покидать парк.

Девочки из деревни, внучки Анны Петровны, а может, маленькие Адамовичи, приходили, не прячась, через главный подъезд. Мы знали друг друга уже давно и могли играть во фруктовом саду, так называемом «Круглом саду», где дядя Мирон выращивал редкие сорта фруктов, выписывая семена из Франции.

Однажды, когда мы были в нем одни с молодой девушкой Линой, которая нянчила Люшу, мы разделили с ней огромный персик: их было только два или три на дереве. Хотя я прекрасно понимала, что это тоже было запрещено.

Хотелось бы мне знать, когда была Пасха в том году... В апреле? Погода стояла прекрасная, и белая акация у входа в парк, под окнами столовой, была вся в цвету. Под акацией деревянная скамейка. Сидя рядышком, Сережа и я, мы не разговаривали. Пасха для православных — Праздников Праздник! Мы это переживали сердцем, переполненным светлой радостью, переживали вместе без всяких слов. Это была тихая радость, не лишенная грусти. Возможно, мы смутно чувствовали, что нам придется скоро расстаться. Несмотря на глубину и искренность переживаний, я не без удовольствия ощущала собственную красоту. На мне одето белое кружевное платье с широким голубым бантом, и, когда Сережа тихонько поцеловал прядь моих волос, мне показалось, что я окружена ореолом золотых кудрей.

Действительно, «мимолетное виденье»! Волосы мои были скорее прямые, и обычно я совсем не обращала внимания на свою наружность. Но в этот радужный пасхальный день я видела себя златокудрой феей «очарованного края»...

Вероятно, вокруг нас говорили о возможности перемен. Никто ничего точно не знал, но ходили разные слухи. Достоверно было только то, что сопротивление разгоралось на Кавказе. Впоследствии стало известно, что с начала 1919 года Генеральный штаб главнокомандующего А.И.Деникина подготовил поход на Москву. Добровольческая армия успешно продвигалась на север. Новороссийск был отобран у красных. Следует ли приписывать этим успехам усиление террора? Или был он логичным последствием установления репрессивной системы и распространения ее по всей стране? Как бы то ни было, привлекательная идея «светлого будущего» требовала жертв: чтобы «построить новый

мир», разрушалась старая Россия. Все, кто нес в себе ее культуру, мораль, религию, были приговорены.

Видный чекист Лацис в «Красном терроре» 1 ноября 1918 года объяснял смысл и сущность террора: «Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого».

Так началось планомерное истребление тысячелетней русской культуры. Миллионы людей, которые хранили в себе это наследие, или физически уничтожались, или принуждались покинуть родину. Запад получил в подарок лучших представителей аристократии и ученого мира, в то время как в России самые устои народной культуры оказались подорваны.

Крестьянство, несущее традиции земли, и церковь, тесно связанная с событиями жизни народа, объявлялись контрреволюционными организациями. Трудно, конечно, винить рубежанского священника — его, кажется, звали отец Герасим — в презрении к народу: сам крестьянский сын, он был беднее многих. Но он открыто бранил «воинствующих безбожников» за их бесчинства. Тогда у него произвели обыск и «нашли» заранее подложенную книгу «Протоколы сионских мудрецов». Его обвинили в антисемитизме, и он погиб истинно мученической смертью: прежде чем расстрелять, его таскали по деревне с выколотыми глазами.

Об этом я узнала много позже, тогда я не заметила его отсутствия, но трагедию, которую переживали Лебедевы, было невозможно от меня скрыть. Директора стекольной фабрики «увели» неизвестно куда. Мама и бабушка помогали его жене в многочисленных попытках разузнать, где он. Однажды, когда она уехала в Харьков в надежде его увидеть, оба их сына прибежали к нам, и я помню, как мальчики плакали: они только что узнали, что их отец лежит недалеко в каком-то сарае, забросанный сеном, с пулей в затылке.

* * *

К октябрю 1919 года Добровольческая армия завладела всем Крымом и немного позже Украиной. Область в 810 тысяч квадратных верст, заселенная 42 миллионами жителей и расстилающаяся до линии Воронеж — Орел — Чернигов — Киев — Одесса, находилась в руках правительства Юга России. Борьба за Донецкий бассейн началась в первых числах мая.

Мы ждали. . Фронт приближался. Как-то утром, когда мама пошла на соседнее поле выкапывать спаржу, она оказалась в центре перестрелки. Пули летали над ее головой... Вскоре появились небольшие группы разведчиков. «Проникали» осторожно, как мне запомнилось. Это совсем не было похоже на триумфальное шествие, которое мы с Сережей ожидали. Вдруг я увидела группу людей в парке, совсем близко, несколько человек...

Большой дом и павильон в парке ожили. Все комнаты были заняты, палатки стояли во дворе. Люди нуждались в отдыхе, но они не задерживались и быстро уходили. Это был отборный полк под командованием генерала Маркова. Увы! Как не похожи на «марковцев» часто бывали те, кто оставался в тылу.

Папа приехал за нами. Дорога к югу была свободна, и мы могли ехать в Новороссийск, где возрождался тяжело пострадавший флот. Корабли приводились в порядок. Труднее было подобрать экипажи из вольноопределяющихся студентов, казаков и всякого сорта людей, часто не имевших ничего общего с морем. Денег, материала тоже не хватало. Но та весна 1919 года казалась всем полной надежд!

Мы снова путешествовали в товарном вагоне, но на этот раз с удобством: бабушка с Анной Георгиевной сами вымыли весь вагон. Когда кто-то заметил, что уборкой могли бы заняться солдаты, баба Тата ответила, что не их дело в походе терять на это время.

Удивительно, я совсем не помню, что мы ели, на чем спали и сколько длилось путешествие, но я четко вижу в товарном вагоне легкий, маленький столик и на нем букет роз, который в течение еще нескольких дней напоминал нам светлые дни Рубежного...

Глава X

ЧЕРНОЕ МОРЕ

О Новороссийске у меня осталось одно-единственное воспоминание: ветер! Ветер исключительной силы, метущий улицы, запруженные беженцами. И еще чувство одиночества: мы никого здесь не знали, а папа все время отсутствовал. Экипаж, который ему удалось подобрать, ремонтировал миноносец «Жаркий». Изобретательный и все умеющий делать, папа работал со всеми сменами, которые менялись. Ему повезло найти хорошего инженера-механика — Бунчак-Калинского — и хорошего боцмана — Демиана Логиновича Чмеля.

Лейтенанты Николай Ланге и Юковский, мичмана Филаев и Хович, гардемарины Дросси и Цветков, студенты Купреев и Терещенко составили сплоченный командный состав. Потом Сергей Терещенко, под псевдонимом «Димитрий Новик», опишет в книге на французском языке «Les Chevaliers Mendiants» («Нищие рыцари») эпопею Белой армии. Он вспоминал папу с большим уважением и теплотой. Терещенко писал о своем бывшем командире: «Он был абсолютно равнодушен к производимому им впечатлению. Его совсем не трогало, кто что мог сказать за его спиной, а за спиной подшутить над ним было не трудно! Надо признаться, что его твердая вера не была лишена некоторого суеверия и простоты. Никогда, например, не выходил он в море в понедельник. Понедельник, всякий это знает, — тяжелый день. Адмирал, как видно, этого не знал. Если приказ, случалось, выпадал на понедельник, Манштейн находил неотложную починку машин, длившуюся до полночи, и во вторник 01 минута он был в полном распоряжении адмирала на все, что угодно. Никогда не приходило ему в голову, что кто-нибудь мог подсмеиваться над таким здравым поверьем и что кто-то мог заподозрить его в данном случае в недостатке дисциплины.

Дисциплина! Он умел ее добиваться тоном, не терпящим возражения, и это авторитетное и сухое обращение не позволяло офицерам и матросам полюбить его с первого раза. Зато потом, узнав его ближе, они наверстывали потерянное время, ценя его доброту, храбрость и великодушие. И, что ничему не мешало, он мог быть при случае очень веселым и полным юмора собеседником».

В штабе очень хорошо знали папино упорство. Об этом есть и у Терещенко: «Его не надо было водить по кабинетам. Он умел открывать двери сам и находить нужного человека, кто бы он ни был. Привычка смотреть людям в глаза не позволяла ему считать звезды и орлы на погонах».

Прежде всего папа был моряк. Его не часто видели на суше. Если он и появлялся в штабе, то исключительно для надобностей корабля или его экипажа. Конечно, не могло быть и речи о решении каких-нибудь личных вопросов: «Для этого существует администрация, пускай она ими и занимается!»

В ходе Гражданской войны послужные списки не велись. Производства, награды, кто мог за этим уследить?! Папу поздравляли с производством в старшие лейтенанты, когда ему уже следовало быть капитаном 2 ранга. Весь его экипаж после боевой кампании награждался «Георгием», за исключением его самого. А он только цитировал Лескова: «Почему сие важно в-пятых?»

И действительно, как хлопотать о себе самом, когда устои всего государства рушатся! Беспорядок царил везде. В своих мемуарах главнокомандующий Белой армией генерал Деникин очень сурово отзывался о происходившем на флоте в те годы: «Нигде не было такого разногласия, нигде это смутное время не оставило более глубоких ран, чем в морских кругах».

Деникин тем не менее сам признает, что плохо знал эти круги, и ограничивается описанием положения вещей, не ища ему объяснений. Что оставалось от Черноморского флота? После массового убийства офицеров, после упорных попыток — со стороны революционного правительства в Москве, а также немцев и даже наших союзников — затопить корабли или вывести их из строя возродить морскую мощь было не легко.

Но, несмотря на трудности, усилия моряков быстро увенчались успехом. Если в начале 1919 года Белый флот состоял из трех действующих судов: подводной лодки «Тюлень» под командой капитана 2 ранга В.В. Погорецкого, ледокола «Полезный» под командой капитана 2 ранга С.И. Медведева и канонерки «К-15» под командой старшего лейтенанта А.А. Остолопова, то уже в начале 1920 года на Севастопольском рейде в полной исправности стоял довольно сильный боевой флот во главе с дредноутом «Генерал Алексеев». Черноморско-Азовский флот успешно выполнял все оперативные задания, поставленные ему главнокомандующим: операции под Николаевом, Херсоном, Очаковом, Одессой, Геническом...

Кроме защиты всего Крымского побережья флот обеспечивал снабжение портов из Константинополя. Когда армия оказалась запертой в Крыму, надеяться на выход без помощи десантных операций было невозможно. Наконец, когда пришлось эвакуировать Крым, флот спас тысячи человеческих жизней. Генерал Деникин говорит о разногласии в морских кругах. Но моряки руководствовались одинаковыми принципами и целями, и только в

выборе средств могли быть разногласия. А часто у них не было выбора: моряк живет со своим кораблем, а кораблям необходимы порты! Владение же портами от них не зависело. Да и как выбирать, когда каждый выбор был вопросом чести?!

В июне 1918 года в Новороссийске моряки решали, топить ли корабли или идти в Севастополь, занятый немцами? Все уже знали, что Советское правительство, приказывая топить корабли, преследует цель истребления флота. Возвращение же в Севастополь противоречило военным традициям. А если немцы не сдержат данного слова и заберут корабли? Мнения разделялись. Не раз стояли моряки перед трудными решениями, и, увы, часто их принуждали к этому союзники. Прибытие союзной эскадры в Севастополь после ухода немцев оставило горькое воспоминание.

Первым в октябре появился английский легкий крейсер «CANTERBURY» в сопровождении миноносцев. Это были разведчики. Немного позже прибыла вся союзная эскадра. Пострадавшее население ждало ее с нетерпением, как манны небесной! Все думали, что союзники вспомнят пролитую вместе кровь, жертвы миллионов людей за общее дело. Наивное население ошибалось!

Союзники сразу же захватили все суда, прогнав русских офицеров. Даже греки, которые во время войны ничем не помогли, забрали почему-то два миноносца. Из всего русского флота остались только подводные лодки, но русские моряки так определенно выразили намерение их затопить, что англичане и французы оставили их в покое. Англичане, дабы выполнить приказы свыше, ограничились порчей некоторых маловажных частей машин.

Когда французы захотели забрать «Тюлень», они встретили такое сопротивление, что им пришлось от этого отказаться. Все офицеры были готовы энергично сопротивляться такому недостойному поведению, но приказы шли от Главного командования Вооруженных сил Юга России, которое нуждалось в помощи союзников.

Весной 1919 года, благодаря успехам Белой армии, весь Кавказ и Крым были освобождены, и флот мог покинуть Новороссийск и вернуться в Севастополь. Летом мы переехали туда, но, прежде чем покинуть Новороссийск, о котором у меня в памяти остались только ветер и дома, пустые и холодные, как казармы, я, как это бывает только в сказках, очутилась с бабушкой в Геленджике.

Как всегда, помню только день приезда. Отъезда не было... Как будто какая-то часть меня осталась навсегда в этом маленьком приморском городке, последней ступени беззаботного детства.

Остались красочные, удивительно точные картины. Открытый экипаж, бабушка вся в белом, с большим кружевным зонтиком, и рядом с ней притихшая от полноты счастья, очарованная девочка. Экипаж катится в горы через серебристые ручьи по забавным деревянным мостикам. Белая дача с большой верандой, где за столом вокруг самовара собирается семья, как в далекие, куда-то исчезнувшие времена. Веселая группа детей каждое утро спускается на пляж по извилистым, заросшим зеленью тропинкам — увлекательное приключение, от которого немного замирает сердце: не выскочит ли кабан из кустарников, не нападут ли «зеленые», которые прячутся в горах?! Как на фотографиях, отдельные, без всякой связи картины...

Глава XI

СЕВАСТОПОЛЬ: 1919 —1920 годы

Последние годы на Родине. Увижу ли я когда-нибудь этот город, узнаю ли я Корабельную сторону? Может быть, морские флигели все еще выходят на широкую набережную, которая ведет к открытой площади с почерневшим памятником адмиралу Лазареву.

Когда летом 1919 года мы добрались до Севастополя, нас поместили в один из этих флигелей. Квартира была большая, почти пустая, с самой необходимой обстановкой, и в ней уже жила одна семья. С наплывом беженцев квартирный вопрос обострился. Так началась наша «беженская» жизнь. Мы не стали еще «чужими на земле», так как оставались на русской земле, но мы были уже не совсем «у себя». Черноморцы вернулись в свои уютные дома, к своим близким, к своим привычкам. Балтийцы прибыли с севера, уже все потеряв.

К счастью, мы встретили Раденов, которые, так же как мы, жили в одном из флигелей. Снова мы виделись со Славой каждый день, но наша детская компания увеличилась. В семье, занимавшей с нами квартиру, было шесть человек детей. Один из них — Павел, прозванный Пушкой, — маленький толстячок с живыми глазами и богатым на выдумки умом, был заводилой в нашем детском кругу, где я, единственная девочка, занимала особое положение. Недалеко от памятника Лазареву соорудили «гигантские шаги», и мы бегали вокруг мачты, держась за кольца и отрываясь от земли на натянутых веревках. Мне казалось, что я летаю выше мачты, выше домов, но я и виду не подавала, что боюсь.

Пушка держал нас в курсе самых потрясающих событий, которые мама часто старалась от меня скрыть. Так, однажды, она ужаснулась, найдя всех моих кукол повешенными Пушкиными стараниями. Выяснилось, что он с братьями видел повешенных за разбой грабителей. Их водил отец «с поучительной целью» показать, «как кончают подлецы». И в то же время их отец, унтер-офицер флота, был очень порядочным и даже чувствительным человеком.

Его жена Ульяна Федоровна, небольшая, сухонькая женщина, работала не покладая рук, чтобы накормить и одеть семью,

что было нелегко в те тяжелые времена. Мама это поняла сразу, как только мы приехали. Она случайно увидела, как Ульяна Федоровна разглядывает на свету детскую курточку. Желая ей помочь, мама выяснила, что бедная женщина собирается ее продать и хочет удостовериться, что она не дырявая...

Лето 1919 года кончалось. Осень принесла плохие вести. Добровольческая армия после взятия Орла начала отступать. Чрезмерная растянутость фронта, гибель военачальников, существование банд, которые в зависимости от положения дел переходили из одного лагеря в другой, раздоры между донскими и кубанскими казаками и, наконец, разложение тыла, обессиленного пятью годами войны и беспорядков, — все это объясняет последующие потери.

В марте 1920 года был оставлен Кавказ. Крым, связанный с континентом узким перешейком, оставался последним оплотом Белой армии. Генерал Врангель заменил генерала Деникина во главе Вооруженных сил Юга России. Петр Николаевич Врангель пользовался большим уважением в военных кругах. С присущей ему энергией, несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности, он укрепился в Крыму, поднял армию и бросил ее в бой весной 1920 года. Но сколько времени мог еще держаться Крым, оторванный от остальной страны, без всяких средств к существованию? Рассчитывать на союзников было бесполезно.

Кто из самых проницательных политиков мог когда-нибудь предвидеть будущее хоть на несколько лет вперед? Сколько лет понадобилось подписавшим Версальский мир, Мюнхенские и Ялтинские договоры, чтобы призадуматься над их последствиями? В том 1920 году Россия отпевала свою вековую культуру. Зарождалось тоталитарное государство — пример, который найдет много последователей в XX веке...

...В Севастополе не думали о будущем. Жили настоящим, но угроза эвакуации чувствовалась. После эвакуации Одессы в январе и Новороссийска в марте встал вопрос о возможной сдаче Севастополя. Если Красная Армия займет Перекоп, Крым сразу будет взят. Командование это, конечно, понимало, и теперь известно, что оно своевременно выработало план эвакуации армии, флота и учреждений из Крыма в Константинополь.

Слухи об этом ходили, и я помню, что Серафима Павловна Раден как-то спросила меня: придется ли нам уезжать? Она верила в мой «пророческий дар» с тех пор, как однажды в Ревеле я заявила против всякой очевидности, что папа, который только что вышел в море, вернется этой ночью, что и случилось к общему удивлению. Феномен телепатии или просто случайность? Никогда с тех пор я ничего больше не «предсказывала» и даже очень осторожно отношусь к предчувствиям окружающих.

1920 год был особенно тяжелым для Севастополя. Госпитали переполнены ранеными и больными, не хватало средств, чтобы бороться с эпидемиями: холерой, сыпным и брюшным тифом...

Морские флигели находились на полпути между госпиталем и кладбищем, и похоронные процессии проходили перед нашими окнами.

Неразрешенным вопросом был наплыв беженцев. Где поселить столько людей? Мы уступили одну из комнат сестре моей крестной тети Анны. Я видела ее в первый раз: красивая особа, «цветущая», с белой кожей и жемчугом вокруг шеи. Ее звали Неонила. Ее муж — темный костюм, жилет, галстук и котелок — имел какое-то отношение к министерству юстиции и остался для меня навсегда связан с моим представлением о Керенском. Бездетная пара, казавшаяся вполне удовлетворенной друг другом...

Я бы не запомнила этих людей, если бы не удивившее всех нас их поведение в тяжелую для нас минуту. Папа, как и во время войны на Балтике, всегда был в море. Кинбурнский отряд, в состав которого входил «Жаркий», участвовал в боях с августа 1919 года. Как оказался он случайно дома, когда мама заболела?! Он никогда не интересовался медициной, не имел никакого опыта, и тем не менее именно он, как сказал доктор, не дал маме умереть.

Все свелось у него к одной мысли: как заставить сердце продолжать биться. Растирая маму жесткой щеткой, все время давая ей пить, он удержал уходившую жизнь до появления доктора. Я не могу утверждать, что это наилучший способ бороться с холерой, но папа в те решающие минуты спас маму; она в этом уверена.

Когда кризис прошел, мама была так слаба, что казалось, у нее нет больше сил дышать. Днем и ночью папа и сиделка по очереди дежурили у ее кровати. Было очевидно, что переполненный госпиталь не мог ей предоставить такого внимательного ухода. Но мама, как только смогла говорить, попросила, чтобы ее перевезли в больницу: она боялась за детей, думала о многочисленной семье соседей.

Она хотела с нами попрощаться. Нам разрешили только подойти к открытой двери комнаты, где пол все время мыли карболкой. Не в силах поднять руки, мама пыталась нас благословить. Она прощалась навсегда. Первый раз в жизни я, с отчаянием, полностью осознала это безвозвратное «навсегда».

Единственный, кто торопил с отъездом, кто настаивал на опасности заразы, кто объяснял, что только госпиталь может спасти больную, — это был такой корректный, такой интеллигентный муж тети Неонилы. И тогда, в какую-то секунду, маленькая, скромная Ульяна Федоровна выросла у всех на глазах. Упершись ногами и руками в косяки дверей, заграждая всем своим телом выход из комнаты, она заявила с силой, которой никто от нее не ожидал, что она не позволит увезти Зою Николаевну в госпиталь.

Дорогая Ульяна Федоровна! Светлая память о ней живет в моем сердце еще и по сей день!

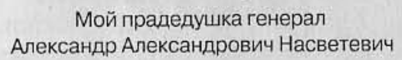

Моя прабабушка Мария Петровна Насветевич (баба Муня) — владелица Рубежного

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА ➤

1. Изд. № С/99/379.

Мой прадедушка генерал
Александр Александрович Насветевич

Моя бабушка
Анастасия Александровна Насветевич

В отдаленном углу парка сохранились две одинокие могилы
с надгробными плитами из черного мрамора...

Мой папа
Александр Александрович Манштейн

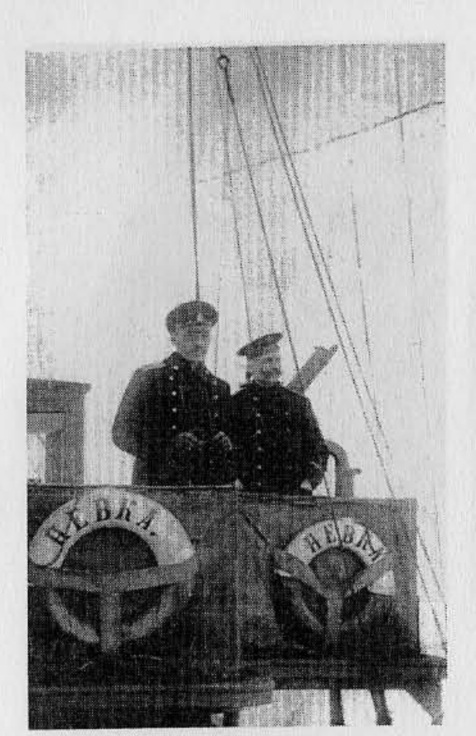

Моя мама
Зоя Николаевна Доронина-Манштейн

Встреча на берегу Донца через 80 лет...

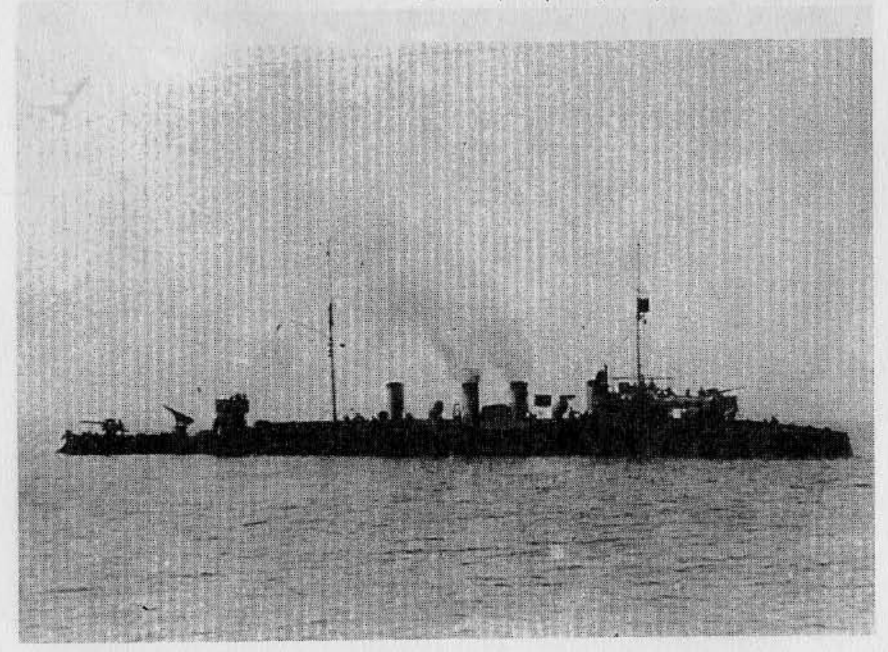

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Александр Манштейн
на мостике посыльного судна «Невка»

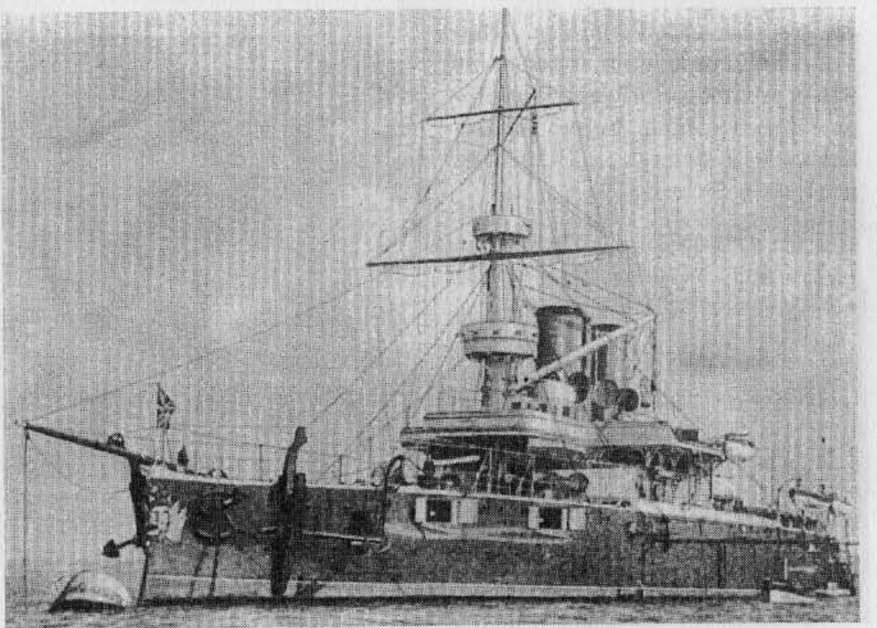
Эсминец «Жаркий», которым командовал папа

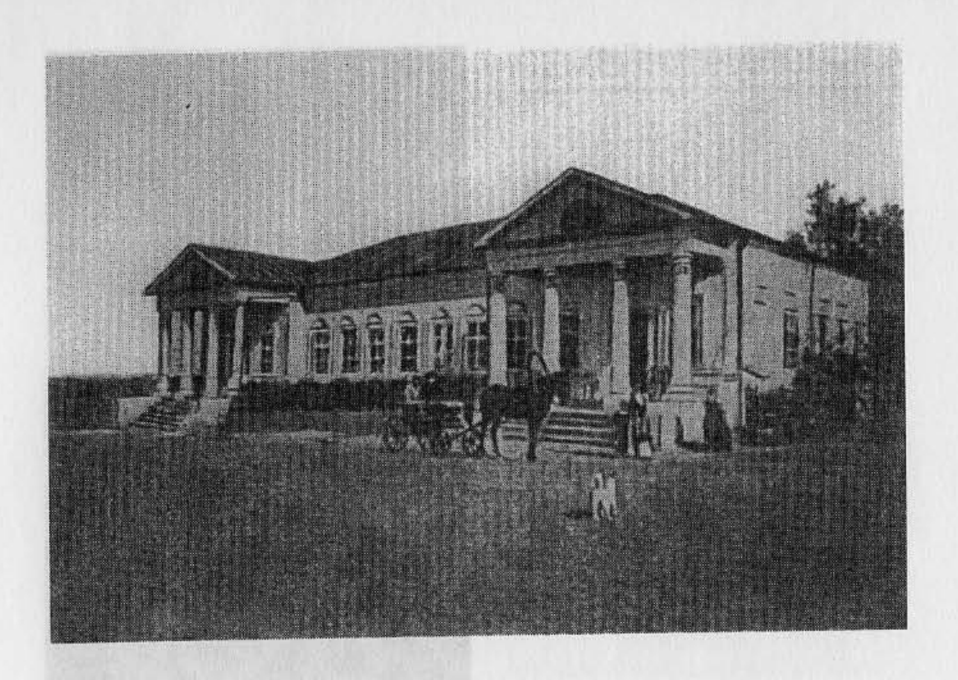

Я на руках у мамы

Броненосец «Георгий Победоносец»

РУБЕЖНОЕ

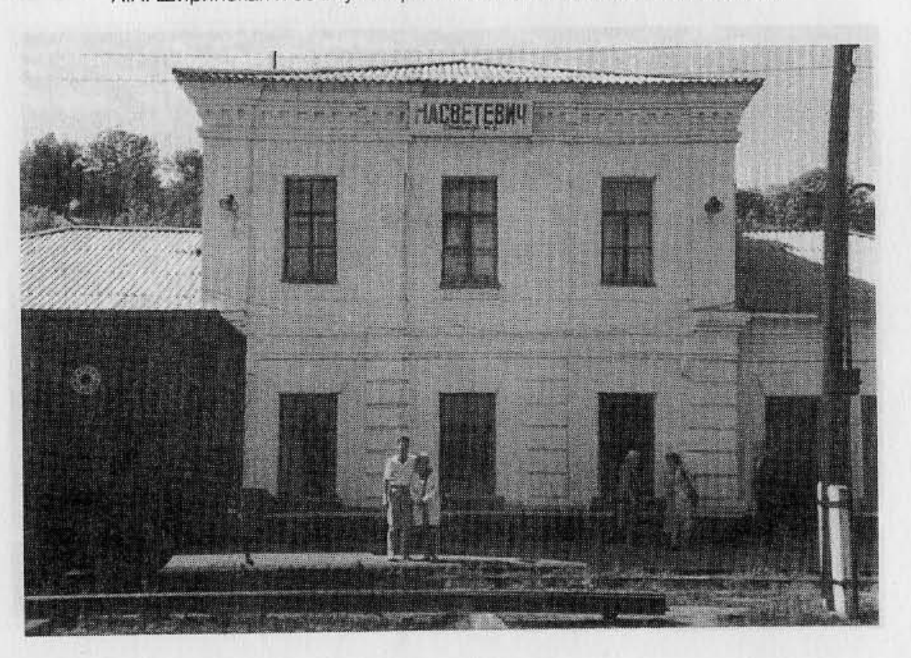
На старых фотографиях дом все еще живет своей мирной жизнью XIX века...

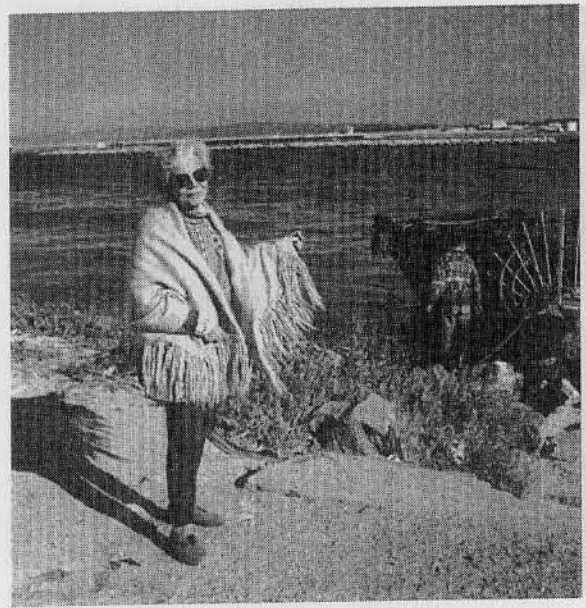

В родных местах.
Слева направо: А.А. Ширинская, историк В.И. Подов и Н.М. Адамович

А.А. Ширинская и ее внук Жорж на станции Насветевич в 1995 году

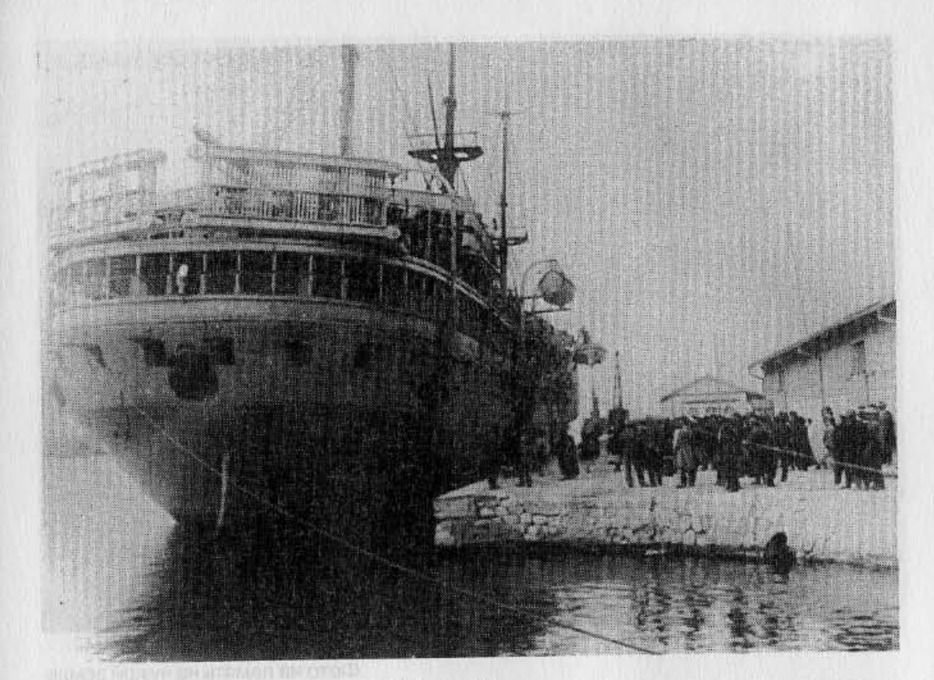

Ширинская показывает, где на берегу Бизертского канала в 1921 — 1924 годах стоял «Георгий Победоносец». Фото 1998 года

БИЗЕРТА

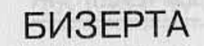
Сегодняшняя Бизерта — современный благоустроенный город

«Георгий Победоносец» на последней стоянке

БИЗЕРТА

Панорама Бизерты 20-х годов

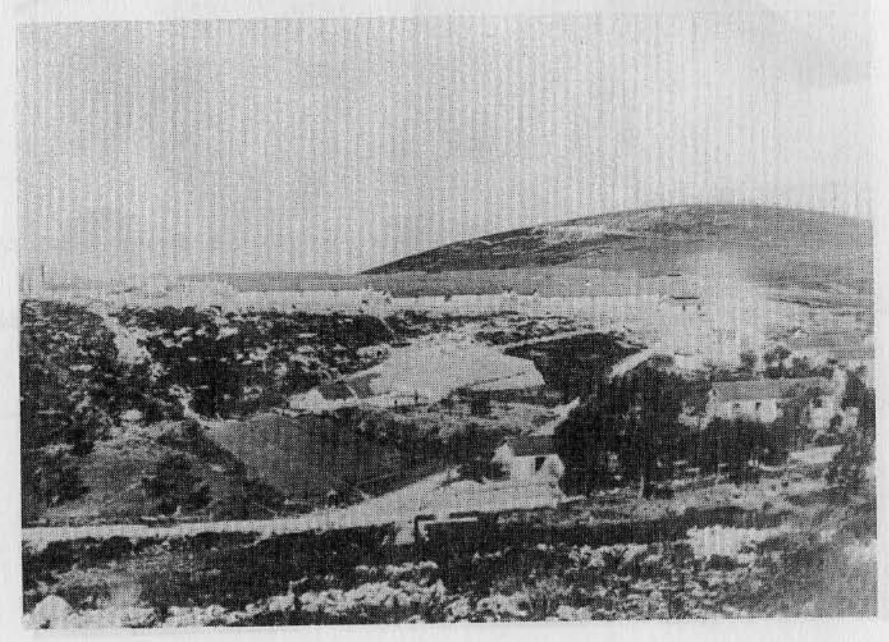
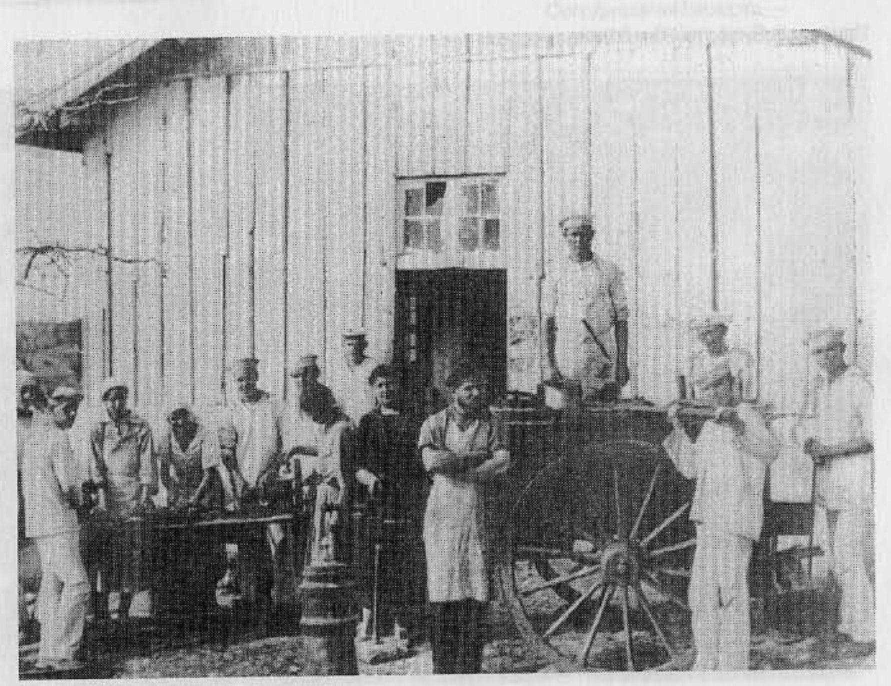

Фото на память на чужой земле

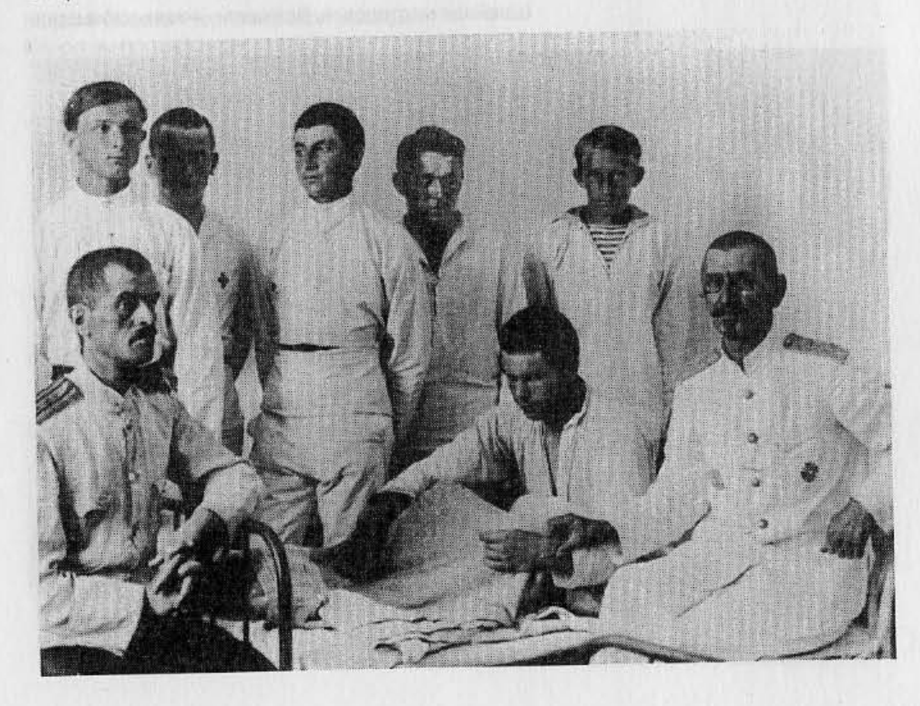
У бизертского камбуза. Обед готов...

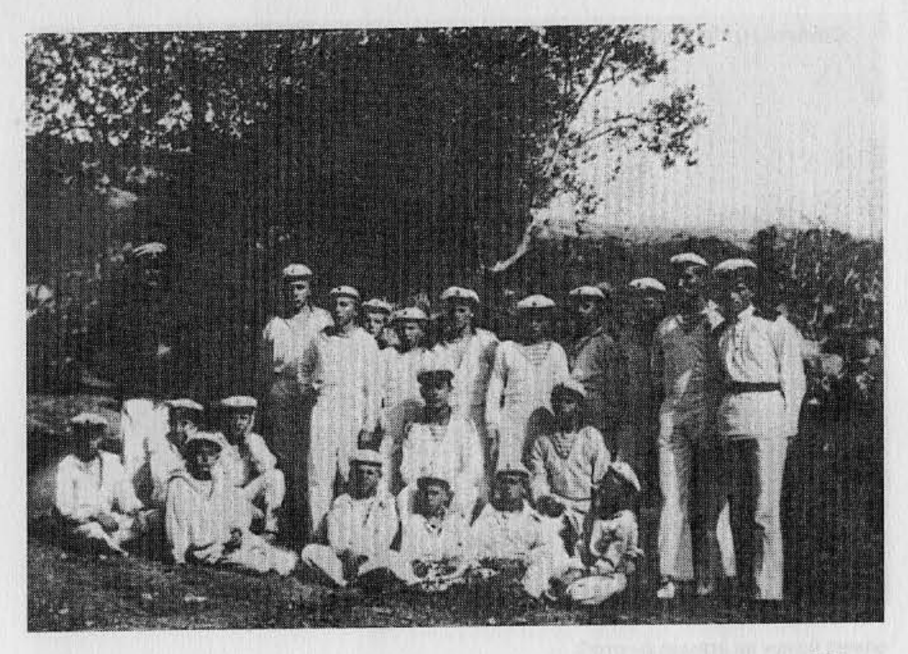

Семья А.Н. Маркова

В гарнизонном лазарете

Выпускники местного Морского корпуса. 1924 год

Швейная мастерская. Все швеи — жены офицеров

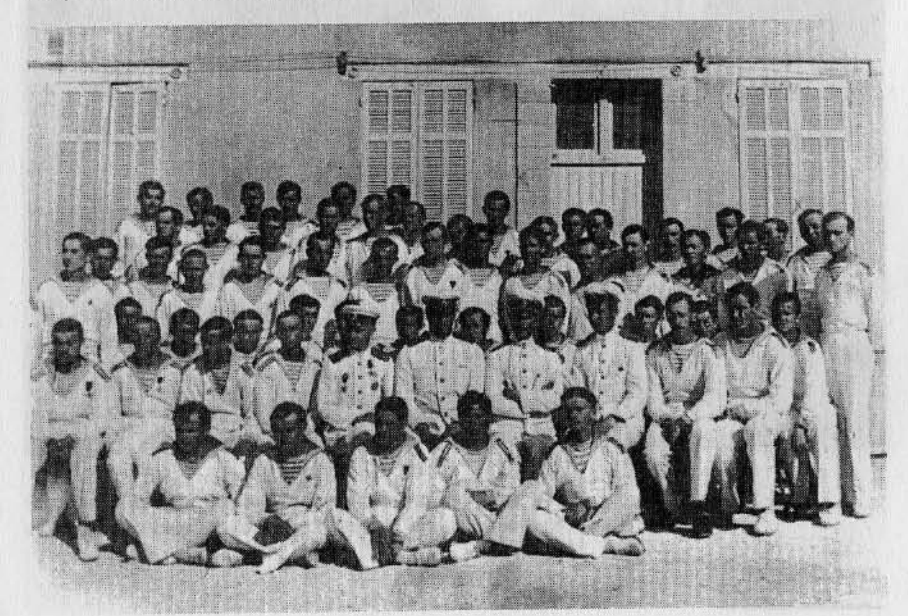

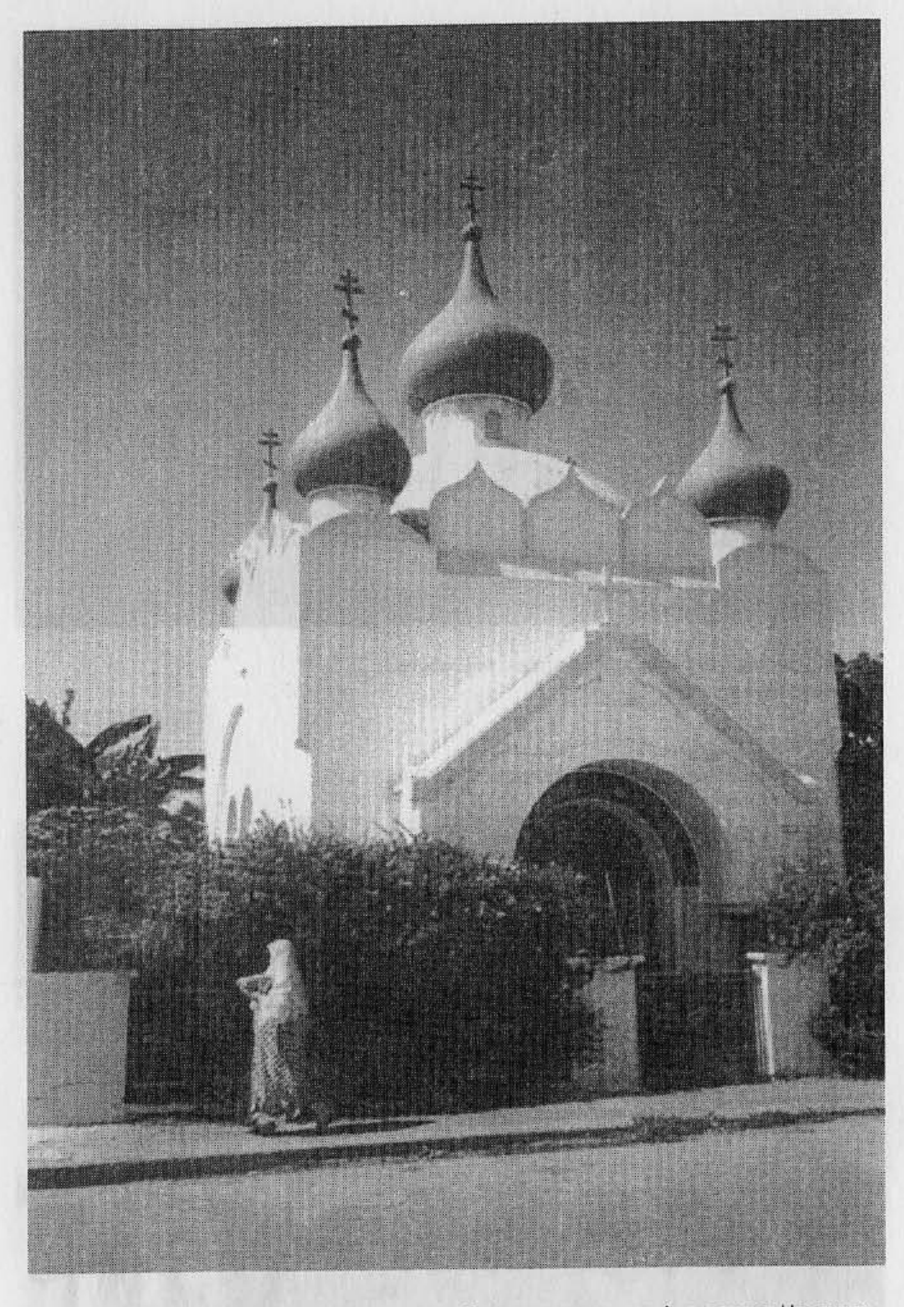

Их породнила эмиграция.
Часть русской колонии

БИЗЕРТА

Моряки бывшей Черноморской эскадры.
Скоро им придется расстаться...

Храм святого благоверного князя Александра Невского, построенный в 1937 году на средства русских эмигрантов

Саха Арафат (супруга Ясира Арафата) и Анастасия Ширинская во время богослужения в храме

На встрече тунисской общественности с А.А. Ширинской в связи с 300-летием Российского военно-морского флота в Российском центре науки и культуры (РЦНК). *Вверху:* военно-морской атташе России в Тунисе Н.Ф. Качан, А.А. Ширинская и директор РЦНК О.И. Фомин. *Внизу:* передача священной севастопольской земли и военно-морских реликвий православным храмам в Тунисе. Фото 1996 года

Ее вмешательство было настолько убедительно, что даже мама перестала беспокоиться. Холерой в доме, кроме мамы, больше никто не заболел, но немного позже муж тети Неонилы заболел тифом. Никто не отправлял его в госпиталь, его выходили у нас дома.

* * *

Из всех приморских городов Ялта оставила во мне самое солнечное, самое живое воспоминание, хотя первая встреча была совсем не веселой. Во время перехода Севастополь — Ялта на небольшом пассажирском пароходе, мы не спали всю ночь, и, когда утром мама собирала вещи, Люша упрашивала ее позволить ей «еще поспать вот на этом кусочке бумажки». У меня очень сильно болела голова, а каково было маме, недавно перенесшей холеру, с тремя детьми, из которых младшей Шуре всего 18 месяцев!

К счастью, дядя Володя ждал нас на пристани, и мгновенно все переменилось. Доктор Владимир Сорокин был специалист по легочным болезням. Его мать, тетя Паша, являлась сестрой маминого отца.

После пустых казенных квартир мы снова очутились в семейной обстановке: домик с садом на маленькой спокойной улице, заросшей зеленью. У дяди Володи было двое детей, Борис и Нина, старше меня, но я их только мельком увидела по приезду, так как почти сразу же слегла на несколько недель с брюшным тифом.

Бедный дядя Володя! У него и своих больных было достаточно. Его природная доброта выработала в нем спокойное чувство ответственности, и больные его очень любили. Я долго болела и, кроме мучительной головной боли, ничего не помню. Когда я в первый раз встала и увидела себя в зеркале, то сама себя не узнала: маленький скелет с бритой головой! Невозможно и думать об обратном путешествии. Пришлось продолжить наше пребывание в Ялте, что позволило нам лучше познакомиться с городом.

Ялта тогда еще не потеряла оживленной прелести чеховских времен. «Дама с собачкой» не удивила бы никого в этой, казалось, беззаботной толпе гуляющих вдоль берега или купающихся в море людей. Белый мрамор Ливадии, голубизна неба и моря остались во мне ярким и сказочным воспоминанием. Окрестности Ялты очень живописны. В горных татарских аулах можно услышать фантастические рассказы из истории Крыма, который был покорен Екатериной II в 1783 году. Крым — «Керим» — означает «щедрый», так называли его потомки Чингис-хана, Гиреи, — правящая династия с 1427 года. Где теперь эти Гиреи?

Полвека спустя я узнала, что княжна Султан-Гирей, баронесса Жомини, живет в Женеве. Эмигрировали и другие старые татарские родовитые семьи.

Барон Нольде в своей книге «Образование Русской империи» упоминает о влиятельности рода Ширинских: «Первая фамилия в ханстве Крымском, имевшая исключительное право перед все-

ми крымскими фамилиями, вступать в брак с дочерьми ханов крымских». От них — князья Ширинские-Шихматовы, которые появились в Москве в конце XV века при Иване III (1462—1505 гг.). Эти фамилии — в старинных русских родах много татарской крови — эмигрировали. Но другие? Горцы, земледельцы, торговцы, ремесленники, которые в течение 150 лет мирно жили с русским населением, а также с итальянцами, греками, турками, обосновавшимися в Крыму с потемкинских времен?

Часть этого населения погибнет после Второй мировой войны под гнетом сталинских репрессий, остальные будут высланы из Крыма. Смогут ли они когда-нибудь забыть страну отцов?

Хрущев объявит Крым частью Украины.

* * *

Вернувшись в Севастополь, мы сразу почувствовали близость фронта: много военных, еще больше беженцев, чем раньше.

Бабушка вернулась с Кипра. Почему и как попала она туда, я до сих пор так и не узнала. Она привезла мне гранаты, которые я увидела в первый раз. Ей пришлось расстаться с Тусиком, так как собак на пароход не брали, и она оставила его в знакомой английской семье. Она уже придумывала, как его снова забрать, а пока мы утешались тем, что «англичане любят животных».

Папин брат Сережа Манштейн зашел попрощаться: молодой, озабоченный, он очень торопился. Его кавалерийский полк уходил к Перекопу. Лето кончалось неспокойно, в какой-то неуверенности, но повседневная жизнь текла своим чередом.

Сентябрь — бархатная осень в Крыму; обыкновенно погода стоит хорошая. Мы играли во дворе, но я была слишком слаба, чтобы бегать на «гигантских шагах». Люша и Шура болели коклюшем и так исхудали, что на них страшно смотреть. Я садилась возле дома с Бусей, и сразу маленькая серенькая курочка прибегала к нам. Мне ее подарили, когда она была еще цыпленком, и я очень ее любила. Я больше не считала, как в Рубежном, что курицы не понимают, что они делают... Маленькая «серенькая» была очень ласковая, очень тихая, я это видела по ее глазам.

Иногда мальчишки подсаживались к нам, и Пушка рассказывал страшные истории. Мы не ходили в школу, не умели ни читать, ни писать, и, признаться, мало об этом беспокоились. Большинство учебных заведений закрылось, и ученики 15 — 16 лет поступали во флот.

К счастью, 17 октября 1919 года Севастопольский Морской корпус открыл свои двери. Его огромные здания, которые возвышались над Северной бухтой и постройка которых не была еще закончена, пустовали с момента перевода в 1917 году учеников в Петроград. Капитан II ранга В.В.Берг был назначен «администратором» этих покинутых зданий. Посвятив свою жизнь воспитанию юношества, он не мог примириться с таким бесцельным бездействием. Положение было тем более серьезно, что 24 февраля 1918 года, по приказу Троцкого, закрыли Петроградский Морской корпус. Становилось очевидным, что если за короткий срок не будет обеспечено воспитание офицеров флота, то флот останется без возобновления личного состава — жизненный вопрос для будущего.

Создание во время Гражданской войны Морского училища было дело нелегкое, энергии нескольких человек оказалось недостаточно. Но их поддерживали многие, потому что верили в возрождение России даже осенью 1919 года, даже в октябре 1920 года.

Старший лейтенант Н.Н.Машуков, после встречи со своим бывшим преподавателем в Петербурге, капитаном II ранга В.В.Бергом, принялся за дело. Адмирал А.М.Герасимов, морской министр при Деникине, дал все полномочия Машукову: «Делайте, что нужно, как можно лучше, ибо вы над этим вопросом больше всех думали». Кредиты были отпущены, работы по постройке начались.

Одной из самых важных задач был выбор преданных делу основных сотрудников. Некоторые преподаватели были штатские: Дембовский, Матвеев и Кнорринг, который описал корпус в книге «Сфаят». Капитаны II ранга Александров, Кольнер и Берг назначались соответственно преподавателями высшей математики, артиллерии и навигации.

Генерал-лейтенант Оглоблинский, «бог девиации», преподавал астрономию в гардемаринских классах; он был исключительный педагог, спокойный, точный, уважающий свое дело и уважающий учеников. Придет день, когда уже на африканской земле он станет обучать детей. Я очень горда, что была его ученицей. С ним математика была доступна каждому, и мне казалось, что нет предмета более ясного и простого.

Преподаватели работали в исключительно трудных условиях. Два года революции превратили юношей в совершенно взрослых людей, приучили их к самостоятельности и развили в них критическое отношение ко всему. Но потерянные годы сказывались и на образовательном уровне гардемаринской роты.

Нелегкая задача выпала капитану II ранга И.В.Кольнеру и его взводным начальникам Д.В.Запольскому, Н.Н.Солодкову и мичману М.Л. Глотову: постепенно очищая роту от непригодных элементов, внушить дисциплину и любовь к флоту этой довольно-таки распущенной команде.

Доктора Марков и Тихомиров занялись лазаретом и аптекой.

Помощником по учебной части был академик и математик капитан II ранга Н.Н.Александров. Генерал-майора Александра Евгеньевича Завалишина, бывшего много лет начальником громадного хозяйства богатейшего корпуса в Петербурге, назначили заведующим хозяйственной частью. Все офицеры хорошо знали его немного сгорбленную, расположенную к полноте фигуру, но также его энергию и решительность.

Только назначение директором С.Н.Ворожейкина удивило и, надо признаться, разочаровало офицеров.

На разграбленной территории Юга России было очень трудно собрать всю материальную часть. Все же постепенно, здесь и там удавалось находить необходимое. Из Одессы получили постельное и носильное белье. Союз земств и городов предоставил столовую посуду и кухонную утварь. Из частных пожертвований севастопольских жителей удалось составить библиотеку в 3500 томов. Наконец, английская база в Новороссийске дала солдатское обмундирование и небольшое количество голландок и матросских брюк. От французов получили некоторое количество синих брюк.

Строй кадет не мог не вызвать улыбки. Висевшие до колен френчи, рукава которых доходили до конца пальцев, и синие французские брюки, которые кадеты подвязывали веревкой на груди или носили в виде украинских шаровар. На ногах «танки», длина и тяжесть которых не позволяли бегать. Но из-под провалившихся до ушей зеленых фуражек выглядывали веселые мордашки довольных своей судьбой детей. Корпус для многих из них, сирот или потерявших своих родителей, явился спасением и в моральном и в материальном отношениях.

Быстро отстраивалось большое помещение. В октябре 1920 года все было готово, чтобы перевести в него кадетов, ютившихся временно во флигелях у берега моря.

Владимир Владимирович Берг, кадеты которого уже переносили вещи в новое помещение, описывал этот день в малейших подробностях: «Октябрьское солнце сквозь громадные окна заливало белый длинный зал, сто тридцать железных кроватей, стоявших двумя стройными рядами, разъединенными новенькими белыми табуретами и ночными шкафами, бледно-янтарным светом. Большое белое здание ждало в этот день своих новых квартирантов. С завтрашнего дня начнется новый, учебный год!»

ЗАВТРА! Как в страшнейшем кошмаре, ЗАВТРА не будет!

Время остановилось для сотен тысяч людей в Крыму. Для тех, кто так много поработал для Морского корпуса, время шло назад! С отчаянием слушал Владимир Владимирович Берг распоряжения директора: «Остановите сейчас же переселение кадет! Прикажите им укладываться срочно, спешно, без минуты промедления! Сейчас придет баржа. Всю ночь будем грузиться. А рано утром уйдем на линейном корабле «Генерал Алексеев». Объявлена эвакуация!»

Переселение, так весело начатое утром, продолжалось, но в обратную сторону. Весь вечер и всю ночь грузили Севастопольский Морской корпус в железное чрево громадной портовой баржи: учебники, книги для чтения, астрономические, физические, химические приборы, кухонную и столовую посуду, тюки с обмундированием, бочки сала, клетки с курами, петухами и утками, банки с консервами, разные сундуки и корзины... Бессонная ночь!

Настало утро 30 октября (12 ноября по новому стилю) 1920 года. Как только солнце показалось, погрузка учеников и персонала началась. Лишь капитан II ранга Берг привел своих маленьких кадетов в военном порядке, под звуки горнов, и вид этой бодро идущей части поднял на минуту настроение.

«К ноге! На плечо! Направо! Правое плечо вперед! Шагом марш! Смирно! Равнение направо, господа офицеры!» «Господа офицеры» — в первый и последний раз в жизни! Покидая родину навсегда, они стали на одно мгновение офицерами для любимого начальника.

Многие из них этого никогда не забудут и никогда не почувствуют себя апатридами. Баржа, на буксире у портового катера, с трудом оторвалась от причала. Все невольно повернулись к корпусу. Высокий белый дворец, широко развернув свои крылья по серой горе холодным белым золотом, бесстрастно смотрел с высоты и все уменьшался в размерах.

На причале горько плакала одинокая старушка — бабушка кадета — плакала Старая Русь.

Глава XII

КРЫМСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ

ИСХОД РУССКОГО ФЛОТА

Несмотря на то что возможность эвакуации обсуждалась, ее действительность поразила всех своей внезапностью. Когда 28 октября (10 ноября по новому стилю) 1920 года в 4 часа утра вышел приказ по флоту об эвакуации Крыма, большинство людей не хотели этому верить.

Конечно, для главного командования эвакуация не была сюрпризом. Еще 4 апреля 1920 года были приняты меры для переправки, в случае необходимости, Белой армии в Константинополь. При этом определялись пункты погрузки и численное распределение войск по портам.

Нужно оценить по заслугам труды командующих Черноморским флотом вице-адмиралов Саблина и Ненюкова; начальника штаба контр-адмирала Николя; начальника Морского управления вице-адмирала Герасимова; флагмана, инженера-механика Берга; инженера-механика генерал-лейтенанта Ермакова; контр-адмирала Евдокимова и подчиненных им лиц. Благодаря их предварительной работе эвакуация Крыма прошла в образцовом порядке.

12 октября 1920 года командующим Черноморским флотом и начальником Морского управления стал контр-адмирал Кедров, заменивший больного и через несколько дней скончавшегося вице-адмирала Саблина, а начальником штаба одновременно назначен контр-адмирал Машуков.

27 октября 1920 года в порты погрузки уехали старшие морские начальники с соответствующими инструкциями на случай эвакуации. В Евпаторию — контр-адмирал Клыков, в Ялту — контр-адмирал Левитский, в Феодосию — капитан 1 ранга Федяевский и в Керчь — контр-адмирал М.А. Беренс.

30 октября Кедров телеграфом оповестил командиров полков, что пароходы для войск поставлены по портам согласно директивам главкома. Эвакуация могла быть обеспечена, только если на Севастополь выступят Первый и Второй корпуса, на Ялту — Конный корпус, на Феодосию — кубанцы и на Керчь — донцы. Кедров настаивал на точном исполнении плана дислокации. Таким образом, в два-три дня флот смог спасти почти 150 000 человек

Даже для большинства моряков падение Перекопа стало неожиданностью: фронт был короткий и считался хорошо укрепленным. Действительность же оказалась иной. Еще 13 июля 1920 года начальник Перекоп-Сивашского района генерал-лейтенант Макеев докладывал в обширном рапорте о всех недостатках обороны Перекопского перешейка.

«Как могли мы до такой степени не знать правды?» — вопрос, который так часто задавали себе свидетели великих потрясений, когда все уже кончилось!

И как забыть сильную личность Врангеля, который не мог не знать положения? В начале сентября 1920 года он еще надеялся спасти Крым. Было ли это возможно? Врангель знал цену защитникам Перекопа. Но в каких условиях они боролись!

К моменту катастрофы на Перекопе не было укреплений, способных противостоять огню неприятельских батарей: работы по постройке были приостановлены за недостатком материалов. Большую часть артиллерии намечалось ввести в действие в последний момент, так как свободных тяжелых орудий в запасе в Крыму не было. Строительство железной дороги от Юшуня, бесконечно необходимой для подвоза к Перекопу снарядов и снабжения, к осени не закончили. В то время, когда на Севастопольском рейде наконец появился транспорт «Рион», доставивший из-за границы обмундирование, оплаченное золотом еще покойным адмиралом Колчаком, армия уже замерзала.

Но в сентябре 1920 года Врангель мог еще надеяться на помощь союзников. Генеральный штаб возлагал большие надежды на приезд иностранных делегаций: представителей Америки (адмирал Маккелли и полковник Кокс); Франции (майор Этьеван); Сербии (поручик Стефанович); Польши (поручик Михальский); Японии (майор Такахаси); Англии (полковник Уолд и капитан Вудворд).

На фронте ждали и верили, что Европа и Америка узнают наконец правду о той тяжелой обстановке, в которой, напрягая последние силы, защищает дело мировой цивилизации горсточка в два с небольшим десятка тысяч почти обреченных безумцев.

И офицеры, и солдаты жадно ждали, что пред глазами Европы, пред глазами всего мира истина откроется во всей своей неприкрашенной очевидности.

Удалось бы спасти положение? Увы! Уже не раз могло главное командование удостовериться, что при военных неудачах не следует рассчитывать на помощь союзников. Поэтому нельзя было допустить, чтобы они почувствовали слабость Белой армии. Вот почему иностранцам показали хорошо укрепленные позиции у Таганаша, а не знаменитый Перекопский перешеек, которому, скорее всего, предстояло сделаться ареной боев.

Врангель возложил все надежды на людей.

Как объяснить иначе тот воистину блестящий парад корниловцев на площади Колонии Кронсфельд 1 сентября 1920 года?

Людей, дравшихся почти без передышки с 23 мая, вывезли потихоньку на тачанках специально для парада прямо из окопов и через полчаса отправили в те же окопы.

Диву даешься, не знаешь, сон это или явь. Марсово поле или плац немецкой колонии? Еще минута, и начинается церемониальный марш. В 1921 году А.А. Валентинов писал: «Без конца стройными рядами проходит пехота, проходят люди, идущие в атаку под бешеным пулеметным огнем; по традиции, с винтовкой на ремне, с папиросой в зубах, мчится на рысях кавалерия, грохочут батареи в конской запряжке и на мулах...

Старые русские полки!.. Да, это старая русская гвардия, если бы... если бы не эта пестрота мундиров... Вот один прошел в розовой ситцевой рубахе с полотняными погонами, другой — в голубой, вот правофланговый без обмоток — серые английские чулки снаружи облегают концы брюк. На мгновение делается больно, обидно. Но стыда, о, стыда нет! Пусть! Пусть весь мир знает, в каких условиях дерется русский солдат. Пусть щелкают затворы камер! Пусть!»

Старый раненый корниловец, не участвовавший в параде, устремил свой взор на элегантных людей в иностранных мундирах. Бог их знает, что хотели сказать его глаза. Адмирал Маккелли и майор Такахаси — на лицах напряженное внимание — возились с фотоаппаратами. Знали ли они, что уже вечером эти люди вернутся под огонь неприятеля, чтобы сопротивляться ему голыми руками?

Теперь, в конце XX века, история которого так богата тоталитарными режимами, мировое мнение, пожалуй, могло бы лучше осознать важность происходившего тогда у Перекопа — погибало Русское государство. Увы! В 1920 году это касалось только России!

КТО ЗНАЕТ ПЕРЕКОП?

Всему миру известны Ватерлоо и Бородино. Все французские школьники читали Виктора Гюго, все русские солдаты пели стихи Лермонтова. Но кто знает Перекоп?

Для большинства это неизвестное слово, хотя падение Перекопа означало конец Русского государства. Люди, которые его защищали, это знали! Они видели собственными глазами истребление всех национальных ценностей страны: уничтожение ее культуры, надругательство над верой, обман крестьянства — и все это под флагом интернационала и «диктатуры пролетариата».

История готовит нам иногда сюрпризы. В наши дни искренние патриоты сожалеют о распаде СССР как о распаде единого государства. Для патриотов Белой армии образование СССР было концом России «Единой и Неделимой». Для них распад состоялся в 1917 году.

Еще одно слово о Добровольческой армии: три года борьбы, которую она вела, задержали осуществление «всемирной революции», которая в 1917 году могла еще угрожать Европе. Думая о бесчисленных жертвах, вспоминаешь пушкинские строки:

И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир.

В октябре 1920 года наступил решающий поворот. После заключения мира с Польшей Красная Армия могла сосредоточить все свои силы на крымском перешейке. Пять армий, тяжелая артиллерия — 200 пушек на короткий фронт, интернациональные коммунистические бригады латышей, китайцев, венгров бросились на Перекоп. Шайки армии Махно присоединились к нападающим. А против них армия, по словам самого Врангеля, «раздетая, обмороженная, полубольная, истекающая кровью».

Неравный бой начался ночью 27 октября и продолжался три дня (по новому стилю 9 — 11 ноября). Пробиваясь по направлению к Юшуню, корниловские и дроздовские дивизии, кавалерия донских казаков под командой Калинина шли в беспощадный бой, заранее проигранный.

«Большое поле, покрытое окровавленными трупами, — писал в книге «Нищие рыцари» Д. Новик, — походило на какое-то страшное, бежево-красное озеро. Со стороны добровольцев сами генералы вели свои полки в атаку. Некоторые были убиты, многие ранены. 29-го позиции пали в руки неприятеля, лучшие полки были истреблены».

В бой была брошена кавалерия, чтобы задержать наступление неприятеля и дать время войскам и гражданскому населению погрузиться в портах. Флот выполнил свой долг, позволив эвакуировать Крым в два - три дня, без паники и без беспорядков.

Все ли, кто хотел покинуть Крым, смогли уехать? Генерал Врангель предупреждал отъезжающих, что он не располагает материальными средствами, чтобы обеспечить их будущее: «Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок русской земли, где существует право и правда. В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и тех отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию. Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Откровенно, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разума одолеть и пережить русское лихолетье».

ГЕНЕРАЛ ВРАНГЕЛЬ

Но кто мог быть уверенным в будущем оставшихся? Фрунзе обещал амнистию, но Троцкий разрешил своим войскам в течение четырнадцати дней расправляться с «врагами народа» и грабить их жилища. Венгерский коммунист Бела Кун зверствовал так, что сам Троцкий сместил его.

В Севастополе тревога росла с каждым часом. Кавалерия не могла долго сдерживать наступление красных. Город нельзя было узнать. По запруженным народом улицам все стремились к пристани на погрузку. Большинство магазинов были закрыты, а двери покинутых домов раскрыты настежь. Город пустел. Много беженцев скопилось на дорогах, ведущих к Севастополю. Группа учеников Морского корпуса, находившихся в отпуску, пришла пешком из Симферополя.

Чтобы позволить всем погрузиться, еще 1 ноября армия защищала окрестности города по линии фортификаций 1855 года: генерал Скалон — северную часть, от моря до линии железной дороги; генерал Кутепов — от железной дороги до вокзала и дальше к морю. Флоту был отдан приказ погрузить эти последние заставы в 12 и выйти на рейд в 13 часов.

Эвакуация госпиталей являлась особенно тяжелой задачей. Транспорт «Ялта», предназначенный для раненых, был перегружен, но их оставалось еще много.

Генерал Шатилов пришел с рапортом: «Англичане обещали взять пятьдесят раненых, но это капля в море; во всяком случае, невозможно увезти всех...»

Врангель нетерпеливо его прервал: «Раненые должны быть вывезены все, и они будут вывезены... и пока они не будут вывезены, я не уеду».

2 ноября Врангель удостоверился, что все войска погружены, что сейчас грузятся последние заставы. Тогда только появилась на Графской пристани его высокая фигура в серой офицерской шинели и фуражке корниловского полка. Почти у самого берега он повернулся к северу, в направлении к Москве, и, сняв фуражку, перекрестился и низко поклонился Родине в последний раз.

В 14 часов 40 минут катер отчалил от пристани и, медленно обогнув с носа крейсер «Корнилов», приблизился к правому борту. У Андреевского флага виднелась высокая фигура в серой шинели. Похудевшее, осунувшееся лицо, образ железного рыцаря средневековой легенды.

Эвакуация Севастополя закончена.

Находясь в постоянной связи с французским адмиралом Дюменилем, Врангель удостоверился, что эвакуация Ялты, Керчи и Феодосии прошла благополучно. Только тогда отдал он приказ № 4771:

«Эвакуация из Крыма прошла в образцовом порядке. Ушло 120 судов, вывезено около 150 000 человек. Сохранена грозная русская военная сила. От лица службы приношу глубокую благодарность за выдающуюся работу по эвакуации командующему флотом вице-адмиралу Кедрову, генералам Кутепову, Абрамову, Скалону, Стогову, Барбовичу, Драценко и всем чинам доблестного флота и армии, честно выполнявшим работу в тяжелые дни эвакуации».

Эти 120 судов составляли армаду, в которую, кроме военных кораблей Черноморского флота, входили транспорты, пассажирские и торговые корабли, яхты, баржи и даже плавучий маяк на буксире. Спасать население пришли также суда из Варны, Константинополя, Батуми и даже, по счастливой случайности, из Архангельска и Владивостока.

Французский адмирал Дюмениль на судне «Вальдек Руссо» с миноносцами и буксирами сразу же покинул Константинополь, спеша на помощь Крыму. Он получил от Жоржа Лейга, председателя Совета министров и министра иностранных дел Франции, следующую телеграмму: «Я одобряю принятые Вами меры. Французское правительство не может оставить без помощи правительство Юга России, находящееся в критическом положении. Позиция полного нейтралитета, принятая Англией, не позволяет русским рассчитывать ни на кого другого, кроме нас! Франция не может бросить на верную смерть тысячи людей, ничего не предприняв для их спасения».

Жорж Лейг, Дюмениль, де Бон, позже адмирал Эксельманс и некоторые другие... СПАСИБО!

Выражение их симпатии и уважения тем более ценно, что в будущем унижения не станут редкостью. Некого будет даже за это винить; просто мы стали беженцами, и люди как-то незаметно для самих себя считали вправе говорить с нами по-другому.

А тогда Врангель думал о возможности перевести вооруженные русские силы на Западный фронт и писал об этом де Мартелю; писал и о возможности сотрудничества русских сил с Международной комиссией по контролю проливов. С какой горечью должен был он убедиться в тщетности своих усилий, читая 1 ноября ответ представителя Франции: «Де Мартель предполагает пока, как единственно возможное, русским офицерам, преимущественно специалистам, перейти на французскую службу, для чего придется принять и... французское подданство».

Мог ли Врангель сообщить об этом предложении людям, против своей воли покидавшим страну, которую они любили; морякам, чей бело-синий Андреевский стяг покидал навсегда колыбель Черноморского флота под бронзовым взглядом Нахимова, Корнилова и Лазарева?!

* * *

Вспоминая об этих последних севастопольских днях, я, как на большой картине, вижу толпы людей, куда-то озабоченно стре-

мящихся. Не помню ни паники, ни страха. Может быть, оттого, что мама умела в самые драматические минуты сохранять и передавать нам, детям, свое спокойствие. А скорее всего, она умела скрывать собственный страх. До последней минуты мы не знали, как уедем. «Жаркий» стоял в доках с разобранными машинами. Папа получил приказ его покинуть и перевести экипаж на «Звонкий». Папиному возмущению не было конца: «И не говорите, что я потерял рассудок! Я моряк! Я не могу бросить свой корабль в городе, в который входит неприятель!»

Пока все грузились, мы сидели дома, а папа упорно добивался в штабе, чтобы миноносец был взят на буксир. На все аргументы у него был ответ: «Машины разобраны, а мы уходим через три дня? Я остаюсь без механиков, которые не хотят покинуть Севастополь? Я найду людей, мы сами соберем машины в дороге. Я прошу только, чтобы меня взяли на буксир».

После разговора с Кедровым он добился своего. Вернувшись на «Жаркий», не теряя времени, он послал людей вернуть с заводов отдельные части разобранных машин. Надо было также снабдить корабль самым необходимым: хлебом, консервами, нефтью... Надо было брать все, что возможно, в портовых магазинах, так как в дороге ничего нельзя купить: бумажные деньги окончательно теряли свою стоимость.

30 октября мы узнали, что «Жаркий» будет взят на буксир «Кронштадтом», большим кораблем-мастерской. Оставалось только надеяться, что после долгой стоянки он сможет поднять якорь, давно заржавевший и покрытый морской травой.

31 октября к вечеру почти все корабли были на внешнем рейде, и мы с облегчением увидели, что и «Кронштадт», грузно переваливаясь на волнах, тоже направляется к ним. Миноносцы, стоявшие у пристани около «Жаркого», в свою очередь двинулись в путь. Вскоре мы остались совершенно одни.

Багажа у нас почти не было. Вещи собрали быстро. Все самое дорогое из знаменитой корзины не вынималось: иконы, старые фотографии и рукопись Манштейна.

Мама бережно хранила в ней белое крестильное платье своей маленькой Киры и как-то неожиданно выкроенный, но так никогда и не сшитый корсаж из золотистого атласа, усеянный бархатистыми розами.

Было что-то сказочное в этом куске материи, и я годами, открывая везде переезжавшую с нами корзину, вспоминала принцессу в ослиной шкуре, только ночью становившуюся ослепительно красивой в бальном наряде цвета солнца.

Конечно, первым делом надо было подумать о еде. Ульяна Федоровна помогла маме приготовить провизию в дорогу, а ее муж пошел в курятник, желая подарить нам куриное жаркое. По ошибке он убил мою серенькую курочку. Первый раз в жизни я в лицо увидела смерть: жалкая горсточка перьев и мысль, что я никогда больше не увижу ласковый и доверчивый взгляд моей «серенькой».

Видя мое горе, добрый человек не знал, что делать. Он готов был подарить мне всех своих кур; и его самого мне тоже было жалко.

Ульяна Федоровна, ее муж, их шестеро детей... что стало с ними после нашего отъезда? Они решили остаться. Позже мы узнали, что ни честная бедность, ни даже принадлежность к пролетариату не были достаточными основаниями, чтобы избежать расправы Бела Куна. Как хотели бы мы знать, что стало с этими хорошими людьми!

Последнее горестное воспоминание: молодой кавалерист успел нас известить, что он видел, как погиб папин брат Сергей Манштейн. Раненный, он упал с лошади и был сразу же зарублен. Ему не было еще и 25 лет.

В ЧЕРНОМ МОРЕ

Простояли мы два дня у пристани, ожидая, чтобы нас взяли на буксир. Все вокруг было в движении; никогда, вероятно, не видел севастопольский порт такого скопления судов и людей.

Перегруженные войсками транспорты, глубоко осев в воду, направлялись к внешнему рейду. Помосты у пристани дрожали под тяжелыми шагами грузившихся полков. Казаки расставались со своими лошадьми.

К вечеру 31 октября (13 ноября по новому стилю) небо над городом озарилось красным заревом пожара — горели склады американского Красного Креста, обосновавшегося в большом здании около вокзала. Долго еще отблески пожара освещали небо, и траурный звон колоколов севастопольских соборов сопровождал отбывающих.

В этом безудержном движении мы были приговорены к полной неподвижности: «Жаркий» со своими разобранными машинами и пассажиры, тесно расположившиеся в узком пространстве маленького миноносца, — около тридцати женщин и детей со своим скромным багажом. Устраивались, как могли, на палубе, в кают-компании, на койках кают и в кубрике.

В маленькой папиной каюте мы расположились на одеялах на полу, не боясь, что на нас наступят. Мы были «у себя», и, несмотря на голые, серой краской выкрашенные металлические переборки, несмотря на тесноту, я почувствовала себя в полной безопасности. На маленькой письменной доске перед иллюминатором стояла фотография Государя Николая Александровича в белой морской форме; над койкой — большая икона Спасителя. У этой иконы своя, уже длинная, богатая пережитым история.

Папа спас ее с тонувшей баржи при эвакуации из Одессы. Золотой венчик с нее содрал какой-то «воинствующий безбожник», который, не находя в ней больше ничего интересного, бросил ее в море.

* * *

Переход по Черному морю оказался исключительно тяжелым. Но, как это ни странно, мне кажется, что именно с тех пор зародилась во мне любовь к морю. Никогда не казался мне Божий мир таким беспредельным, как в те далекие дни на маленьком, переполненном народом «Жарком», когда, переступив высокий железный порог каюты, я поднималась по крутому трапу, чтобы взглянуть на кусочек голубого неба.

В кают-компании, на кушетке около двери, устроилась бездетная пара: пожилой доктор с женой, которые были со всеми знакомы. Спокойные, приветливые, они запечатлелись у меня в памяти, хотя я не запомнила их имен и впоследствии никогда их больше не встречала. И все же они послужили для меня примером, как можно оставаться самим собой даже в трудные минуты, когда судьба от нас не зависит.

Я помню, как Сергей Терещенко, который позже описал наши скитания в своей книге «Нищие рыцари», иногда останавливался, чтобы поговорить с доктором и его женой; помню его высокую фигуру и тот сказочный апельсин, который он вынул из своего мешка, чтобы дать его мне.

Обычно нас кормили рисом с обжаренным в луке корнбифом, синие цилиндрические коробки которого виднелись везде. Не знаю, откуда пошли слухи, что на самом деле все это обезьянье мясо, что очень волновало деликатные воображения.

Мама объясняла, что, принимая в учет огромное количество этих консервов и их малую стоимость, аргентинский крупный рогатый скот гораздо больше соответствует их производству, чем африканские обезьяны. Но эти полные логики доводы ничего не изменили, и прозвище «обезьяна» так и осталось за ними. Вместо хлеба утром пекли лепешки к чаю, очень вкусные, как мне казалось.

1 ноября (14-го по новому стилю), около полудня, за нами к причалу пришел буксир и повел нас на внешний рейд, чтобы пришвартоваться к «Кронштадту». Так как «Жаркий» шел на буксире, папа и его старший офицер получили распоряжение вести какое-то другое судно, но все это мы узнали много позже.

Вечером мы вышли в море — огромный «Кронштадт», тащивший «Жаркий», а за ним два подводных истребителя и парусную яхту; эти последние — без экипажа. «Жаркий» без командира и без старшего офицера оказался под командованием инженера-механика Бунчак-Калинского. С самого начала чувствовалось, что трудностей не избежать. Ночь была темная — на «Жарком» не было электричества, и бумажные бело-красно-зеленые фонари не могли заменить бортовые огни. Еще потеряннее казались мы в сравнении с огромной освещенной массой «Кронштадта» перед нами.

Пассажиры, измученные бесконечным днем, устраивались на ночь. В нашей каюте, прижимая Бусю к себе, я начала засыпать. Мама все время наклонялась к Люше и Шуре, изнемогавшим от приступов кашля. Вдруг страшный удар, от которого весь корабль,

казалось, встал на дыбы, разбудил всех. Через открытую дверь на верху трапа я увидела море в огнях, обметаемое лучами прожекторов; доносились крики утопающих и резкие приказы.

Как произошло столкновение, никто точно никогда не узнает. Болгарское судно «Борис», водоизмещением около двух тысяч тонн, рискнув на неожиданный маневр, в последнюю минуту встало прямо перед носом «Кронштадта». Как эти хорошо освещенные корабли не увидели друг друга?

Теперь «Борис» тонул. Моряки с «Жаркого» тщетно старались предупредить «Кронштадт», который, дав задний ход, наседал на «Жаркий», продолжавший свой бег вперед... Матросы старались сдержать удар чем могли... В несколько мгновений радиоантенна и рея большой мачты рухнули, шлюпки были раздавлены, рубка помята. Видела ли я, как шлюпки подбирали тонувших? Позже я узнала, что французский буксир «Coq» получил SOS. Наша первая ночь в море чуть не стала для нас последней...

С восходом солнца мы заметили, что парусная яхта исчезла. Шторм оторвал и истребителей, но, так как людей на них не было, их и не стали искать. Однако самое страшное ожидало нас впереди. Старый боцман Демиан Логинович Чмель первым заметил, что один из двух буксирных тросов лопнул.

— Выдержит ли второй? — заволновался Бунчак.

— Возможно, что выдержит... Возможно, что не выдержит...

Старый моряк знал, что в море никогда нельзя ни в чем быть уверенным.

Второй трос лопнул! Мы это сразу почувствовали. Невозможно было стоять. Мебель, вещи катались в беспорядочной качке... А «Жаркий» без действующих машин, без света, беспомощный, остался один в разбушевавшемся море, в то время как громада «Кронштадта» удалялась в темноте ночи... Когда он заметит, что мы потеряны? Моряки, стараясь удержаться на скользкой палубе, кричали «Кронштадту» вслед. Старший гардемарин Хович звал на помощь, с трудом удерживая рупор. Ветер уносил его отчаянные крики...

И — о чудо! «Кронштадт» нас заметил!

Он возвращался медленно, грузно, разыскивая в бушующих волнах суденышко — маленький миноносец, освещенный только полудюжиной свечек: трудный маневр в штормовую темную ночь, особенно для транспорта его размеров. Старому боцману потребовалось много умения и терпения, чтобы снова завести концы. Несмотря на свой возраст — 70 лет, крепко и прямо держась на ногах, исчезая иногда из глаз в пенистых брызгах, он упорно снова и снова заводил буксирные тросы.

К несчастью, буря продолжалась.

Четыре раза рвались концы, и каждый раз надо было снова искать тонувший «Жаркий».

«Кронштадт» перевозил 3000 человек, и очень ограниченное количество угля позволяло ему дойти только до Константинопо-

ля. Он не мог терять времени. Был отдан приказ переправить экипаж, пассажиров и ценные вещи с «Жаркого» на «Кронштадт». Навсегда запомнилась мне эта пересадка.

Малюсенький «Жаркий», пришвартованный к огромному «Кронштадту». Веревочные шторм-трапы, болтающиеся над бушующим морем. Казалось, буря все сорвет, все унесет. Женщины и дети с трудом удерживались на качающейся, залитой водой палубе. Надо было подниматься по высокой вертикальной поверхности борта «Кронштадта».

Ясно вижу еще лица и руки людей, которые сверху, низко склонясь через фальшборт, тянулись, чтобы принять детей из рук поднимавших их моряков. Чудо, что никто из ребят не упал в воду! Зато узлы с последними пожитками исчезли в волнах. Но кто мог о них думать в такой момент? Мы были живы и здоровы на устойчивой палубе «Кронштадта», забыв уже пережитое.

Скоро мы нашли уголок, где пристроиться; часть семьи Кононовичей была на борту «Кронштадта», и они разделили с нами большую койку. Тогда же мы узнали, как они беспокоились о судьбе «Жаркого», следя за ним днем и ночью. Теперь, когда мы были в безопасности, за ним следил Демиан Логинович Чмель.

В то время как все были заняты пересадкой, ему в пятый раз удалось завести концы. Он знал, что на этот раз, в случае если они не выдержат, миноносец будет брошен. Для него теперь оставалось только одно: молиться святому Николаю Угоднику, не покидая своего наблюдательного поста. Он даже, по когда-то данному ему предком его Максимом совету, бросил в море на веревке икону святого покровителя моряков.

Последний трос выдержал!

После «Жаркого» во время бури «Кронштадт» не мог мне казаться кораблем. Это был какой-то громадный улей, переполненный разнородной публикой, кочующей по палубе, коридорам, разговаривающей на трапах и в которой можно было даже потеряться. Лучше было не покидать нашего уголка на койке, и день тянулся очень долго, а вечером большие крысы, примостившись под подволоком, смотрели нам в глаза.

Как сильно переживают иногда дети тяжесть людского горя! Мне было тогда только восемь лет, но самым горьким воспоминанием из пережитого в эти сумрачные дни осталось в моей памяти измученное лицо старого военного, жена и сын которого, психически больные, путешествовали запертыми в отдельном помещении. Иногда их смутные силуэты виднелись через тусклое стекло.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Переход через Черное море продлился менее недели, хотя мне казалось, что мы месяцами боролись с бурями.

Константинополь — Истанбул — сказочный, яркий, цветистый! После бурных ночей Черного моря бухта Мода при входе в

Мраморное море представилась неожиданной картиной спокойных глубоких вод, залитых солнцем. Это скопище кораблей всех размеров, от броненосцев до моторных катеров, от больших пассажирских кораблей до барж, было настоящим плавучим городом.

По сведениям, представленным капитаном 1 ранга Н.Р.Гутаном и опубликованным в «Histoire de la Tunisie», известны точные цифры: «Благодаря исключительной организации Врангель смог в одну неделю, от 12 до 18 ноября 1920 года, перевезти 145 693 человека, из которых 6628 раненых или больных, на 138 военных и торговых судах, русских или иностранных».

За исключением миноносца «Живого», близнеца «Жаркого», потерянного в Черном море и, несмотря на поиски, так никогда и не найденного, все корабли собрались в бухте Мода — сборище, не имевшее примера в истории.

Папа, прибывший в Константинополь раньше нас, снова был на борту «Жаркого», и мы с ним чувствовали себя снова «дома». Буся словно поняла, что ей не надо больше прятаться; Люша и Шура почти перестали кашлять. Мне даже удалось объесться сладкими, на бараньем жире приготовленными турецкими пирожными. Несмотря на то что на большинстве судов был уже поднят желтый карантинный флаг, папа с мамой смогли побывать в городе.

Они вернулись оживленные, почти веселые, и мама рассказывала, смеясь, как папа потерял одну из мягких туфель, которые выдают посетителям при осмотре Айя-Софии. Он стоял на одной ноге, стараясь дотянуться до туфли и не решаясь дотронуться до пола необутой ногой из боязни оскорбить мусульманские обычаи. Они были еще под впечатлением от этого города, который для русских всегда был сказочной Византией.

Оживленный, многонациональный восточный город, блестящие военные мундиры, элегантные туалеты на террасах Перы и Галаты, все посольства, эскадры французская, английская, американская — всесильные в водах Босфора и рядом столько нищеты!..

На углу одной из улиц родители встретили Серафиму Павловну Раден: она продавала ковер, на покупку которого долго копила деньги еще на берегах Балтики.

Эта стоянка в Константинополе позволила «Жаркому» обрести свой привычный вид. Все пассажиры с него сошли, и папа с экипажем работал над сборкой машин. Нам оставалось только ждать: не нами решалась наша судьба. Еще более тяжким было ожидание для тех, кто на перегруженных кораблях был лишен самого элементарного удобства! Как размещались они на «Владимире», большом пассажирском дальневосточном транспорте, рассчитанном на 3000 человек, но имевшем на борту 12 000?! Голод, отсутствие гигиены, начинающиеся эпидемии не позволяли долго ждать. Французское правительство отдавало себе в этом отчет и признавало свои обязательства по отношению к правительству Юга России. Еще до эвакуации, 6 ноября 1920 года, французский

морской министр предупреждал адмирала де Бона, командующего французскими морскими силами в Константинополе: «Поскольку вы не располагаете достаточными средствами, договоритесь с адмиралом де Робеком о британском содействии».

Но 12 ноября главный комиссар Франции в Константинополе Дефранс дал знать своему правительству, что Лондон предписал адмиралу де Робеку... полную нейтральность. Он это подтвердил немного позже: «По словам английского главного комиссара, представительство Его Величества не хочет принять никакую ответственность в этом деле. Что касается судьбы беженцев, он заявил, что вся ответственность ложится на Францию, которая признала правительство Врангеля».

Франция не отказалась от своих обязательств. Переговоры с представителями Балканских стран позволили высадить на берег армию и штатских. Вскоре стало известно, что добровольцы будут интернированы в Галлиполи, донские казаки — в Чатальдже около Константинополя, кубанцы — на Лемносе.

Турция, Сербия, Болгария, Румыния и Греция соглашались принять гражданское население. Оставался флот. Адмиралы Дюмениль и де Бон предлагали послать флот в Бизерту (Тунис), но, по мнению министра иностранных дел Жоржа Лейга, «отправка русских в Тунис или же на какую другую часть французской территории сопряжена с непреодолимыми трудностями».

Не надо забывать, что военный французский порт Бизерта существовал только с 1895 года. Франция, несмотря на установленный в 1881 году в Тунисе протекторат, долго не решалась приступить к его постройке, опасаясь международных осложнений, главным образом с Англией и Италией. В 1919 году вопрос обострился с приходом в Бизерту австрийской эскадры. В 1920 году положение по-прежнему было сложное, но, не находя другого выхода, Совет министров Франции согласился 1 декабря направить Черноморский флот в Бизерту.

* * *

Переход через Средиземное море от Константинополя до Бизерты оказался для нас неожиданной и приятной переменой обстановки. «Великий князь Константин», принадлежавший компании РОПИТ, небольшой, но очень комфортабельный пассажирский пароход, вышел в море одним из первых, погрузив семьи моряков и персонал морского ведомства.

Мы разделяли просторную каюту с женой и маленьким ребенком Бунчак-Калинского. Наконец можно было гулять по палубе, сидеть в удобных креслах под тентом, есть в настоящей столовой. Вечером в большом зале под ярким светом хрустальной люстры собирались кружки любителей музыки, пения, шахматной игры Днем везде царили дети.

Кто знает, может, и по сей день живут еще где-нибудь мои сверстники, которые, как и я, не забыли этот переход на «Константине»?! Может быть, даже кто-нибудь из них вспомнит маленькую худенькую девочку с короткими светлыми кудряшками, неразлучную с черненьким тойтерьером, как и я вспоминаю девочку лет семи, с хорошенькой мордашкой, обрамленной густыми темными локонами. Мы смотрели друг на друга, не решаясь заговорить, рисуя пальцем узоры на мутном стекле люка. Мы познакомились позже... Подруга на всю жизнь — Валя Рыкова.

Каждый раз, когда я встречалась с незнакомыми детьми, то невольно пыталась найти среди новых лиц моего маленького друга Сережу. Что с ним стало? Где он теперь? Даже по сей день я чувствую, что он меня не забыл...

«Константин» хорошим ходом пересекал Эгейское море, сказочно глубокое. Множество островков, где у самого берега белые дома походили издалека на большие белые камни под солнцем. Яркая картина архипелага! Мы плыли к стране древнего Карфагена. Эней когда-то плыл той же дорогой, и Одиссей доплыл до Джербы, острова лотофагов. Все это впоследствии будет для меня тесно связано с историей Туниса, куда так неожиданно занесла нас судьба.

Иногда «Константин» заходил в порт. Мгновенно множество лодок окружало пароход. Горы халвы, апельсинов, сухого инжира, рахат-лукума — чего только в них не было! Трудно было устоять! Некоторые дамы, у которых оставались еще драгоценности, спускали на веревочке кольцо или браслет, чтобы поднять... килограмм апельсинов.

Через десятки лет потом находили в лавчонках Истанбула вышедшие из моды драгоценности, от которых так веяло старой Россией!

Исключительно хорошая погода! Но в декабре это не могло долго продолжаться. Ветер стал свежеть, когда мы вошли в Наваринскую бухту. Здесь почти сто лет назад, 8(20) октября 1827 года, произошло сражение русско-английско-французской эскадры и турецкого флота.

Ученики Морского корпуса, пришедшие на «Алексееве», посетили маленькое кладбище...

Когда мы покидали Наварин, погода стала портиться. Небольшой пассажирский пароход начало сильно качать. Советы молодых офицеров дамам — «побольше харчить» — не имели никакого успеха. Но мама, как жена моряка, твердо уверовала в данный ей совет, и надо сказать, что она действительно никогда не страдала морской болезнью и что нас, детей, тоже никогда не укачивало.

...«Нервы разошлись» — выражение, которое я услышала, как мне кажется, в первый раз на «Константине» и которое осталось для меня навсегда связано с более легкой жизнью и отсутствием настоящих забот.

Еще в Константинополе любящим парам посоветовали оформить свои отношения: только семейные моряки уходили в Бизер-

ту. Надо было расставаться или венчаться, и в те несколько дней на эскадре сыграли много свадеб. Молодоженов сразу же разлучили. В то время как мужья оставались на военных судах, их молоденьких жен посадили на «Константин». У них-то «нервы и разошлись». Бурное море, густой туман, богатая фантазия и несдержанность молодости! Кто-то закричал, что «Дерзкий» несется прямо на нас, а кто-то «исправил», что турки идут на нас войной, — как видно, под впечатлением стоянки в Наварине. Поднялся шум, крики, кто-то громко зарыдал...

— Молчать! Кликуши, по каютам!

Неожиданный окрик капитана мгновенно разогнал взволнованную толпу. Бедный, всегда такой вежливый капитан! На другой день он сконфуженно просил извинения.

Утром редкие пассажиры показались на палубе. С солнцем жизнь казалась светлее, лица оживленнее, и даже губная помада передавалась из рук в руки. Плохая погода не сразу прекратилась, но, кажется, остальная часть пути прошла для нас спокойно.

Нельзя этого сказать про переход других кораблей. Старый линейный корабль «Георгий Победоносец» чудом не разбился о скалы Сицилии. Маленькие миноносцы «Жаркий» и «Звонкий» чуть не потонули и, поскольку машины отказывались служить, пытались идти под парусами. Конвоирующее второй отряд русских кораблей французское судно «Бар ле Дюк» затонуло в ночь на 15 декабря 1920 года у мыса Доро. Почему же корабли покидали надежное убежище в порту, несмотря на штормовую погоду? Почему второй отряд, состоящий из маленьких миноносцев, вынужден был покинуть Константинополь, чтобы той же ночью встретить циклон в Эгейском море?..

Как не затонул «Жаркий» в ту страшную ночь?! На буксире у «Голланда», у которого самого машина была не в порядке, он вдруг лег на левый борт, и один из буксирных тросов оказался у него под кормой. Огромные волны, прокатываясь по палубе, сносили все, что возможно: бочки с нефтью, вспомогательную динамо-машину, сорвали прожектор с мостика. Рулевые были привязаны. Пожар бушевал в кают-компании. «Голланд» не двигался с места. И в эти безысходные минуты... зловещий, срываемый бурей, призыв о помощи: SOS; SOS — и ничего больше... Это были последние позывные французского авизо «Бар ле Дюк»...

Всем было известно, каким опасностям подвергается Черноморский флот, который по прибытии в Константинополь переименовали в Русскую эскадру под командованием вице-адмирала Кедрова. Переход, который ее ожидал, был много сложнее, чем поход в Бизерту австрийского флота в 1919 году: путь длиннее, кораблей намного больше, к тому же все в плохом состоянии и без опытного экипажа. Переход совершался в самое ненастное время года, но ввиду сложившихся обстоятельств выбора не было. Для Русской эскадры — немногим больше 30 кораблей — Константинополь мог послужить только временной стоянкой.

28 ноября адмирал де Бон телеграфировал: «Военный флот, имея на борту приблизительно 6000 офицеров и членов экипажа, не может здесь оставаться. Я прошу разрешения немедленно направить его в Бизерту».

Как только Бизерта была определена французским правительством окончательной базой стоянки, корабли вышли в море. Эскадра, не принадлежавшая больше никакому государству и находящаяся под покровительством Франции, шла под конвоем французских кораблей. Андреевские стяги реяли за кормой, но на гротмачтах подняли французские флаги. Первый конвой, вышедший из Константинополя в декабре 1920 года, возглавил командир французского крейсера «Эдгар Кинэ». Он состоял из четырех дивизионов.

Второй конвой имел только два дивизиона. Покинув Константинополь в январе 1921 года, разбросанные бурей корабли дошли до Бизерты между 14 и 17 февраля.

Запасы угля были ограниченны, а так как по пути вход в иностранные порты запрещался, то необходимо было выработать точный календарь встреч и мест загрузки топливом. Все эти сложные задачи решались общим франко-русским командованием, которое установило строгий план маршрута: его требовалось придерживаться, несмотря ни на какие обстоятельства. Редкие исключения имели чисто технические причины.

Так, например, адмирал был вынужден разрешить второму дивизиону вернуться на одну ночь в Аргостоли: застигнутые ураганом при выходе из этого порта «Звонкий», «Зоркий», «Алмаз», «Якут» и «Страж» получили серьезные повреждения и посылали сигналы о помощи. «Жаркий» покинул Аргостоли через четыре дня: вторая машина была собрана, и он смог идти своим ходом.

То, что все корабли дошли до места назначения, кажется чудом! Чудом, которым мы обязаны нашим морякам и деятельной помощи французского флота.

Глава XIII

ПРИХОД РУССКОЙ ЭСКАДРЫ В БИЗЕРТУ

Рано утром 23 декабря 1920 года «Великий князь Константин» вошел в Бизертский порт. Обогнув волнорез, поврежденный немецкой миной, он шел вдоль канала...

Мы стояли на палубе и смотрели на маленький, чистенький, живописный и спокойный город, европейской части которого было только 25 лет. Некоторые из нас состарятся с этим городом...

«Константин» отдал якорь у противоположной стороны канала, у южного берега, который казался малонаселенным. Никто из беженцев не понимал, почему французы выбрали для стоянки именно это место. Только много позже я узнала, что французское правительство, соглашаясь принять русский флот в Бизерте, рекомендовало адмиралтейству принять меры предосторожности против... «большевистского вируса». Адмирал де Бон, зная хорошо топографию местности, указал, что можно избежать всякого «риска заразы», выбрав место стоянки у мыса Мензель-Абдерахман и разрешив русским спускаться на берег только в пределах этого полуострова.

На русских судах сразу же подняли желтые карантинные флаги — самый верный способ помешать беженцам покинуть корабли. Люди, все потерявшие, пережившие бесчисленные опасности, обезоруженные полной неизвестностью, как могли они думать, что для кого-то представляют угрозу?! Большинству и в голову не приходило, что за ними следят. Адмирал Дарье сообщал в Париж 25 декабря 1920 года: «Русский флот стал на якорь у южного берега узкой части канала и в бухте Каруба. За ним наблюдают катера и патрули на суше. Дредноут «France» проверяет узкую зону канала и централизует сведения».

Верил ли действительно де Бон в «вирус большевизма» и в возможность изолировать более 5000 человек в уголке Зарзуны? Еще во время пребывания эскадры в Константинополе, адмиралы де Бон и Дюмениль приложили все усилия, чтобы убедить Совет министров, который долго не решался принять русские корабли. Дюмениль пытался даже поднять вопрос о материальной выгоде для Франции: «Согласны ли Вы взять военный флот в залог?.. В таком случае я предлагаю Вам послать его в Бизерту как можно скорее... Наибольший интерес для нас представляют новый 23-тысячетонный «Алексеев», корабль-мастерская «Кронштадт» и большие миноносцы».

Адмирал Дюмениль не мог не знать о намерениях французского правительства отослать русских в Россию, оставив корабли под надсмотром французских специалистов для оценки их стоимости и возможности дальнейшего использования.

Морской префект в Бизерте адмирал Дарье сообщал в Париж: «Я видел адмирала Кедрова... По его словам, он никогда не слышал о предложении Врангеля отдать флот в залог Франции». Префект одновременно объяснял, что невозможно оценить корабли, пока они находятся у русских. С одной стороны, под предлогом «санитарных причин» они были поставлены в карантин; с другой стороны, адмирал Кедров принял меры, чтобы помешать вмешательству французских техников, объяснив сразу же, что в его распоряжении находятся русские квалифицированные инженеры.

Парижское министерство проявило даже вполне серьезный интерес к будто бы находившемуся на одном из кораблей «золотому запасу правительства Юга России». Осторожные расследования привели к «Кронштадту», на котором «открыли» 275 миллионов бумажных рублей, не имевших больше никакой стоимости.

Надо признать, что длительное пребывание Русской эскадры в Бизерте было связано для Франции с очень большими трудностями. Но какой бы ни была политика правительства, зависящая от складывающихся в данный момент обстоятельств, всегда за ней стоят люди. В те, 1920 — 1925 годы, когда решалась судьба Русского флота, французское военно-морское командование в Тунисе сделало все, чтобы помочь своим бывшим союзникам. Адмиралы Варней, Гранклеман, Жэен оставили в памяти эмигрантов светлое воспоминание.

Ни один русский моряк, переживший агонию флота, не забудет имя адмирала Эксельманса. Верный своему рыцарскому понятию о чести, адмирал не поколебался пожертвовать карьерой во имя своих убеждений. В 1920 году морским префектом был вице-адмирал Дарье, которого с 1921 года заменил вице-адмирал Варней. В настоящее время, с открытием архивов во Франции, можно проследить переписку между Парижем, французской резиденцией в городе Тунис и морским ведомством в Бизерте — переписку, касающуюся «эскадры Врангеля».

Но если высшее русское командование было отчасти в курсе обсуждаемых вопросов, то большинство моряков ничего о них не знало, и те, кто оставались на кораблях до 1925 года в надежде спасти их для России, прожили те годы замкнутой жизнью вне окружающего их мира.

Мало осталось в живых из жителей Бизерты, кто помнит еще далекие солнечные декабрьские дни 1920 года, когда русские корабли начали изо дня в день появляться в водах канала, чтобы окончательно стать на якорь у его южного берега или в бухте Каруба.

Вне сомнения, появление целой эскадры, где на военных кораблях находились женщины и дети, было необычным событием для жителей маленького городка. Для нас же после всего пережитого этот последний причал казался залогом более спокойного, хотя и неизвестного, но радужного будущего. Давно уже наши родители привыкли жить настоящим, а дети вообще никогда не заботятся о завтрашнем дне. Мы разглядывали с интересом пляжи и пальмы, новенькие дома и минареты мечетей и красочную толпу вдоль оживленной набережной — много красных фесок и белых широких восточных одеяний среди строгих костюмов и военных мундиров.

Наш «Константин» пришел одним из первых, и мы с радостью приветствовали появление каждого нового корабля. Праздником показался всем день, когда за волнорезом появились огромные башни «Алексеева»: Севастопольский Морской корпус прибыл в Бизерту.

Особенно торжественно был отмечен приход флагманского «Генерала Корнилова»: командующий эскадрой адмирал Кедров со своим штабом стоял на мостике крейсера и приветствовал каждое русское судно, уже стоявшее в бизертском порту.

К 29 декабря все суда, покинувшие Константинополь с первым конвоем, были в Бизерте, все... кроме маленького «Жаркого». Мама, как всегда, не проявляла своего беспокойства, но жена Бунчак-Калинского была вне себя. Мне кажется, что я слышала, как она взволнованно осуждала командира, «который отказался, чтобы его тащили на буксире, на что согласился бы всякий разумный человек». И наверное, я не слышала всего! По крайней мере, я помню, как позже она просила маму не повторять ее мужу то, что она говорила про его командира.

Бравый Демиан Логинович Чмель, назначенный на «Константин», переживал с нами отсутствие «Жаркого». Каждое утро, с восходом солнца, он уже был на палубе и обозревал горизонт. Он и увидел его первым!

2 января 1921 года, в 6 часов утра, мы проснулись от стука в каюту: «Зоя Николаевна, Зоя Николаевна, «Жаркий» пришел!»

В утреннем тумане, на гладкой воде рейда, маленький миноносец — наконец на якоре — спал... спал в настоящем смысле слова. Никого не было видно на палубе. Ничего на нем не двигалось. Люди проспали еще долго, и мы поняли почему, слушая их рассказы о последнем переходе.

Когда они выходили из Аргостоли, море было спокойное и целый день стояла хорошая погода, но к вечеру шторм настиг их у берегов Калабрии. Новые повреждения заставили «Жаркий» искать убежище в какой-нибудь пустынной бухточке. К счастью, им пришел на помощь миноносец Национального итальянского флота под зелено-бело-красным флагом и дотащил их до Катаро.

Командир миноносца, вспомнив Мессину, пригласил русских офицеров на обед. Узнав, что они колебались из-за отсутствия

приличного платья, он заявил, не без юмора, что приглашает не шинели, а товарищей в беде. Этот братский вечер вокруг гостеприимного стола, где вермут имел вкус времен давно прошедших, где воспоминания о глубокой древности, о Пифагоре и его законах отодвинули на миг тяжелую действительность, остался светлым пятном в трудном путешествии.

Вопрос нехватки горючего снова возник, когда «Жаркий» не встретился с «Кронштадтом» у берегов Сицилии, где он должен был загрузиться углем. Оставалось только одно: идти на Мальту, несмотря на запрет, проникать в английские воды.

Избегая лоцмана, которому нечем было заплатить, «Жаркий» вошел в Ла-Валлетту и стал на якорь посреди порта. Реакция портовых властей не заставила себя долго ждать. Английский офицер в полной форме появился через пять минут. Он был любезен, но тверд: английский адмирал, будучи очень занятым, освобождал командира от протокольного визита и просил не спускать никого на берег.

— Замечательный народ, эти англичане! Умеют говорить самые большие грубости с безупречной вежливостью... — охарактеризовал командир этот инцидент.

Но как быть с углем? Вопрос разрешился на следующее утро. Помощник начальника английского штаба, офицер, прослуживший все время войны на русском фронте, награжденный орденами Владимира и Станислава, дружески представился своим бывшим соратникам. Он предложил лично от себя обратиться к французскому консулу, который любезно и с полного согласия Парижа снабдил миноносец углем.

«Жаркий» покинул Ла-Валлетту в праздничный день нового, 1921 года, и вслед ему долетали на плохом русском языке пожелания новогоднего счастья и даже несколько букетиков фиалок, брошенных с мальтийских гондол. Еще несколько часов... и он будет в Бизерте.

* * *

Постскриптум: В своем рапорте от 30 декабря 1920 года капитан 1 ранга Бергасс дю Пти Туар, командир «Эдгара Кинэ», писал: «Жаркий» запоздал. Кедров считает возможным, и даже вероятным, неподчинение командира... молодого, увлекающегося офицера, который прекрасно мог зайти в Грецию или в Катаро».

Заметка автора: Моего отца нельзя обвинить в неподчинении: сложившиеся обстоятельства заставили его войти в Катаро и на Мальту. Конечно, он мог этого избежать, покинув Аргостоли на буксире. Сделал ли он все возможное, чтобы «Кронштадту» удалось взять его на буксир? Он всегда утверждал, что все попытки оказались тщетными, что буря срывала буксирные тросы, унося миноносец в глубину бухты с опасностью быть разбитым на скалах. Но, рассказывая про эту неудачу, заставившую «Кронштадт» уйти одному, он прибавлял: «Путь добрый!», и глаза его весело блестели.

Глава XIV

ДЕТСТВО НА КОРАБЛЯХ

Можно сказать, что мы жили в плавучем городе и, насколько я помню, детьми мы не стремились на землю. Мы стояли на карантине, но могли все же переходить иногда с корабля на корабль.

Корабль живет своей собственной, таинственной жизнью; мы умели исчезать с глаз взрослых довольно легко, несмотря, казалось бы, на ограниченное водой пространство. В январе «Константин» был возвращен его компании и морские семьи могли вернуться на корабли своих отцов.

Мы снова оказались на «Жарком» в бухте Каруба, между «Звонким» и «Капитаном Сакеном», в длинном ряду миноносцев под охраной черного часового на недалеком берегу. Так наступило наше первое Рождество в Африке. Для детей 7 января с помощью французов на «Алексееве» устроили елку. Люша и Шура были еще очень маленькими, и мама не могла их оставить. За мной должен был кто-то приехать. После обеда шлюпка с «Корнилова» подошла к «Жаркому» и в первый раз в жизни я увидела Татьяну Степановну Ланге. Папин друг еще по корпусу, Александр Карлович Ланге, женился на ней в Константинополе, и мы ее не знали. Молодая женщина, которая за мной приехала, покоряла с первого взгляда, как будет покорять она всех до глубокой старости, доживя до 90 лет. Все в ней нравилось: спокойная «неторопливость», какое-то особое милое обаяние, улыбающийся, иногда с ласковой усмешкой, взгляд, даже когда глаза перестанут вас видеть. Такой останется она навсегда, до самой смерти. В тот далекий день в начале 1921 года я была около нее на большом броненосце с кадетами Морского корпуса. Некоторые из них — еще совсем маленькие, многие оторваны от семьи или сироты. Жены преподавателей и персонал корпуса занимались детьми с большой любовью. Все выглядело празднично, весело. Большая елка на палубе, мандарины, финики, разные печенья под ярким январским солнцем — дар страны, которая встретила нас с улыбкой.

После молебна был спектакль народных танцев и совсем неожиданно появились боксеры — один из них в черной маске.

За праздничными днями жизнь установилась монотонная и спокойная. Для меня она сводилась к трем миноносцам — «Звонкий», «Жаркий», «Капитан Сакен» — и к семьям их трех командиров: Максимовичей, Манштейнов и Остолоповых. Мы, дети, легко переходили с одного корабля на другой, но не пытались уходить дальше.

Наш детский мир был очень ограничен — только шесть ребят, скорее четверо, так как Люша и Шура довольствовались друг другом. Самая старшая — лет двенадцати — Вера Остолопова. Она и ее брат Алеша были исключительно дружная пара. Мишук Максимович, резвый и симпатичный мальчик — моложе меня. По-моему, мы никогда не скучали, хотя места для игр недоставало, но вокруг было небо и море и много яркого солнца. Карантин заканчивался.

В одно прекрасное утро большой французский буксир доставил нас в госпиталь Сиди-Абдаля в Феривиле, теперешнем Мензель-Бургиба, в глубине Бизертского озера, для дезинфекции.

Обычно всякая перемена встречается детьми с радостью. Но о госпитале Сиди-Абдаля у меня осталось очень неприятное воспоминание. После почти холодной бани повели нас голыми, женщин и детей, через длинный и широкий коридор на раздачу госпитальной одежды: ночных рубашек или пижам, по выбору, пока дезинфицируют нашу одежду. Как унизительно показалось мне идти, как в стаде, по этому коридору, на глазах госпитального персонала, не всегда скрывающего свое любопытство.

Не одна я, наверное, это чувствовала. Недавно я получила из Финляндии письмо от одного из участников нашей эмиграции, О.Н. Шубакова, который вспоминает о «дезинфекции» в Константинополе с таким же, как я, отвращением: «В женскую баню, куда водили по наряду, вторгался какой-то лейтенант, похлестывавший хлыстиком. В парилку валили для дезинфекции что попало. Дамы, сохранившие каракулевые и котиковые пальто, получали из дезинфекции жалкие, негодные комки съежившихся шкур».

Моему корреспонденту было в то время, как и мне, восемь лет. А что должны были переживать взрослые?!

По прибытии в Бизерту офицеры были обезоружены и первое время находились под строгим надзором. Адмирал Кедров высказал то, что все офицеры чувствовали, в своем обращении к французским властям: «Принесли бы мы с собой чуму, были бы мы вашими врачами или вашими пленными, мы не были бы приняты по-другому». Тем сильнее его чувство благодарности к адмиралу де Бону за оказанный им прием в Константинополе: «В нашем несчастье ничего не могло нас больше тронуть, чем выражение этой симпатии. Мы этого никогда не забудем. Почему принимают нас как врагов на французской территории?»

Многие французские офицеры задавали себе тот же вопрос. Полученные из Парижа разъяснения, возможно, способствовали тому, что в скором времени было разрешено спускаться на берег.

Сколько месяцев пробыли мы в бухте Каруба?.. По некоторым данным, мы находились там до конца 1921 года.

Я знаю, что моей первой школой была маленькая, первоначальная школа в Пэшери. Каждое утро мы на шлюпке подходили к низкому и пустынному берегу, незаметно переходившему в зеленый луг, пересекать который не спеша было одно удовольствие.

С тех пор прошло больше семидесяти лет; никогда не удалось мне увидеть снова этого сказочного для меня в детстве места, находящегося в закрытой военно-морской базе. Когда жизнь ограничена металлической палубой корабля, самый скромный лужок становится безграничной степью с ее бесчисленными богатствами: желтые большие солнечные ромашки, голубой чертополох, острый свежий и неповторимый вкус дикого чеснока...

И все же мы доходили до школы. Я ничему в ней не научилась и совсем не по вине учительницы. Я послушно просиживала несколько часов с полным сознанием выполненного долга. По всей вероятности, не зная французского языка, я искренне считала, что классная работа меня не касается.

Медленно проходили месяцы, хорошая погода позволяла проводить много времени на палубе. Шура, с тех пор как она научилась ходить, начала везде лазить, лазила и падала. Она была покрыта шишками. Полвека спустя она ответила на вопрос приятеля, увлекающегося психоанализом, что ее детство сводится к одному слову: удары! Что мог вынести из этого ученый аналитик?!

Металлическая палуба скользила, борта были плохо защищены. Один раз она упала в море. Демиан Логинович, держась одной рукой за поручни, низко нагнувшись через борт, ждал момента ее схватить, когда, медленно подымаясь, она вынырнула из воды. В другой раз она упала на железный крюк минной дорожки, что оставило ей на всю жизнь шрам на лбу. Удары!

Люша была очень спокойная. Демиан Логинович очень ее любил; у него тоже дочь Ольга, но где-то далеко, в русской деревушке.

Иногда мама с знакомыми ходила в Бизерту: километра четыре, но папа находил всегда какую-нибудь работу. Времени у него теперь было сколько угодно для починки машин, но «Жаркому» никогда они больше не послужат! Летом 1921 года этого еще никто не знал. Надежда еще теплилась!

В России там и здесь вспыхивало сопротивление. Борьба продолжалась еще в Сибири, в водах Дальнего Востока.

В Бизерте, в бухте Каруба, где стояли миноносцы и канонерки, в бухте Понти, где у берега стояли подводные лодки, на рейде, куда вернулись «Алексеев» и «Корнилов», сердца моряков прислушивались. История для них остановилась, время замерло! У просторного и тихого озера, в глубине которого виднелись ложно-вулканические очертания Джебель Ишкеля, под ярким солнцем, которое дает тунисской земле ее особое освещение, мы жили в закрытом мире...

Удивительное лето 1921 года! Как доходили новости до наших потерянных берегов?! Знаю только, что под внешним спокойствием монотонного существования радужные надежды сменялись самым глубоким отчаянием, особенно у молодых, одиноких, оторванных от семей. В первые же месяцы было несколько самоубийств: Шейнерт, Батин, Шереметевский. Двадцатитрехлетний Коля Лутц оставил письмо: просил прощения у товарища, что покончил с собой его револьвером.

13 октября 1921 года скончался от брюшного тифа наш друг Владимир Николаевич Раден, отец моего товарища Славы. Серафима Павловна осталась одна с девятилетним сыном, без всяких средств к существованию. Ходили слухи о сокращении состава эскадры. Многочисленные семьи покинули корабли и были помещены в лагеря: Айн-Драхм, Табарка, Монастир, Надор, Рара. Многие искали работу, чаще на французских фермах. К счастью, ученики Морского корпуса, между которыми было много маленьких сирот, нашли убежище в форте Джебель-Кебир* Морской префект вице-адмирал Варней, отвечая на просьбу контр-адмирала Машукова, предоставил Морскому корпусу этот форт, расположенный в шести километрах от Бизерты, и у его подножия лагерь Сфаят, чтобы поместить персонал

С 13 января 1921 года Севастопольский Морской корпус обосновался на африканской земле и функционировал в течение четырех лет. Многие его воспитанники получили высшее образование в университетах Франции, Бельгии и Чехословакии.

По окончании переселения с «Алексеева» в корпусе числилось· 17 офицеров-экстернов, около 235 гардемаринов, 110 кадетов, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семейств. Вице-адмирал Александр Михайлович Герасимов по приходе в Константинополь вступил в исполнение обязанностей директора корпуса, заменив С.Н. Ворожейкина.

Вопросы по содержанию эскадры и корпуса разбирались в Париже. Командующий эскадрой вице-адмирал Кедров в начале 1921 года отбыл во Францию для переговоров о их дальнейшей судьбе. На его место в Бизерте был назначен Михаил Андреевич Беренс.

До сих пор я не могу без горечи думать о чувстве унижения, которое испытывал этот выдержанный, достойный человек с выдающимся прошлым моряка, сталкиваясь с неприятными денежными вопросами. Ему, безусловно, было хорошо известно, что французское правительство в целях сокращения расходов намеревается зачислить во французский флот некоторые русские корабли.

* Джебель — гора, Кебир — большая

В бухте Каруба мы жили вдали от этих забот, особенно дети. С Верой Остолоповой мы «устроили» наш дом на мостике «Жаркого». Мальчики приходили к нам «в гости». Мы учились плавать в чистой, прозрачной воде бухты. Папа нырял в поисках больших, темно-синих раковин, состоящих из двух половин, которые он разделял в надежде найти в них жемчуг. Случалось, что мы действительно находили в них какие-то черно-коричневые затвердения, не представлявшие никакой ценности.

В конце 1921 года мы все еще находились в Карубе. Помню, что 6 ноября — праздник Морского корпуса — был отпразднован на «Корнилове», по традиции гусем с яблоками. Папа вернулся под утро.

Мама слышала, как Демиан Логинович заботливо предупреждал его об опасности скользких ступеней трапа: «Осторожно, господин командир, ножки не зашибите».

* * *

Если в наши дни никто уже не помнит в Бизерте о приходе Русской эскадры в 1920 году, то в те далекие годы это было важное событие, причинившее много хлопот французской администрации. Это не трудно понять, просматривая в «Истории Туниса» цифры, которые дает Артур Пелегрин, по данным, полученным им от капитана 1 ранга Н.Р. Гутана, при штабе Русского флота: «Из Константинополя в Бизерту... с 6388 беженцами, из которых — 1000 офицеров и кадетов, 4000 матросов, 13 священников, 90 докторов и фельдшеров и 1000 женщин и детей».

Местные французские власти не могли оставить без помощи такое количество людей, лишенных средств к существованию, среди которых были больные, раненые, старики, не способные работать, и дети-сироты. В то же время распоряжения из Парижа предписывали «сократить до минимума расходы по содержанию Русского флота».

С весны 1921 года половина из этих людей ищет работу на тунисской земле в исключительно тяжелых условиях.

«Публикация Комитета Французской Африки, 21 rue Cassette, Paris» в 1922 году сообщает: «Когда в марте встал вопрос о поисках работы для русских, то столкнулись с тем, что не было составлено заранее никакой классификации по категориям трудоспособности и квалификации людей, направленных в Тунис. Большинство принадлежало к дворянскому или мещанскому сословию или же к военно-морскому флоту. Некоторые офицеры и матросы прибыли с семьями.

Тунисская пресса строго отнеслась к эмигрантам. Евреи вспомнили, что Врангель имел репутацию антисемита, социалисты видели в них штрейкбрехеров, рабочие организации и туземное население протестовали без всякого милосердия против возможных конкурентов. Несмотря на эти мало благоприятные условия,

несмотря на слишком пассивную покорность некоторых из новоприбывших и неспособность многих проникнуться своим положением и к нему приспособиться, администрация и частные лица приняли на службу в апреле и мае добрую половину этих случайных эмигрантов.

Требовались главным образом: земледельческие рабочие (2050), техники (100), рабочие в рудники (80). Кроме того, сотня женщин устроилась гувернантками или прислугами.

Эти 2825 русских, которые довольствуются скромным заработком, полностью удовлетворены своей работой».

В июне 1921 года насчитывается 1200 человек в лагерях вокруг Бизерты и в глубине страны. Морской корпус под именем Сиротского дома Джебель-Кебир-Сфаят просуществовал до мая 1925 года. На кораблях остался самый необходимый для их существования военный персонал. Семьи расположились на старом броненосце «Георгий Победоносец». На эскадре в 1921 году находилось 1400 человек. Их численность уменьшалась из года в год.

Когда Русский флот и Морской корпус закончили свое существование в 1924 — 1925 годах, только 700 русских людей находилось в Тунисе, из которых 149 — в Бизерте. В 1992 году из них осталась я одна.

«ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ»

Старый броненосец «Георгий Победоносец», ветеран Средиземноморского флота, превратился в конце 21-го года в плавучий город для семей военных. Его предварительно подготовили для более или менее нормальной жизни нескольких сотен человек, главным образом женщин, детей и пожилых людей. Он стоял в канале у самого города между «Sport Nautique» и лоцманской башней, что позволяло нам свободно спускаться на берег.

Для нас, детей, начиналась фантастическая жизнь. Несмотря на бедность, наше детство состояло из увлекательных приключений. Постоянное общение, общие интересы, дружба, неприязнь — все это была жизнь закрытого учебного заведения, не имеющего в то же время ее отрицательных сторон: мы жили в семьях и при полной свободе.

Впоследствии мне часто снился наш старый броненосец — странные картины запутанных металлических помещений, таинственных коридоров, просторных и пустынных машинных отделений... Это все картины наших запретных похождений, о которых наши родители и не подозревали. Мы знали «Георгий» от глубоких трюмов до верхушек мачт. Поднимаясь по железным поручням внутри мачты, мы устраивались на марсах, чтобы «царить над миром». Мы знали скрытую душу корабля.

На «поверхности» это был городок, полный народа, не имеющий ничего общего с военным судном. Как могло быть на нем такое множество кают?

Надстройки верхней палубы походили на маленькие домики. В одной из них жили Мордвиновы, в другой — Гутаны, в третьей — Потаповы. На мостике, совершенно один, жил Алмазов, который внушал страх ребятам своими резкими манерами, хотя, надо признаться, он никого из нас никогда не обидел — он, скорее, от нас защищался.

Прямой, сухой, с щетинистыми, рыжеватыми усами, он слыл за отшельника у некоторых увлекающихся дам. Высказываемое им пренебрежение к общепринятым правилам вежливости воспринималось как проявление особой святости.

С верхней палубы можно было спуститься на батарейную палубу, где у самого трапа была каюта Рыковых. Здесь я снова встретила Валю, с которой мы мельком познакомились на «Константине».

Ряд кают следовал от бака. В одной из них Ольга Аркадьевна Янцевич часто принимала молодежь; ее сын Жорж учился в корпусе. На корме обширное «адмиральское помещение» было предоставлено школе.

В общей адмиральской каюте с мебелью из красного дерева жила жена начальника штаба Ольга Порфирьевна Тихменева с дочерью Кирой. Семьи адмиралов Остелецкого и Николя помещались на этой же палубе, но с другого борта.

Надо было спуститься еще, чтобы очутиться на «церковной палубе». У самого трапа размещалась наша каюта, а под трапом ютились Махровы. Только на этой палубе был общий зал, где все собирались в обеденные часы за большими, покрытыми линолеумом столами; поэтому я хорошо помню всех ее обитателей.

С правого борта, сразу за нами, следовали каюты Краснопольских, Кожиных, Григоренко, Остолоповых, Ульяниных. В правом отсеке, как в темном закоулке, жили Блохины, Раден, Ксения Ивановна Ланге, Шплет и Зальцбергер. По левому борту, в отсеке, помню только Горбунцовых — вдовец с двумя детьми. В каютах, выходивших в общий зал, помню Максимовичей, Бирилевых, Твердых, Пайдаси, Кораблевых...

Не полагается, может быть, давать такой длинный перечень имен, но я так живо еще всех помню в этом своеобразном мире «церковной палубы».

В субботу вечером и в воскресенье утром столы складывались, чтобы освободить палубу для всенощной литургии. Редко кто пропускал церковную службу.

Только раз или два была я в помещениях на баке — ходили вместе с мамой за Бусей, которую одолжили на ночь Максименкам, чтобы бороться с крысой. Там было мало детей. Главным образом там жили холостяки, и мы слышали, что даже некоторые «пьют вино» — отдаленный квартал, куда не рекомендовалось ходить.

Жизненным центром нашего мира был камбуз. В нем царил толстый кок, прозванный Папашей. Полностью сознавая всю важность своего положения, он священнодействовал с особой торжественностью. Все съестные пайки, выдаваемые французской администрацией, были в его распоряжении. За Папашей числился еще один ценный талант — ему хорошо удавались пироги, которые он пек в праздничные дни. Иногда мы сверху через открытый люк наблюдали, как он, плотный и потный, возился у большой горячей плиты. Я никогда в другом месте его не видела. Он жил, вероятно, в носовом квартале.

НАША ШКОЛА

Помнится, что на «Георгии» было много детей. Все, конечно, не могли быть приняты в школу; некоторые — слишком малы, другим — за 15, 16 лет. Остальные были распределены на три класса: детский сад, подготовительный и первый класс гимназии. Официально школа называлась «Прогимназия бывшего линейного корабля «Георгий Победоносец».

Иметь школу у себя дома очень удобно. Достаточно двух минут, чтобы подняться по трапу и, пробежав коридор, быть в адмиральском помещении.

В большой зале мы становились с нашими преподавателями в пары по классам для утренней молитвы.

В нашем, подготовительном классе было учеников двенадцать, из которых многие не умели как следует читать, но в этом возрасте ребенок быстро все осваивает, и от нас требовали серьезной работы. В один год мы наверстали потерянное время и могли следовать программам, соответствующим когда-то в России нашему классу.

Наша начальница Галина Федоровна Блохина была единственной профессиональной преподавательницей. Она окончила Бестужевские педагогические курсы и пользовалась авторитетом у всех учеников. Строгая, но справедливая, она обладала чувством меры и даром преподавания. Арифметика благодаря ей казалась простым и ясным предметом. Нашей классной наставницей была Ольга Рудольфовна Гутан, племянница адмирала Эбергарда, который до 1916 года командовал Черноморским флотом. Совсем не приспособленная к этому миру людского муравейника, она казалась потерянной в каком-то одиночестве. Сдержанная, неразговорчивая, она только в церковной жизни находила полноту окружающего; остальное было горькой действительностью, бороться с которой у нее не хватало сил.

Русский язык она преподавала с любовью, могла бы преподавать и французский, но по строго установленным принципам «только француз мог преподавать французский язык».

Где и как нашли наши попечители для этой цели мадам Пиетри, которая, как я пойму позже, была абсолютно неграмотна?

«Par edzample» — было ее любимым выражением, когда она не знала, что сказать.

Помню, как-то раз я во время урока французского подняла высокий воротник свитера, спрятав в него всю голову, — воротник стоял как длинная шея. Закрыв глаза я мечтала!.. Недолго! Как видно, Галина Федоровна заглядывала иногда в классы. Я почувствовала, как ее рука схватила воротник свитера, и мне оставалось только пытаться высвободить из него голову.

— Не будешь слушать — ничему не научишься!

Слушать! Уметь слушать, заставить слушать, приучить слушать!..

За мою длинную карьеру преподавательницы я испытала на собственном опыте значение этого слова

Как ни удивительно, самый оживленный урок был Закон Божий, и, конечно, только благодаря личности отца Николая Богомолова. Молодой, большой, сильный и очень бородатый, он кипел энергией. У него был прекрасный голос, что позволило ему позже уехать на гастроли с казачьим хором. Как бы то ни было, он был полон снисхождения к нашим ребяческим прегрешениям. С нашей стороны мы честно учили минимум, который он от нас требовал. Нам с Валей хотелось сделать для него больше, и он обращался к нам, когда хотел получить безошибочный ответ.

«Мои орлы!» — говорил про нас отец Николай.

— А я Кондор, а я Кондор!! — кричал Олег Бирилев... Увы, Кондор часто попадал в угол, не очень об этом сокрушаясь.

Со времен нашей встречи на «Константине» мы с Валей больше не виделись до открытия школы на «Георгии», но теперь мы встречались каждый день. Сознательное детство у нас общее: с одинаковыми интересами, с одинаковыми воспоминаниями. Я уверена, что и по сей день она помнит некоторые совсем другими забытые, казалось бы, маловажные стороны этих лет нашей жизни.

Навсегда будет жить в нашей памяти Громкий Голос — человек, имени которого мы даже не знали; он пел в церковном хоре корабля. С волнением ждали мы, когда его глубокий, мягкий голос как-то особенно захватывающе начнет нашу любимую молитву «Ныне отпущаеши...».

Не всегда, конечно, наша дружба носила такой духовный характер, и смирения у нас было меньше всего! Нелегко воспитатели справлялись с детьми, жившими в таких небывалых условиях.

В классе я считалась хорошей ученицей; у меня даже была пятерка по поведению, но постепенно взрослые переставали быть для меня неоспоримым авторитетом. Дух противоречия очень беспокоил маму:

— Перестань отвечать, когда тебе делают замечание!

— Кто тебя научил дергать плечом?

— Большевичка, ты — настоящая большевичка! — кричала на меня Настасья Ивановна Бирилева, когда я дралась с ее сыном

Я уже не могла служить примером хорошо воспитанной девочки.

Надо сказать, что Олег, который был в моем классе, нападал всегда сзади на маленьких или более слабых, чем он. Один раз он столкнул Люшу с трапа, в другой раз сбросил Шуру со сходни в воду и как-то без всякой причины ударил мою подругу, тихую Иру Левитскую. Хотел ли он обдуманно мне досадить? В негодовании я бросалась их защищать, и драка всегда кончалась побегом Олега и вмешательством Настасьи Ивановны. И пока она меня обзывала самыми, по ее мнению, оскорбительными словами, я стояла, вызывающе подняв голову, с чувством рыцарски выполненного долга.

Мы жили в богатом мире фантазии благодаря исключительному выбору книг. Помещение нашего класса было в то же время библиотекой корабля. Мы сидели за двумя большими деревянными столами перед черной доской; широкий люк в потолке освещал класс. Вдоль стены, слева при входе, большой шкаф хранил книги, читанные и перечитанные двумя поколениями русских людей: Жюль Верн, Марк Твен, Фенимор Купер, Майн Рид...

А «Рыцари Круглого Стола»! Валя была Изольда, а во мне жила Гвинивера, жена короля Артура...

Сегодня молодежь без труда открывает богатства Божьего Мира; так много удивительных возможностей в ее распоряжении. У нас были только книги... и наше воображение... Мы жили на узкой палубе корабля; у наших родителей не было средств купить билет до города Туниса, но весь свет был перед нами. Мы пересекали океаны, мы открывали континенты. Самые таинственные места — Занзибар, Томбукту — не имели для нас секретов. Волшебство слов становилось мечтой... «Архипелаг в огне»!.. «Тристан да Кунья»!.. Я писала стихи. К маминому дню рождения я приготовила тетрадь поэм. Я хотела стать писателем. Псевдоним был найден: Madame de Lhompierre.

Жизнь уничтожила многое, но не любовь к чтению, не силу воспоминаний.

Полвека спустя, возвращаясь с Мадагаскара, через десять минут после того, как мы пролетели над Дар-эс-Саламом, я увидела Занзибар — большой остров, весь покрытый темно-зеленым лесом. И мгновенно встал передо мной из далекого прошлого герой нашей любимой, зачитанной книги — черный принц Калулу — нежный и быстрый, как газель, в этих лесах; встали смеющиеся лица товарищей, которых забавляло мое тщетное старание выговорить его имя — выходило «Кауу»; встало все наше полное, богатое детство на «Георгии Победоносце»...

Живут ли еще люди, которые, как я, помнят это детство, такое непохожее ни на какое другое? Те, которых я встречала, сохранили о нем лишь отдельные, бессвязные картины. Чаще всего вспоминают наши уроки танцев.

В программе, как раньше в России, были уроки салонных танцев Кира Тихменева, несмотря на свою молодость, занялась их преподаванием. Мы со своей стороны прилагали много старания. В

скором времени под аккомпанемент пианино мы танцевали то, что вся Европа танцевала в начале XX столетия: вальс и польку, но также падекатр, падепатинер, падеспань, венгерку и краковяк. Уроки остановились до того, как мы приступили к мазурке. Я всегда об этом очень жалела.

На каждом празднике, организованном школой, был спектакль танцев.

Как удавалось нашим мамам заготавливать костюмы, которые превращали нашу повседневную действительность в увлекательную сказку? Танцевать менуэт в костюме маркизы — это была вечная история Золушки, особенно для меня, всегда беднее всех одетой! Уже тогда я понимала, что означает плохо сшитое платье, сапоги не по ноге.

Даже между мальчишками нашего возраста я нравилась только «несчастным»; другие смотрели на девочек красивее меня. Помню молодого кадета, которого мы называли Штаныкрут, потому что он безостановочно крутил свои слишком большие для него штаны. Он не решался со мной заговорить и, чтобы привлечь мое внимание, ходил на руках. Я узнала от других, что он очень переживал отсутствие матери, которая уехала на работу. Даже мой маленький барон Слава украл у Вали поцелуй, прося ее мне об этом не говорить.

Самым большим школьным праздником была раздача наград в конце года. Мы знали, что книги, предназначенные для наград, заперты в каюте первого класса Это были французские книги, пожертвованные городскими организациями.

Нам не терпелось узнать, кто награжден, что за книги?

Дверь закрыта на ключ. Но иллюминатор! Не так уж трудно подняться по штирборту. Маленькая для своих десяти лет, я легко пролезла в закрытое помещение. Все книги, приготовленные для раздачи, были аккуратно разложены по столам. Мне оставалось только запомнить, кому они предназначены и по возможности не забыть их названия. Я очень быстро нашла «мою книгу», очень красивую, красную с золотом, большого формата — «Le chateau des Carpates».

Какого автора? Hachette! Легко запомнить!

По-видимому, все французские детские книги были одного и того же автора!

Отчитываясь о своей экспедиции моим товарищам, на вопрос об имени писателя я неизменно отвечала: Hachette.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА «ГЕОРГИИ»

После суматохи первых дней жизнь на «Георгии» стала входить в колею. Несколько дней катера еще подвозили запоздавших. Они выгружались у полубортика церковной палубы — здесь я впервые увидела Колю и Нюру Полетаевых: крепенького мальчика лет тринадцати и худенькую девушку пятнадцати лет. Я их сразу

заметила, потому что они казались совсем потерянными, сидя у своих жалких узлов около отца, священника Ионникия Полетаева, очень, как мне казалось, старенького и уставшего. Позже я узнала, что их мама осталась в России с другими детьми. Коля и Нюра знали, что они ее больше не увидят, и в душе, наверное, очень горевали, но в эти сумбурные времена все казалось проще и никто ни на что уже не жаловался. Надо было жить день за днем. Тяжелее было сиротам, которые ничего не знали о своих родителях.

Наше убежище — «Георгий Победоносец» — все еще считался военным кораблем. Правда, его командир адмирал Подушкин был очень мягким со своим экипажем. Помню, что он часто беседовал с мамой на скамеечке в тени тента, который натягивали летом на спардеке.

Андреевский стяг все еще развевался на корме. Детьми мы часто присутствовали при спуске флага и очень дорожили нашим морским воспитанием. Грести в канале, сидеть за рулем, безупречно причалить — все это было для нас очень важно. В разговорной речи мы правильно употребляли морские термины и чувствовали легкое презрение к тем, кто их не понимал. Конечно, наши друзья, кадеты, очень поощряли нашу преданность ко всему морскому. По субботам они часто спускались со своей горы. Летом, когда темнело, мы усаживались на палубе под звездным африканским небом и часами длились наши разговоры. Неудивительно, что мы знали все, что происходит в Сфаяте или в казематах форта Джебель-Кебир, где размещался Морской корпус. Первым в нем обосновался капитан 1 ранга Китицин со своей знаменитой Первой Владивостокской ротой. Они пережили агонию Морского корпуса в Петрограде и исход из Дальнего Востока. Они пересекли в исключительно тяжелых условиях океаны и моря, чтобы добраться до Севастополя в часы эвакуации Крыма. В Бизерте при помощи французских военных они подготовили форт для своих собратьев, оставшихся на «Алексееве».

Стены Джебель-Кебира стали последним убежищем Севастопольского Морского корпуса. Все кадеты, маленькие и большие, говорили о Китицине с большим уважением. Михаил Александрович всецело посвятил себя воспитанию учеников и организации их жизни в Кебире.

У подножия горы лагерь Сфаят приютил семьи.

Наши сверстники, младшие кадеты, часто рассказывали о том знаменательном дне, когда, покинув «Алексеев», на французском буксире они высадились в Зарзуне, чтобы идти ... в Кебир. Каждый мог что-нибудь рассказать об этом походе с мешком за спиной и в тяжелых военных сапогах. Взвод сенегальцев под командованием французского лейтенанта проводил их до бани в военном лагере. Больше часа шли они под жарким солнцем, но потом хороший душ, чистое, прошедшее дезинфекцию белье — и усталости как не бывало. Увы, надо было двигаться в обратный путь — вдвое длиннее и мучительнее первого, ибо шел он в гору до самого Джебель-Кебира.

В первый раз садились кадеты на паром, чтобы переплыть канал, в первый раз, к удивлению прохожих, шагали они по улицам Бизерты и, пройдя весь город, вышли на шоссе. Оставалось пройти еще километров пять, на этот раз под проливным дождем. «Гора Джебель-Кебир, — объяснял французский офицер, — по высоте равна Эйфелевой башне».

Бедный такой, вежливый лейтенант. Он шел рядом с капитаном Бергом, в то время как большой черный солдат вел его вороного коня под желтым седлом. Никто из кадет не мог подозревать, как неловко чувствовал себя молодой офицер. Он знал, что находится здесь, чтобы следить за возможными носителями «вируса большевизма».

В архивах, теперь открытых для публики, имеется письмо командующего французским оккупационным корпусом в Тунисе генерала Робийо к генеральному резиденту в городе Тунис господину Кастийон Сэн Виктору от 16 декабря 1920 года с докладом, «что морской префект имеет в своем распоряжении только военные патрули для поддержания порядка у людей, зараженных большевизмом». Тем же числом французские власти Туниса просили Париж прислать «специального агента для наблюдения за русскими революционными кругами. Для усиления мер безопасности в Бизерте в ожидании прибытия эскадры сформирована бригада из четырех полицейских под командой Гилли».

И в то время как французское командование задавало себе столько тревожных вопросов, молодой лейтенант видел только измученных мальчиков, борющихся с потоками рыжей грязи, и их доброго командира, страдающего за плачевный вид своих «господ офицеров». Он не забыл, как утром Берг пошел со своей ротой под душ, что очень взволновало черного часового: «Командан, пур оффисье — аппар. Бен аппар. Па авек матло!»* И как Берг старался объяснить, что это его кадеты, что он в огонь и в воду готов идти со своей ротой!..

Только под конец дня добрались они до Сфаята. Мокрые до последней нитки, забрызганные грязью и глиной, малыши старались подтянуться, чтобы войти фронтом в лагерь. На дорожке у белого барака стоял фронт старших гардемарин во главе с капитаном 1 ранга Китициным.

Много позже, когда не будет уже ни нашего «Георгия», ни Морского корпуса, Берг с любовью вспомнит о них в написанной им книге «Последние гардемарины».

В ней я нашла описание тех дней, о которых так часто рассказывали кадеты. Весь личный состав преподавателей и члены их семейств — все эти 470 человек составили маленькое самостоятельное поселение, которое прожило почти пять лет под заботливым управлением вице-адмирала Александра Михайловича Герасимова. Старый моряк, вице-адмирал еще царского производства, крупный, сутуловатый, суровый по виду, он мог иногда поразить всех неожиданным, полным юмора замечанием.

* «Командир, для офицеров — отдельно Не вместе с матросами!»

Вот как описывает Берг начало корпусной жизни на африканской земле: «Приехав с линейного корабля «Генерал Алексеев», директор корпуса в сопровождении контр-адмирала Машукова, желавшего посмотреть, как устроился в крепости открытый им корпус, поднялся в Кебир. Осмотрев все казематы и помещения, адмирал Герасимов выбрал себе скромную комнату, где стал устанавливать и застилать две койки.

— Вот здесь я буду жить, — сказал А.М. Герасимов.

— А для кого вторая койка? — спросил Н.Н. Машуков.

— А для жены моей, для Глафиры Яковлевны, — ответил Александр Михайлович.

— Как для жены, — воскликнул Николай Николаевич, — ведь мы же порешили, что женщин не будет в крепости!

— Она не женщина, — спокойно ответил директор.

— Кто же она? — спросил Машуков.

— Она — ангел, — ответил А.М. Герасимов, и добрая, светлая улыбка озарила все его лицо, — но раз уж мы так порешили, я, так и быть, устроюсь внизу в Сфаяте».

Под руководством адмирала Герасимова программы занятий были преобразованы для подготовки воспитанников в высшие учебные заведения во Франции и в других странах. До конца дней продолжал Александр Михайлович переписку со многими из своих воспитанников, сохранив в их сердцах благодарную память.

На «Георгии Победоносце» мы жили, скорее, в какой-то анархии. Старый броненосец постройки 1892 года не имел уже больше ничего военного. Все было на нем перестроено, и даже само славное название «Победоносец» острословы заменили на «Бабаносец».

Что делали эти дамы целыми днями? Конечно, каждая приобрела собственную каюту, мыла посуду и стирала семейное белье, но все принимали участие в «общественных работах». Помню еще, как отбирали горы камешков из чечевицы и каждый день чистили овощи. Рассказывали, что Ольга Порфирьевна Тихменева, жена начальника штаба, срезала с картошки такую толстую кожуру, что ее пришлось определить на другую работу. В часы обеда и ужина кто-нибудь из семьи становился в очередь перед камбузом.

По утрам ходили за кипятком для чая. При воспоминании о легких жестяных чашках я до сих пор чувствую сладковатый металлический вкус во рту. Тем более ценю я теперь удовольствие пить чай из тонкого фарфора! С чаем ели мы толстые ломти круглого солдатского хлеба.

Каждая семья получала в достаточном количестве несколько хлебов, и часто даже они оставались. Мы с Валей ходили их продавать в кварталы «Маленькой Сицилии». У нас были даже свои клиенты; мы получали за хлеб несколько сантимов, которые приносили маме. Добрые итальянские «мамб» относились к нам очень

дружелюбно, но я тогда уже поняла, что никогда не стану хорошей коммерсанткой. Продавать беднякам, даже более бедным, чем мы, смотреть, как они считают монетки, протягивать руку, чтобы их взять, — все это было очень тяжело.

Но у меня осталось красочное воспоминание об этих кварталах «Маленькой Сицилии», которые исчезли в 1942 году. Снесенные бомбардировкой, они не были заново отстроены.

Все эти домишки строились на один лад самым простым образом — две комнаты и кухня. С улицы входили прямо в столовую, в которой, по-видимому, ели только в исключительных случаях; на буфете — фотография новобрачных и сервиз для ликера; на стене — красочная картина «Нимфы у фонтана».

По вечерам в хорошую погоду стулья выносились на пустырь перед домом и семьи «дышали воздухом». Иногда слышно было пение, но никогда не пели женщины, только молодые мужчины — соло с гитарой.

Красота неаполитанских песен и наших, таких далеких бизертских ночей!

В начале 20-х годов в Бизерте автомобилей почти не было, не было ни радио, ни, конечно, телевидения. Если под конец дня на улице еще задерживались запоздалые прохожие, то с темнотой все смолкало и ничего не могло быть прекраснее, чем одинокий, страстный, молодой голос в тишине ночи.

На «Георгии» мы тоже пели, только смешанным хором — мальчики и девочки. Среди старших кадет встречались обладатели пре красных голосов. У Коли Полетаева был очень приятный голос, к тому же он хорошо знал русский фольклор. Летом, когда спадает жара, когда воды темнеют и широкое небо покрывается звездами, мы устраивались на корме между двумя люками прямо на палубе, и разговорам нашим не было конца.

О чем только мы не рассуждали! И, конечно, пели! Пели «Бородино», пели «Великий 12-й год». Хотелось плакать — так сильно переживали мы эти «напевы победы», но говорить об этом не полагалось. Можно только петь. Петь, как поется все остальное, и часто даже кто-нибудь задорно переходил на веселый, модный «Cake Walk» — «Мы все только негры...».

В Морском корпусе музыка занимала важное место. При корпусной церкви, в полутемном каземате, сразу же создали хор из кадет, гардемарин, дам, офицеров и служащих. Существовал также духовой оркестр под руководством старшего лейтенанта Круглик-Ощевского. Скоро вся Бизерта могла оценить этот оркестр, которому, увы, часто приходилось сопровождать траурные процессии до маленького европейского кладбища. В те трудные годы смертность была большая.

В июле 1922 года умерла Ольга Александровна, жена адмирала Николя, любезная, престарелая дама, как нам казалось, ей было за пятьдесят. Сам адмирал, хрупкий, очень скромный, казался нам, детям, тоже очень старым, вероятно, оттого, что у него

была борода. Очень редко выходил он из каюты, для того чтобы посидеть под тентом на скамейке, и всегда к нему подсаживался Алмазов. Адмирал тихо скончался спустя несколько месяцев после смерти жены, в апреле 1923 года. В том же году, 18 мая, умерла Глафира Яковлевна Герасимова. Все ее любили и очень жалели, так как она долго страдала. В их маленькой, бедной кабинке, на коленях у ее кровати горько рыдал адмирал, такой обыкновенно молчаливый и сдержанный. Корпусные столяры сделали гроб, и генерал Завалишин обвил его собственноручно глазетом и кружевами.

Офицеры несли гроб на высокий Кебир в церковь, где покойница так любила молиться. Гардемарины стояли шпалерами по всей горе, и вся дорога была усыпана цветами, собранными маленькими кадетами. Морские и сухопутные французские офицеры и их дамы, представители русской эскадры, все экипажи Кебира и Сфаята запрудили церковь, коридоры и дворы крепости. Корпусной хор пел заупокойную литургию медленно и торжественно. Длинное погребальное шествие двинулось на далекое бизертское кладбище, где в глубине вдоль левой стены уже белели русские могилы.

В течение двух лет еще заботился старый адмирал об учениках Кебирского корпуса, но от реальной жизни он совсем отошел. В хорошие летние вечера можно было видеть его высокую фигуру в белом по дороге в Надор. Он всегда гулял одной и той же дорогой, всегда один

В 1924 году, когда существование эскадры и Морского корпуса подходило к концу, еще две смерти тяжело поразили остававшихся в Бизерте.

На одной из фотографий Сфаята стоит доктор Марков с женой, дочкой и сыном, все в белом на фоне диких пальм. Маленькая Шура улыбается счастливой детской улыбкой. О чем думает Анна Петровна Маркова, слегка склонив голову, с книгой на коленях? Есть что-то обреченное в этой молодой еще женщине. Очень скоро она в два дня скончалась от гриппа. Ее похоронили дождливым ноябрьским днем все в том же, теперь заброшенном углу кладбища.

Возвращаясь с кладбища, молодой гардемарин Николай фон Плато простудился. Он умер 5 декабря; 17-го ему исполнилось бы 20 лет! В бреду, борясь со смертью, он умолял товарищей убрать от него цветы и венки.

Прошли десятки лет, и даже мне трудно найти его могилу. В бедном, покинутом углу бизертского кладбища она сровнялась с землей и на осколках мраморной плиты скоро исчезнет последнее о нем воспоминание:

«Николай Леонидович фон Плато
Гардемарин Русского Флота

17/12/1904 - 5/12/1924».

Под звуки траурного марша оркестр проводил до мусульманского кладбища верного вестового адмирала Герасимова татарина-джигита Хаджи-Меда. Его хоронили с воинскими почестями как Георгиевского кавалера, и мусульманское население было удивлено и тронуто, что русские офицеры хоронят с таким почетом солдата-иноверца.

Христианское население тоже заметило духовой оркестр. Ежегодно в день Успения — 15 августа — большая процессия, главным образом итальянцы, носила статую Мадонны по улицам Бизерты. Оркестр был приглашен принять участие в церемонии, и мелодия «Коль славен» сопровождала в те годы торжественное шествие. Исключительная красота русского православного пения общепринята в музыкальном мире.

Привезенные из России партитуры Гречанинова, Архангельского, Чеснокова находились в распоряжении в той или иной степени музыкально образованных дирижеров. Везде, где русские обосновывались, зарождался хор: в городах, на «Георгии», в лагерях... Беженцы, потерявшие все, порой даже уважение к самим себе, обретали чувство собственного достоинства перед Богом.

Достоинство, людское уважение — все чувствовали в них необходимость, чтобы переносить трудности тесного общежития в исключительно сложных условиях. Несколько сотен человек разного социального происхождения, разного воспитания, образования и возраста годами жили в ограниченном пространстве корабля И все же мы, дети, от этого не страдали. Детство наше было исключительно богато, несмотря на материальные трудности. Старые принципы воспитания сыграли, конечно, свою роль, но они не всегда были приемлемы. Полнота нашего детского мира во многом обязана нашему религиозному воспитанию, определявшему повседневную жизнь.

В школе перед началом занятий утренняя молитва была общей. Вечером молитва была личным делом каждого Помню, как перед сном, стоя на коленях на кровати, перечислив всех членов семьи, я добавляла иногда имя какого-нибудь героя, который казался мне особенно достойным Божьего снисхождения. Иногда упоминала какого-нибудь давно усопшего, незаслуженно, как мне казалось, всеми забытого.

Случалось, что, к собственному стыду, я сокращала этот перечет имен и даже выпускала слова молитвы, но никогда не могла положить голову на подушку, не перекрестив ее широким крестом. Я вспоминала тогда глубокую и спокойную мамину веру. «Бог простит», — часто говорила она.

Мама пела в церковном хоре, я приучалась слушать, абсолютно не обладая музыкальным слухом.

Никогда я не научилась петь, но зато научилась слушать. Не стану утверждать, что в 10 лет я внимательно следила за ходом службы, скорее я ждала знакомые молитвы и часто в ожидании конца, устав стоять прямо, переступала с ноги на ногу, сгибая

колени. Не всегда я понимала старославянский, полный поэзии текст, но иногда слышалось мне в нем нечто несравнимо великое. Воспоминание о тихих всенощных на «Георгии» — одно из богатств нашего исключительного детства.

Полутемная церковная палуба старого броненосца, золото икон в мерцании свечей и чистая красота в обретенном покое вечерней молитвы «Свете тихий»! Она летит через открытый полупортик над темными водами канала, над гортанными голосами лодочников, летит все дальше, все выше к другому берегу, к холмам Зарзуны, где ее унесут к небу морские ветры...

Каждый человек, какого он ни был бы ума и образования, может носить в себе это все превышающее чувство. Я хорошо помню старого, почти неграмотного матроса Саблина, который просил маму подать записку в церковь с именами близких ему людей, «чтобы о них помолились».

— О здравии или за упокой? — спросила мама, приготовляя два листка.

Саблин колебался не больше секунды и сделал жест, что это неважно:

— А вы пишите, там разберут! — И он показал на небо.

Итак, несмотря на потерю родной страны, церковь продолжала жить на кораблях, в лагерях, в казематах, в частных квартирах.

ПИСЬМО

Быть отрезанным от мира и ждать новостей, ждать писем, которые никогда не приходят, — мы все хорошо знали это чувство. Но, как это ни странно, именно тщетное ожидание делало час раздачи почты важным моментом беженского дня. В Морском корпусе издалека было видно лейтенанта — почтальона, который поднимался из Бизерты на мотоцикле. Ухо ловило его приближение. По вечерам зимой глаз следил за передвижением его фонаря между бараками Сфаята.

Однажды и нам пришло письмо! Бабушка писала из Сербии, страны, которая приняла Русскую армию. Их жизнь налаживалась с помощью югославского правительства и благодаря симпатии, которую король проявлял по отношению к русским. Окольными путями Анна Петровна сообщила бабушке о жизни в Рубежном после нашего отъезда. Дом стал Сиротским домом — для нас это было Божьим благословением. Парк вырубили, и во фруктовом саду деревьев больше не было.

Анна Петровна с горестью писала о вскрытых семейных могилах, об их уничтожении грабителями в поисках несуществующих сокровищ... Что могли думать Адамовичи, потомки поляка, которые больше ста лет жили при усадьбе? Они знали все о Рубежном со дня его рождения, о далеких годах усилий и любви, видели, как полно жило создаваемое общими усилиями поместье, и теперь переживали его полное разрушение. Иван, сын цыганки, который в старости одиноко бродил по пустынным тропам Рубежного, предвидел ли он этот конец?

Не стало больше моего очарованного царства! Оголенный стоял белый дом на вершине холма. Невесело глядели его многочисленные окна, ничем не защищенные от степного ветра. С этой поры стал мне сниться один и тот же сон. Повторялся он не часто, но в течение всей моей жизни: я поднимаюсь по заросшей тропе в поисках моего потерянного царства все выше и выше, знаю, что дом прячется там, за деревьями, но парк расступается и превращается в голое поле. Вдалеке — мимолетное видение — белый дом. Он удаляется, исчезает из глаз, скрывая свою тайну. Я знаю, что это только сон, стараюсь его удержать, найти знакомые картины, заглянуть хоть на мгновение в милое прошлое...

Возможно, что еще ребенком я знала, что ничего не исчезает бесследно; надо только сильно помнить! И складывались в детской голове слова, которые много позже вылились в стихи и музыку. Слова надежды, которая ищет свой путь:

Как вернуться в старую усадьбу?
Как найти дорогу в небытие?
Только сердце может хранить правду,
Рассказать, что было, что прошло.

«ГЕОРГИЙ» 1922 — 1923 ГОДОВ

Можно только удивляться тому, что, несмотря на все трудности, жизнь на «Георгии» скоро вошла в нормальную колею, потекла, полная, деятельная, богатая возможностями для нас — детей. Школа нас многому научила. Если даже наши преподаватели и не были профессионалами, то их культура и добросовестность вполне заменяли их неопытность. Они строго придерживались верного принципа воспитания — создавать интересы, соответствующие детскому миру.

Выбор книг, разговоры о прочитанном — наши родители очень за этим следили. Помню, как оживился папа, когда увидел в моих руках «La dame de Monsoreau».

Он живо и красочно восстановил французский двор XVI века, правда, через героев Александра Дюма и выходки Шико — придворного шута. Долго потом в моем воображении Франция была похожа на прекрасную Диану в ее парке Монсоро.

Валина мама — Полина Ивановна — тоже нам часто читала. До сих пор помню толстую книгу об Англии, которой она смогла нас заинтересовать.

Раз в неделю профессор Кожин, ассистент известного хирурга профессора Алексинского, читал нам Гоголя в большом зале адмиральского помещения. Его умение читать оставило у нас в памяти незабвенные картины великолепия украинских ночей, Днепра, казацкой удали и очарования вечеров на хуторе близ Диканьки.

С большим удовольствием собирались мы иногда в каюте Горбунцовых. Умостившись вокруг столика, мы ждали раздачу винограда. Были разные сорта: мускат, виноград из Корниша, из

Раф-Рафа... Каждый из нас мог выбирать что хотел. Сам Горбунцов уже нашел себе работу в городке и мог позволить себе некоторые траты. Он был вдовец, один воспитывал двоих детей и не без основания полагал, что нашел удачный способ собирать нас почаще вокруг книги. Пока каждый из нас занимался своим виноградом, он читал нам Пушкина, вероятно рассказы. Особенно любили мы Дубровского.

Мы увлекались русской поэзией, знали множество стихов наизусть, с которыми не раз выступали на детских вечерах. Писали мы еще по старой орфографии, строго следуя программам дореволюционного времени.

Во втором классе мы начали учить латынь. Алмазов, взявшийся посвящать нас в тайны латинской грамматики, оказался менее страшным, чем мы предполагали.

Открытие математики, геометрии и алгебры было делом генерала Оглоблинского, который преподавал также в специальных классах Морского корпуса. Прозванный «богом девиации»*, он оставил у своих учеников исключительное воспоминание. Даже преподавая в младших классах, он был всем понятен — настолько он всегда был ясным и точным.

Пению нас учила энергичная Вера Ивановна Зеленая. В молодости она училась музыке в Италии. Что касается гимнастики, то нас водили на бизертский стадион, где мы участвовали в состязаниях с учениками бизертских школ; общались с ними с симпатией, но скорее молча, так как французского языка еще не знали. Помню все же, как мы пытались разговаривать с хорошенькой девочкой нашего возраста, которую мы прозвали «Розовая» за ее милую улыбку и розовое платьице. Наши первые встречи с бизертскими школьниками были очень дружелюбными.

Мы также имели право посещать «Sport Nautique» — морской клуб, около которого стоял наш «Георгий». То был частный клуб, где царил сторож по имени Доминик, вероятно, бывший французский матрос, который везде появлялся в полосатом бело-синем тельнике с красным помпоном.

«Sport Nautique» в те далекие годы был окружен деревянным забором, вдоль которого тесно стояли кабинки. Члены клуба могли снять кабинку на год, и жаркими, летними днями часам к четырем матери семейств с ребятами шли на пляж, часто пересекая весь город. Это были часы отдыха в шезлонгах с вязанием в руках, в то время как дети барахтались в воде. Молодежь постарше проводила у моря целый день с самого утра.

Мы спускались с «Георгия» и были сразу на пляже. Какое-то благотворительное общество раздало нам полосатые купальные костюмы — красные с белым и синие с белым — до самых колен. Мы быстро научились плавать вдоль мостика, сначала «до первого камня», потом «до второго камня» и, наконец, до буйка. Клуб

* Девиация — раздел астрономии

был частным, и все бизертяне не могли быть его членами. Длинный ряд кабинок вне клуба тянулся вдоль Пальмовой аллеи до казино у самого Старого порта. В наши дни трудно представить, какое оживление царило в Бизерте в начале 20-х годов. За исключением властей и богатых фермеров, все ходили пешком. Никто не мог ходить купаться на Корниш, тем более к Гротам или на Уэд Дамус. Редко кто мог нанять коляску с двумя лошадьми для прогулки вдоль моря к Белому мысу между садов и огородов. Легче было дойти до пляжа Зарзуны; надо было только переплыть канал на пароме и выйти на дорогу в Тунис. Две черные нефтеналивные цистерны существовали уже тогда, но, конечно, не было еще нефтеперегонного завода. Во всяком случае, цистерны не загрязняли пляж — вода бухты до самого мыса Зебиб была ярко-голубой, а песок дюн — золотистый, и мы собирали горы разновидных ракушек. На «Георгии» мы играли «в солдатики», расставляя ракушки по ротам, батальонам и полкам, но, конечно, чаще всего мы собирались на пляже в Бизерте. Здесь мы встречали детей нашего возраста, казалось, таких на нас похожих, но все же совсем от нас отличных — первый жизненный опыт: суметь понять другого и самому стать понятным для него. Детям с детьми это сделать легче. Понять взрослых труднее.

Помню наше удивление, когда мы увидели попечителя школы Константина Ивановича Тихменева, продающего лимонад под пальмами при входе в «Sport Nautique». Он держал товар в деревянной кабинке и предлагал также пирожные и пончики.

Множество других продавцов устраивались около «Георгия» и быстро научились по-русски предлагать свой товар:

— Смотри сюда! Ешь на здоровье, будешь толстый, как капитан Брод!*

Так зародилось мнение, что арабы очень способны к языкам. Про русских будут говорить то же самое. Мне, скорее, кажется, что необходимость — лучший учитель.

С окончанием лета жизнь на «Георгии» возвращалась в свою нормальную колею. Несмотря на отъезды, на корабле было еще много народа. На место адмирала Подушкина командиром был назначен Сергей Львович Трухачев.

Сергей Львович во время первой мировой войны руководил важными операциями в Балтийском море, а теперь командовал недисциплинированными ребятами и не знал, что делать.

Бедный Сергей Львович! И смерть его была очень печальна. Похоронив жену в Тунисе, он в восемьдесят лет собирался уехать с племянницей в Соединенные Штаты, но выезд потребовал длинных формальностей, ему приходилось часами ожидать их оформления. Старенький, уставший от путешествия, он скончался через несколько дней по приезде в США.

* Капитан Брод — капитан 1 ранга, инженер-механик. Брод был очень полный.

Вспоминая далекие годы, я вижу такое множество лиц, событий, что мне трудно передать их по порядку. Живя в женском кругу, каждый помимо воли участвовал в жизни соседа. Казалось, что живем мы в каком-то вихре сватовства, свадеб, разводов, иногда, увы, драм, болезней и смертей!

Детьми мы многое слышали, но, к счастью, обыденные сплетни скользили по нас, как-то не затрагивая!

Мы очень любили свадьбы — торжество венчания, нарядные одежды, праздничные угощения; все это переживалось нами очень глубоко. Иногда иностранные гости присутствовали на церемонии. Для тех из них, кто никогда не был в России, вся эта обстановка была характерным проявлением славянской души — «l'ame slave». Особенно хорошо помню свадьбу Киры Тихменевой с Лекой Герингом — самым красивым женихом, которого мы когда-нибудь видели.

Когда он появлялся на «Георгии» в белой морской офицерской форме — высокий, стройный, молодой, — мы бегали с Валей за ним, стараясь приложить к его спине наши пять пальцев. Так он становился для нас индейским вождем Грязная Пятерня — честь, которой он старался избежать, убегая от нас со смехом.

Разводы не сопровождались никакой церемонией, и, следовательно, нас не интересовали. Помню только, как кто-то упомянул Анну Каренину: «Много теперь стало ей подобных, но ни одна под поезд не бросается». «Слава Богу», — сказала бы я теперь.

Молодежь много танцевала. Наши, еще молодые родители понимали, что девушки, гардемарины, кадеты мечтают о балах и музыке.

В большом зале адмиральского помещения, разукрашенного и ярко освещенного, пары танцевали с увлечением, которого я потом больше никогда не встречала. Мы, младшие, более или менее открыто проскальзывали в зал, чтобы полюбоваться танцорами... полюбоваться или посмеяться!..

Вот группа танцует Cake Walk: самая младшая с лицом, вымазанным сажей, танцует, гримасничая и извиваясь, ловкая и гибкая... Это Ира Мордвинова! Пара, прыгающая на цыпочках в польке, — Ольга Аркадьевна Янцевич и мичман Парфенов. Они маленькие и легкие и относятся к танцу очень серьезно. Она распустила свои длинные каштановые волосы, он больше, чем когда-нибудь, походит на «Китайскую Будородицу», как мы его прозвали.

Уже старое танго «Под знойным небом Аргентины» Кира танцует с Герингом артистически. Бывало, что по случаю какого-нибудь официального праздника командующий эскадрой адмирал Беренс считал себя обязанным появиться на балу. В один из таких вечеров, стоя скромно у входа в зал, он, вероятно, обдумывал, как проявить свое участие в празднестве. Случайно его взгляд упал на меня — в одну секунду вопрос был решен: «Хочешь ли ты сделать со мной тур вальса?»

Тогда я, моментально спрыгнув с высокой тумбы, ноги по правилам в третьей позиции, подняв голову влево, со всей важностью моих одиннадцати лет пустилась с адмиралом в широкий тур вальса вокруг танцевального зала.

Освободившись от своих светских обязанностей, адмирал меня галантно поблагодарил и удалился.

Дорогой Михаил Андреевич! Никогда не мог бы он подумать, что воспоминание об этом танце будет жить так долго!

* * *

Другой незабываемый бал этих лет был дан зашедшим в Бизерту аргентинским учебным судном «Presidente Sarmiento». Не обременяя себя дипломатическими соображениями, аргентинцы пригласили моряков обеих эскадр, стоящих в порту: французских и русских офицеров и их дам. Не знаю, как смотрели на приглашение французские власти. Может быть, чувствовали себя неудобно. Зато очень живо помню веселое возбуждение наших дам, готовящихся к балу, беспрерывное движение аргентинских и русских катеров, восторженные рассказы на другой день Так у нас и осталось в воспоминаниях, как чествовали аргентинцы русских дам, как были они особенно галантны и внимательны. Так неожиданно, так свежо повеяло из далекого прошлого!

ПРАЗДНИКИ

Для нас, детей, «праздник» означал прежде всего подарки и угощения — пирожные, сладости, которых мы были обыкновенно лишены. Вероятно, что от этого недостатка в сахаре у меня на всю жизнь остался особый интерес к пирожным, даже без всякого желания их съесть. В незнакомых городах, в чужих странах я никогда не останавливаюсь перед ювелирными магазинами, но не могу равнодушно пройти перед кондитерской или перед книжным магазином.

На «Георгии» время от времени кто-нибудь справлял день рождения, правда, очень редко, так как ни у кого не было денег. Я помню два таких праздника.

Андрей Потапьев справлял свои 16 лет очень весело, нас было много в их каюте на палубе и, по общему мнению, царило изобилие — слово нам нравилось. Почему-то из всего этого изобилия мне запомнились лишь сардины в прованском масле.

Как-то в каюте Остелецких праздновали день рождения их дочери Киры, которой исполнилось одиннадцать лет. Кира очень волновалась, раздавая виноград: как бы некоторые не были его лишены, если другие съедят много!

Ее брат Ника, большой широкоплечий кадет с заразительным смехом, иногда появлялся на «Георгии», но в тот день он не смог прийти из корпуса.

Конечно, самыми большими были религиозные праздники, которые разделяли учебный год. Они нам скрашивали повседневную жизнь, мы их ждали, мы к ним готовились.

На Рождество школа давала спектакль, в котором участвовали все классы, даже самые маленькие. Какое удивительное количество текстов в русской литературе, подходящих к каждому детскому возрасту!

Французское ведомство посылало нам большую елку, и несколько дней мы при помощи наших учителей готовили гирлянды, звезды, фантастические фигурки, вырезая и склеивая цветные бумаги· золотые, красные, серебряные ..

Рождественский вечер всегда проходил с большим успехом; мы сами были в нем главными актерами.

После удачного спектакля, после рождественских песен начинался бал Маленькие уходили спать, а мы могли показать наше умение танцевать: грацию падеспань, удаль краковяка, живость венгерки... Мы, как в сказке, переживали Рождественский вечер! А потом еще долго вспоминали о нем, обсуждали, старались как можно дольше сохранить подаренные нам пакеты со сладостями в разноцветной бумаге, перевязанные бантом. Каждый из нас получил одинаковое количество мандаринов, фиников, орехов, конфет с хлопушками и палочек шоколада..

Совсем с другим чувством ожидали мы светлый праздник Пасхи. Для православных Пасха — Праздников Праздник. Мы знали, что вся Россия в былое время молилась в Страстную неделю. Мы знали ее значение. В Страстной четверг мы следили за чтением 12 глав Страстей Господня.

Конечно, мы не могли еще понять всю трагедию дороги к Голгофе, но мы чувствовали ее красоту. Мы переживали явление Христа перед Пилатом, нас волновал и оставшийся на веки без ответа вопрос «Что есть истина?».

Мы ждали с замиранием сердца момент троекратного отречения Петра, и, когда, после восьмой главы, все вставали на колени, казалось, что все вокруг перестает дышать, чтобы не пропустить самых первых нот «Разбойника»...

В Страстную субботу непривычная тишина царила на старом броненосце, прибранном, выдраенном, вкусно пахнущем куличами, которые целую неделю пек Папаша. С одиннадцати вечера церковная палуба наполнялась народом. Приходили и люди уже живущие в городе и его окрестностях.

Мы глубоко переживали светлую радость Пасхи; после Великого Поста, после говенья как ждали мы этого первого: «Христос Воскресе! Христос Воскресе!»

* * *

Вести издалека доходили до нас редко, и все больше печальные. В начале 1923 года скончался в Белграде генерал Кононович, мой милый «кузен».

Я много плакала.

Через Красный Крест мы получили письмо от тети Кати. Она жила с семьей в Парголово в очень тяжелом положении. Мама, помню, послала ей сахар, но при получении на него наложили такую пошлину, что пришлось отказаться от посылок.

На «Георгии» мы не голодали. Детям даже раздавали добавочный полдник в 4 часа. Каждая из матерей по очереди варила манную кашу. «Неудачным» был день Марии Степановны Максимович. «Комки! Всегда комки», — повторяла она, заглядывая в большую кастрюлю на примусе. И как не удивительно, никто на нее за это не сердился, так очевидны были и ее старания, и ее огорчение. Зато нас очень баловала мама Ксении Кобзевой. Она добавляла в свою кашу молоко и изюм. К сожалению, Кобзевы вскоре уехали с надеждой разбогатеть. Рассказывали, что отец Ксении открыл сплав, уменьшающий хрупкость чугуна. Все этому удивлялись, так как он даже не был химиком.

Несмотря на отъезды, оставалось еще много детей, когда на «Георгии» вспыхнула эпидемия кори. Всех детей поместили в госпиталь, к большому огорчению наших матерей. Не без основания они полагали, что при такой обыденной детской болезни они смогли бы ухаживать за нами лучше, чем чужие люди в неизвестных условиях.

Госпиталь «Карубье» находился вне города по дороге в Пешри. Расположенный на возвышенности, он ничем не был защищен от ветра, который проникал в неотапливаемые бараки через щели в окнах и дверях. Днем доктор регулярно делал обход больных, за нами следили сиделки, а вот ночью мы оставались одни. Дети, даже совсем маленькие, как мои сестры, были покинуты — другого слова нет — в самые трудные для больных часы. Администрация госпиталя категорически отказала нашим матерям дежурить по очереди. К счастью, главный доктор Сюрен согласился наконец, чтобы одна русская дама, которую он знал лично, оставалась с нами ночью.

Без сомнения, благодаря этой добровольной сиделке — у нее даже не было своих детей — обошлось без тяжелых осложнений. Всего, конечно, избежать не удалось, так как никто, за исключением наших родителей, не беспокоился ни о чересчур ярком свете, ни о постоянных сквозняках.

Я никогда не забуду наше пребывание в «Карубье»! Впоследствии, когда на мне будет лежать ответственность за больного, я никогда не оставлю его одного.

Детьми мы не отдавали себе отчета в том, что переживали наши родители. Мы даже очень весело провели период выздоровления — период неожиданных каникул! С беспечностью мы составляли списки подарков, прося маму принести их в следующий раз. Хорошо еще, что наши требования отличались скромностью и мы умели довольствоваться малым.

Госпитальный стол нам нравился. На отдельных подносах салат, пюре, курица и десерты — все это казалось вкуснее, чем в

кастрюлях Папаши. Наступала хорошая погода, и часовые-сенегальцы нам весело улыбались, когда нас выпускали на солнышко.

Мы вернулись на «Георгий», полные впечатлений о наших «приключениях» в госпитале. Мы снова были в кругу своих товарищей, избежавших кори, снова с кадетами, которые ждали нас с нетерпением.

Эпопея наших стоически перенесенных страданий дала зарождение культу «силы воли», который обязывал совершить смелый поступок, проявить храбрость.

Однако не всегда легко проявить свое геройство! Поначалу мы решили спуститься в трюм старого броненосца и разыскать в лабиринтах пустых коридоров «пятую топку», в которой, по рассказам, был сожжен во время революции священник. Его дух не мог навсегда покинуть места, где еще таилась сила пережитого... Многие под разными предлогами проявили малодушие, нас осталось немного. Из девочек только Ира Мордвинова, Валя и я. Из кадет помню только Колю Полетаева, Горового и Жоржа Янцевича.

Через узкую дверь на носу, где в тот час никого не было, мы пробрались в машинное отделение... Очень скоро мы почувствовали себя в другом мире: везде тишина и полумрак. Мы шли осторожно, наугад, разговаривая вполголоса, освещая иногда при повороте дорогу быстро гаснущей спичкой. Как могли мальчики знать, каким трапом спускаться? Везде царила полная темнота, и этой темноте, казалось, не было конца! Случайность или нет, но мы наконец попали в большое отделение, где, очевидно, находились машины, как мне показалось, — огромные моторы.

— «Пятая топка», — прошептал Жорж, останавливаясь перед металлической дверцей, которая могла бы прикрывать топку; мы не сомневались, что это была пятая!.. Освещая свечкой, мы осматривали дверцу на расстоянии. Мне показалось, что она была слишком мала, чтобы пропихнуть через нее священника, особенно, если он похож на крупного отца Николая, но я не решилась высказать свое мнение. Мы стояли в торжественном молчании. Настал момент проявить свою силу воли, стойко выдержав физическую боль. Перочинным ножом мальчики, каждый по очереди, надрезали кожу до крови. У меня появилась красноватая полоска, но Валина царапина упорно оставалась белой. Наверное, Горовой ее пожалел.

— Уходим! — сказал он решительно. — Время возвращаться.

Теперь нам все время пришлось подыматься. Но когда мы добрались до выхода, оказалось, что палуба, такая пустынная в начале нашей экспедиции, была теперь полна народа: люди с чайниками в руках ждали кипяток для вечернего чая.

Нам строго запрещалось лазать в машины. Надо было искать другой выход... Увы! Оставалось только вылезать через отверстие, оставленное трубой, унесенной когда-то бурей вблизи Сицилии.

Предприятие на этот раз действительно опасное, так как можно было сорваться и упасть в глубокий трюм. Меня считали сильной, и я долго висела одна, вцепившись в край отверстия, не в состоянии подтянуться. Ира и Валя признавали свою слабость, и им быстро пришли на помощь. Наконец с помощью «силы воли» и я, в свою очередь, очутилась на мостике.

Позже, обсуждая нашу тайную экспедицию, мы с возбуждением почувствовали всю таинственность пережитого, когда Горовой мрачно заявил, что была минута, когда при слабом мерцании свечи он ясно увидел колеблющийся призрак за нашими спинами.

— Я не хотел пугать девочек. Поэтому я предложил уходить.

Так окончились наши усилия по воспитанию «силы воли».

* * *

И вот настал печальный 1924 год, год всех разлук.

Мы горько плакали, когда умерла наша любимая маленькая Буся. Как выразить горе, когда ее маленькое тельце, зашитое в наволочку, исчезло в водах канала. Маленькое тельце... но столько верности, любви и понимания!

Понемногу «Георгий» пустел.

Школа тоже опустела. Нас оставалось только несколько учеников. За исключением Оглоблинского и Алмазова, все другие учителя оставили нас в покое. Их тоже стало гораздо меньше. Мы прятались за разложенными на столе книгами и, склонив голову, рисовали.

Очень легко было играть в зубного врача: перочинные ножики и стальные перья, чтобы делать дырки в дереве стола, промокательная бумага и чернила, чтобы их пломбировать, и сосредоточенное, старательное выражение лица, чтобы обмануть учителя.

Вне школы, менее занятые, свободные от наблюдения, мы делали больше глупостей. Полная неизвестность перед будущим, которая волновала наших родителей, нас совсем не трогала. И теперь еще страх перед будущим, на который так часто ссылаются психологи, чтобы объяснить кризис молодежи, кажется мне ложным предлогом, в который не верит сама молодежь. Само настоящее в том, 1924 году было полно угроз.

Сколько времени продержится еще эскадра?

Люди, которым удавалось найти работу, уезжали с кораблей.

Найти работу, даже скромную — было жизненным вопросом, на который не всегда находился ответ. И что могла заработать вдова, как Серафима Павловна Раден, чтобы прокормить двенадцатилетнего сына? Тогда произошло событие, которое поразило всех в нашей безотрадной жизни.

В один прекрасный день Алмазов принес на «Георгий» необыкновенную новость: нотариусы разыскивали Ростислава фон Радена, который унаследовал майорат где-то в Восточной Пруссии или в Балтийских странах. Мама была рада за свою приятельницу. Они расстались навсегда!..

Ревель, Гаспель, Севастополь, Бизерта...

Все куда-то уходило!

Вскоре городские власти перевели «Георгий» с его причала в городе за городскую стену. С палубы «Георгия» мы видели, как самолет капитана Мадона упал на террасу дома Арагона. 11 ноября, в день перемирия, город праздновал открытие памятника в честь первого перелета через Средиземное море. 23 сентября 1913 года Ролан Гаррос, вылетев из Сан-Рафаэля, приземлился у Бизерты. В день праздника капитан Мадон, который был его другом, летал над центром города, где огромная толпа присутствовала на церемонии открытия памятника Гарросу.

Что точно случилось? Потеряв контроль над управлением самолета, Мадон, чтобы избежать гибели людей, врезался в террасу самого высокого дома в центре Бизерты. Это был дом Арагона, теперешний дом «Четырех Авеню». Старые бизертяне помнят его хозяйку, прямую и сухую, всегда в черном и всегда в шляпе. Она оставила в наследство городу большой участок земли для постройки театра. Театра в Бизерте все еще нет, а памятник Гарросу, как и памятник Мадону, поставленный вскоре после его гибели, были снесены после провозглашения независимости Туниса. Перед домом Арагона вместо театра расположен небольшой сквер.

* * *

Русские офицеры прекрасно понимали: Беренс был оповещен, что признание Францией Советского Союза будет иметь последствием возвращение эскадры правительству СССР. В 1924 году становилось все более и более ясно, что это признание не заставит себя долго ждать.

27 июня председатель Совета министров Франции Эдуар Эррио писал резиденту Франции в Тунисе, что «Правительство Республики не может отказать Советскому правительству вернуть ему военный русский флот, пребывающий в Бизерте в течение четырех лет».

29 октября морскому префекту в Бизерте вице-адмиралу Эксельмансу сообщили, что накануне Франция официально признала Советский Союз.

Та же секретная телеграмма предписывала ему «...сообща с уже оповещенным генеральным резидентом срочно принять все меры, дабы избежать возможные повреждения русских кораблей».

Одной из этих мер, конечно, заранее разработанных, была ликвидация последних групп, наблюдающих за порядком на кораблях.

Надо было покидать корабли, которые представляли для нас последнюю частицу родной земли; на них мы были еще в России.

Но России больше не существовало!

Даже ее имя исчезло с мировой карты. Франция, следуя за другими странами, признала СССР, Союз Советских Социалис-

тических Республик. «Союз», который, по мнению большевиков, должен был распространиться на весь мир.

Ленинский проект «радужного будущего», к которому обязан стремиться весь мир, начинался, к несчастью для нас, с уничтожения Русского Государства.

«Не сломал ли он, не затоптал ли он Россию, которую ненавидел всем своим существом?» — напишет через 70 лет Элен Каррер д'Анкосс.

То, что теперь невозможно скрыть, можно ли это было не знать в течение стольких лет?

Я никогда не поверю в полное ослепление французской интеллигенции!

Что касается неосведомленных средних слоев населения, то их политические взгляды объясняют их реакции. Если в 20-х годах французские социалисты в Тунисе проявляли некоторый интерес к нашему положению, то их постановления выражали больше непоследовательности, чем недоброжелательности. Как можно понять этот отчет полиции о собрании, которое состоялось 18 декабря 1920 года в «Кафе де Франс»: «Присутствующие члены постановили: между 23 и 31 в Пальмариуме или на Бирже труда состоится митинг в пользу русских и солидарности рас и для выражения протеста против присутствия в Бизерте флота генерала Врангеля». Ораторами записались Пелегрин, Дюрель, Лузон.

Почему вдруг наши отцы перестали быть русскими людьми? Почему вдруг стали они «врагами народа», они, которые служили России «верой и правдой»?!

После признания СССР Францией мы стали беженцами, но никак не апатридами, как это иногда неправильно говорилось.

Если существует возможность лишить кого-нибудь гражданства, то никто не в состоянии лишить человека Родины.

Адмирал Эксельманс, получив телеграмму, предписывающую ему приступить к ликвидации эскадры, собрал на миноносце «Дерзкий» русских офицеров и гардемарин, чтобы лично пережить с ними тяжкую новость. Ни один русский моряк этого не забудет!

Вот как старший лейтенант Монастырев описывает собрание на «Дерзком»: «Старый адмирал был очень взволнован, и несколько раз его глаза были полны слез. Достойный моряк, он нас понял и переживал с нами наше горе. Но долг офицера заставлял его исполнять данный ему приказ: «...мы должны были оставить корабли ... и мы ушли».

В тот же день, 24 октября, в 17.45 Андреевский стяг был для наших отцов спущен навсегда!

Все они сражались в мировую войну; были при спуске флага и порт-артурцы, были и пережившие Цусиму.

На «Георгии Победоносце», на котором под конец жили еще несколько семей, стояли на корме два-три старичка, женщины и дети. Эти дети теперь старые люди, но не забыть им тяжелого

прошлого. Хотелось бы оставить память о нем, передать своим детям и внукам, чтобы не все с ними умерло.

11 ноября адмирал Эксельманс составил отчет, что все корабли ему переданы русскими без инцидентов. Все суда стояли на причале в арсенале Сиди-Абдаля, за исключением броненосца и крейсера, оставшихся на рейде

Было решено, что при передаче кораблей франко-советская комиссия прибудет в Бизерту, чтобы решить их судьбу.

По многим причинам адмирал Эксельманс считал несвоевременным приезд комиссии в Тунис. С другой стороны, он понимал и уважал отношение русских моряков к этой комиссии. Он не поколебался написать своему министру: «Я прошу скорее снять с меня командование, чем предписать мне принять советских уполномоченных. Это не должно рассматриваться как отказ исполнить приказание, но как просьба, чтобы подобный приказ, если он в Ваших мыслях, был дан кому-нибудь другому.

Я знаю долг солдата, и Вы согласитесь, что я его выполняю, принимая это решение».

Получив отпуск по болезни и разрешение на жительство в районе Бреста, адмирал Эксельманс покинул Бизерту в конце ноября 1924 года.

Про него «забыли». Так он рыцарски поплатился своей карьерой за свое уважение к собратьям-морякам. Но не благодаря ли этому обоюдному уважению удалось избежать «инцидентов», которых так боялся министр?

Перед тем как покинуть Тунис, адмирал Эксельманс сделал все, от него зависящее, чтобы помочь семьям, которые оставались еще на эскадре и в Морском корпусе. Его хорошее знание положения вещей позволило генеральному резиденту в Тунисе Люсьену Сенту обратиться к председателю Совета министров Франции Эдуар Эррио: «Я имею честь доложить, что я смог изучить этот вопрос, осторожно наводя справки у морского префекта.

Необходимо указать, что в Бизерте, кроме уже малочисленных моряков, составляющих сокращенные экипажи, существуют еще две категории людей, которые достойны особенного внимания.

Первая категория — это Сиротский дом, которым занимается адмирал Герасимов. Какое бы ни было мнение о русских, интернированных в Бизерте, можно только иметь самое высокое уважение к этому старому человеку, апостолически преданному делу воспитания детей, покинувших с ним русскую землю. Кроме того, Сиротский дом не имеет никакого отношения к эскадре и Советы не могут претендовать на людей, которые его составляют. В этой школе находится еще около 80 детей. Все уедут приблизительно через год, как уехали старшие ученики зарабатывать на жизнь во Франции или Бельгии. Будет простой гуманитарностью позволить адмиралу Герасимову докончить свое дело и представить ему для этого возможность, как это делалось до сих пор.

Вторая категория состоит из жителей «Георгия Победоносца». Как выше указано, этот старый броненосец не способен на морской переход. Он служит казармой или, скорее, семьям моряков. Некоторые из этих людей, относительно молодые и способные работать, зарабатывают себе на жизнь хотя и трудом, но смогут продолжать; другие же ни на что больше не способны — это старые люди, которые более не в состоянии работать. Их ожидает старческий дом. Для каждого из них придется принять решение, так как невозможно их бросить на произвол судьбы.

Но во всяком случае, так как «Георгий» не может идти в плавание, надо постараться его сохранить для его теперешнего предназначения в ожидании возможности разрешить вопрос о дальнейшей судьбе каждого из его жителей Обе предлагаемые мною меры не могут быть не принятыми. Положение русских в Бизерте хорошо известно иностранцам. Адмирал Эндрюс, командующий американскими морскими силами в Европе, пробыл долго в Бизерте на «Питсбурге» и встречался там с адмиралами Герасимовым и Беренсом, которые изложили ему положение. Командир другого иностранного судна, аргентинского фрегата «Президент Сармиенто», который пробыл в Бизерте 4 дня, также встречал русских адмиралов. Для него, так же как и для адмирала Эндрюса, мы дали убежище людям, потерпевшим крушение, так как это настоящие обломки... Сделав это, Франция осталась верна своим традициям щедрости и гуманитарности.

Что касается других — я говорю о русских офицерах и матросах, — то их права усложняются тем фактором, что они принимаются в стране протектората, и вытекающей из этого необходимостью считаться с суверенитетом Его Высочества Бея.

Французскому правительству надлежит объявить русским о широкой амнистии, о которой упоминается в конце министерского письма. Они должны быть свободны или использовать эту амнистию и обосноваться в стране, которая им подойдет

Но очень важно, по моему мнению, спустить людей на берег, как только переговоры о передаче их кораблей будут закончены, и взять корабли под надзор, поставив на каждом военную охрану. Эта мера необходима, чтобы помешать им потопить свои корабли, покидая их.

В доказательство действительности этой опасности мне достаточно напомнить, что в 1923 году два русских офицера пытались потопить в Сиди-Абдаля два судна, которые французское правительство решило продать иностранцам. Вполне очевидно, что если это могло случиться с судами небольшой стоимости, продажа которых состоялась по договору между французским правительством и русскими представителями бывшего правительства Врангеля, то есть еще больше причин думать, что это может повториться при передаче судов советскому правительству».

Несмотря на годы, несмотря на официальный тон, как сильно чувствуется в этом архивном документе человечность! Как

утешительно чувствовать в нем солидарность моряков, крик о помощи погибающим!

Мы смогли прожить на «Георгии» еще несколько месяцев — время найти работу и устроиться в городе. Морской корпус — Сиротский дом закончил учебный год 25 мая 1925 года. Эту дату следует считать датой окончательной ликвидации Морского корпуса в Бизерте.

* * *

Перед тем как покинуть Тунис 20 ноября 1924 года, почти накануне своего отъезда, адмирал Эксельманс написал лично своему министру, чтобы поставить его в известность о трудностях, с которыми сталкивались люди в поисках работы, и уточнить предпринятые меры. Он писал· «Разрешите представить Вам списки русских офицеров и матросов, ищущих работу, со сведениями, могущими заинтересовать людей, имеющих возможность предоставить им какую-нибудь работу. Я послал такие же списки главным директорам общественных работ по сельскому хозяйству, индустрии и финансов, а также директору компании трех портов и господину де Шавану. У меня нет времени сделать больше».

Ему удалось сделать больше, так как в ответ на его просьбу резидент Совета министров Эррио послал главному резиденту в Тунисе следующую телеграмму

«Париж, 4 ноября 1924 года, 12 часов 25 минут.

Получено в 17 часов

С согласия морского министра я прошу Вас обеспечить бесплатный проезд русским морякам с эскадры Врангеля, которые желали бы ехать во Францию Эррио».

Списки, о которых пишет адмирал, были составлены по его просьбе в следующем порядке: первая категория — «главы семейств»: семья, состоящая из стариков и детей; порядок зависит от числа и возраста стариков и детей на иждивении главы семьи.

Вторая категория — «женатые без детей»: молодые люди 19 — 23 лет, холостые старше 50 лет без детей и родителей на иждивении.

Третья категория — «холостые люди 23 — 50 лет».

В большинстве случаев русские довольствовались самыми скромными предложениями работ, не имеющих ничего общего с их образованием. И как можно было на что-нибудь претендовать? Только доктора могли надеяться найти работу по специальности в кадрах колониальных врачей. В «общественные работы» требовались землемеры или наблюдающие за работами по постройке дорог; чаще всего в отдаленные местности Туниса, куда, за исключением русских беженцев, никто ехать не стремился.

Скоро можно было шутя сказать: «Если вы видите палатку на краю дороги или убежище под дубами Айн-Драхама, вам может пригодиться знание языка его обитателя: один шанс на два, что этот землемер или лесник — русский».

За этими списками имен встают передо мной лица хорошо мне знакомые, часто любимые. Я волнуюсь, встречая в архивах суждения ошибочные, часто несправедливые.

Один журналист удивлялся, что так мало русских работают на кораблях Он выводил из этого, что на эскадре было мало моряков! Но про какие корабли он говорил? Прием на французский флот для русских был закрыт, и даже на каботажном судне беженец не мог быть командиром

Некоторые, не без причин, все еще надеялись послужить во флоте:

«Григорков Владимир, капитан 1 ранга, офицер Почетного Легиона, прослуживший с честью на французских военных кораблях· просит место командира буксира или драги»

«Рыков Иван, капитан 2 ранга, гидрограф: просит место командира буксира».

Как все остальные, Григорков и Рыков были посланы землемерами на юг Туниса — «в поле», как говорили русские.

Читаю, что лейтенант Калинкович просит место рулевого, и вижу очень живо молодого очень красивого офицера, потерявшего ногу во время войны и в течение 5 лет занимавшегося кадетами в Джебель-Кебире.

Другие молодые офицеры или гардемарины готовы были служить матросами. Синдикаты запротестовали — беженцы составляли конкуренцию «туземцам», которые тоже могли претендовать на такие скромные работы.

Итак, в то время, как некоторые ставили русским в упрек, что они берутся за какую угодно работу, за какую угодно цену, другие, напротив, публиковали насыщенные ненавистью статьи об «этих баронах и офицерах, которые не могут решиться на продуктивную работу, которую они всегда считали унизительной». Не раз еще приходилось сталкиваться на чужбине с самой низкой клеветой.

В поисках работы все оказались в одинаковом положении без различия чинов и даже образования. Выбор предложений был очень ограничен, приходилось скорее выбирать по силам. Так, например, престарелый генерал Завалишин просил место сторожа или садовника. Генерал Попов, инженер-механик, как и 20-летний матрос Никитенко, просил место механика.

Алмазов, который когда-то готовил докторскую степень по международному праву в Париже, искал работу писаря. Трудно обвинить их в презрении к труду!

А наши матери!

Мама говорила, что ей не стыдно мыть чужую посуду, чтобы нас прокормить. Ей было бы стыдно, прибавляла она, если бы ей сделали замечание, что она ее плохо моет!

Достоинство, с которым они переносили неблагодарную работу, было лишено горечи, и наше доверие к жизни осталось незатронутым

Заместитель адмирала Эксельманса на посту морского префекта в Бизерте контр-адмирал Гранклеман в свою очередь столкнулся с болезненным вопросом ликвидации эскадры.

Приезд советской комиссии предвиделся к концу декабря, но персонал охраны кораблей еще не нашел работы, и семьи, живущие на «Георгии», оставались без средств к существованию.

Столкнувшись с трудностями поиска рабочих мест, адмирал Гранклеман обратился к резиденту Франции в Тунисе. Он снова предоставил списки ищущих работу, настаивая на крайней необходимости разрешения вопроса: «В данное время мы продолжаем содержать этот персонал при помощи специального фонда «Русский бюджет», пополняемого фондом Врангеля, которым я располагаю, но вполне вероятно, что эти средства вскоре иссякнут, так как «Русский бюджет», как и наш, выдается только до 31 декабря».

Далее адмирал давал характеристику своему персоналу: «Наконец я считаю своим долгом подтвердить, что в течение всего года моего пребывания в Бизерте персонал, для которого я прошу Вашей помощи, никогда не дал ни малейшего повода усомниться в его порядочности или нравственности.

Добавлю, что русские офицеры и моряки, которые уже устроились на работы в Бизерте или ее окрестностях, дают полное удовлетворение и их работа очень ценится. Прийти им на помощь будет пользой для всех, но главное — это станет делом гуманности, а также солидарности, так как я не могу забыть, что многие из них боролись с нами во время Великой войны против общего врага и некоторые их них носят следы ранений, полученных в этой борьбе».

Изъятые из архивов слова все еще несут в себе живую силу!

Адмирал не мог забыть своих собратьев по оружию, как не мог их забыть и его заместитель вице-адмирал Жеэн, прибывший в середине декабря.

Благодаря своей энергии — письма к главному резиденту от 31 декабря, 3 и 7 января, — он добился продолжения помощи беженцам, которые еще не нашли работы.

Таким образом, мы были еще на «Георгии», когда советская комиссия прибыла в Бизерту. Ее роль свелась исключительно к техническому осмотру кораблей, а пребывание в Бизерте оказалось очень коротким. Выйдя из Марселя на «Уджде» 26 декабря, она смогла приступить к инспекции 29-го и покинула Бизерту на «Дюк д'Омале» 6 января 1925 года.

Комиссия строго соблюдала протокол, подписанный в Париже 20 декабря русско-французской миссией, состоявшей из.

«А. Крылов, член Академии наук России, президент.

Адмирал Евгений Беренс

Грасс — инженер-механик.

Иконников — инженер-механик.

Ведерников — морской артиллерист, с одной стороны

Капитан 2 ранга Эстева и лейтенант Арзюр — представители генерального штаба французского флота, с другой стороны».

Текст, состоящий из 12 статей, особенно настаивает на технической стороне осмотра кораблей и оговаривает условия пребывания миссии в Бизерте.

Перемещения были ограничены: «Члены миссии будут жить в Бизерте все время, пока будет длиться их работа, при помощи разрешения, которое им будет выдано... они смогут пользоваться специальным морским транспортом для связи между Бизертой и Сиди-Абдаля».

Миссия абсолютно изолирована: «Члены миссии обязались и обязываются настоящей Конвенцией не заниматься пропагандой и не пытаться вступить в связь с европейцами или туземцами».

Конечно, существует секретная переписка между Парижем, главной резиденцией в Тунисе и военно-морской префектурой в Бизерте, которая предшествовала этому визиту.

Если даже до признания Францией Советского Союза уже поднимался вопрос о скором возвращении эскадры, то при подписании протокола об этом не было и речи.

Инструкции, данные морским министром 23 декабря морскому префекту в Бизерте, точно ограничивают роль миссии: «Я Вам подтверждаю, что передача военных кораблей представителям московского правительства отсрочена».

Как всегда при изучении архивов, из далекого прошлого видятся лица людей с их тайнами и страданиями, которых не может сокрыть даже сухой отчет официальных бумаг. Особенно если вы этих людей хорошо знали.

По протоколу, подписанному 20 декабря, члены комиссии обязывались не иметь никаких сношений с населением. Инструкции, адресованные морскому префекту, более точны: «Избегать встреч с офицерами и матросами русской эскадры или их семьями».

Это драма семьи Беренс!

Из двух братьев старший, Евгений Андреевич Беренс — бывший Главнокомандующий Красным Флотом, — вместе с Крыловым возглавляли советскую миссию.

Младший, Михаил Андреевич, — последний командующий последней русской эскадрой под Андреевским флагом.

Оба так и не встретились!

В день осмотра кораблей советскими экспертами Михаил Андреевич уехал в город Тунис — элементарное выражение вежливости по отношению к французским властям, которые не желали этой встречи. Что касается возможности других причин, никто не стал их искать!

Оба были людьми чести. Оба выбрали в служении Родине разные пути. Они встретили революцию на разных постах, и их восприятие происходившего не могло быть одинаковым.

Морской атташе с 1910 года при посольствах России в Германии, Голландии и Италии, Евгений Андреевич мог искренне поверить в образовавшееся Временное правительство и, будучи идеалистом, даже в «светлое будущее» России.

Михаил Андреевич никогда не покидал действительную службу на флоте. В 1917 году он командовал «Петропавловском» — последним новейшим броненосцем на Балтике — и с первых же дней революции стал свидетелем угрожающих событий, явной целью которых было истребление того, что для него представляло Россию, и в первую очередь ее флот. Он был ответствен за свой корабль.

Что ответил бы Евгений Андреевич, выслушав представителей Совета матросских депутатов, заявлявших, что они требуют увольнения одного из офицеров, которого экипаж не желает видеть на борту? Вероятно, то же самое, что ответил и его брат: «А я вас ни о чем не спрашиваю, и, потом, это вас не касается». Командованию с трудом удалось его спасти.

Существует неофициальное письмо от 19 декабря, посланное из Центра русской документации главному резиденту в Тунис, характеризующее членов комиссии: «А. Крылов — крупный ученый, адмирал Е. Беренс — galant homme и единственный из пяти, который, по-видимому, заражен воинственным большевизмом, это офицер-механик».

Конечно, никто из наших отцов не мог поверить, что Е.Беренс и Крылов исповедуют идеологию мрксизма-ленинизма, но знать, во что они сами верили в 1925 году, сейчас уже никому не дано.

Евгений Андреевич Беренс умер, кажется, в 1929 году.

Если бы члены комиссии даже и не были связаны обязательством избегать контактов с населением, вряд ли им было бы интересно встречаться с левыми бизертскими кругами.

Каким все это кажется нереальным десятки лет спустя — нереальным и несерьезным. Что могло быть общего между академиком Крыловым и учителем Мартином или кассиром Бек?

О чем могли бы беседовать Е.Беренс, для которого все теперь было тяжелым испытанием, и беспечный доктор Эрера? Беженцы поняли. Встреч не было. Пока комиссия осматривала «Георгий», мы бродили по городу. Мы знали, что дни нашей плавучей цитадели сочтены!

* * *

В списках ищущих работу значилось: «Манштейн, 36 лет, старший лейтенант, 4 дочери — 11, 7, 6 лет, младшей 3 месяца; просит работу топографа или наблюдателя за городскими работами недалеко от Бизерты по причине учебы детей». И рядом приписка мелким, четким почерком: «Предложение заслуживает интереса».

Моя сестренка Маша родилась весной 1924 года, и, так как мама работала целый день, я много ею занималась. Вероятно, с этого времени у меня останется особая нежность к детям первого года жизни — удивительной жизни тихо лежащего в колыбели маленького ребенка, внимательный взгляд которого открывает окружающий его мир.

В начале 1925 года мы еще жили на «Георгии» в ожидании работы и квартиры в городе. Наш детский мир редел с каждым отъездом. Вскоре закрыла свои классы наша «Прогимназия Георгия Победоносца» — теперь мы ходили в французские школы: Валя, Люша и Шура ходили к монашенкам в «Notre dame de Sion», а я в обычную городскую школу Лякор. После классов мы возвращались на «Георгий», где царил полный хаос...

Кипучая, полная жизнь, которой мы жили в течение нескольких лет, теперь смолкла. Поговаривали, что скоро выключат электричество... Большой, старый броненосец опустел, и по ночам особенно чувствовалась какая-то угроза. Иногда слышались какие-то удары, эхо которых отдавалось в полутемных коридорах и в пустынных помещениях. Папа забеспокоился. После отъезда Трухачева в Тунис он был назначен «командиром» «Георгия». Кто мог хозяйничать по ночам? Не повторялись ли инциденты 1921 года, о которых писал Монастырев: «В этот год в городе была отмечена продажа небольших моторных частей. Продавали их люди, не имеющие отношения к флоту и случайно попавшие на эскадру во время эвакуации. Были приняты строгие меры: продажа прекратилась и эскадру очистили от «нежелательных элементов».

Папа быстро открыл, что новая банда, основавшаяся в городе, продавала медь, воруя оборудование «Георгия». Некто Тябин, пойманный на месте, был выгнан с «Георгия», и папа запретил ему подниматься на корабль.

Рассчитывая на безнаказанность, Тябин вернулся, но уже с оружием. Видя, что его заметили, он убежал, спрятался в какой-то каморке и разрядил револьвер через дверь, которую пытался открыть папа.

С каким удивлением я нашла отголоски этого происшествия в секретной переписке между Тунисом и Бизертой! Генеральная резиденция поручила бизертскому гражданскому контролеру навести справки на счет анонимного письма, полученного из Бизерты, «обвиняющего русских морских офицеров в самоуправстве по отношению к членам колонии, живущим в городе или окрестностях».

Письмо от 24 июня 1924 года без труда восстановило происшедшее: «Конфиденциально — гражданский контролер Бизерты к господину Люсьену Сенту, полномочному министру, Генеральному резиденту Французской Республики в Тунисе.

В ответ на Ваше письмо №2111 от 9 июля 1924 года я имею честь Вам доложить, что вследствие многочисленных случаев воровства, происшедших на борту русского судна «Георгий Победоносец», стоящего при входе Бухты Себра и служащего жилищем многим русским семьям, командир этого судна запретил некоторым лицам, живущим в городе, подниматься на борт.

Надо прибавить, что беженцы в Тунисе живут в хороших отношениях между собой и только меры, принятые командиром «Георгия» против некоторых нежелательных лиц, могут объяснить зарождение неблагоприятных слухов о людях, которым поручена охрана бывшей эскадры Врангеля».

Мой отец, последний командир «Георгия», сделал все от него зависящее, чтобы сдать корабль в приличном состоянии. Беженцам разрешили уносить для семейного обихода койки, железные столы, покрытые линолеумом, скамейки и стулья. Все это прекрасно подходило к бедному домику в «Маленькой Сицилии», где мы поселились в первые месяцы 1925 года. Мы окончательно покинули корабль — последний кусочек русской земли.

Офицеры сняли военную форму. Мы стали эмигрантами, которых держали в полном неведении о переговорах, касающихся судьбы эскадры, — долгих обсуждениях, продлившихся еще на несколько лет.

В начале 30-х годов корабли все еще стояли в Арсенале Сиди-Абдаля.

Мой старинный друг Делярборд, назначенный в те годы в Бизерту, был так поражен призрачными силуэтами кораблей, что по сей день говорит о них, словно они еще у него перед глазами: «Я бродил по пустынной набережной Сиди-Абдаля вдоль ряда судов без экипажей, нашедших здесь покой в грустной тишине, — целая армада, застывшая в безмолвии и неподвижности. Старый броненосец со славным именем «Георгий Победоносец»; другой — «Генерал Корнилов» — совсем новый еще линейный корабль водоизмещением 7000 тонн; учебные судна «Свобода», «Алмаз»; пять миноносцев... Чуть слышен плеск волн меж серыми бортами да шаги часовых «бахариа» в форме с синими воротничками и в красных шешьях с болтающимся помпоном».

Эти корабли тогда еще хранили свою душу, часть нашей души...

Но потом? Что стало с ними? Можно дать только короткий ответ: не все архивы еще открыты.

После отъезда комиссии экспертов переговоры продолжались между двумя правительствами. Франция соглашалась передать военные корабли при условии, что Советский Союз признает дореволюционные долги России Франции. Переговоры длились годами, так как СССР долги не признавал.

Корабли оставались в Бизерте, и, поскольку Советское правительство отказывалось платить за их содержание, Франция постепенно продавала их на слом...

Глава XV

БИЗЕРТА ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Квартал Бижувиль все еще существует. Теперь я его обхожу, возвращаясь домой. Тротуары запружены прохожими и заставлены столиками многочисленных кафе, перед которыми часами сидят завсегдатаи; постоянная толпа ожидающих автобус, беспрерывная цепь автомобилей, так что трудно пересечь авеню Бургиба — все это так не похоже на Бижувиль 20-х годов!

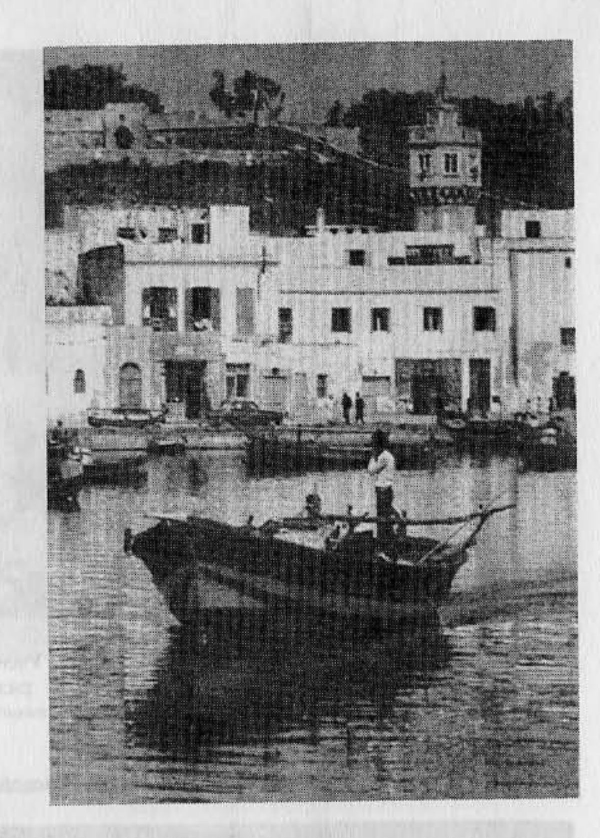
Тогда было меньше движения и бесконечно больше жизни! Ремесленники работали на глазах у всех — сапожники, столяры, часовщики... Мелкие коммерсанты становились нашими друзьями — у мадам Микус можно было быстро найти все необходимое для шитья; часовых дел мастер Кемири ютился около отеля Дефос, где Бирилевы поначалу снимали комнату; бакалейная лавка Берн была для нас, детей, миром чудес — в просторном и довольно светлом помещении с многочисленными, заставленными товарами полками и большой витриной, перед которой всегда спал толстый кот, царила мадам Берн — полная и приветливая с сильным акцентом юга Франции. Не знаю почему, но ей никогда не удавалось отрезать кусок ветчины без помощи сына, который появлялся из глубины лавки. Она обращалась к нему: «Жорж, принеси ножик, чтобы отрезать ветчины для девочки». Мы потом, смеясь и подражая ее акценту, превращали эту фразу в «Жорж, принеси ножик, чтобы зарезать девочку».

Добродушная мадам Берн! Однажды она предложила нам три кило шоколада по очень низкой цене — плитки пересохшего «Матружен», пористого и рассыпчатого! Никогда я не ела шоколада вкуснее!

За менее изысканными продуктами мы бегали с нашей кредитной книжечкой к Джербиену. Маленькая лавочка была всегда открыта — будь то поздно вечером или рано утром. Если у него чего-нибудь не хватало, Джербиен посылал мальчишку к собрату за желаемым товаром.

Где они теперь эти Джербиены, о которых я сожалею! Может быть, можно найти их еще на самом острове Джерба? Говорят, что они еще активно торгуют в Париже!

У русских скоро появился свой булочник — кондитер, печь которого выходила на дорогу в Матер на месте теперешнего баскетбольного стадиона. Он пек нам на Пасху куличи!

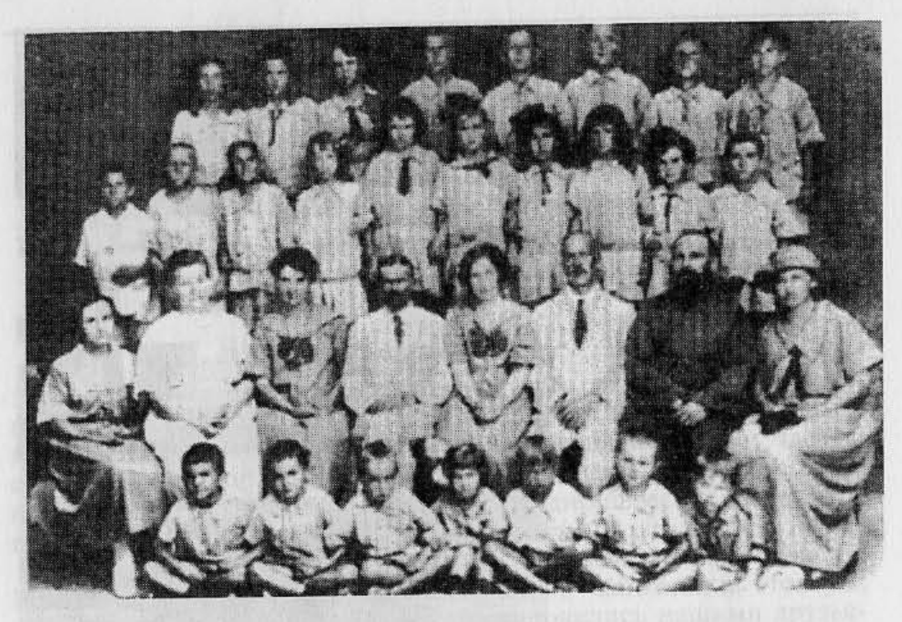

Эти старые крепостные стены многое видели на своем веку...

Казематы форта Джебель-Кебир

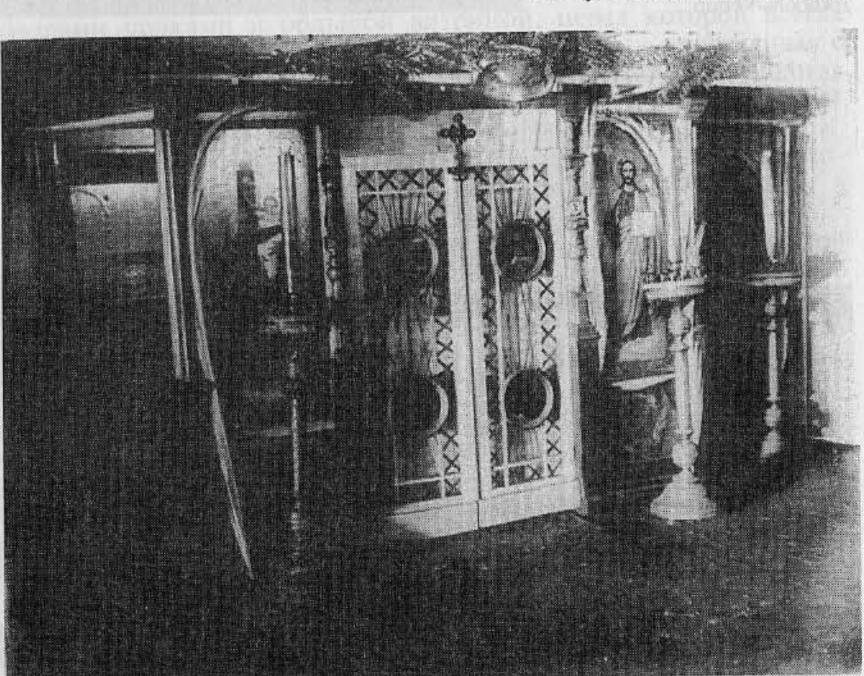
2. Изд. № С/99/379.

Ученики и преподаватели школы, размещавшейся на броненосце «Георгий Победоносец»

ДЕТСТВО НА КОРАБЛЯХ

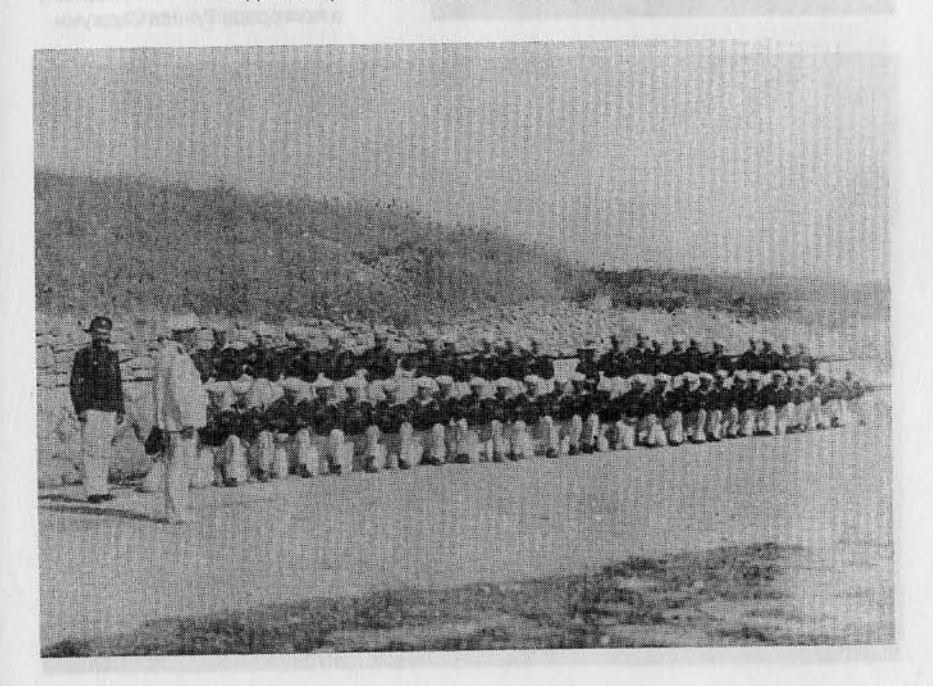
Корабельная церковь на палубе «Георгия Победоносца»

Школьники на гимнастических занятиях

Кадеты Морского корпуса на строевых занятиях

ВИЗИТ ДРУЖБЫ СОВЕТСКИХ КОРАБЛЕЙ В ТУНИС
Август 1975 года

Эсминец «Находчивый» входит в тунисский порт

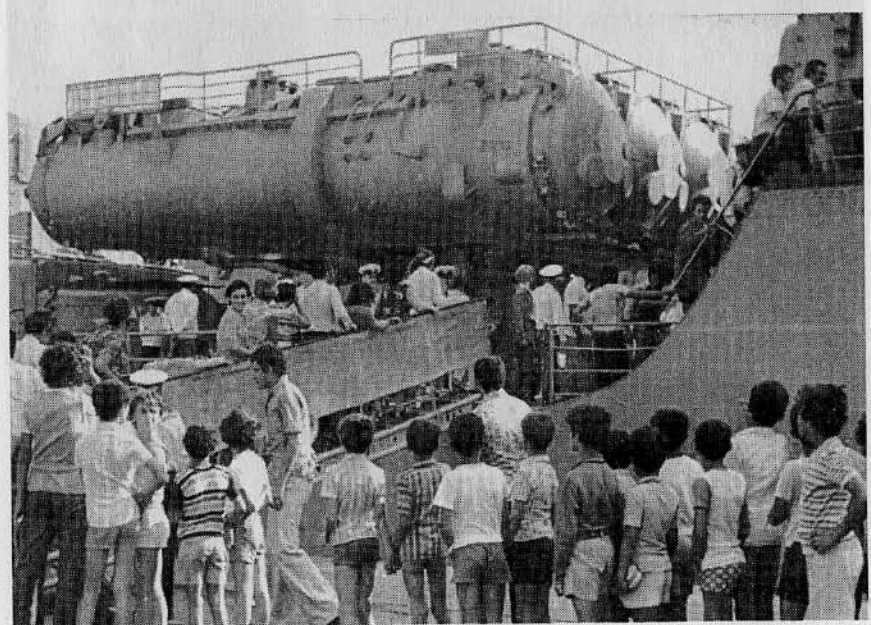
Возложение венков к мемориалу в пригороде Туниса Седжуми

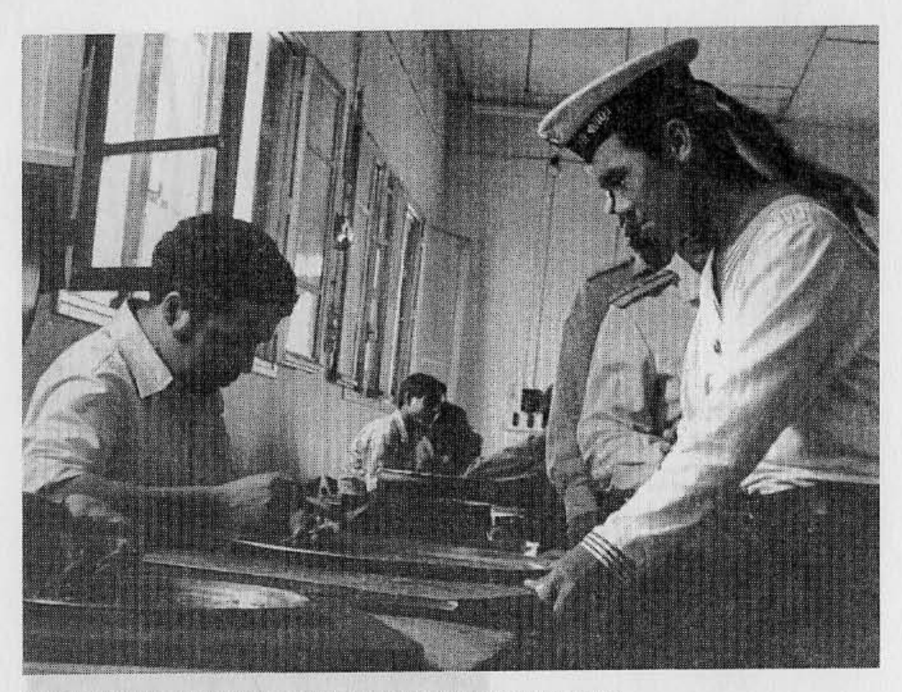

Тунисцы на ракетном крейсере «Адмирал Головко»

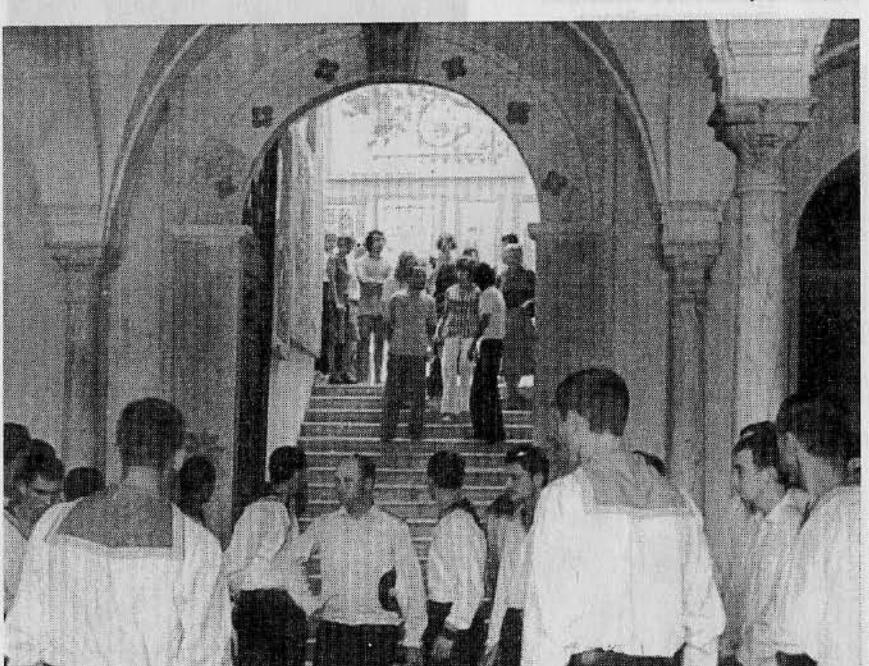
Очередь в день посещения тунисцами крейсера

В цехе чеканки Национального центра народных промыслов и ремесленничества Туниса

В музее Бардо

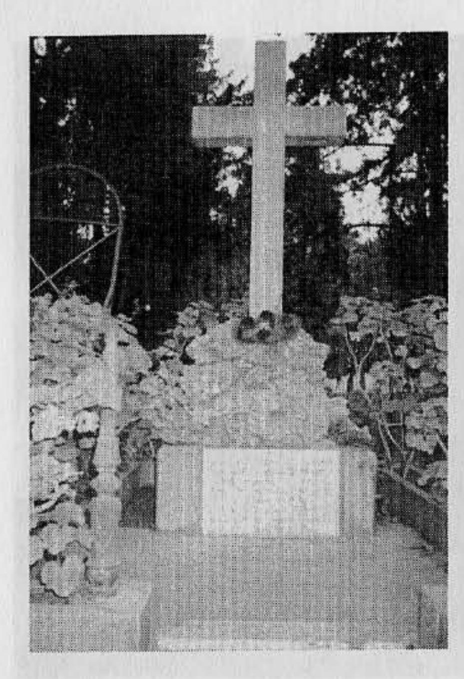

Афиша документального фильма «Анастасия Бизертская», снятого тунисским режиссером Махмуд бен Махмудом об А.А. Ширинской

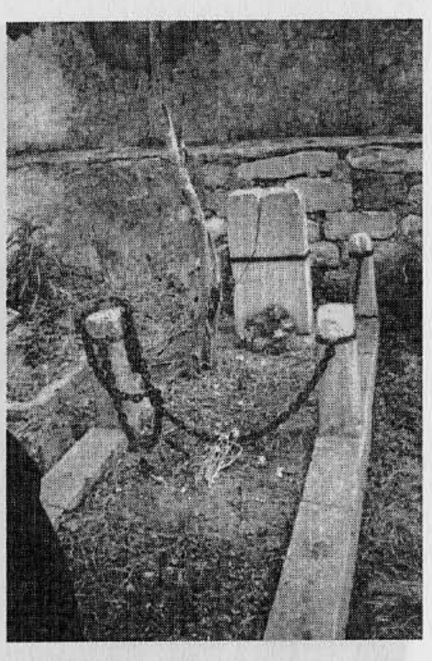

А.А. Ширинская, С.А. Лыкошин, Э.Ф. Володин, О.И. Фомин и иракский поэт Халед Алиас в Бизерте у ворот дома Ширинской

Братская могила русских моряков на кладбище в Бизерте

Могила контр-адмирала В.В. Николя

Панихида на русском кладбище в Бизерте 25 сентября 1996 года. (Священник — отец Дмитрий Нецветаев, среди присутствующих капитаны 2 ранга в запасе А.С. Николя, крайний справа, и В.А. Летучий)

«Деловой мир» — это была мадмуазель Пикэ, худая и бесцветная, которая со своим всегда озабоченным братом держала бюро «Веритас».

Красочная «Маленькая Сицилия» жила по традициям своей солнечной страны. В хорошую погоду старики всегда сидели на улице у порога открытой двери. В праздники разодетые семьи гуляли по городу; жених с невестой обязательно в сопровождении маленького брата. Мужчины ходили на рыбную ловлю или сидели в кафе, из которого часто доносились неаполитанские песни. В футбол молодежь играла только на стадионе. На улицах игры были более тихие: мальчики играли «в шарики» перед домом на тротуаре, а девочки играли «в классы».

Квартал Бижувиль! Улица Келими! Возвращаются забытые имена!

Мы не долго на ней прожили и вскоре переехали в домик немного побольше на улицу, обрамленную стеной монастырского сада, которая тогда называлась улицей Табарка. Эта не длинная, приятная улица с небольшими, одноэтажными домиками не имела ничего общего с «Маленькой Сицилией», которая по другую сторону дороги на Матер расстилалась пустырями.

Наш домишко состоял из двух комнат и кухни — одна комната следовала за другой; обе проходные — с улицы вход был прямо в столовую, за ней спальня и выход в кухню. Таким образом во второй комнате были две двери и ни одного окна. Говорить о «столовой» и «спальне» не совсем верно, так как даже если мы и ели только в первой комнате, то спать размещались в обеих. Что касается мебели, то, кроме кроватей, железного стола, скамеек и стульев, ничего другого не было. Я спала в комнате, выходящей на улицу, и папа отделил мою кровать от угла, где все собирались вокруг стола, перегородкой, украшенной гипсовыми узорами. Таким образом, у меня как бы была своя комната, что позволяло мне заканчивать классную работу, не беспокоя маму, запрещавшую мне «работать по ночам». Я гасила свет, делая вид, что ложусь спать, а сама, стоя под иконой на кровати с книжкой в руке, повторяла уроки при свете лампады.

Вставать утром всегда было трудно. Я была старшая, мама работала целый день, а иногда и по вечерам, и времени на домашние заботы нам не хватало. Часто просыпаясь утром, я вдруг испытывала порыв неудержимой паники перед тем, что мне предстояло сделать за день.

Как вымыть под краном холодной воды двух маленьких девочек в нашей узкой кухне, одновременно ванной и прачечной, куда через щели плохо прилаженных окон проникал холодный, зимний ветер? А эта ежедневная груда посуды, с которой надо было справиться! И все — в холодной воде распухшими, отмороженными пальцами!

Мама стирала на всю семью. Я все еще вижу эту удручающую картину: полное корыто белья, кусок зеленого мыла оставляет

зеленые полосы, скользя по доске, струи воды текут по маминым рукам, когда она выжимает тяжелую простыню. Несмотря на все ее усилия, грубая бязь оставалась желтой и жесткой.

А как найти время, чтобы штопать белье?

Хорошие французские хозяйки посвящали этому один день в неделю. Говорят, что самые строгие давали штопать носки до стирки. Я тоже пыталась «зашивать дырки», но образовывался целый веер складок над пяткой.

Я думала о «достоинстве в нищете», про которое пишут в наших учебниках, и старалась понять, как его достичь? Вероятно, каждый «достойный бедняк» должен иметь много свободного времени и заниматься только сам собой!

Для меня обязанности старшей сестры облегчались тем, что девочки были очень послушные. При разнице в возрасте в 18 месяцев они жили в своем, особом мире, говорили на своем языке, который я одна понимала, но мир этот не был лишен интереса.

Ольга — Люша — была тихая и вдумчивая, Шура же без долгих раздумий всегда готова куда-то броситься. Обе они не отличались ни пассивностью, ни безразличием к окружающему. Они быстро познакомились с детьми наших близких соседей. Семья Ди Гаэтана была многочисленнее нашей, и жили они в домишке более скромном, чем наш. Отец чинил сапоги, сидя перед открытой дверью своей лавчонки, выходившей на дорогу в Матер. Мать и бабушка, очень прямые и очень худые, всегда в черных юбках до полу, постоянно выполняли одну и ту же домашнюю работу. Семья была удивительно тихая, несмотря на множество детей. Иногда кто-нибудь из них появлялся, чтобы попросить немного чернил — у нас было несколько флаконов «Ватермана», оставшихся от ликвидации школы на «Георгии». Мама подарила им одну из этих бутылок, которую они предусмотрительно припрятали «в дальний ящик», продолжая приходить за скромными займами чернил как можно реже.

Живущая немного подальше семья Моччи была шумнее; я узнавала их детей по круглым, смеющимся лицам. Когда папа нам сделал ходули, весь этот детский сад быстро научился с воодушевлением ими пользоваться.

Французское общество улицы Табарка было классом выше. Бездетная пара в возрасте занимала вместительный дом рядом с нами. Папе случалось делать им по заказу рамки и полочки из красного дерева, которые он с помощью мамы часами полировал вручную.

Я вижу, как под регулярным движением пропитанного льняным маслом полотняного тампона по, казалось бы, совсем иссохшей поверхности начинает переливаться цветами каштановый отблеск оживающего дерева, как заново зарождается в нем жизнь...

Как можно покрывать дерево искусственным лаком? Убивать его второй раз?

Папа все умел делать руками и работал с большим вкусом, но устанавливать цену было для него большой задачей. Наша соседка безусловно это поняла и оказалась в этом отношении безукоризненно корректной.

Две семьи, которые жили напротив, назывались Шабо и Боша*, что позволяло шутнику почтальону объявлять о своем присутствии, мяукая под их окнами. Обе хозяйки, занимаясь уборкой по утрам, обменивались новостями. Отрывки разговоров долетали до нас. Так мы узнали, что сын Боша, солидный парень лет двадцати, полностью удовлетворял чаяния своих родителей, которые для него «жертвовали собой». Мать поверяла:

— Что вы хотите! Он достигает своей цели! С малолетства он хочет быть аджюдан-шефом**, — и все признавали, что это действительно «прекрасная цель».

Это выражение осталось у нас в семье надолго, и «прекрасная цель» стала эталоном в измерении честолюбивых достижений.

В самом начале улицы, на перекрестке с дорогой в Матер, стояла вилла, окруженная садом, в которой жила семья авиатора. В конце 20-х — начале 30-х годов несчастные случаи на авиационных базах Карубы и Сиди-Ахмеда были редки. Несколько смертных случаев произошло с авиаторами, последовательно обитавшими в этой вилле, которая приобрела репутацию приносящей несчастье.

Теперь, когда я пишу эти строки, на ее месте стоит большое административное здание, и ничего уже не напоминает о легендах пережитых трагедий.

Ранее мне еще случалось пройти по этой тихой улице, которая внешне почти не изменилась. Двери виллы всегда были плотно закрыты, оконные занавески затянуты. Я никогда не видела новых обитателей, и давно ушедшие лица кажутся тем более живыми.

Мы, «русские», без сомнения должны были стать предметом удивления. Что мог знать маленький бизертский мирок о русской революции и о России вообще?

Те, которые могли поначалу иметь какие-нибудь предвзятые мысли, быстро успокоились. В повседневной жизни наша нищета лишала нас возможности общения с французской интеллигенцией, и наше окружение вовсе не было тому причиной. Тогда еще не велись разговоры об «исключении», об «интернировании», не говоря уже об «ответственности общества». Отчасти мы жили еще в мире, который навсегда покинули, и, возможно, что именно это помогло нам пережить первые годы изгнания. За горькой повседневностью действительности вставали облики милого прошлого. Новогодние и Пасхальные визиты, целование руки, страстные споры по вечерам о событиях, информация о которых до-

* Шабо и Боша — звучит как «кот красивый» и «красивый кот».

** аджюдан-шеф — звание унтер-офицера французской армии.

ходила до нас с разных частей земли, — все это, конечно, удивляло наше окружение, но нисколько его не беспокоило, а, может даже, позволяло их воображению вырваться из строго установленного порядка. Среди людей, встречавшихся с нашими эмигрантскими кругами, многие с оттенком восхищения потом рассказывали, что они знали русскую принцессу или флигель-адъютанта императора. Для них, в их серой жизни, это являлось чем-то сказочным, в то время как для русских сочинителей стало долгожданным случаем нарядиться в «павлиньи перья». Я никогда в нашей среде принцесс не встречала, более того, всегда казалось подозрительным, если кто-то начинал распространяться о знатности своих предков. Мы это понимали уже детьми.

Однажды Александр Карлович Ланге услышал, как его племянник хвастался перед своим приятелем-французом, что его дедушка был генералом. Александр Карлович подал реплику:

— Правильно говоришь! Твой дед был генерал и даже известный генерал. Но ты? Ты ведь делаешь только глупости!

Хвалиться!.. Гордиться!.. Чтить!.. Трудно иногда найти границу.

Мы все знали слова Пушкина: «Жалок народ, который не чтит своих предков», а предками мы считали великих людей нашей Истории. Мы жили еще близким прошлым, почти более реальным, чем удручающее настоящее, что помогало самым неимущим не чувствовать себя полностью обездоленными.

Будущее не было для нас закрыто.

А пока надо было, чтобы дети учились, и нас без труда записали в французские школы. Люсе и Шуре было достаточно пересечь улицу, чтобы оказаться в классе. Мне было идти немного дальше, так как женская школа, называемая именем директрисы, Лякор находилась за католическим храмом, в наши дни переделанном в культурный центр. На этом месте все еще стоит школа, но все изменилось.

Вход был на углу здания — несколько ступенек, маленький вестибюль, дверь из которого направо вела в длинную галерею, где мы останавливались перед нашим классом, становясь в пары. Уже при входе в вестибюль за нами из своего бюро наблюдала мадам Лякор. За зданием школы был большой внутренний двор с одной стороны под крышей, где мы гуляли на переменах.

Перед началом учебного дня мы выстраивались во дворе под навесом по классам — каждый класс со своей учительницей. Мадам Лякор появлялась аккуратно по звонку, строго одетая, всегда в темном, с легкой шерстяной пелеринкой вокруг плеч.

Вместо молитвы, как это было на «Георгии», мы пели какой-нибудь героический напев, по-видимому, предназначенный воспламенить наше старание к работе. Помню слова одного из них:

Вперед по дороге жизни
Под гордым знаменем долга.

Под предлогом того, что я не знаю французского языка, меня посадили в младший класс. Я выписывала палочки и страдала от

безнадежной скуки. Маме удалось убедить администрацию, что французский можно выучить и в среднем классе. Через год я выдержала довольно сложный экзамен. Я могла бы провалиться по орфографии — диктовки давались сложные, и за пять ошибок полагался ноль — непроходной балл. Я сделала только одну ошибку. Со дня поступления во французскую школу я стала примерной ученицей. Вероятно, полная перемена обстановки пошла мне на пользу. Мне хочется подчеркнуть ту общую благожелательность, которая меня окружала с самого поступления в школу. Мне случалось слышать жалобы моих сверстников иностранного происхождения на притеснения, которые они испытывали во время обучения во Франции. Мне никогда не пришлось с этим столкнуться. Вероятно, моя фамилия звучала не так уж иностранно между Скаминачи, Спиццикино или Хадат. Вероятно, особая атмосфера протектората, которым был тогда Тунис, сыграла свою роль, но я знаю также, что особое внимание, которое проявили ко мне учительницы, вызывало у меня желание оправдать их доверие.

Все было для меня ново: просторный зал, картинки на стенах, цветы на столе учительницы и многочисленные девочки в черных передниках, совсем не похожие на будущих моряков.

Мою первую учительницу звали мадам Биде. Она подарила мне все принадлежности для занятий: тетрадь дневную и тетрадь вечернюю, обернутые синей бумагой с этикетками и надписанные ее рукой, розовую промокательную бумагу и широкий деревянный пенал, закрывающийся на ключ!

Это было время, когда еще следили за почерком; в пенале был большой выбор перьев — широкие «Гольуаз» и узкие и твердые «Сержан мажор».

К этому утилитарному набору учительница добавила немного роскоши — резинку «Елефан», толстую и упругую, — так и хотелось крепко сжать ее в руке. Мне оставалось только хорошо заниматься, что я и делала. Хорошо, но без увлечения.

Учить наизусть историю и географию, переписав несколько строчек с доски, было скучно. Преподавание географии особенно меня удивляло. В учебнике мы разглядывали рисунки гор, равнин, долин и рек, но все это находилось во Франции.

Никто не говорил о континентах! Никаких стран, кроме Франции, не существовало!

Как-то на уроке шитья одна из учениц читала вслух и проскользнуло название «Занзибар».

— Где находится Занзибар? — спросила учительница.

— Во Франции, — ответил весь класс.

Занзибар! Так хорошо знакомое мне имя. И вскоре вся школа узнала, что маленькая русская имеет необыкновенные знания по географии!

Я была старше своих одноклассниц. Я не понимала трудностей преподавания в младших классах и ужасно скучала, но я всегда испытывала глубокое уважение к моим учительницам. Я не забы-

ла мадам Биде, спокойную и приветливую, небольшого роста, немного полную, с грудой тетрадей, которые она уносила для проверки домой. Говорили, что ее муж, как и она преподаватель, занимался политикой. Я видела его по тунисскому телевидению в начале 80-х годов — он прибыл в Тунис с официальным визитом из Франции и был представлен президенту Бургиба как «гуманист». Я смотрела на хорошо одетого, важного старика и думала о моей первой учительнице, уже давно умершей.

Кончался учебный 1925 год, когда заболела наша маленькая Маша. С началом летней жары дизентерия была очень опасной болезнью. В то время ни сульфамидов, ни антибиотиков еще не придумали. Кажется, доктор Монастырева сделала все, что она могла, но маленькое тельце слабело. Я была около Машеньки, когда она перестала дышать. Совсем еще маленький ребенок — ей не было и года!

Папа сам сделал Маше гробик. Он пилил доски около кровати, на которой она лежала, и слезы текли у него по лицу.

Отпевание, заупокойные молитвы, небо голубое и чистое над ее могилой в отдаленном углу кладбища, где уже лежало столько русских!..

Эпидемия унесла много младенцев. Это было печальное лето 1925 года.

* * *

Русская колония в Бизерте в конце 20-х годов была достаточно многочисленна, чтобы содержать священника. На Рю д'Ажу для отца Ионникия Полетаева сняли квартиру, где одна из комнат служила церковью.

По субботним вечерам мы ходили на всенощную, а в воскресенье утром — на литургию. Жизнь вокруг церкви нас очень объединяла. Алмазов читал часы, дамы пекли просфоры и вышивали церковные одеяния, дети по очереди прислуживали. Хор сорганизовался под управлением Веры Евгеньевны Зеленой. Скрытое соперничество существовало между ней и отцом Ионникием. Очень щепетильная относительно всего, что касалось ее хора, она плохо переносила, когда батюшка призывал народ петь, не ожидая ее указаний «Пойте все», — говорил он, обращаясь к прихожанам, в то время как она, размахивая камертоном, раздавала партитуры. По праздникам много людей приходило из окрестностей.

Пасху ожидали, готовились, праздновали все с той же торжественностью Еще в течение многих лет жили традиции. Так обычаи, перенесенные из другого века, из другого мира, приспосабливались к скромным условиям нашего существования.

Очутившись в чужой стране, наши отцы в большинстве случаев сумели установить дружеские отношения. Конечно, в нас многое казалось любопытным, хотя бы это «хождение в гости» без всякого приглашения. Просто так решали пойти к Поповым и к

Зубовичам, которые, в свою очередь, благодарили, что их не забывают!

Мама, работая целый день у чужих, кончала домашнюю работу по вечерам. У нас, детей, были школьные задания. Нам было трудно ходить по гостям, но и у нас всегда был народ. Люди не семейные часто приходили провести вечер; всегда были чашка чая и пламенные споры вокруг стола. Когда не было места разложить тетрадь на столе, я писала на стуле, сидя на подушке на полу, что совсем не мешало мне решать задачи. У меня на всю жизнь осталось убеждение, что одиночество и тишина не всегда и не для всех необходимы для работы, требующей сосредоточенности. Одним из постоянных посетителей был Михаил Юрьевич Гаршин, в свое время частный секретарь греческой королевы Ольги Константиновны. В 1926 году, после смерти королевы, найдя приют в Италии, он приехал в Бизерту, кажется по приглашению брата своей жены старшего лейтенанта Л. Фон дер Ропп. Еще в Японскую войну Гаршин был серьезно ранен. Королева Ольга Константиновна в один из своих визитов в госпиталь озаботилась судьбой молодого инвалида и обеспечила ему работу. Ольга Константиновна, дочь великого князя Константина, брата Александра II, пользовалась большим уважением у русских моряков.

Много видевший, много знавший, Гаршин был интересным собеседником, хотя снисходительностью он не отличался, и многие остерегались его остроумия.

У Гаршина были исключительные сюжеты-воспоминания, связанные со множеством значительных событий. Когда он рассказывал, забывалось его искалеченное лицо.

Воскресным визитером был наш старый Демиан Логинович Чмель. Он приходил сразу после обеда, чтобы попить чай со своим командиром. Для нас, детей, он приносил несколько пирожных. Чай пили из больших чашек; очень горячий и очень сладкий. Разговор всегда состоял из одних и тех же воспоминаний — взятие Очакова, эвакуация Одессы... Когда разговор замирал, на помощь приходила мама и переходили на неисчерпаемую тему снов. Сны Демиана Логиновича тоже были одни и те же. Главную роль в них играли Николай Угодник и Пресвятая Богородица. Каждый раз, произнося эти святые имена, он крестился и кланялся.

Так как мама сидела против него, неизвестно было к кому он обращался и кому он молился. Выходило приблизительно так: «И вот, Зоя Николаевна, Матерь Пресвятая Богородица...», поклон с крестным знамением в сторону мамы. Мы с Валей с трудом сдерживали смех. Пересказывание снов могло длиться часами. Мама подавала реплику. Папа умудрялся читать одним глазом, книга всегда была недалеко. Но когда под вечер старичок вставал, папа, казалось, ничего не пропустил: «Как, Демиан Логинович, уже уходите? Ну до следующего воскресенья!»

* * *

Мне было пятнадцать лет, когда Борис Конюс появился в церкви в одно из воскресений. Он отбывал воинскую повинность во французской армии и на этот срок был послан из Парижа в Бизерту. Каким-то сказочным миром веяло от его рассказов. Русская эмиграция в Париже, Волконские, Урусовы, Трубецкие, круги русской консерватории, где преподавал его отец, но также веселые случаи из его собственного опыта молодого шофера такси.

Высокий, сухощавый, что-то неопределенно элегантное в движениях, со светлыми волосами и смеющимися глазами, таким он останется для меня на всю жизнь.

Вместе мы пережили в один из пасмурных зимних дней смерть князя Андрея из «Войны и мира». Он мне читал Толстого, когда я лежала с температурой и упорно поворачивалась к стене, чтобы скрыть слезы. Вместе провели мы последний день, перед его отъездом. День полный солнца, полный моря и такой грустный для меня. Мы гуляли по длинному молу, и он говорил о загадочном, привлекательном будущем, о своем решении начать новую жизнь, жизнь, которая казалась нам бесконечной, богатой возможностями и успех которой зависел только от нас самих.

Позже из Парижа я получила длинное письмо, только одно, и в нем тепло говорилось о девушке в голубом на фоне голубого неба и синего моря.

Тогда мы только начинали жить. Какие выборы представятся нам в будущем, и к чему приведет нас жизнь? Что сможем мы на это ответить, когда ее проживем?

Моя жизнь будет тесно связана с развитием Бизерты, европейской части которой не было в те времена. Большая часть французского населения состояла из военного гарнизона, который возобновлялся каждые два или четыре года. Но было также много штатского населения: чиновников, докторов, фармацевтов, мелких коммерсантов... Все они обосновались «на веки вечные», все видели будущее семьи в стране Тунис. Русские тоже внесли свою долю в развитие города. Культурный уровень этой эмиграции, ее профессиональная добросовестность, умение довольствоваться скромными условиями, все это было оценено окружающим ее разнородным обществом. Эти качества первой русской эмиграции объясняют ее популярность у обездоленных классов тунисской деревни, где русские работали землемерами или надзирателями. Слово «русси» не было обидой на устах мусульманина, но скорей рекомендацией. Много лет спустя уже в независимом Тунисе президент Бургиба, обращаясь к представителю русской колонии, сказал, что она всегда может рассчитывать на его особую поддержку.

В Бизерте в конце 20-х годов русские не считались иностранцами. Их можно было встретить везде: на общественных работах и в морском ведомстве, в аптеке, в кондитерских, кассирами и счетоводами в бюро. На электрической станции было несколько рус-

ских. Когда случалось, что свет гас, всегда кто-нибудь говорил: «Ну что делает Купреев?» Ольга Рудольфовна Гутан сидела за кассой большого магазина «Венецианский Карнавал». Одна дама, не помню ее имени, проверяла билеты в кинематографе «Гарибальди» и давала нам с Валей время от времени по билету. Мы ходили на первый сеанс в воскресенье, и, так как мы отождествлялись в персонажах, фильм делался для нас сказочным приключением. В «Атлантиде» для нас не было подходящих героев, но в «Фанфан-тюльпане» Валя была веселой невестой Фанфана, а я переживала трагические события в лице маркизы — я была мадам Фавар.

Это были годы Рудольфо Валентино. И он играл Дубровского! Помню, как мне хотелось идти смотреть картину второй раз, так мне нравился Валентино, в блистательной форме при дворе Екатерины Второй! Мама огорчалась моим желанием смотреть два раза подряд «такую чушь». Она была возмущена «таким неуважением» к произведению Пушкина. Я тоже понимала, что это не полагается, но Валентино все можно было простить! Мама бы согласилась, если бы она только его увидела. Но мама в кинематограф никогда не ходила; работа оставляла ей очень мало свободного времени, но она никогда не переставала читать. Новых русских книг больше не было. Не владея свободно французским языком, она все же принялась за французские книги. Тремя первыми, говорила она, трудно было овладеть, но последующие она читала, уже не задумываясь на каком языке они написаны.

К счастью, с некоторых пор она уже не работала по хозяйству. Моя преподавательница математики, мадам Дотри, искала русскую даму, чтобы смотреть за новорожденным ребенком. Люи был тихим мальчиком и очень привязался к маме. По просьбе родителей она говорила с ним по-русски, и вскоре он говорил на двух языках, прекрасно зная, на каком языке он должен к каждому обращаться. В конце 20-х годов большинство русских дам смотрели за детьми или прирабатывали дома, вышивая мережки.

Мария Аполлоновна Кульстрем, вдова бывшего градоначальника Севастополя, ходила по домам штопать белье. Все ее дни были разобраны между французскими видными семьями города:Ануй, Лямбло, Февр-Шалон... Всегда очень строго одетая, черная бархотка вокруг шеи, сложная прическа не без помощи искусственных добавлений, очень точная, она усаживалась перед работой, не теряя ни минуты. Она пользовалась у всех большим уважением.

Конечно, все эти работы очень скромно оплачивались. Музыканты зарабатывали много лучше. Кто из бизертской молодежи этих годов не брал уроков музыки у русского преподавателя?! Я знала только одну француженку, мадам Бониар, которая давала уроки пианино. Фамилия мадам Плото, дочери генерала Кульстрема, живет еще в памяти. Худенькая и слабенькая на вид, она обладала исключительной энергией. Чтобы воспитать двух детей,

она давала до 17 получасов уроков пианино. Каждый вечер и даже в воскресенье она играла в оркестре в кинотеатре. Тогда еще не было говорящих картин. В антрактах она засыпала на несколько минут на коврике за занавесью. Веревочка, привязанная к щиколотке, давала возможность Петру Леонидовичу Афанасьеву, игравшему на скрипке, ее будить, если, задерживаясь на тремоло, она засыпала над клавиатурой. Ей случалось об этом рассказывать со смехом много позже. Музыканты играли также по ночам на балах. В этом гарнизонном городе балы давались часто: бал преподавателей, бал бывших комбатантов, бал почтовых чиновников ..

Музыкантам работы хватало так же, как и зубным врачам. Самыми известными в городе были С.И. Запольская и Е.Н. Хомиченко. Клиенты могли выбирать между двумя. Серафима Ивановна Запольская — дельная, точная, в строго обставленном кабинете, без снисхождения к самой себе, была также мало снисходительна к клиентам.

Елена Николаевна Хомиченко — так называемая «Леночка» — принадлежала к семье Поповых, единственной между нами имеющей валюту и драгоценности, которые они смогли каким-то чудом привезти из России в туго набитых чемоданах. Из принципа ничего не выбрасывалось. Таким образом, зубной кабинет был скопищем разнообразного хлама. На столике — подвенечная фотография «Леночки», в длинном платье с треном и венком из «fleurs d`oranger». На полочках подарки благодарных пациентов покрывались пылью. Занимаясь больным зубом, «Леночка» рассказывала совсем не относящиеся к делу истории, но умела остановиться вовремя и выбрать надлежащий момент. У нее была легкая рука, и ее поцелуи скорей успокаивали пациента, который никогда не доверится зубному врачу без внутреннего страха.

Таким образом, каждая из врачих имела свою клиентуру, что позволяло им жить гораздо богаче, чем окружающая их русская среда.

Семья инженера-механика, генерала Попова, вероятно, под влиянием генеральши Валентины Павловны Поповой, претендовала более или менее открыто на представительство русской колонии в Бизерте. У них была возможность принимать визитеров, что позволяло им отвечать на официальные приглашения. Многие об этом сожалели, считая, что Поповы не представляли нашу колонию в лучшем освещении. Как бы то ни было, они старались собрать всех русских в праздничные дни. Не пойти к ним — было бы незаслуженным оскорблением, так как вреда они никому не приносили и скорее приходили на помощь, хотя и очень осторожно. В результате на их приемах было всегда много народа, но публика была очень разнообразная. Собирались группами, размещались по возможности, пили чай, ели «понемножку» всего. Программа была известна годами: пели хором и Алмазов читал стихи... Была и проза; помню, что «Могилу Евгения Базарова» он читал с «душой».

Совсем другим был прием у Марии Аполлоновны Кульстрем. В день Марии Египетской она принимала только друзей в маленькой квартире над магазином Феликс Потен. Прекрасная хозяйка, она умела принять каждого, как самого почетного гостя. Смотря на ее простоту и заботу, невольно думалось о приеме в Севастополе Государя Николая II.

Супруга градоначальника, она сидела около императора, который обратился к ней по имени-отчеству: Мария Аполлоновна. У него была исключительная память. В тот день она принимала императора. Теперь она принимала нас все с тем же желанием угодить приглашенным.

Вера Евгеньевна Зеленая жила в мансардной комнате на террасе большого дома в центре города. Входя в ее одинокую комнатушку, гость попадал, совершенно неожиданно, в теплую, уютную обстановку. Все напоминало далекое прошлое. Портрет стройной, небольшого роста девушки — это она в Милане. Портрет человека в офицерской белой морской форме — это ее муж, пропавший без вести. Как переживала она свое одиночество на пороге старости, на этой высокой террасе, открытой зимним ветрам! Днем ее можно было не узнать: жалкая, на искривленных ногах фигура, сгорбленная под тяжестью корзинок, набитых «русским печеньем», которое она продавала, разнося по клиентам.

В день святой Ольги, святой Веры мы ходили поздравлять Ольгу Рудольфовну Гутан и ее маму Веру Августовну. У них бывали только друзья. У них тоже все напоминало прошлое. Вера Августовна была сестрой адмирала Эбергардта, который командовал в мировую войну Черноморским Флотом. Она тоже принимала когда-то в Морском Дворце в Севастополе...

Теперь жизнь ее сводилась к двум маленьким комнатам, окна которых выходили в сад монастыря. Она выходила только, чтобы покормить у подножия лестницы кошек, с которыми она говорила по-французски, потому что это были «французские кошки». Мы виделись каждый день, так как дом, в котором жили дамы Гутан, стоял против нашего.

Память о прошлом бережно хранилась, но никто не жаловался и не роптал. Мы жили в таких повседневных заботах, что для бесплотных сожалений не оставалось места. Русская пословица гласит, что, «потерявши голову, по волосам не плачут». Много позже я узнала, что у Веры Августовны самый молодой из сыновей остался в России. О нем она ничего не знала. Был ли он еще жив?

Как безразлично казалось все остальное!

* * *

Мы регулярно получали новости из Югославии. Бабушка с Анной Георгиевной жили теперь в Дубровнике. Они получали маленькую пенсию, вероятно, очень недостаточную, так как им пришлось продать американцам портрет Александра II с собствен-

норучной подписью; ту фотографию, которая нас чуть не погубила при одном из обысков в Рубежном.

Мама старалась, как могла, им помочь, когда случилось совсем неожиданное событие: ее тетя Екатерина Фарке, которая была замужем за австрийцем и не все потеряла в России, оставила ей небольшое наследство. Бабушка снова ожила. Ее письма были полны проектов, один не реальнее другого, с далекими юношескими отголосками Смольного. Помню, что она мечтала построить на берегу Адриатического моря «Павильон искусств» Мы получили посылки: тонкое белье по моде XIX века, серебряные столовые ложки с инициалами «E.F.», золотые часы для Шуры — бабушкиной крестницы. Часы были с императорским гербом — это царский подарок, полученный бабой Муней. Конечно бабушка поехала в Париж, где с некоторых пор жили ее два сына — Ника и Иосиф. Ее встречали с цветами. Дамы, мужья которых служили под командой генерала Кононовича, ждали ее на вокзале. Она встретила много знакомых в гвардейских кругах.

Кажется, очень скоро от наследства ничего не осталось! Но тогда произошло другое неожиданное событие. Мы узнали, что сорок лет тому назад молодая Анастасия Александровна Насветевич встретила на выпускном балу Смольного молодого офицера и что жизнь ее могла сложиться по-другому. Почему осталась эта встреча только нежным воспоминанием? Как встретились они теперь? Далеко от Смольного, далеко от полно прожитой жизни, оба одинокие, они нашли в этой встрече обоюдное утешение. Так бабушка вышла замуж за Димитрия Розалион-Сошальского.

* * *

В 1928 году я смогла «попутешествовать». Я поехала в Тунис!

Уже восемь лет, что мы жили в Бизерте, у нас не было возможности никуда двинуться. Невероятно, когда думаешь о беспредельных пространствах, которые мы исколесили в моем детстве в России. Я поехала к Татьяне Степановне Ланге, которую не видела с того незабываемого дня, когда на Рождество она повезла меня на елку. Уже несколько лет, как ее муж Александр Карлович работал шофером в Тунисе у директора лесного склада «Morel et Livet» (Морель и Ливе). Он иногда заходил к нам, когда возил своего патрона в Бизерту. В начале лета 1928 года я уехала с ним в Тунис по приглашению Татьяны Степановны провести у них месяц.

Каким веселым городом был Тунис в конце 20-х годов! И не надо думать, что это мое старческое воображение в поисках моих шестнадцати лет!

Автомобиль уничтожил толпу. Для пешеходов город жил в коммерческих и заселенных кварталах, в прогулках под фикусами, на террасах кафе и кондитерских: «Ля Руаяль», «У негров», «Кафе де Пари», где назначались встречи, или у «Шилинга» на площади Пастер. Старые тунисцы подтвердят, что площадь Хальфауин никогда после войны не обрела того веселья, которое царило в те года, даже в месяц Рамадана

Я провела благодаря Татьяне Степановне очень веселые каникулы. Она меня хотела побаловать, и для меня все было ново и, следовательно, полно интереса.

Ланге жили в маленькой квартире из трех комнат на улице Каира, 15, совсем близко к центру города, тогдашней авеню Жюль Фери. Татьяна Степановна превратила квартиру в модный салон. Ее карьера модистки началась очень скромно: не имея денег чтобы купить себе шляпу — тогда все носили шляпы, — она сама сшила себе из материи головной убор, потом подарила шляпку подруге, потом подругам подруги... Так зародилась ее слава модистки. Скопив необходимую для путешествия сумму, она поехала в Париж и прошла специальные курсы. Теперь известная модистка, она делала шляпы для мадам Люсьен Сен и для дам Генеральной резиденции. Ночью я спала в узкой комнатке, где днем примеряли шляпы. В довольно просторном ателье, столовой — днем, спальной — ночью, было всегда много народа: две или три русские дамы, склонившиеся над шитьем, но также неожиданные визитеры, которые устраивались на заваленном кусками материи диване в ожидании чая. В третьей комнате жила старая Ксения Ивановна, которую я хорошо знала по «Георгию», вернее хорошо знала ее худую фигуру, которая, как тень, мимоходом проскальзывала по Церковной палубе, как бы боясь, чтобы ктонибудь с ней не заговорил. Очень редко выходила она из своей каюты с нотами в руке, направляясь в Адмиральское помещение, где она играла на пианино в часы, когда зала была пустая. Только десятками лет позже узнала я, что ее младший сын Владимир был убит в начале революции во время массовых убийств офицеров на Балтике, и я вспомнила тот далекий вечер в Ревеле, когда Александр Карлович ждал у нас новостей о брате. Как могла посмертная фотография мученика попасть в руки матери? Часами Ксения Ивановна неподвижно сидела с фотографией в руках. И однажды фотография исчезла. В маленькой квартире в Тунисе ей труднее было уединиться. Всегда прямая, всегда в черном, она много курила и говорила очень мало. Ее отчужденность тем более поражала, что ее невестка была центром деятельной жизни, которая кипела вокруг нее. Личное обаяние Татьяны Степановны? Она любила понравиться и умела нравиться, несмотря на то, что ее облик совсем не соответствовал моде тех лет. Я никогда ее не видела с глубоким декольте, ни с голыми руками, она даже не отстригла волосы. Похудеть она тоже не стремилась и скорее умела выбирать со вкусом то, что ей шло. Ее обаяние заключалось в ее манере быть самой собою: выразительное лицо, прямой взгляд, она привлекала с первого взгляда. Она умела принять посетителя. У нее было всегда много народа, и ей приходилось работать по ночам, так как дня ей не хватало. Чтобы не беспокоиться, она не носила часов и жила в полном неведении вре-

мени. Торопиться она тоже не любила. Когда она просила подождать ее «немножко», нельзя было удержаться от улыбки. Но она умела быть точной, если это касалось расписания церковных служб. Мы ходили на всенощную в субботу и на литургию в воскресенье утром. Был в Тунисе на улице Селиэ, №60 большой арабский дом, многочисленные комнаты которого выходили на внутренний двор. Отец Константин Михайловский со своей многочисленной семьей занимал несколько комнат, все остальные были сданы русским жильцам. В самой большой из комнат находился алтарь. Когда места не хватало, люди молились во дворе. Духовная жизнь русской колонии оставалась долго связана с этим кварталом Туниса Отец Константин олицетворял с большим достоинством моральные ценности русского православия, и матушка была ему доброй и разумной помощницей. Русскую церковь на авеню Мухамеда V построили только в 50-е годы. Большинство русских, прибывших с эскадрой, устроились в самом городе Тунис или в его окрестностях. В церкви я встречала много знакомых лиц с «Георгия». Иногда по воскресеньям мы ездили на пляж. Мы садились на маленький поезд: Тунис — Гулет — Марса и высаживались в Амилькаре. Счастливая эпоха, когда возможно устраивать пикник в Амилькаре! Море было чистое, пляж пустынный. Мы могли смеяться и петь, никому не мешая. Число моего возвращения домой приближалось, и я старалась уговорить Татьяну Степановну поехать со мной на несколько дней в Бизерту. Мне ни на секунду не приходила мысль, что у нас не было ни одного свободного угла, чтобы ее приютить! Она обещала приехать на мой день рождения. Они приехали с Александром Карловичем на целый день. Знаю еще, что это была среда. Один из молодых людей прислал из Туниса поздравительную открытку:

В Бизерту, в среду, к чему лукавить,
Я не приеду, чтоб Вас поздравить.

Среда, 5 сентября 1928 года. Мне 16 лет.

Среди подарков — маленький флакон духов «Quelgues Fleurs», которые по традиции можно дарить барышне. До 16 лет душиться не полагалось.

* * *

Учебный 1928 /29 год начался 1 октября. Я готовилась к дипломному экзамену. Никогда я так много не занималась: все предметы сдавались письменно и устно, программы были перегружены и вопросы могли затрагивать три последних года. Экзамен держали в городе Тунис, в школе Поль Камбон. По оценкам я оказалась первой, а второй была моя подруга Эма Ситбон. Бизерта заняла первое место, и наши учителя были в почете. Они действительно были хорошие, школа все еще называлась Лякор, но директриса была уже новая.

Мадам Лякор с нами распрощалась в 1927 году. В последний день, после прощальной речи, она сказала несколько слов каждой из нас. Не помню дословно, как она выразилась, обращаясь ко мне, но речь шла о качествах ума и качествах сердца, которые всегда должны быть тесно связанными. Мне почему-то показалось, что она беспокоится насчет «сердечных качеств». Неприятная мысль: «Неужели так очевидно, что у меня их не хватает?» Новая директриса преподавала нам французский язык и литературу. С первого же урока мы стали свидетелями исключительной методики преподавания исключительно одаренного преподавателя. Прошло больше половины века, но я все еще под очарованием того необыкновенного урока. Фраза открывалась как цветок, где каждое слово в общей гармонии имело свой контур, свой цвет и свой запах. Мы были еще под обаянием прочитанного, когда, закрыв книгу, она потребовала, чтобы мы воспроизвели текст по памяти и без орфографических ошибок. К нашему большому удивлению, нам это удалось. Надо сказать, невыполнившие задания были так строго наказаны, что на следующих уроках слушали гораздо внимательнее. Для нашей группы 1930 год был последним годом в школе Лякор. Мы расставались навсегда. И сейчас в моей памяти встают, казалось бы, давно забытые лица с неожиданной живостью.

Ивет Жанти, умная, очень решительная, была очень хорошей ученицей. В течение нескольких лет мы возвращались из школы одной дорогой. Я останавливалась на улице Табарка, она продолжала путь на Матер. У Ивет был очень хороший голос. Она мечтала уехать во Францию и поступить в консерваторию.

Ивон Кузанса и я занимались вместе по четвергам — четверг был свободный от школы день. В их темноватой, но теплой квартире на улице Тунис мы все послеобеденное время решали задачи под благожелательным взором мамаши Кузанса. В 4 часа она приносила нам горячий шоколад с огромными ломтями хлеба с маслом, которые она отрезала от круглого, еще горячего хлеба. Я также дружила с Жозефиной Вив. Ее отец был военный, и они жили в казенной квартире над «Испанским Фортом». Мы проходили вдоль Старого порта, входили в Казбу и поднимались на городской вал. Кто мог бы подумать, что за этой зубчатой стеной находится просторный сад и уютный дом? Но настал день, когда Жозефина не пришла в школу. Она вообще перестала приходить. Она перестала учиться, она перестала говорить... Она ушла кудато далеко! Я знала ее разумной, милой. Что с ней случилось? Какого недуга стала она невинной жертвой?

* * *

Мне было семнадцать лет, когда я начала давать частные уроки. Моей первой ученицей в Бизерте стала Марсель Гэона, родители которой держали «Большой Ориент-Отель». Я приходила к ним под вечер, после школы, чтобы заниматься с одиннадцати-

летней девочкой. Надо было пересечь большой зал, где всегда бездельничало несколько матросов, потом внутренний двор, в глубине которого находилась их частная квартира на отлете от шумной жизни кафе, что позволяло ребенку жить своей прилежной жизнью. Видно было, что родители об этом беспокоились.

Евгения Сергеевна Плото приходила давать уроки музыки и нас всегда принимали с какой-то невысказанной благодарностью Марсель была очень старательной и послушной девочкой, и если я на нее иногда и сердилась, то только моя неопытность тому виной. Во время урока мне приносили большой стакан «Сар а` l'eau», что мне очень нравилось, хотя обыкновенно я никогда не пью спиртного. Очень скоро я приобрела других учеников; многие, переходя в следующий класс, просили меня продолжать следить за их учением. Так, постепенно, переходя с ними из класса в класс, я осваивалась со своей профессией. Много лет спустя, после инспекции в лицее, инспектор написал про меня в своем рапорте, что как «врожденный педагог», я обладаю «большим опытом». Этот опыт был, конечно, приобретен годами практики и, главным образом, тем, что поначалу я сама была в одно и то же время ученицей и преподавательницей. Я знала по собственному опыту, где находится затруднение. В течение долгих лет очень много учеников пройдут через мои руки.

Бизертяне хорошо знают мой адрес, и бывшие ученики посылали мне своих детей на учебу. Так, тридцать лет после начала моей карьеры с маленькой Марсель, я следила за занятиями ее сына и ее дочери. Часто их приводила ко мне бабушка. Озабоченная их успехами, она знала их отметки, говорила о латинских переводах, сокрушалась о неудачах. Ее праправнуки, которые живут теперь во Франции в благоприятных культурных условиях, знают ли они, что многим обязаны упорству небольшой, скромной женщины без большого образования, любовь и вера в будущее которой никогда ей не изменили.

Так, в 17 лет я начала немного подрабатывать. Я сама покупала книги, одевалась и даже начала собирать деньги, чтобы продолжать учиться в Европе. В те годы в Тунисе не было высшего образования. Зажиточные родители посылали детей учиться во Францию или Италию. Мне казалось очевидным, что в нужный момент я найду возможность поступить в университет. Но до этого надо было выдержать экзамен на аттестат зрелости в колледже «Стефен Пишон», директором которого был Фредерик Сенат. Учитывая хорошие результаты экзаменов по окончании школы Ля-кор, меня приняли в предпоследний класс колледжа.

* * *

Два года, проведенные мною в колледже, потребовали гораздо меньше усилий, чем я ожидала. Девочек было мало, и они держались в стороне от мальчиков, как это требовало в 30-е годы хорошее воспитание. Для меня, выросшей на свободе, это было

ново. Очень быстро я подружилась и с одними и с другими, и это было принято как нечто нормальное — никто не знал, что можно ожидать от русских. Даже в окружении мадемуазель Роза, сестры директора, царившей над бельевой для пансионеров, где языки не умолкали, было только замечено без комментариев, что Роджер Казмажор всегда недалеко от маленькой русской. Что касается нашей дружбы с Жоржем Янцевичем, то все считали ее нормальной, так как мы оба были русскими Мадемуазель Роза была обездоленное существо. Коротышка, полная, с резкими манерами, она хотела знать все, что происходит в колледже и не отдавала себе отчет, что ученики, чтобы над ней посмеяться, рассказывали ей самые невероятные истории. Надо заметить, что сплетни касались больше учительского персонала. Наш преподаватель математики был очень интересный мужчина, и, конечно, ему неизбежно приписывались различные авантюры. Он только начинал преподавать, но мог уже гордиться успехами своих учеников; его отношения с коллегами, к сожалению, носили характер нетерпимости. Учитель истории и географии Боньяр преподавал также немецкий язык: нас было очень мало, так как большинство выбирало английский первым языком К сожалению, русский можно было держать только вторым языком. Мы учили с Жоржем биографии русских писателей, которые наши мамы для нас готовили. Роджер, который свободно говорил на арабском диалекте, учил, что было тогда редко, арабский литературный язык. Это ему помогло в его будущей дипломатической карьере. Его семья жила в Бежа, когда он чувствовал себя одиноким, то заходил к нам Был всегда чай, иногда хлеб с маслом-сыром. Мы ходили с ним на лекции в кинематограф «Ампир», где выступали иногда известные писатели. Так, один раз мы слушали Клода Фарера. В классе он никогда не садился далеко, как бы желая дать понять, что я всегда могу на него рассчитывать — что я и делала! Когда я что-нибудь пропускала или забывала, я могла спросить у Роджера и была уверена, что получу ответ. Каждый раз, когда я вспоминаю Роджера нашей юности, передо мной встает, совершенно необъяснимо, увлекательный образ «Большого Мольна». Роджер такой уравновешенный, Роджер верный товарищ, на которого все друзья могли положиться, что было у него общего с героем Алэна Фурнье? Я не ищу объяснений! Я вижу чистое лицо юности, обоюдное доверие, пути, которые расходятся, дороги, которые, казалось, никуда не ведут... и все же приведут к боли и смерти. Но тогда еще все казалось возможным... Надо было только выдержать на степень бакалавра! Экзамен держали в городе Тунис в середине июня. С семи часов утра кандидаты с надлежащими бумагами собирались перед лицеем Карно, улица Сент Шарль. Я приехала накануне с Жоржем. Мы остановились у его отца в Монфлери. Чувствуя, что у меня много пробелов, я старалась до последней минуты их пополнить, в то время как Жорж придерживался принципа «отдых перед усилием» Он даже, чтобы позво-

лить мне повторять, выгладил мою новую кофточку, синюю с красными горошками, предназначенную для этого дня.

Лицей Карно был в те времена единственным центром на всю страну, где сдавали экзамены на степень бакалавра. Перед входом царило необычайное оживление: кандидаты, инспектора, приехавшие из Алжира экзаменаторы и, конечно, администрация лицея. Организация была безупречной. Каждый кандидат мог без труда найти свой зал и свое место за столиком. Два надзирателя на класс: один впереди, другой сзади. В 8 утра принесли большой конверт с запечатанными сюжетами. Каждый кандидат с бьющимся сердцем ждал решающий момент: три сюжета на выбор.

С тех пор прошло много лет и было много других испытаний, но если мне случается видеть во сне, что я стою перед экзаменатором, то это всегда экзамен на степень бакалавра.

Помню мое отчаяние, когда я поняла, что неправильно решила задачу по математике. Мне казалось, что все потеряно и что нечего продолжать. В глубине души я знала, что это глупо, но я все же позволила Роджеру меня уговорить вернуться на следующий день. На трамвае мы объехали несколько раз вокруг Туниса к большому удивлению контролера. На другой день все пошло гораздо лучше. На физике, как я и хотела, вопрос был по оптике, а задача по электричеству. По французскому сюжет из Мольера... На сердце полегчало, и я уже спокойно ждала результатов. Все трое, мы выдержали письменные экзамены. Устных я не боялась, хотя и знала, что у меня есть пробелы. Мне нравилась эта, несколько лотерейная атмосфера, результаты которой зависели отчасти от меня самой. Можно было выбрать порядок испытаний и даже экзаменатора. «Атмосфера рассчитанного риска». Помню еще, как я долго ждала в зале физики-химии, чтобы прошли несколько кандидатов, которым профессор ставил вопросы из программы предыдущего класса, который я пропустила. Я подошла к нему, когда решила, что пришло время перейти на программу этого года. Я не ошиблась!

— Что вы знаете о телескопе?

Уф! А экзамен по русскому языку! Я могла говорить и говорить и остановилась только потому, что поняла, что экзаменатору трудно за мной уследить. Он поставил высший балл и Жоржу и мне. Он чистосердечно признался комиссии, что мы знаем русский язык лучше, чем он. Но самый любопытный случай произошел с экзаменатором по математике. Войдя в залу, где несколько кандидатов ждали своей очереди, я почувствовала сразу, что происходит что-то необычайное. У доски ученица молча писала под внимательным взглядом пожилого господина, сидящего рядом, в то время, как в глубине класса какой-то молодой человек громко диктовал кандидатке то, что она должна писать. Объяснялось все очень просто. Пожилой господин экзаменатор, профессор Карюс из Алжира, был абсолютно глухой. Молодой человек, который

диктовал решения, был студент специальных математических классов, и он диктовал только девушкам. Когда очередь дошла до меня, он не дал мне ни секунды раздумья: «Очертите круг! Поставьте точку вне круга! Нет, дальше!..». Формулы следовали с быстротой, которая могла бы удивить Карюса. Он действительно был поражен: «Мадемуазель, я буду вас защищать перед жюри!» «Браво!» — сказал мне кто-то. Это был председатель жюри!

Для нас с Роджером все кончилось благополучно, но процент выдержавших был небольшой.

В следующем году в Бизерте нас было только одиннадцать человек в выпускном классе. Некоторые, как Роджер и Жорж, уехали в Тунис в лицей Карно. Я никогда больше не видела Али Бен Салема, который потом и станет художником.

Большая фотография выпуска 1932 года колледжа Стефен Пишон. Угол двора, белые четырехугольные столбы, узкие и глубокие проемы дверей, ничего не изменилось. Только дерево было тоньше и листва реже, чем теперь. Но что общего между этими молодыми людьми и девушками, готовящимися к экзаменам на аттестат зрелости, и старыми людьми, которыми мы стали?

Если каким-нибудь чудом эти одиннадцать кандидатов собрались бы теперь на общую фотографию, признали ли бы они друг друга?

Я жалею, что на фотографии нет нашего преподавателя философии Фожера. Он занимался с нами, не считая ни времени, ни усилий. В то время он был еще молодоженом и в конце урока мы замечали, что он бросал быстрый взгляд в окно, чтобы удостовериться, что жена его ждет. Она часто приходила за ним, и они удалялись рука об руку, и чувствовалось, несмотря на шумную толпу, как они счастливы просто быть вместе.

* * *

В 30-е годы русская колония совсем обжилась. Одной из причин ее культурного равновесия были музыкальные возможности, создавшиеся между беженцами и музыкальными кругами французского, арабского и итальянского населения. Иногда шутили: «Два англичанина — футбол. Два немца — две кружки пива. Два русских — хор».

Русский музыкальный центр начал свое скромное существование в русском кооперативе в Медине, недалеко от Порт де Франс, на узкой улочке Эль-Карамед в Тунисе. Кооператив занимал подвал двухэтажного дома, и через его затянутые сеткой окна виднелись только ноги прохожих и любопытные глаза ребят.

С утра русские толпились в поисках работы; специальное бюро канализировало спрос и предложения на работу. В то же время здесь можно было выпить чаю, позавтракать и пообедать. А главное, каждый русский не чувствовал себя здесь чужим.

Музыкальная жизнь центра началась в один прекрасный день весной 1921 года: в тот день в кооперативе появилось пианино и

мадам Бестержитская торжественно сыграла «Осеннюю песнь» Чайковского. Пианино, взятое напрокат, подняло дух не только у безработных и обездоленных. Все приободрились. Между беженцами оказалось много талантов, и очень скоро организовались музыкальные вечера. По субботам в столовой кооператива выступали певцы, пианисты, гитаристы, балалаечники...

Мадам Зимборская пела выразительным «меццо» под аккомпанемент Брике, пианиста и композитора. Его танго «Черная лилия» производило фурор.

Все, что играл полковник Эрдели, носило трагический оттенок и глубоко потрясало публику. Мадам Бугаева имела более скромный, но очень приятный голос и пела под аккомпанемент гитары. Мартино вносил долю веселья, рассказывая анекдоты и разыгрывая сценки. Артисты превосходили самих себя, и в общем порыве вечер заканчивался грандиозным хором, который, случалось, выливался на улицу, к радости или удивлению прохожих. Даже французская полиция, редкая в этот час, не протестовала, понимая, что надо как-то считаться с этой неизвестной, прекрасной и безобидной силой. В 1922 году большинство русских в городе Тунис нашли работу и кооператив прекратил свое существование. Между тем сформировался «Союз русских ветеранов» и был открыт первый Русский клуб. Вечера по субботам возобновились. В это же время мадам Стародубская дала концерт цыганских песен в зале Данте Алигиери. Ее успех послужил началу русско-итальянской дружбы.

В том же зале Данте Алигиери русский хор под управлением Шадрина дал свой первый концерт 23 февраля 1929 года. Иван Михайлович Шадрин, лауреат Санкт-Петербургской консерватории, регент Императорской капеллы, создал хор в сорок человек, репетиции которого происходили на террасе здания «Депэт Тюнизиен», благодаря протекции музыкального критика Лека, очень интересующегося русской музыкой. Первая часть концерта состояла из религиозной музыки: Бортнянский, Архангельский, Львов; вторая часть — светская музыка с участием солистов. Успех был большой, и зал не мог вместить всех желающих. Через пятнадцать дней второй концерт, и мест снова не хватало. Ободренный успехом и хвалебными отзывами, хор предпринял путешествие по стране и дал концерты в Сфаксе, Сусе и Бизерте.

В Сусе русские Иностранного легиона устроили шумную овацию своим соотечественникам, и особый успех имели, как всегда, цыганские романсы в исполнении мадам Мартино под аккомпанемент гитар.

К тому времени Русский клуб уже находился в центре арабской части города, в большом доме Хабус Бакуша. По вечерам в субботу всегда было много людей самых разных национальностей. Приезд из Ливии итальянского тенора Серафино Презути, музыкально высокообразованного, возбудил интерес к итальянской музыке.

Слепой, с обожженными руками, Презути не прекратил своей музыкальной деятельности благодаря поддержке своего аккомпаниатора — мальтийца.

Все знали, что Презути потерял зрение, спасая на пожаре своего брата.

В Бизерте мы не имели возможности участвовать в оживленной культурной жизни Туниса. Но, несмотря на трудности, мама все сделала, чтобы повезти меня на бал, который раз в год давался «Союзом русских ветеранов» в прекрасном помещении «Сосьете Франсез» и считался светским событием у элегантной публики столицы. Представители бея и Главного резидента всегда здесь присутствовали. Бал оправдал надежды. Танцы и музыка хранили еще блеск прошедших времен. Русские женщины, еще молодые, уже не были больше прислугами, продавщицами, сиделками; они снова обрели неожиданную грацию в порыве мазурки и в вихре вальса.

Буфет с водкой и закусками притягивал всех мужчин, русских и не русских. Недавно обосновавшиеся в Тунисе Футлин и Дебольская давали короткий спектакль классических танцев. Балетная школа, которую они открыли в центре Туниса на авеню Жиль Фери, теперешней Авеню Бургиба, просуществовала более полувека.

В начале 30-х годов мама занималась детьми Де Моркур, Ги и Люси, отец которых командовал военными авиационными базами Сиди Ахмед и Каруба. Их мать, русского происхождения, была двоюродной сестрой Сергея Терещенко, который служил в Крыму у папы на «Жарком».

Мария Александровна де Моркур приняла деятельное участие в моих приготовлениях к балу. Она подарила мне атласные туфельки, розу из бархата и тонкие шелковые чулки. По модели, которую она нам одолжила, мама сшила мне белое платье из креп-жоржета. Я много танцевала, встретила старых друзей, завела новые знакомства.

1932 год казался полным обещаний. Когда я вспоминаю Бизерту начала 30-х годов, передо мной встают картины бизертского лета. Жаркого лета! Сирокко дул часто девять дней и девять ночей. Люди не могли спать и бродили по улицам в поисках воздуха. Французским чиновникам каждые два года оплачивалось путешествие во Францию. Колонисты, когда не могли поехать на воды в Виши, снимали дачу у берега моря.

Жара или нет, молодежь любила выходить на улицы по вечерам. Ходили к морю, ходили слушать оркестр Мартини в «Гран кафе риш». Столики стояли на тротуарах, по двум сторонам улицы, но мест всегда не хватало.

Валя вернулась из Польши, и ее папа нас часто выводил по вечерам. Кончалось всегда посещением «Гран кафе риш». Марио Мартини, первая скрипка, исполнял по заказу публики излюбленные напевы. Дамы заказывали Дебюсси, «Девушку с льняны-

ми волосами». Мы предпочитали танго «Но те кьеро мас» или «Кумпарсита».

Иногда ходили вечером в кинематограф, в саду «Гарибальди». Рядом уже несколько лет доктор Пагано строил новый кинотеатр «Казино». Он работал один, иногда брал рабочего, и конечно все длилось годами. Лето 1931 года было для меня особенно занятным.

Евгения Сергеевна Плото поместила своих детей в летнюю колонию во Франции, и чтобы оплатить их пребывание, взялась сама в ней работать. Чтобы она не потеряла своего места в кинематографе «Ампир», я заменила ее у пианино. Я предпочитаю не думать о том, как это у меня выходило. Во-первых, я играла очень посредственно, а во-вторых, чтобы аккомпанировать в кинематографе «безмолвных разговоров», требовался большой опыт. По понедельникам программа была новая, и приходилось заранее подбирать разные партитуры. Слава Богу, скрипач П.Л. Афанасьев и виолончелист Гуарино были ко мне полны снисхождения. Что касается публики, то, к счастью, она больше интересовалась самой картиной. По воскресеньям приходилось играть почти целый день, и я удивлялась, что люди могут проводить время в закрытом, темном зале, когда пляж и море так близко. Вероятно, с тех пор осталась у меня нелюбовь к кинематографу.

Одновременно я продолжала давать частные уроки, иногда меня подменяли мои товарищи. Валя всегда меня ждала. Она проводила больше времени у нас, чем в своей хотя и удобной, но пустой квартире, которую Иван Сергеевич снял к ее возвращению. Два молодых лейтенанта, Ги де Ливуа и Андре Детрэ, были верными членами нашей группы. Очень веселый Андре писал стихи, которые он преподносил девушкам. До сих пор у меня хранится «Корзина цветов»!.. Цветы — это, конечно, мы. Барон де Ливуа был более сдержан и, вероятно, застенчив. Легкое недоразумение отметило нашу первую встречу. Один из них, вероятно экспансивный Детрэ, попытался опустить мою голову под воду, «чтобы я выпила чашку» — выражение, которое мне очень не нравилось... Пить соленую воду было мне не по вкусу, да и такое обращение совсем не соответствовало тем правилам вежливости, которым подчинялись все герои моих излюбленных книг. Им, очевидно, эти герои также не были чужды. Очень скоро они пришли просить извинения и не сердиться... «в будущем, когда надо, они сумеют носить белые перчатки». Мы стали прекрасными друзьями. Детрэ и де Ливуа приходили к нам пить чай с хлебом-маслом-сыром.

Отбыв воинскую повинность, они уехали во Францию. Мы расстались не без грусти. В 1932 году самый близкий французский университет был Алжирский. Надо было думать о высшем образовании вне Туниса. Но какой факультет выбрать? Мне все хотелось изучать... все, за исключением медицины. Как я жалела, что не знала латыни и греческого. Их знание требовалось для изучения

языков и даже истории. Я думала о деде Манштейне; после революции никто больше не изучал древние языки.

— Латынь? К чему она?

— История? Народу истории не надо! — говорил Ленин.

Все мои товарищи строили планы на будущее.

Не имея французского гражданства, я была лишена многих возможностей. Франция оплачивала образование своим будущим чиновникам — это вполне нормально. Никто не мешал мне просить французского гражданства; я была свободна в выборе. Я этого не сделала...

Французские власти в Тунисе принимали меры, чтобы увеличить число своих граждан в стране. Мусульмане, берущие французский паспорт, пользовались большими привилегиями, в то время как другие не могли получить работу в собственной стране. Например, Бен Сальха, окончив Горный институт во Франции, нашел в Тунисе все двери закрытыми, и в государственных, и в частных предприятиях. Ему пришлось искать работу в Экваториальной Африке, где он и умер от желтой лихорадки. Можно найти множество таких примеров в самых различных отраслях. Конечно, эти вопросы гражданства были тесно связаны с политическим положением в трудные годы, предшествовавшие независимости Туниса. Особая политика применялась и к итальянцам. Если в конце XIX столетия на несколько десятков итальянцев приходился один француз, то в начале XX века на несколько десятков французов был только один итальянец. К политике примешивались религиозные трения. Мусульманский мир был глубоко взволнован XXX Евхаристическим конгрессом, состоявшимся в Карфагене в 1930 году. Торжество церемоний, крестные ходы участников, все это болезненно отзывалось на национальных и религиозных чувствах тунисцев, тем более, что была воздвигнута, почти над арабской частью города, статуя кардиналу Лявижери с крестом в одной руке и Евангелием в другой. Оплошность очевидная, ведь сам кардинал Лявижери, примат Африки, скончавшийся в 1892 году, предупреждал, что он находит неуместным, «чтобы христиане являлись в мусульманские страны, поднимая крест одной рукой и Евангелие другой!»

И так уж случилось, что как раз в это время я приняла решение ехать учиться в Германию.

Глава XVI
ГЕРМАНИЯ

В Тунисе университетов не было, и только люди очень состоятельные могли посылать своих детей учиться в Европу. Я накопила немного денег на дорогу, но как жить в чужой стране? Папин товарищ по выпуску, барон фон дер Ропп, обратился к своему родственнику в Берлине, прося дать объявление в известном журнале «Дахайм»· «Молодая девушка, степень французского бакалавра, ищет место an pair в немецкой семье». Я получила только один ответ на мою просьбу.

Письмо на хорошем французском языке, написанное элегантным женским почерком, приглашало меня в Германию, в семью фабриканта с двумя детьми: девочкой 16 лет и мальчиком 14 лет. К письму приложена фотография: большой дом посреди деревьев. Фотография черно-белая, но ясно чувствовалась зелень елок и ухоженного газона. Письмо было подписано: Маргрит Штюбген. Для меня открывалась дверь. Я не стала колебаться. Деньги на дорогу были, но самое трудное — получить паспорт. Русские беженцы в Тунисе никогда не имели Нансеновского паспорта. «Контроль сивиль» им выдавал подобие паспорта, а иногда просто два листочка. Я получила зеленоватую книжечку со словом «паспорт», написанном от руки на обложке. Как всегда, чтобы решить все административные сложности, понадобилось время и помощь друзей. Де Моркур знали хорошо «контролера сивиль» Виктора Мот. В течение всей жизни мне придется бороться со сложностями получения бумаг, паспортов и виз...

В ожидании визы мы готовились к отъезду. Ольга Аркадьевна Янцевич помогала маме шить и вышивать ночные рубашки, воздушное розовое платье. Все это было очень красиво. Зато серое пальто, синяя шляпа и ношеные коричневые туфли выглядели печально. Только теперь я отдаю себе в этом отчет!

Барышне в путешествии полагался туалетный несессер. Я об этом не думала, но преданный Коля Юров его не забыл. Он мне подарил красный чемоданчик полный пустых флаконов; мы не очень задумывались об их назначении. Я смогла уехать только в мае. Мама скрывала свое беспокойство. В 30-е годы воздушных сообщений с Европой еще не существовало. Переход на корабле из Бизерты в Марсель длился больше 24 часов. Маршрут Марсель — Страсбург — Эрфурт был с пересадками.

Из экономии я, конечно, путешествовала в 4-м классе, на палубе. Помню, что я покидала Бизерту во вторник, что меня провожало много друзей и что даже некоторые шли по молу, пока пароход выходил из канала. Только в открытом море я начала устраиваться. Взяв напрокат шезлонг и одеяло, я искала спокойный уголок, поближе к какой-нибудь семье. Увы! Вокруг меня были только демобилизованные молодые люди, возвращавшиеся во Францию. К моему счастью, один из них мне представился, назвав общих друзей. Чтобы я могла спокойно спать, он устроился у моих ног на палубе. Мне посчастливилось, что он ехал до Страсбурга. Он потерял два-три часа, чтобы посадить меня на поезд в Германию. Только в четверг, в 5 часов утра, я добралась до Эрфурта.

Есть имена, которые остаются дорогими на всю жизнь. При слове «Эрфурт» улыбка подымается из глубины души. Конечно, в то далекое серое утро, когда я спускалась на перрон, усталая и потерянная, я не могла улыбаться.

Меня ждали. Маргрит и Рудольф Штюбген с дочерью Иной. Мальчик Хатто еще спал дома... Мы подъехали к дому на большом черном автомобиле; крутой поворот налево при въезде в парк, и машина остановилась перед парадным входом с двумя массивными колоннами из серого камня. Цириак штрассе, тихая улица, вся в зелени и богатыми особняками, еще спала.

Переступая порог, я попадала в другой мир, в котором с давних пор жизнь протекала в комфортабельном богатстве. Мы пересекли большой зал со стенами, облицованными узорным деревом, и бильярдным столом, поднялись по широкой лестнице, покрытой зеленым ковром, на первый этаж, где на обширную центральную площадку выходили двери комнаты мадам Штюбген. Доведя меня до нашей с Иной комнаты, она посоветовала мне отдохнуть. Две кровати, ночной столик для каждой, шкаф и комод. Окно выходило на поляну. Я уснула мгновенно. Только за обедом, в половине второго, познакомилась я с другими членами семьи.

Хатто, высокий, спортивного сложения, с открытым лицом, но что-то еще ребяческое в манере держаться. Он подошел поздороваться и немного нерешительно сказал несколько слов по-французски. Ина, красивая девочка, очень большая для своих шестнадцати лет, казалась более решительной. «Ома Кох», мать мадам Штюбген, была тяжеловесная старая дама, которая активно участвовала в жизни семьи. Мне объяснили, что «Ома Ольга», мать мсье Штюбгена, которой собственно принадлежал дом, оставила за собой несколько комнат на первом этаже. Там она вела самостоятельную жизнь при помощи старой Лины, которая служила у нее сорок лет. При этом я узнала, что в молодости Лина служила у одного барона в Веймаре, к которому очень часто приходил композитор Лист. Лина очень хорошо готовила и особенно отличалась своими пирогами; мне пришлось есть те же пироги с вишнями, что и Листу! Хотя и кулинарная, но все же связь!

В столовую с тяжелой мебелью свет проникал из застекленного зимнего сада, в котором благодаря постоянно поддерживаемой температуре росли пальмы и тропические растения. Горничная в черном платье и белом переднике прислуживала за столом. Обед был простой и очень вкусный Я узнала позже, что мадам Штюбген — прекрасная хозяйка Как большинство немецких девушек, имеющих средства, она, закончив образование, прошла курсы хозяйственной школы, где училась с дочерью Вильгельма II.

Вечером мы пошли с визитом к «Оме Ольге». Как могли эти старые дамы быть всегда безупречно причесанными во всякое время дня, держаться прямо и достойно в неудобных черных платьях? Мадам Штюбген-старшая приняла нас любезно в своей строгой гостиной. Чтобы отметить мое прибытие, она предложила нам белое рейнское вино в хрустальных стаканах и открыла большую коробку шоколадных конфет.

* * *

Очень быстро я почувствовала, что принята в семью. Позже я узнала от Ины, что ее родители оценили, что с первого же дня я энергично взялась за обучение своих питомцев Узнав за обедом, что у Ины на другой день письменная работа по-французски, я попыталась понять, что от нее требуется, и подготовить внимательную девочку — у меня уже был трехлетний опыт. А на следующий день она получила высший балл за работу на сослагательное наклонение, к общей радости и, вероятно, к успокоению мадам Штюбген. Это она настояла на моем приезде, хотя многие не советовали ей выписывать неизвестную русскую беженку.

Первый раз за многие годы я не была «завалена работой». Конечно, я помогала Ине и Хатто в занятиях, занималась с ними также и по математике, мы говорили вместе по-французски, но когда они были в лицее, у меня оставалось много свободного времени. Я выходила часто с мадам Штюбген, знакомилась с городом, коммерсантами, друзьями семьи. По средам и субботам мы ездили на рынок Крестьяне выставляли продукты на большой площади, и здесь можно было найти все что угодно. Мсье Штюбген по дороге на фабрику оставлял нас на базаре, и автомобиль приезжал в назначенный час.

Эрфурт известен в Германии как «город цветов». Известен и за пределами Германии. Мадам Штюбген тщательно подбирала цветы: длинные стебли и яркие цвета к круглому столу в кабинете, маленькие нежные лепестки к столику в гостиной перед гобеленом. Она много занималась домом, так как три человека прислуги не могли со всем управиться. Старая Лина занималась только бабушкой Ольгой, но в то же время она знала все, что в доме происходит Кухарка Эрна с улыбающимся и краснощеким лицом была еще слишком молода и неопытна. Хрупкая Эрмина, скромная горничная, не могла одна содержать в порядке большие парадные залы, затянутые шелком стены, персидские ковры, богемский хрусталь и растения зимнего сада. Шофер Оскар, который жил с семьей в кокетливом домике за большим домом, работал теперь на фабрике и ухаживал за садом. Требовалось много усилий, чтобы поддерживать прежний образ жизни. Прошло то время, когда Маргрит и Рудольф проводили сезон в Сан-Морице или Гаормине.

Германия прошла через тяжелые годы безработицы и инфляции, и фабрики еще сталкивались с, казалось бы, непреодолимыми трудностями Мадам Штюбген часто разделяла со мной свои повседневные заботы, которые поглощали много времени и много энергии, но никогда не теряла она интерес к окружающему ее миру. И мир этот был бесконечно богат. Благодаря ей я научилась его видеть. Эту любовь к жизни она сумела передать своим детям. Мы проводили все свободное время вместе и всегда могли найти общие интересы. Начиная с понедельника, за обедом ставился вопрос, что мы предпримем в следующее воскресенье? Каждое предложение сообща обсуждалось, и когда выбор был сделан, мы готовились к поездке в течение недели. Воскресенье было для нас действительно праздничным днем А как часто для многих этот долгожданный день тянется в беспредельной скуке!

Правда, леса Тюрингии — сказочная местность для пикников. Хатто с отцом ловили форель в ручьях или уходили охотиться. Мы оставались на солнце в траве, натираясь кремом, чтобы лучше загореть. Часто мы ездили в Веймар, в получасе от Эрфурта, и каждый раз я попадала под его очарование. Иногда мы ездили с Иной поездом. Мы уезжали на целый день, увозя из дома бутерброды, чтобы сэкономить карманные деньги на посещение нашей излюбленной кондитерской. Ее пирожные со взбитыми сливками были одной из привлекательнейших сторон нашей веймарской экспедиции, что не мешало нашим романтичным прогулкам в поисках XVIII столетия. В Веймаре не трудно себя чувствовать в окружении Карла-Августа, Гете и Шарлоты фон Штейн. Город жил еще в эпоху Гете, сто лет после его смерти. В его патрицианском доме, в дворцах принцев Сакс-Веймар живо чувствовались следы того блестящего умственного развития, которое сделало из скромного городка культурный центр Европы. Имена писателей, философов, музыкантов, самых известных ученых тесно связаны с историей маленького города. Прогулки, полные очарования, неожиданные встречи, иногда любопытные. «Hotel de l`Elephant»! Гостиница, которая видела столько знаменитостей! Откуда это название? Мы как-то спросили об этом швейцара. Говорят, что когда-то давно балаганы проходили здесь со слоном, который притягивал народ. В одном маленьком летнем дворце, вокруг которого только павлины бродили по аллеям, мы остановились однажды перед портретом во весь рост совсем молодой девушки, тоненькой и грациозной, Софии фон Ангальт-Цербтской, будущей Екатерины Великой. Но слава Веймара — это Гете, присутствие которого здесь во всем и навсегда.

При жизни он отдавал себе в этом отчет. И все же в своем большом светлом доме он выбрал, чтобы умереть, самую маленькую из комнат, очень узкую, плохо освещенную одним окном, выходящим во двор. Кровать, кресло носят еще отпечаток его тела. Тишина хранит его последний вздох: «Mehr Licht» — «Больше света»!

* * *

Особенно тщательно готовились мы к поездке в Вартбург. Задолго до дня экскурсии, задуманной «Омой Ольгой», я начала читать историю этого знаменитого замка, прекрасно сохранившегося, несмотря на прошедшие столетия. Крепость, построенная в 1070 году, видела в своих стенах пышный расцвет средневековой литературы, и в них живет еще память о видных исторических событиях.

Старинные замки! Какая богатая тема для юношеских разговоров. С Вартбургом связана история святой Елизаветы Венгерской, жены жестокого ландграфа Тюрингии. Легенда рассказывает, что когда муж застал ее, несущую помощь несчастным, провизия в ее переднике превратилась в розы. «Ома Ольга» хотела показать мне, где скрывался Лютер, преследуемый после приговора в Вормсе в 1521 году. С помощью Фридриха Саксонского он нашел убежище в Вартбурге, где в течение нескольких месяцев переводил Библию с греческого оригинала на немецкий язык.

Отъезд с «Омой Ольгой» не был лишен некоторой торжественности. Оскар в форме шофера держал фуражку в руке, пока мы садились в автомобиль. Не знаю почему, я нашла нужным приделать вуалетку к шляпе.

Эйзенах находился в 50 километрах от Эрфурта. Надо подняться еще два километра в гору. Вартбург остался для меня местом, которое можно каждый раз осматривать с новым интересом...

Огромный зал, где в XIII столетии проходили празднества и литературные собрания, комната святой Елизаветы хранили в своих толстых стенах печать прошедших веков. Мозаика легенды о розах покрывала целиком одну из стен: розы, волной рассыпаясь из передника, падали у ног Святой. Неожиданное открытие: Вартбург содержит очень богатую коллекцию рыцарских доспехов. Я с удивлением увидела, что самые маленькие из них принадлежали Генриху II, королю Франции. Обыкновенно в исторических романах муж Екатерины Медичи описывается как очень высокий мужчина, вероятно оттого, что он очень любил турниры. Теперь, каждый раз, когда речь идет о его росте, я говорю, что он был маленьким. Я его видела!

Но Вартбург — это прежде всего Лютер! В скромном домике, во дворе за замком, его комната содержится в строгом порядке: высокая кровать, единственный стул перед столиком у стены. На столе, под стеклянным колоколом, Библия, над которой он работал. На стене — портреты родителей. Правее, на стене, большая поверхность извести унесена визитерами: здесь было когда-то пятно от брошенной Лютером чернильницы — следы дьявольского видения...

* * *

За время моего пребывания в Тюрингии я смогла увидеть артистов мировой известности, которые проездом давали концерты в Эрфурте. Помню концерт в Веймаре: Фуртвенглер дирижировал оркестром в сорок человек. В Веймаре же давались оперы Вагнера; мсье Штюбген, с партитурой в руке, заранее объяснял мне, насколько возможно, эту чуждую мне музыку.

Повседневная жизнь тоже не была лишена прелести. Даже оставаясь одна, я никогда не скучала; большая библиотека находилась в моем распоряжении. Так я смогла прочесть по-немецки те книги Достоевского, которых не было в Тунисе на русском языке. Я познакомилась с пьесами Бернарда Шоу. Я ходила на вечерние курсы, на которых преподавали приезжающие из Иены профессора. Я сопровождала Ину каждую среду на уроки салонных танцев и присутствовала на танцевальных вечерах, на которые приглашались родители. Семейные праздники готовились задолго вперед. С самого начала декабря дом жил приближением Рождества. За несколько дней до праздника здоровый детина приходил месить тесто, и мадам Штюбген наблюдала сама выпечку больших «шитхен»; каждый член семьи получал свой каравай. С утра Сочельника большая дверь в гостиную закрывалась; она сообщалась с черным ходом через столовую, людскую и кухню, куда мы не должны были ходить, но где слышалось беспрерывное движение. Вечером, нарядные и возбужденные, мы ждали в бильярдной назначенного часа. Тогда на верхней площадке появлялась «Ома Ольга», особенно прямая, особенно торжественная. Лина несла перед ней большой поднос с подарками, и они медленно спускались по лестнице. Когда все были в сборе, двойные двери распахивались в залитую светом гостиную, где стояли разукрашенная елка и отдельные столики — каждому свой, — заваленные подарками. Мсье Штюбген садился за рояль, и мы пели хором — хозяева и прислуга — рождественские напевы.

Помню еще юношескую фигуру Хатто в парадном костюме: он старается достойно сдержать свое нетерпение, но его пытливый взгляд украдкой скользит по пакетам, разложенным на его столе. Его стол больше всех других! В день конфирмации он настоял, чтобы подняли из погреба стол побольше. С разных сторон Германии многочисленная семья съехалась для этого празднества. Один из родственников, Вальтер Бендер, был, как мне сказали, морской офицер. Полвека спустя, просматривая немецкие военные архивы, я встретила его фамилию: он был старшим офицером на легком крейсере «Магдебург», который выбросился на скалы в 50 милях от Ревеля 26 августа 1914 года. Я провела очень оживленный вечер в обсуждении с крестным отцом Хатто, известным профессором по раковым болезням, преимуществ разных

политических систем. Мне было двадцать лет, я читала Шопенгауэра и, вероятно, вычитанные мною у него доводы в пользу монархии были убедительнее аргументов защитников национал-социализма, так как любезный профессор признался под конец, что не хотел бы иметь меня оппонентом в дискуссионных дебатах. Я до сих пор не поняла откуда появилось число 700 000 лет, которое он назвал в тот вечер. Национал-социализм должен был длиться 700 000 лет!

В этой семейной обстановке, в этом культурном кругу, все это казалось какой-то несерьезной шуткой! Мне кажется, что в том 1934 году мы не чувствовали возможности войны. По крайней мере в семье разговоров о ней не было. В некоторой степени общественное мнение довольствовалось уменьшением безработицы и царившим внешним порядком. Конечно, от времени до времени, доходили беспокойные слухи. Начиналось преследование евреев. Семейный врач, доктор Виндесхейм, являлся другом семьи и к тому же имел «железный крест» за боевые отличия. Штюбгены оставались ему верны, хотя страховая компания больше не оплачивала его рецептов, потому что он был еврей. Виндесхеймы собирались уезжать. На эрфуртском стадионе приезд Гитлера собрал огромную толпу, но без нас. В тот день, чтобы не быть остановленными на главных улицах, мы выбрали окольные пути и предпочли пройти пешком по малолюдным улочкам. И как раз здесь, против всякого ожидания, проехал официальный кортеж. Даже полицейских на тротуаре не было. Стоя в открытом автомобиле, спокойный и улыбающийся Гитлер проехал в трех метрах от нас.

Как обманчивы были эти последние счастливые дни! Все приходило как-то «понемногу». Мадам Штюбген сокрушалась, что Хатто пришлось вступить в «гитлерюгенд» и проводить много времени вне дома. Сам он не жаловался и, может быть, даже предпочитал заниматься там спортом, чем сидеть за уроками. Молодежь рассказывала осторожно анекдоты про Геринга... Мадам Штюбген узнала, что раз в месяц ей придется ходить на фабрику обедать с женами рабочих. Раз в месяц (а может и раз в неделю!) требовалось готовить «еду из одного блюда», чтобы жертвовать сэкономленные деньги на взаимопомощь. Об этом поговаривали в полслова, но никто еще не говорил о войне. А Штюбгены, здравомыслящие и практичные, продолжали строить планы на будущее. Мсье Штюбген планировал путешествие в Соединенные Штаты. Ина уехала в Англию на Пасху к мисс Элен. Если бы они опасались войны, предложили ли они мне продолжить у них мое пребывание? Даже в 1937 году Маргрит Штюбген и Хатто не верили в войну. Они приехали ко мне в Бизерту! Кто любит жизнь, отказывается предвидеть худшее!

* * *

Я отдавала себе отчет, что мое пребывание в Германии является только отсрочкой, ничего не разрешающей, так как в Тунисе тоже положение семьи ухудшилось. В связи с политическими

течениями в арабских кругах, готовивших освобождение от протектората Франции, французское правительство потребовало, чтобы все служащие в правительственных учреждениях приняли французское подданство — даже те, которые проработали в них семь или восемь лет. Сама постановка вопроса о национальности носила недопустимую принудительную форму: натурализация или потеря работы. Мои родители не могли с этим согласиться, и папа потерял работу. Сестрам было семнадцать и шестнадцать лет. Они еще не окончили среднее образование. Все трудности положения падали на маму, это я прекрасно понимала. С некоторых пор она ухаживала за детьми Кальвель, мать которых работала учительницей. Де Моркур уезжали во Францию. Я знала, что эти семьи относились к маме с большим уважением, но я также знала, что, давая частные уроки, я могла заработать гораздо больше. Папа продолжал работать на заказы; последнее время он делал байдарки, но все это очень плохо оплачивалось. Письма, которые я получала из дома, не несли никакого драматического характера, никто не жаловался и никто у меня ничего не просил. У меня еще сохранились письма мамы и сестры Ольги Вот выдержка из маминого письма (Пасха 1934 г.): «Я тебе посылаю программу университетских курсов, которую мадам Кальвель достала у Гийе. У нас ничего нового. Сегодня я получила 300 франков от Марии Александровны Де Моркур. С завтрашнего дня я переезжаю на неделю к Кальвель, так как она едет оперировать дочку в Тунис. Прогуливая мальчика, я буду заходить каждый день домой. Но я проведу Пасхальную ночь у нас, а Жан останется с отцом. Монашенки «Сионской Богоматери» уехали на каникулы в Тунис и просили меня кормить двух больших сторожевых собак и кур; за это я получаю яйца, которые они несут, салат и шпинат. Очень удачно к Пасхе...»

Выдержка из письма Ольги: «Мадам Де Моркур уехала и оставила нам огромное наследство: кровать, два матраса, шкаф, буфет, посуду и множество других вещей... Будет прекрасно, если ты вернешься к Рождеству, так как я пойду на бал, и если ты пойдешь со мной, будет еще интереснее. Мадам Нил подарила мне черные замшевые туфли «лодочки», которые мне как раз по ноге. Я умею танцевать танго, я его танцую очень хорошо...»

Надо было возвращаться. Я покинула Германию в июле 1934 года, сразу после знаменитой «Ночи больших ножей» — Die Nacht der Langen Messer. Я была в Лейпциге у знакомых, когда грянула, как удар грома, неожиданная новость о расправе Гитлера с Ремом. Необычайная тишина, которая царила этим утром в городе, поразила меня больше, чем само событие Погода стояла прекрасная, улицы полны народа, но люди раскупали газеты и торопились домой. На время жизнь города замерла, как и во всей Германии.

Мой обратный путь лежал через Париж, где я остановилась на неделю. Меня с распростертыми объятиями принял весь семей-

ный клан Кононович-Насветевич: оба папины брата, Ника и Иосиф, и вся семья Александра Кононовича. Сам дядя Александр не так давно скончался, но тетя Эля и сын их Ника все сделали, чтобы показать мне Париж. Это они когда-то на «Кронштадте», в Черном море, освободили для нас кушетку. Теперь Ника мечтал стать актером и в ожидании главной роли подрабатывал статистом. Его сестра Ольга танцевала в балетной труппе, которая в то время была на гастролях и я ее не увидела; но тетя Эля раздобыла два бесплатных места в Фоли-Бержер, где знаменитая Мистенгет вела в преклонном возрасте труппу молодых танцоров. «Танцовщиц она не любит», — посвятила меня тетя Эля в закулисные тайны. Это была сторона «Paris-artiste», о которой многие из русской молодежи мечтали. Но существовала также сторона «Paris — ouvriers de chez Renault» — «Париж рабочих у Рено», и, приехав из Югославии, папины братья, Иосиф и Ника, не могли ее избежать. В трудных условиях жизни переход от ранней молодости к зрелому возрасту часто бывает очень резким. Я нашла их очень изменившимися, хотя держались они очень прямо и оставались очень стройными — достойными внуками «маленького» генерала. Надо сказать, что я не видела моих дядей уже лет пятнадцать, а главное, как бесконечно далеко было от нашего дорогого Рубежного до маленькой квартирки в Исси-лэ-Мулино, где ютилась семья Иосифа. Я видела Мари и Иосифа в последний раз в зеленом Геленджике; теперь жизнь их протекала в Париже. В тот вечер у них были старые друзья: рабочие, шоферы, модистки; все — русские гвардейские круги; люди пришли отдохнуть, отвлечься, посмеяться.

Мой кузен, восемнадцатилетний Митя много смеялся, говорил с воодушевлением об известных боксерах и пригласил меня на другой день праздновать 14 июля. Я боюсь, что сильно его разочаровала явным отсутствием восторга топтаться в толпе под скудным светом фонарей. Я попросила его проводить меня к Нике. Вот уже три года, как дядя Ника был женат на молодой француженке, которая приняла меня, как будто она меня всегда знала. Всю жизнь будет Жизель очень привязана к своему русскому родству. Красивая, очень аккуратная, очень мягкая тоже... и совсем не похожая на Ольгу! Но что оставалось общего у Ники с тем молодым, восторженным кадетом, которого мы встречали каждое лето в Рубежном? «Терпение и смирение»? Терпение — может быть, но терпение, не лишенное ни проницательности, ни скептицизма. Смирение — ни в каком случае! В его осанке было даже что-то вызывающее, и я бы не удивилась, увидя на глазу монокль. Но, несмотря на все, для меня это был все тот же Ника, образ которого в разные годы жизни живет в моей памяти.

Маленький мальчик, умолявший Анну Петровну не выбрасывать малиновое варенье, в которое попала мышь, объясняя, что достаточно выбросить только мышь. Молодой кадет, с ракеткой под мышкой, возвращающийся с тенниса по залитым солнцем аллеям. Молодой офицер уже в смутное революционное время, пересекающий бегом двор между кухней и девичьей, с горячей коврижкой в руках, обжигающей ему пальцы.

Мы расстались, когда мне было шесть лет. Теперь мне было двадцать два года. И все же я знала, что он видит меня, как если бы мы расстались вчера. У Ники и Жизель была маленькая двухлетняя Николь. Она проводила лето у моря с одной русской дамой, в то время как родители работали в июльской жаре. Для того, кто не имеет много средств, жизнь в Париже показалась мне тяжелой. В Бизерте, по крайней мере, бедность не мешает видеть синее небо, солнце и море.

Глава XVII

ОТ ПОСЛЕДНЕЙ СТОЯНКИ ОСТАЛОСЬ ЛИШЬ ВОСПОМИНАНИЕ

Каким оживленным городком была Бизерта в довоенные годы!

Дома выходили за пределы города: за квартал Андалузцев, к Корнишу на север; в Зарзуну на юг, где предполагалось строительство рабочего поселка. Новый муниципалитет, франко-арабская школа, итальянский культурный центр «Данте Алигиери» относятся к тому времени.

Европейская, новая часть Бизерты была, конечно, гарнизонным городком, с множеством кафе, ресторанов и кинематографов, но также и коммерческим центром с большими магазинами, имевшими постоянную и даже требовательную клиентуру.

Русские бизертяне полностью влились в жизнь города. Я вышла замуж в 1935 году, и мои трое детей родились в Бизерте.

Кто из них или из моих внуков продолжит когда-нибудь семейную хронику?

Я не собиралась писать собственную биографию. Чувствуя себя причастным свидетелем исторических событий, часто мало известных или заведомо искаженных, я хотела восстановить ту часть моего прошлого, которое является также прошлым миллионов людей, переживших крушение Великой Империи.

Мои мемуары могли бы остановиться на 30-х годах, когда о Черноморской эскадре осталось лишь одно воспоминание.

Но прошедшее, так тяжело пережитое, такое богатое последствиями, через полвека сделается настоящим.

Нелегко истребить память народа. Придет время, когда тысячи русских людей станут искать следы народной истории на тунисской земле. Усилия наших отцов по их сохранению не были тщетны. В те, уже далекие 30-е годы для тунисских беженцев жизнь, как всегда, была тесно связана с церковью. Проданные на слом корабли были еще у всех на уме. Так зародилась у моряков мысль построить часовню в память последней эскадры под Андреевским флагом.

В состав создавшегося комитета вошли: председатель — контр-адмирал С. Н. Ворожейкин, капитаны 1 ранга М.Ю. Гаршин и Г.Ф. Гильдебрандт, капитан 2 ранга И.С. Рыков, старший лейтенант А.С. Манштейн и капитан артиллерии Г. Янушевский. Почет-

ными членами стали вице-адмирал М.А. Кедров, бывший командующий эскадрой контр-адмирал М. А. Беренс, отец Константин Михайловский.

Комитет обратился ко всем русским в изгнании и в особенности к бывшим бизертянам, призывая их помочь построить памятник последним черноморским кораблям.

Строительство началось в 1937 году, закончилось в 1939-м, но храм очень пострадал от бомбардировок 1942 года

После окончания войны было новое воззвание к русским людям:

Памяти русской эскадры в Бизерте

В далекой Бизерте, в Северной Африке, где нашли себе приют остатки Российского Императорского флота, не только у моряков, но и у всех русских людей дрогнуло сердце, когда в 17 часов 25 минут 29 октября 1924 года раздалась последняя команда: «На флаг и гюйс!» — и спустя одну минуту: «Флаг и гюйс спустить!»

Тихо спускались флаги с изображением креста святого Андрея Первозванного, символа Флота, нет — символа былой, почти 250-летней славы и величия России.

Там, в Бизерте, сооружен скромный храм — памятник последним кораблям Российского Императорского флота; в нем завеса на Царских Вратах — Андреевский стяг, в этом храме-памятнике мраморная доска с названиями кораблей эскадры.

Храм этот будет служить местом поклонения будущих русских поколений.

Бывший начальник штаба русской эскадры в Бизерте
контр-адмирал *А. Тихменев.*

В довоенные годы русская колония в Бизерте была еще достаточно многочисленна, чтобы выписать из Франции и содержать православного священника. Но мы были вынуждены покинуть Бизерту, когда итало-немецкие войска высадились в ноябре 1942 года и начались бомбардировки, разрушившие город на 70 процентов.

В 1956 году страна Тунис обрела независимость, но вопрос Бизертского порта не был сразу решен. Летом 1961 года мы пережили уличные сражения, и только 15 октября 1963 года французский флот покинул навсегда Бизерту.

Большинство русских имели французское гражданство, их перевели на работу во Францию; из русской колонии остались только две семьи в Бизерте и несколько пожилых людей в Тунисе.

Мои родители жили постоянно со мной, но в июне 1961 года они были в Страсбурге у сестры Ольги, муж которой, доктор, наблюдал за их здоровьем. Они сами никогда о своем здоровье не беспокоились, и если теперь они позволяли себя лечить, то это было скорее из желания не делать нам неприятностей. Папа с трудом ходил, быстро задыхался, и я вечно боялась, чтобы он не простудился

Мама ни на что не жаловалась, но она больше не читала. Она прислушивалась, она ждала..

«Мои лошадки», — говорила она, идя к окну, когда большая повозка останавливалась перед складом на противоположной стороне улицы.

Звонок почтальона... Нет ли для нее писем?

«Пишите Бабуле», — просил нас в письме сын Шуры Коля, который учился в Страсбурге. «Пусть Таня напишет», — прибавлял он, зная, как я занята. Но сказала ли я об этом Танюше?

Мы ждали их возвращения из Франции 26 июня. В воскресенье, за неделю до их отъезда из Страсбурга, Ольга принимала гостей. Мама была очень оживлена, много рассказывала о Бизерте, показывала всем большую фотографию своих внучек Тамары и Тани, которую я ей послала ко дню рождения. Она радовалась путешествию, вероятно, все же опасаясь длинной дороги. Ночью ее полностью изношенное сердце, как мне позже сказал доктор, не выдержало. Мы получили телеграмму в понедельник: «Маме очень плохо».

Вылететь через Марсель можно было только в среду, но во вторник мы уже знали, что все кончено. На панихиде 20 июня 1961 года, отслуженной православным священником в безликой и пустой часовне при клинике, гроб открыли. Но это уже была не она... Она никогда не уйдет навсегда, так ощутима будет в тяжелые минуты ее неусыпная и заботливая любовь.

* * *

Я привезла папу в Бизерту, в его привычную обстановку, на улицу Пьера Кюри. Он передвигался все хуже и хуже, из одной комнаты в другую, от стула до кресла, с книгой в руке, часто в поисках очков. Он мог читать и перечитывать одну и ту же книгу, фантастическую или веселую. Я думаю, что он в ней встречал, как старых знакомых, персонажей, созданных его собственным воображением. А главное, конец должен быть счастливым! Он в этом убеждался, подсматривая окончание перед тем, как начинать читать еще неизвестную ему книгу.

Бесполезно было тревожить то безмятежное спокойствие, которое он поддерживал с окружающим его миром! Даже когда я находила спрятанные им папиросы, он только сконфуженно улыбался. Улыбка, которая останется мне на всю жизнь укором! Но доктор определенно сказал, что не стоит лечить папу от артрита, если он будет курить!

Между преподаванием в лицее и частными уроками у меня оставалось совсем мало свободного времени. Как много утеряно из его рассказов! Он все чаще говорил о Рубежном, вспоминал события, о которых я раньше никогда не слышала, давно забытые картины восстанавливались в его памяти, с множеством деталей и всей силой пережитого. Я не всегда внимательно слушала...

Почему маленький мальчик, которым он тогда был, бежал сломя голову к бабе Муне, которая спускалась по ступенькам ему навстречу? Бежал так быстро, что упал без памяти у ее ног? Было ли это в день, когда лошадь несла его к конюшне, о косяк двери которой он обязательно бы разбился, если бы не успел вовремя спрыгнуть?

Я четко видела ясное украинское утро, широкую, пыльную дорогу, суматоху на большом дворе, но сама ни о чем не расспросила: тяжелое настоящее начала 60-х годов не оставляло места для прошлого.

К счастью, папа не отказался от планов на будущее. Конечно, он не собирался больше строить миниатюрный самолет, как в 30-е годы, или катамаран для путешествия вокруг света, но его живой ум искал постоянной деятельности в пределах возможностей.

В 1964 году его здоровье ухудшилось. Какие бы ни были условия ухода за больным, всегда приходит момент, когда те, кто несут ответственность за принятые решения, спрашивают себя: все ли сделано, что должно?

В Бизерте 60-х годов эти условия были особенно трудными. Массовый отъезд большой части населения нарушил порядок жизни города. Невозможно было оставить больного дома. Я беспокоилась, когда папу привезли в клинику Анаби, в светлую и хорошо отапливаемую комнату, с кроватью для меня около него. Он сразу повеселел. Доктор Анаби и его жена были старыми друзьями; Иловайские и мадам Деляноэ пришли навестить его под вечер. Он им переводил, смеясь, выдержки из сборника сатирических поэм, как мне кажется, Алексея Толстого, сокрушаясь, что забыл дома «Утро Волшебников» Луи Пауельса и Жака Бержиэ. Таня побежала домой за книгой.

После их ухода папа спокойно принял лекарства, и, целуя его на ночь, я мимолетно встретила его доверчивый и улыбающийся взгляд. Он заснул очень быстро; я полудремала. Все вокруг, казалось, спало. В этой полной тишине я сразу заметила, что ему стало труднее дышать. Несколько секунд ... его хриплое дыхание ускорилось и внезапно остановилось. Мои руки были вокруг его плеч, когда его сердце перестало биться. В ночь со 2 на 3 февраля 1964 года греческий священник приехал из Туниса; русского священника у нас больше не было.

В последний раз в нашей маленькой церкви стоял гроб, покрытый старым Андреевским флагом, — все, что осталось от последней стоянки.

Годы шли. Опустела церковь. Люди ушли, и стерлись их имена на разбитых могильных плитах.

Когда в 1985 году скончался Ваня Иловайский и его жена Евгения Сергеевна уехала к дочери во Францию, я принесла домой картонку с церковными бумагами, которые они мне оставили. Эта небольшая картонка была все, что осталось от нашего прошлого, и это прошлое было поручено мне. Из нескольких тысяч русских людей, лишившихся Родины и прибывших в 1920 году в Бизерту, оставалась теперь в Тунисе я одна — последний свидетель!

Глава XVIII

БИЗЕРТА МОИХ ВНУКОВ

После ликвидации военных баз Бизерта стала другим городом. Для меня эта перемена была менее заметной, чем для других старых бизертян, так как моя жизнь продолжалась в том же окружении. Я преподавала математику в мужском лицее, где сама когда-то училась и который кончили мои дети. Мои плотно заполненные дни протекали среди моих многочисленных учеников. Мои тунисские друзья никуда не уехали, и я приобрела новых между иностранцами, приехавшими сюда работать.

В верности старых друзей я никогда не сомневалась. Ина писала из Мюнхена, Валя из Женевы, а Жан Деляборд из разных концов света, куда забрасывала его профессия или его любовь к путешествиям. Роджера уже давно не было в живых.

Когда политический кризис прошел, некоторые бывшие бизертяне стали время от времени наведываться на каникулы.

Самые постоянные гости, конечно, мои внуки, Жорж и Стефан, Танины сыновья. Они регулярно проводят каникулы в Тунисе, считая, что ничего лучше Бизерты летом не существует. Они умеют заполнять пейзаж образами прошлого. Еще совсем маленькими, они никогда не рисовали старый порт без финикийских фелюг под пурпурными парусами. С наших прогулок на Белый мыс, в гроты или на Уэд-Дамус они возвращались с богатым сбором предполагаемо-доисторических черепков. Как и я, они любят побережье от Бизерты до Гар-эль-Мельх, бывшей Порто-Фарина.

Ответвление дороги Бизерта — Тунис на эль-Алью ведет в особый мир, где люди умеют жить сегодняшним днем, не теряя веками выработанного характера. Эта жизнь проявляется во всем. В хорошо обработанных полях, за изгородями тихих садов, где только журчание воды и ее брызги выдают человеческое присутствие.

Красочные деревни — Метлин, Рас-Джебель, Раф-Раф, Порто-Фарина — были в старые времена настоящими пиратскими гнездами, а лагуна Порто-Фарина — гораздо глубже и служила временным убежищем корсарам. Население ждало с нетерпением возвращения фелюг, дележа добычи; прежде всего невольников.

Мои друзья в Бизерте, Мурали, хранят в семье бумагу, выданную тунисским беем, разрешающую их предкам заниматься корсарством. Мурали означает «из Мореи» — родом с Балкан.

Каково было мое удивление, когда я нашла их фамилию в биографии Пушкина. Поэт в годы своего пребывания в Одессе подружился с одним из Мурали, «выходцем из Туниса и бывшим корсаром».

Неожиданная встреча вне пространства и времени! Все это очень занимает детей, тем более что наши бизертские Мурали находят большое сходство между одесским другом Пушкина и собственным сыном.

Случается иногда, что по дорогам мы встречаем покинутые дома. Некоторые имеют богатое прошлое. В нескольких километрах от Гар-эль-Мельх, посреди хорошо обработанных полей, между апельсиновыми и фиговыми деревьями стоит представительная развалина, которую жители называют «Баляс» вместо «Паляс», за отсутствием буквы «п» в арабском языке.

Действительно старый дом, так как о нем упоминается в записках французского консула Пелисье еще в середине XIX века: «В шести километрах от городка стоит посреди садов загородный дом, который когда-то должен был считаться великолепным».

И вот сегодня, сто пятьдесят лет спустя, дом ожил в воспоминаниях, как это часто случается, совсем неожиданным образом. Наши соседи в Бизерте оказались владельцами «Баляса», и их одиннадцатилетняя дочка Юсера, расспросив бабушку, поведала мне эту историю.

Дом построен генералом Шибубом, которому бей Туниса Ахмед в 30-е годы XIX столетия поручил сделать из Порто-Фарина «тунисский Тулон». Постройка порта, казарм для 10 000 человек, жилого квартала с дворцом для бея, все эти работы, предпринятые Шибубом, были колоссальным предприятием, потребовавшим огромных расходов.

В этом грандиозном проекте Шибуб не забыл и себя. Из осторожности для постройки дома он выбрал место на некотором расстоянии от деревни, но мог ли он думать, что избежит любопытства окружающих его людей?

Будучи в тесной связи с Италией, куда он ездил закупать материалы, он построил дом в итальянском стиле, что не осталось незамеченным. Скорее всего, чувствуя свою силу, он рассчитывал на безнаказанность! Он нашел бесплатных рабочих среди огородников Раф-Рафа, устраивая им засады, отнимая у них овощи, которые они несли продавать в Бизерту, и заставляя их работать на постройке своего «Баляса». Когда материал иссякал, он их отпускал восвояси, приказывая молчать под страхом смерти.

Не было ничего «слишком» дорогого для его поместья: парадный вход, ветряная мельница, монументальная мраморная лестница, керамика и бархат на стенах, люстры из венецианского хрусталя... Еще можно подняться через заросшие колючками раз-

валины северной стороны на первый этаж, в восьмиугольный зал, который хранит следы былой роскоши.

Когда постройка была закончена, Шибуб пригласил Ахмед-бея в свое сказочное царство. Остановив карету перед въездом в сад, правитель Туниса, сопровождаемый свитой, прошел пешком длинную аллею. Перед распахнутыми в сад дверьми большого зала, где все было приготовлено для приема с чисто восточным великолепием, бей повернулся к своей охране. «Это чрезмерно много для одного человека, — сказал он, указывая на Шибуба. — Уведите его!»

Арестованный Шибуб был сослан на остров Джерба, и «Баляс» стал собственностью государства.

А наши соседи Абдельмумен? В 1881 году, с установлением французского протектората над Тунисом, продал поместье эмиру Аляи, их предку.

Пользуясь дружескими отношениями, по дороге в Гар-эль-Мельх, мы всегда останавливаемся на их землях.

Несмотря на то что с каждым годом все печальнее выглядит старый дом, что все меньше ему остается надежды возродиться, в нем теплится еще недосказанная жизнь. Никому неповеданная тайна живет в его стенах. Как рассказывают старожилы, Салах Шибуб до своей опалы дружил с известным своей жестокостью собирателем податей, и ходили слухи, что они закопали сокровище вблизи «Баляса», слухи тем более таинственные, что черный слуга Шибуба пропал без вести.

Так, для новых владельцев великолепие «Баляса» несло в себе что-то «нечистое» — «харам» по-арабски. Никто из них не хотел в нем жить; мрамор и керамику уносили постепенно в деревню для украшения новых домов. А старый все хранит свою тайну.

Есть еще второй дом, совсем близко от Бизерты, в котором мы еще успели побывать. Только старые бизертяне знают «Дом англичан».

Я знала о его существовании, иногда видела его в мечтах, но мне понадобилось шестьдесят лет, чтобы увидеть его наяву.

Когда на «Георгии Победоносце» я думала о Рубежном, мой взгляд скользил вдаль, через канал, к холмам Зарзуны, где в тесном посаде деревьев слегка виднелся белый дом.

Прошли годы. Я узнала, что это дом английского консула Бурка, когда-то известного в Индии дипломата, друга барона Эрланже из Сиди-Бу-Саида, любителя экзотических растений, гольфа и светских приемов. После смерти консула его очаровательные дочки, Ясмин и Миртль, остались в одиноком доме на верху холма. Но праздники продолжались, и до самой войны они давали приемы.

После войны я увидела одну из них, кажется, Миртль. Она вернулась из Англии одна. Сестра осталась в семейном замке. Мисс Бурк спускалась пешком со своего холма за покупками в Бизерту. Рядом с ней ослик тянул маленькую повозку.

Я смотрела на ее тонкие черты лица, постаревшие и уставшие, на ее толстые носки до колен, но все еще элегантную, старомодную шляпку, и я знала, что для нее тоже было «все в прошлом». Она прожила еще лет тридцать в одиночестве и тишине, и только болезнь заставила вернуться ее в Англию, где она и скончалась.

Летом 1980 года мы наконец отыскали «Замок Бен-Негро»; почему-то трудно было его найти, блуждая по извилистым тропинкам, хотя я его так хорошо видела с «Георгия» в детстве!

Монументальные железные ворота открыты настежь, но вокруг все пусто. Большой, хорошо сохранившийся дом был наглухо закрыт. Глубокие проемы окон, защищенные ставнями, не позволяли в них заглянуть. Я так много слышала о сводчатом зале с массивной мебелью, старинными гравюрами, креслами около камина и, конечно же, с неизбежным призраком за закрытой дверью в подземный ход. Слышали мы и о приемах на Рождество в конце XIX столетия, когда родились Ясмин и Миртль и когда дом был полной чашей.

Еще живут люди, которые помнят, как старалась Миртль сохранить эту уходящую навсегда жизнь: подарки королевы Виктории, узорное дерево панели на потолке, которое когда-то украшало комнату Байрона.

А теперь только ветер бушевал зимой по террасам и верандам, и кто-то видел во дворе полусожженные байроновские куски панели. Но сад еще прекрасен, и неважно, что никто больше за ним не ухаживает. Редкие растения, стволы экзотических деревьев — сколько усилий и забот было приложено, чтобы их вырастить!

При нашем приближении птицы удивительных расцветок стаей вылетали из музыкального киоска. По аллеям, между групп деревьев, опрокинутые скамейки сохранили еще свою богатую керамику, и большая лестница, заросшая травой, с пьедесталами для статуй хранит отпечатки шагов сотен бизертских школьников, которых Бурки приглашали два раза в год...

За стенами покинутых жилищ, в камнях сожженных солнцем древних развалин, которыми так богата страна Тунис, живет история. Еще маленькими мои внуки это хорошо поняли; они научились видеть и слышать то, что могло казаться простой грудой камней. Им было только пять и семь лет, когда с неутомимым вниманием они слушали рассказы о моем детстве.

Я им составила ко дню рождения маленький сборник текстов, иллюстраций, старинных фотографий о Рубежном. Они знали, что у меня не было никакой надежды увидеть то, что, вероятно, давно уже не существовало... то, что пело только в моих стихах, каждое слово которых звучало правдой.

Трудно было переложить их на французский язык, чтобы рифмы совпадали. Мальчики видели только отрывки картин, по-детски радужных: светлый дом с колоннами, серебристый блеск

Донца, старый парк, в котором царит вечное лето...Со мной искали они дорогу в сказочный мир — все кажется возможным в их годы·

Как вернуться в старую усадьбу?
Как дорогу в детство мне найти?
Как попасть мне к соловью на свадьбу,
Где сирень не может отцвести?

Жорж и Степа смотрели на пожелтевшие фотографии, но взгляд их был далеко. «То, что ты пишешь, Бабу, мы очень хорошо понимаем», — говорили они

Однажды утром Жорж проснулся, стараясь удержать ускользающие отрывки сна — черный мрамор в заросшем углу парка. Чьи это могилы? Мы никогда не узнаем. Те, кто мог бы ответить, давно уже в могилах. Они лежат в чужой земле, во Франции, в Тунисе, в Сербии, в Бразилии

— Но, может быть, Бабу, кто-нибудь еще живет там, в России? Дети Анны Петровны, ее внуки?

Побывать в России — недоступная мечта. С моим эмигрантским паспортом моя страна для меня закрыта.

Мы покинули ее многие десятилетия назад; они — как тысячелетие! Что остается через тысячу лет? Мои маленькие мальчики ничего не знали о сложных международных законах. Им случалось даже прилетать в Тунис без папы-мамы, в группе несовершеннолетних, порученных стюардессе.

Мы путешествовали вокруг мира у меня в столовой. На большой географической карте, покрывавшей часть стены, мы отмечали страны света, куда нас приводили занимающие нас вопросы. Они чувствовали себя исследователями новых земель, и, возможно, что тогда уже зародилась у них любовь к широким пространствам, открытым просторам, воздуху и морю. Они улетели на самолете одни, две маленьких фигурки в сахарских курточках, с большими ковбойскими шляпами.

Через неделю Таня мне писала, что нашла в их комнате куриные кости — чтобы точить доисторические стрелы, гвозди, ржавые винты, всевозможные пуговицы, которые они собирали. Балкон их был завален досками, кусками картона, соломой — чтобы строить плот и плыть в Амазонию.

Глава XIX

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

ПИСЬМО

Я получила второе письмо от Бориса Конюса, когда мне было около семидесяти лет. Я никогда не забывала его первое письмо, в котором он, казалось, прощался навсегда с девушкой в голубом на фоне синего неба и моря. Письмо Бориса от 3 июля 1980 года обращено к девушке 16 лет, которую он знал в Бизерте 20-х годов, когда сам был совсем молодым, — и с силой молодости воссоздает он картины давно прошедших лет:

«Ваше письмо подняло во мне столько солнца, столько моря, столько Вас самих! Естественно, не мог я никогда забыть ни Вашего дома, ни Вас, ни родителей Ваших...

Я бы так счастлив был узнать снова Вас, о Вас Как сложилась жизнь Ваша? Куда привела она Вас? К каким выводам?

Вы — хотя Вы бабушка — так еще молоды! Мне 75 лет. Я жить кончаю. С грустью и тоской. Я тоскую по земле, по траве, по ветру, по дождям и по солнцу. Прощаюсь!

Я был в России. В глубине, под спудом, она та же. Но какие страшные раны, изуродована...

Горе в том, что каждая минута — следствие предыдущей минуты и предисловие следующей. Все сделали нашими собственными руками...

...Я хорошо помню мать Вашу и отца Вашего. Как-то очень подробно. Тихость и ласку Вашей матери, ее улыбку и Вашего отца чудные повадки.

Ваш дом был светлый дом.

Обнимаю Вас крепко. Ваш старый Борис».

Как живо возвращались воспоминания молодости! Эта способность все принимать всерьез, во всем находить глубокий смысл, всего ожидать от будущего!

Отбыв воинскую повинность в Бизерте, Борис возвращался в Париж. Вся жизнь была перед ним, и он не сомневался в своих возможностях. Цитирую Юлия Цезаря: «Мне уже 16 лет, а еще ничего не сделано для бессмертия!»

Нам тоже казалось, что мы все можем сделать. Радужные юношеские надежды на будущее! Стоит ли подводить итоги в старости?

В декабре 1980 года, поздравляя меня с праздниками, Пьер Паскье и его жена Мишель сообщили мне о своем желании приехать весной в Бизерту и, прибавляли они, уговорить Бориса с женой приехать с ними.

Какая необыкновенная новость! Так ясно был еще у меня перед глазами высокий молодой человек со светлым взглядом, который прощался с нами навсегда, больше чем полвека тому назад.

Видел ли он меня такой же, как в те годы, с туго заплетенными косами, в плохо, мною самой, сшитом голубом платьице?

Рассказывая в кругу друзей об этой действительно долгожданной встрече, я уловила полный сомнения взгляд одного из присутствующих. В нем так ярко читалась невысказанная мысль, что я могла с улыбкой безошибочно ответить:

— Нет, разочарования не будет!

В субботу, 4 апреля 1981 года, в толпе приезжих в аэропорту Туниса я не узнала бы Бориса, если бы он не был с Паскье. Но как только я увидела его светлые веселые глаза, услышала его совсем молодой голос, я поняла, что передо мной все тот же Борис.

Время ушло далеко назад. Всю неделю стояла исключительная погода. С балкона отеля взгляд охватывал всю бухту, залитую солнцем.

Бизерта не обманула наших надежд.

Мы проводили много времени с нашими гостями: воскресная служба в нашей церкви, прогулки, обеды и чаи. Мы даже гуляли на молу. С трогательным старанием Борис пытался припомнить давно забытые места.

Единственный пасмурный день мы провели у моих друзей Демеестер, в их вилле на берегу озера. Я жалела, что Борис не смог поехать, я была так уверена, что все будет ему по душе: множество желтых тюльпанов в саду, насыщенная влагой зелень огорода, серое в этот день и в тумане кажущееся беспредельным озеро и даже порывы ветра, проникающего из-под задернутых занавесок в уютную гостиную.

Было уже темно, когда мы вернулись. Борис ждал нас один на веранде...

Суббота 11 апреля. Они уехали с трудом. В последнюю минуту невозможно было открыть дверцы и багажник нанятого ими автомобиля. Пришлось обратиться за помощью к обедающим в ресторане отеля.

— Видите, — сказал Борис, — Бизерта не хочет нас отпускать.

Старость не печальна для тех, кто умеет иногда взглянуть на жизнь молодыми глазами. Встреча в Бизерте воскресила далекое прошлое, и диалог, начатый шестьдесят лет тому назад, возобновился, несмотря на долгий перерыв — на этот раз с чувством полного доверия.

Письма Бориса, обыкновенно очень короткие, часто отдельные мысли на почтовых открытках, которые он как-то обозвал нелепыми, продолжали нить его внутреннего монолога. Иногда это очень живое воспоминание детства, как незабываемые каникулы у бабушки в России: «Когда я слышу кукушку, я слышу нашу деревню. Мы к бабушке ездили в деревню. Полустанок. Деревянные доски. Никого, кроме нас. И я все слышу. Наши шаги по доскам и шум легкий огромных берез. Радовались весеннему ветру. Я слышу все деревенские запахи. И сирени, и жасмина, и тины двух прудов внизу, и запах нагретой солнцем лодки на привязи».

Иногда горечь сожалений: «Я не сумел сберечь что-то самое чистое, самое дорогое, самое ценное, что каждому предлагается беречь и нести до конца, когда на землю рождаешься».

Я не видела Бориса ни старым, ни грустным. Его простота, его любовь ко всему живому, веселые искры в глазах, умение всему радоваться меня обманули. Я не поняла, что он серьезно болен

«Мне будет 83 года в декабре, а я все жив. Дух, кажется, живой, ну а тело мало-помалу снашивается временем. Интересы меняются. Невольно всматриваюсь в бесконечное будущее с бесконечными надеждами».

Это было его прощальное письмо.

ДОЛГАЯ ДОРОГА К НАДЕЖДЕ

В конце 70 — начале 80-х годов в Бизерте появились семьи, в которых «даже дети» говорили по-русски.

Некоторые из моих бывших учеников — тунисцы, кончившие университет в Союзе, пришли представить мне своих русских жен. Две семейные пары, приехавшие из Союза, работали в Бизертском госпитале. Очень быстро завязались дружеские отношения: нормальные — с русско-тунисскими семьями, более осторожные — с русскими.

Знакомство со мной могло им повредить: уезжающим работать за границу давались инструкции избегать сношений с жителями страны, кем бы они ни были, а тем паче с эмигрантскими кругами — «чтобы не было провокации»!

Но, как писал Борис, Россия под спудом оставалась все та же. Олег и Зина пришли первыми, и нам не потребовалось много времени, чтобы установить искренние отношения.

С приездом новых специалистов из России круг знакомых расширился, тем более что происходящие события позволяли надеяться на относительную либерализацию. Только никто еще точно не знал, насколько она была реальна, даже в 1987 году.

Годами советские люди, работающие за границей, знали, что за ними следят и что их контракт, на который возлагалось столько надежд, зависит от этой постоянной слежки. Достаточно было доноса, чтобы он был прерван и уже никогда больше не возоб-

новлен. Этим объясняется недоверие друг к другу между малознакомыми людьми.

Не раз приходилось мне видеть, как некоторые уходят черным ходом, когда у порога появляются новые гости. И если даже мне было обидно за них, я понимала, что они все еще зависели от того твердого аппарата, методы которого нелегко изменить за короткий срок. В какой степени политические события на уровне правительства могли сказаться на повседневной жизни?

Я перечитываю мои записки того периода и вспоминаю вопросы, которые мои друзья себе задавали.

«16 февраля 1987 г.

Радио и телевидение говорят о важном международном конгрессе в Москве, где присутствовал А.Сахаров, который аплодировал Горбачеву, говорившему о демократии и о прекращении военных действий в Афганистане».

Но что изменилось в их личной жизни? Смогут ли они приходить ко мне, не боясь последствий? Смогут ли они свободно путешествовать, как поляки, болгары и чехи? Смогут ли они писать семьям в Россию по почте, не передавая письма через посольство? Советские женщины, жены тунисцев, смогут ли они ездить домой к родителям, не хлопоча месяцами о визе для въезда в родную страну?

Ответы на эти вопросы будут приходить постепенно. А для меня лично с 1987 года началась новая жизнь.

В феврале появились первые журналисты, посланные ко мне советским Культурным центром. Это было мое первое интервью. Впоследствии будет много других: о послереволюционных годах и о приходе эскадры в Бизерту — событиях, почти совсем неизвестных в России.

Общение с приезжающими из России становилось все легче и легче. Юрий и Лариса Богдановы привели ко мне Володю и Тоню; эти последние познакомили меня с Аркадием и Таней. Все они стали для меня больше чем просто друзья.

В мае 1988 года группа писателей и историков с уважением и симпатией расспрашивала меня об отъезде из России. Совершенно случайно в это время в Тунисе был представитель Женевского комитета по делам беженцев. Он заметил тот интерес, который проявляют ко мне мои соотечественники, и предложил мне то, о чем я не могла и мечтать:

— Хотите, я помогу вам посетить Россию?

Ги Прим объяснил мне, что, несмотря на мой беженский паспорт, существует возможность получить от тунисского министерства внутренних дел специальное разрешение на поездку в Россию. Такое разрешение уже не раз выдавалось в Европе беженцам. Для меня приоткрывалась дверь, которой я уже не дам закрыться.

11 ноября 1988 года Ги Прим известил меня — чудесный подарок ко дню Ангела! — что первые шаги в этом отношении им уже предприняты в октябре во время встречи главного комиссара

Женевского комитета по делам беженцев с министром иностранных дел и премьер-министром Туниса, которые очень благожелательно отнеслись к моей просьбе. Вопрос в принципе решился.

Таким образом, в декабре Ги Прим мог послать министру внутренних дел прошение выдать мне временный паспорт для поездки в Советский Союз.

Несмотря на то что я хорошо знала по опыту все административные сложности, я начала верить в возможность путешествия при поддержке моих многочисленных друзей — и тунисских, и русских.

Первый раз в жизни я чувствовала также поддержку со стороны официальных представителей моей страны: посольства, консульства, Культурного центра. Главную роль сыграли, конечно, культурные связи между Союзом и Тунисом.

После наших дружеских бесед с Сергеем Владимировичем Ждановым, кандидатом экономических наук, доцентом МГИМО, в «Советской культуре» от 11 марта 1989 года появилась его статья «Сквозь пелену времен».

В этой длинной статье он описывает, как покидали мы Крым и как дошли до африканской земли. Автор старается осветить темные пятна нашей истории, открыть читателям далекую, неизвестную им эпоху, которую он сам открыл случайно, пораженный неожиданной картиной: в мусульманской стране, среди африканских пальм — православные церкви.

В новогодних пожеланиях Сергей Владимирович писал мне: «Вас знают теперь на Родине; тысячи людей вас любят и уважают».

Нет, мои соотечественники меня не знали! Во мне они любили наше общее прошлое. Они были мне благодарны за то, что я его знала, любила и хранила. И эту благодарность они мне выражали в трогательных письмах со всех концов Великой Руси.

В течение долгих лет официальная советская пропаганда называла эмигрантов «предателями Родины», и советским гражданам было опасно иметь родственников за границей.

Сколько перемен в 1989 году? Доцент МГИМО имел возможность написать в советской газете: «Почему в конце концов доныне жив нелепейший стереотип, будто тысячи русских людей, которые по разным причинам оказались на чужбине, за тысячи километров от Отечества, любят его меньше, чем мы... Увиденное и услышанное мною в далеком Тунисе говорит об обратном».

Мне не хватало времени отвечать на все письма! Чаще всего поиски родственников, потерянных с 1920 года, были затруднительны. Иногда, наоборот, меня ждал приятный сюрприз. Так, например, я получила письмо из Москвы: В.К.Рыков спрашивал меня без особой надежды, как он признавался, не знала ли я его дядю, Ивана Сергеевича Рыкова, и его дочку Валю.

Довольно было телефонного звонка в Женеву, и Валя, которая думала, что она одна на свете, обрела многочисленную семью.

Меня очень тронуло письмо, дошедшее до меня через католическую общину святого Августина в Аннабе. Александр Сергеевич Гутан искал членов своей семьи. Так я узнала, что у Веры Августовны Гутан остался в России младший сын Сергей, о котором она не имела никаких сведений.

Мне писал ее внук с надеждой узнать что-нибудь о семье, о бабушке, о тете Оле, любовь к которым была передана ему еще в детстве.

Я смогла ответить на все его вопросы обстоятельным письмом. Мы с Верой Августовной и Ольгой Рудольфовной до конца существования эскадры жили вместе на «Георгии», а потом на улочке Табарка, в трудных беженских условиях.

Глубокое волнение, с которым он меня благодарил, было самым дорогим памятником для их одиноких могил: «Вы знаете, что я не думал найти в живых старших из моих близких; но у них могли быть дети, которые еще живут, еще ждут...

Читая Ваше письмо, я представлял, что вхожу в комнату, где за эти долгие годы ожидания мне была обещана встреча. Но комната была пуста, и мне сказали — их больше нет!

И все же несмотря на все, Ваше письмо принесло мне горькую, мучительную радость узнать от Вас правду, чувствуя Вашу доброту и дружбу, узнать, как достойна была их жизнь и смерть...»

Каждый день новые письма приносили мне самые неожиданные новости. Организации моряков из Минска, Одессы, Центральной Азии интересовались моими скромными архивами об истории флота, собирались приехать ремонтировать церковь в Бизерте.

Молодой Игорь из Киева с увлечением писал о своих коллекциях: он собирал все, что касалось старой русской армии.

Все ждали ответа с нетерпением. Марки на конвертах — где они только их находили! — были подобраны мне на радость: портреты наших знаменитых адмиралов.

Я получала подарки, чаще всего прекрасно изданные альбомы русских художников.

Я не имела еще ответа от тунисских властей, не знала, смогу ли я поехать в Россию, но Россия сама доходила до меня, с каждым днем все ближе и ближе.

И уже с такой силой чувствовался этот неудержимый порыв, что я перестала сомневаться в успехе. Чудо не может совершиться наполовину, а я жила теперь в мире чудес!

Мои родители не дожили до этого времени, и ради них я должна вернуться туда, где они когда-то были молодыми.

Впервые за семьдесят лет получила я известия и от семьи деда Манштейна. Сам Сергей Андреевич скончался в начале 30-х годов, но младший его сын жил еще, и повидать папиного брата тоже было для меня чудом. Мне писала его дочь, писал также двоюродный брат Сережа, все приглашали, ждали встречи.

А однажды передо мной появилось Рубежное! Маленькая точка, обведенная профессором Ждановым на географической карте.

Город Рубежное? Вырос ли он на месте старой усадьбы? Так начались терпеливые поиски моего потерянного царства.

По запомнившимся мне маминым указаниям, Таня и Аркадий нашли точное место на старой карте, на границе Харьковской и Екатеринославской губерний, совсем на берегу Донца.

— Напишите директору краеведческого музея, — предложили они.

Так зародилась мысль и установилась связь, и прошлое сплелось с настоящим.

Один из жителей Лисичанска помнил поместье Насветевичей. Его племянница в Тунисе знала меня. До нее дошло письмо, которое она не замедлила мне передать:

«Уважаемая Наталья Борисовна!

От коллектива Лисичанского краеведческого музея с большой просьбой обращается к Вам научный сотрудник музея Блидченко Светлана Олеговна.

Мы были рады узнать о нашей соотечественнице и землячке Анастасии Александровне Манштейн-Ширинской, хотели бы связаться с ней, попросить поделиться воспоминаниями, материалами о человеке, чьим именем названа одна из станций нашего города.

Вы, наверное, знаете, что разъезд Насветевич был открыт 1 февраля 1905 года; в настоящее время это одна из железнодорожных станций нашего города. На месте бывшего дома Насветевичей в 60-х годах построена 4-этажная школа № 5, в которой обучается 753 учащихся.

Просим передать Анастасии Александровне путеводитель по Лисичанску, надеемся, что ей будет интересно узнать о настоящем родного города. Будем рады ответить на вопросы, интересующие Анастасию Александровну, и получить от нее любые материалы, о которых она сочтет возможным нам рассказать.

В ближайшие год-два музей переезжает в новое, специально построенное для него помещение, и надеемся, что введение в экспозицию материалов, связанных с семьей Насветевич, будет интересно для посетителей музея...

Надеемся на Вашу помощь, уважаемая Наталья Борисовна.

С.О.Блидченко».

Интересующие меня вопросы! Мне хотелось все знать! Почему мне пишут о городе? Ведь усадьба — это была деревня: барский дом со службами, парк, река, лес и поля... Может, у семьи был дом в Лисичанске? Но я никогда об этом не слышала.

Я послала в музей длинное письмо, копии документов, обещала восстановить фотографии. Одна из моих новых подруг, милая Наталия Петровна, смогла реставрировать старинные выцветшие портреты. Я сама собиралась отвезти их в Лисичанск.

Я хотела также, чтобы Светлана Олеговна не беспокоилась. Если мы с Таней сможем приехать, мы удовольствуемся самым скромным приютом на один-два дня. Я не собиралась в туристическую поездку! В чем я могла быть «разочарована»?

Я прекрасно понимала, что белый дом с колоннами жил только на столетней фотографии, что цемент фабрик мог засыпать аллеи парка и что белая пена химических заводов, вероятно, замутила блеск Донца.

Но то, что было в прошлом и что для меня еще живо, этого никто не может изменить! Я примирилась даже с тем, что встреч не будет; что кто-то скажет мне: «Никого больше нет». И в то же время жили в душе слова моих внуков, что «может быть еще там, в России». И сама Россия казалась мне доступнее.

Второе письмо Светланы вернуло нас в настоящее. Оказывается, местоположение усадьбы стало частью теперешнего Лисичанска. Город, разрастаясь вдоль Донца, включил в себя то, что оставалось от поместья. Промышленный городок Рубежное невдалеке, но его фабрики не угроза «моему» Рубежному. Еще не все вымерло.

Конечно, на месте белого дома стоит большое здание в несколько этажей, но это школа. Часть старого парка уцелела и превращена в детский сад. Тропа, засаженная деревцами и кустарником, спускается к станции Насветевич.

Страна — это прежде всего люди! Живы еще старожилы, которые многое помнят. Живет еще столетняя учительница, которая преподавала с мамой на фабрике в 1918—1919 годах и которая вспоминает маму с большой теплотой. Светлана взялась за дело очень энергично: я уже знаю, где мы будем приняты, какие самые удобные способы сообщения с Москвой.

Не забывала она и историю края: от нее я узнала, что поместье было основано в 1750 году. Так впервые я познакомилась с предком Рашковичем. За 200 лет сколько поколений? Понемногу я буду узнавать их и видеть, как общими усилиями превращалась голая степь в цветущий край.

Я знала теперь, что есть на свете кусочек земли, где я никогда не буду чужой, что бы не писали мне в паспорте!

А пока надо было ждать. Год кончался, а я не получила еще ответа. Я переживала с моими соотечественниками события в России и чувствовала полную поддержку со стороны ее представителей. Особая симпатия связывала меня с морским атташе Анатолием Емельяновичем Ессиным: я не забуду его искреннюю доброту ко мне.

Несколько раз в бизертский порт заходило учебное судно «Перекоп». Снова была я на борту русского корабля, и курсанты, которые плавали еще под красным флагом, могли услышать мой рассказ о том, как на этом месте в 1924 году спускали бело-синий Андреевский стяг.

Мы знали, что скоро Военно-морской флот России будет праздновать свое 300-летие. Я вспоминала папу в Ревеле, глядя на молодого морского офицера. Оживленные лица курсантов, их желание помочь церкви — все это так напоминало мне кадетов и гардемарин бизертского Морского корпуса 20-х годов.

Художник из Морской академии Сережа Пен прислал мне позже акварели с изображением «Георгия» и «Жаркого», а также фотографию своей большой картины «Наваринская битва», где Андреевский стяг развевается над каравеллами.

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА

В декабре 1989 года я не была уверена, что смогу поехать в Россию, но я все же знала, что встречусь с миллионами русских людей совсем неожиданным для меня самой образом.

2 декабря журналист Фарид Сейфуль-Мулюков со своим оператором брал у меня интервью для московского телевидения. Мне сказали, что передача «До и после полуночи», куда готовился сюжет, пользуется большим успехом.

Его приезд был полной неожиданностью. У нас в квартире шел ремонт, и, узнав накануне о намечаемом интервью, мы с моими молодыми друзьями едва успели поставить мебель на место. Помню, с каким усердием Аркадий и обе Танечки старались придать жилой вид столовой. Все должно быть на месте: икона Спасителя с «Жаркого», портрет Государя, книги и фотографии кораблей.

Я была абсолютно не подготовлена к интервью, но сразу же почувствовала, с каким умением Сейфуль-Мулюков дает мне возможность высказаться. Он задавал вопросы, и мои ответы выливались в единое связное целое: наше русское детство, крымская эвакуация, жизнь в Бизерте...

Начало 1990 года было полно надежд. Каждый день приносил что-нибудь новое; для меня все менялось к лучшему. Безусловно, очень важен был визит советского консула: я могла полностью рассчитывать на его помощь.

Женевский комитет по делам беженцев обсуждал вопрос моей поездки с тунисскими властями. Его представитель в Тунисе дал мне знать, что я могу ехать с беженским паспортом: тунисская полиция аэропорта получит инструкции пропустить меня; комиссар полиции и представители Женевского комитета будут присутствовать при моем отъезде и возвращении в Тунис.

Россия становилась все ближе и ближе. Семья, друзья нас ждали. Мне казалось даже, что я смогу узнать уголки Петербурга. Дом № 44 на Большом проспекте...

Я смогу постучать в дверь квартиры №13 и сказать: «Я вернулась». В коридоре налево я смогу показать ванную комнату с цилиндрическим медным водогреем, а направо — большую столовую с дверью в спальню со звонком над кроватью. Кто помнит еще сиреневые с золотом обои? Как встретят меня новые жильцы?

13 марта 1990 года по московскому телевидению передавали интервью, взятое у меня в Бизерте три месяца тому назад. Передача называлась «Последняя стоянка». Из Культурного центра за

нами с сыном Сережей прислали автомобиль, чтобы мы могли присутствовать на показе.

Передо мной вставали образы прошлого и скорбные картины настоящего. Благодаря выбору архивных фильмов и музыки, благодаря живому взгляду оператора, слова воплощались на экране: парад крейсеров в кильватерном строю, Государь Николай Александрович в белой морской форме, окруженный офицерами; блестящий прием, где призрачные силуэты уносились в вихре вальса...

Я говорила об основании Морского корпуса, и портреты Петра появлялись на экране; я говорила о тяжелом положении, в котором находилась наша церковь, и камера скользила по строгим ликам святых и пострадавшим от сырости фрескам, по мраморной доске с названиями кораблей, по разбитым могильным плитам заброшенного кладбища.

В этот день в Бизерте шел дождь. Капли воды, как слезы, струились по стеклу автомобиля, который медленно пробирался по немощеной дороге между незаконченными постройками к нашей маленькой церкви, голубые купола которой неожиданно ярким пятном озарили этот безотрадный пейзаж, — все, что осталось от наших отцов, их веры и верности.

В конце картины, несмотря на бесконечную грусть, которой веяло от передачи, мне был уготован сюрприз: занесенный снегом пейзаж Донца и в зимнем небе, как знак надежды и жизни, стая перелетных птиц.

В начале передачи я была неприятно поражена, увидев себя со стороны, в какой-то застывший момент старости. Но постепенно это впечатление сглаживалось. Память восстанавливала жизнь в ее целом: здесь и пятилетний ребенок, и двадцатилетняя девушка, и вся полнота прожитого. Все остальное было уже не важно

Вероятно, и зрителям в России необходимо было найти за «пеленой времен» то, что было так долго скрыто. Позвонив из Москвы в Культурный центр по окончании передачи, С.В.Жданов меня успокоил: «Вы покорили сердца тысяч и тысяч россиян».

«Последнюю стоянку» четыре раза показывали на телеэкранах Советского Союза. Так же как и статья С.В.Жданова, она принесла мне сотни писем: дружеские послания с далеких берегов Тихого океана, Каспия и Черного моря.

Я еще не была уверена в отъезде, не получив никакого письменного подтверждения, но уже каждый день получала приглашения на конгрессы, фестивали, приемы Национального фонда культуры...

Особенно ценный подарок получила я от Александра Ефимовича Иоффе, архивиста Военно-морского флота. Он переслал мне ксерокопии документов из личного дела моего папы и его послужного списка.

Я узнала, с каким вниманием следили в корпусе за развитием каждого ребенка и с каким интересом сто лет спустя те, кто занимается архивами, собирают по крупицам все сведения об этом.

На фотографии папиного класса 1902 года каждого ученика можно узнать по номеру, соответствующему его имени. Все в строгой кадетской форме, они решительно смотрят вперед, хотя, наверное, не один втихомолку тоскует по семейным вечерам.

Взгляд юного Шурика, ускользая от объектива, преследует свою занимательную мысль. Все в его тонкой прямой фигуре с трудом сдерживает порыв к действию.

Архивист посылал мне также списки захоронений в Тунисе, прося их пополнить. Этот живой интерес ко всему тому, что создавалось с любовью от времен Петра до наших дней, не давал никому и ничему умереть.

Оставался только месяц до отъезда, когда я получила приглашение посетить Сибирь. Мне писал из Иркутска Борис Насвицевич, который, посмотрев передачу «Последняя стоянка», был поражен сходством своей фамилии с фамилией Насветевич. Разница была небольшая, но, как он прибавлял, сам он ничего не знал о своем происхождении. Его отец, сосланный при Сталине, ничего о нем не рассказывал.

Борис, его жена Галя и их девятилетняя дочь Ася нас приглашали — будь мы кузены или нет — посетить их страну. Чтобы меня убедить, Борис обещал путешествие по Ангаре до Байкала на 17-метровой яхте, им принадлежащей: единственный способ увидеть места, недоступные обыкновенным туристам.

Он даже посылал книгу про этот «очарованный берег», но все, что я уже знала про тайны флоры и фауны «золотого озера», было вполне достаточно: я позвонила советскому консулу, прося включить в программу путешествия Иркутск.

Билеты для моей дочки Тани и для меня были забронированы на 4 июля, и я перестала беспокоиться о контроле тунисской полиции после заверения властей С другой стороны, я уезжала, окруженная заботами моих многочисленных русских друзей и новых знакомых из посольства. Нас везде ждали, в разных местах России — в Москве, Питере, Иркутске и Лисичанске.

Эта близость к России позволяла мне надеяться разрешить сложный вопрос наших двух православных церквей. Вот уже тридцать лет, как у нас не было русского священника и практически не было паствы. Ирина Викторовна Мартино в Тунисе и я в Бизерте делали что могли, но здания требовали серьезного ремонта, а денег совсем не было.

В Тунисе Ирина Викторовна так испугалась, увидев трещины на куполе храма, что наняла рабочих на собственные средства. Увы! Я не имела этой возможности. А у нас в Бизерте тоже вода капала с потолка церкви, фрески расплывались, здание требовало покраски.

Старый Мухамед, бесплатно живущий в домике священника, с тех пор как начал работать для Общества защиты животных, которое целиком олицетворяла Евгения Сергеевна Иловайская, после ее отъезда считал себя полным хозяином домика и церкви. Он только и ждал, чтобы я тоже исчезла!

В Тунисе чиновники из городской управы несколько раз предпринимали шаги, чтобы завладеть церковной землей, очень высоко ценившейся в этой части города.

Тунисские власти не тронули наших церквей и не запрещали нам свободного вероисповедания, но если в храмах не совершались службы и они превращались в развалины, то их, конечно, могли национализировать. Ни епископ Антоний Женевский, ни Священный Синод в Соединенных Штатах, которых мы держали в курсе дел, не были в состоянии нам помочь.

Епископ Антоний предложил послать человека за церковной утварью. Но мы старались сохранить храмы! Владыка Лавр, проездом из Америки, видел, в каком мы положении, но ничего не смог нам предложить.

Греческие священники — отец Георгий и отец Николай — нам всегда помогали, но и им пришлось уехать.

Благодаря любезности пастора Блера из Туниса раз в месяц происходило англиканское богослужение, на которое собирались христиане без различия епархий и национальностей; приходил и католический отец Ней, и французские монашенки.

Так оживала церковь после долгого бездействия. В церковных книгах можно прочесть две записи, разделенные почти тридцатью годами:

«18 июня 1960 г. Крещение Игоря Степанова».
Отец Пантелеймон.
«2 апреля 1989 г. Крещение Юлианы Клинкмюллер».
Пастор Блер.

Помню, что я задала вопрос пастору Блеру:

— Кому принадлежит англиканская церковь в Тунисе?

— Королеве Английской, — ответил он мне.

Мне надо было выяснить юридическое положение наших церквей. Я знала, что католическое церковное имущество было собственностью епархии в Тунисе согласно договору, подписанному между Ватиканом и тунисским правительством. Наши церкви были собственностью Общества православных русских в Тунисе, но нас оставалось только двое! Что будет после нас?.. Без средств, без помощи, без официального представительства!

И вот понемногу, благодаря событиям в России, стала зарождаться надежда объединить вокруг церквей те духовные силы, которые помогли нашим отцам, оторванным от Родины, все потерявшим, их построить.

Перед нами стояла задача передать их тем, кто горячо стремился их снова обрести! Все письма, которые я получала, выражали это желание. Выражали часто неумело, застенчиво, всегда бесконечно трогательно.

Я не забуду визита моряков с «Зодиака» в марте 1990 года. Они хотели посмотреть церковь, услышать мои рассказы и не знали, как меня отблагодарить: книжкой, фотографией, шарфиком, купленным в Италии на их скромные средства.

Когда они уходили и все почти уже вышли, я заметила, что один из них, Володя, задерживается, — он явно хотел мне что-то сказать.

Оказывается, в море он получил неожиданное известие о смерти своей мамы. «Наталья Петровна», — повторял он мне ее имя с надеждой, что я что-то для нее сделаю. Ему хотелось поделиться своим горем, узнать от меня, «что он должен был делать».

Он не знал молитв. Слезы его текли, и он только повторял с потерянным видом: «Я не знаю, я не знаю!» Как дать ему понять, что это уже была молитва.

Из разных уголков Туниса приезжали русские посетить церковь. Самым трогательным был интерес молодежи. Я узнала, что один совсем юный мальчик добился приема у Патриарха Московского и Всея Руси и упрашивал его помочь православным русским церквам в Тунисе.

Паства возрождалась. Мы снова были официальным обществом перед законом. Когда некоторыми тунисцами был поднят вопрос о передаче церкви в столице какой-то благотворительной организации, советское посольство пришло нам на помощь, подтвердив, что прибытие священника и образовавшийся приход не позволяют рассматривать церковь как покинутое, не соответствующее своему предназначению помещение.

Церковная жизнь возрождалась. Бизертская церковь ожила 1 апреля 1990 года, когда владыка Феофан, прибыв из Александрии, торжественно отслужил в ней православную литургию. Маленькая церковь не могла вместить всех молящихся: русские специалисты, русские жены тунисцев, их дети, наши друзья-французы, немцы, чехи, болгары, поляки!

Каждый молился по-своему. Некоторые, может, и совсем не молились. Но кто имеет право решать, чья молитва угодна Господу Богу? Как сомневаться в искренности родителей, сын которых лежал при смерти и которые с волнением слушали слова Евангелия? Были ли они крещены? Я не могла бы этого утверждать...

На кладбище, в пустынном углу, заросшем колючками, скорбные песнопения панихиды задержались мгновением над разбитыми могилами старых адмиралов и молодых кадетов.

Но была весна, и я хотела надеяться!..

Радость пришла от детей... Три маленькие девочки: Лена, Анечка и Амель не забудут, как их крестили, так они переживали торжество происходившего. Они стояли, удивительно сосредоточенные, и их глаза были полны света.

Я хотела надеяться на будущее для наших церквей, для памяти наших отцов, для всех тех, кто не умел молиться...

Теперь, когда я пишу, я знаю, что эта надежда не была напрасной. Жизнь возродилась вокруг церквей. Церковь Воскресения Христова в столице реставрирована. Я знаю, что и храм Александра Невского в Бизерте тоже будет приведен в порядок: маленький, весь белый, с пятью голубыми куполами. И вспомнится, как давно на «Георгии» звучала наша любимая молитва: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко!»

Глава XX

ВСЕМУ ПРИХОДИТ СВОЕ ВРЕМЯ. ВСЕМУ... НО НЕ ДЛЯ ВСЕХ

Среда — день еженедельного самолета в Москву. Много русских в аэропорту Tunis-Carthage. У нас много друзей между уезжающими, и, конечно, мое путешествие, в моем возрасте, после долгих лет изгнания вызывает интерес и симпатию. Владыка Феофан летит с нами. Присутствие консула Михаила Георгиевича Ядрова очень меня успокаивает — всегда и везде в путешествиях боюсь я, что меня «не пропустят»! Представители Главного комиссариата беженцев тоже на месте. Инструкции действительно были даны полицейскому контролю, так как меня пропускают без всякого затруднения.

К моему великому удивлению, нас сажают в первый класс с владыкой; первый раз в жизни я лечу в таких условиях.

В 13 часов 45 минут вылетаем; то, что было недоступным в течение долгих лет, становится действительностью.

После остановки в Будапеште сколько времени надо было еще лететь, чтобы небо, поля и леса внизу стали Россией? Лучше не думать!

Радость может быть скорбная.

Не думать о родителях! Они не дожили.

«Всему приходит свое время.

Всему ... но не для всех».

Встреча с Россией. Вероятно, меня не раз будут спрашивать, что я в ней нашла, какие мои впечатления ... и я ничего не смогу ответить на непонятный для меня вопрос.

Я не еду осматривать мою страну. Я еду ей навстречу после долгого отсутствия, но я ее знаю хорошо; мы никогда от нее не отказались, никогда ее не забыли... никогда ее не покинули.

Толпа при приезде, свет, шум, озабоченная атмосфера Шереметьева; все это отвлекает меня от невероятной действительности: я в России. Е.А.Желтов из тунисского Культурного центра ожидает нас в аэропорту. Все сделано, чтобы облегчить мне путешествие, но самым поразительным оказывается контроль полицией моих бумаг.

Пассажиры первого класса, мы спускаемся одни из первых. Я иду за владыкой Феофаном, который проходит в одну секунду.

Милиционер при виде моего паспорта не выказывает никакого колебания. Быстрый телефонный звонок, и я прохожу «Persona grata», как никогда и нигде не проходила. Мне даже приходится подождать мою Таню, франко-европейский паспорт которой внимательно просматривается.

— Мне помогает какая-то оккультная сила, — говорю я владыке.

— Почему оккультная? Это Божья помощь!

Нас встречают так много старых бизертских друзей, что мне с трудом верится, что я в Москве. Еще недавно признать нашу дружбу было с их стороны храбрым поступком, за который они могли поплатиться своей работой. Зина приехала издалека, Юрий и Лариса — москвичи. Они везут нас к родителям Аркадия, у которых мы будем жить в Москве. Нас ждет прекрасный ужин, на котором присутствует профессор Жданов. Я узнаю, что весь следующий день расписан, но это меня не пугает; в этом заботливом семейном окружении я на все найду силы. После Москвы, после Петербурга меня ждут в Рубежном.

С четверга 5-го по понедельник 9-го мы осматриваем Москву. Увидеть так много, в такой короткий срок нелегко, но Культурный центр все предвидел.

С первого же дня мы приняты в Даниловом монастыре владыкой Владимиром, представителем по зарубежным связям при митрополите Кирилле. Я могу изложить ему положение наших церквей: мы не имеем средств на священника и починку церквей, что дает тунисскому правительству законную возможность их национализировать. Я поставила в известность представителей Синода в США, владыку Антония в Женеве и владыку Лавра, посетившего Тунис. Никто не нашел разрешения этому вопросу. Что думает владыка Владимир? Знает ли он, что первый раз в жизни я обращаюсь за помощью, не чувсвуя себя иностранкой. Данилов монастырь — самый старинный в Москве, основанный в XIII веке князем Даниилом, сыном Александра Невского.

С той эпохи Москва делается княжеством — Московией, которая постепенно соберет вокруг себя все русские княжества, от Киева, где Русь была крещена, до Господина Великого Новгорода.

Очень знающий проводник показал нам снимки развалин, запечатлевших монастырь в 1983 — 1984 годах, пока его не вернули церкви. С гордостью он демонстрирует нам произошедшие изменения.

Я удивляюсь, что такое множество разрушенных церквей обрели свое естественное убранство. Мне объясняют, что в самые тяжелые времена разрушительного бесчинства верующие спасали то, что могли спрятать. Так возвращается сохранившееся имущество церквам. Но не все церкви еще возвращены верующим. На Красной площади храм Василия — Божьего человека, прозванного Блаженным, перед которым сам царь Иван Грозный проходил, опустив глаза, — все еще музей. Почти напротив — Мавзо-

лей Ленина, он временно закрыт, так как останки вождя посланы на очередную дезинфекцию. Чувствуется анахронизм мавзолея-символа; туристы торопятся его посетить, пока его не закрыли.

Сегодня на Красной площади время приостановилось — все живет ожиданием. С одной стороны, Василий Блаженный и Красная площадь, олицетворяющие историю русского народа; с другой — почитание Ленина-вождя, чьи политические цели так чужды характеру национальной культуры.

Наша русская культура прежде всего народная культура. Мне очень близки споры наших славянофилов с западниками, и имена Киреевского и Данилевского принадлежат к семейному окружению. Мы пережили беспощадное истребление всего, что несло эту культуру. Я прожила долгие годы вдали от моей страны, без всякой надежды ее увидеть; и если теперь, в этот прекрасный июльский день, меня спросят, что я думаю о Москве, я отвечу,что для моего полного счастья достаточно быть здесь, на Красной площади, и знать, как это знают сегодня миллионы русских людей, что мы в скором будущем услышим колокола Василия Блаженного.

С детства меня привлекали рассказы о паломничествах. Может быть, жизнь на ограниченном пространстве корабля объясняет это влечение к безграничным дорогам, свободному выбору на перекрестках путей, неторопливому хождению от монастыря до монастыря. Однажды даже я дала обет пойти пешком в Киево-Печерскую лавру, не очень задумываясь, насколько это осуществимо из Туниса, но в то время мы могли еще говорить: «Когда я вернусь в Россию...»

Сегодня в Москве я нахожусь совсем близко от Троице-Сергиевой лавры, и едем мы туда на автомобиле. Сама дорога для меня — «путешествие по Руси»; леса, деревянные домики, красочно расписанные, окруженные садами, полными смородины. И вдруг справа ответвление дороги с обозначением «Ярославль»!

Я не знаю этого города. Папа о нем никогда не говорил; возможно даже, что никогда в нем не был. Но я знаю из папиных бумаг, представленных при поступлении в Морской корпус, что родители папиного отца там жили и что фамилия приписана к русскому дворянству в родословной книге Ярославской губернии за № 3127. На старой фотографии Леонтьевского кладбища в Ярославле, переданной мне Сережей Манштейном, папиным племянником, две могилы совсем рядом под густой листвой разросшегося дерева. Могила окружена белой изгородью, большой православный деревянный крест. Это могила прадеда — Андрея Андреевича Манштейна. Когда и как вошел Ярославль в историю семьи?

Первый город, который появляется в семейных архивах — Санкт-Петербург; но первый документ генеалогического дерева относится к Кенигсбергу. В нем упоминается Эрнст Себастиан фон

Манштейн, генерал-майор Русской Императорской армии, губернатор Ревеля. Он умер в 1747 году в Лахте, совсем близко от Петербурга. Сегодня корни надо искать в стороне Ярославля, имя которого промелькнуло на перекрестке дорог.

Мы приезжаем в лавру к десяти часам, как раз к началу службы в Успенском соборе, восстановленном во всем своем великолепии. Огромная толпа, хор — совершенно исключительный, многочисленные священнослужители. Нас проводят вперед, что всегда меня как-то стесняет.

Во время литургии ко мне подходит один из священников и спрашивает, хочу ли я причаститься?

— А исповедь? — спрашиваю я.

И он меня уверяет, что есть еще время.

После службы молодой монах, брат Евграф, показывает нам монастырь: часовню, построенную на месте кельи в лесу, где жил святой Сергий; мощи святого, над которыми насмехались в черные дни революции; покои Патриарха с застекленной галереей, по которой он прогуливался.

Затем молодой семинарист ведет нас через просторные залы семинарии в музей при монастыре; он с увлечением описывает его богатства, старается иногда говорить по-французски.

Отец Феофан приходит за нами, чтобы вести нас обедать. Мы следуем за ним по длинным коридорам в монашескую трапезную. Два молодых монаха прислуживают за столом; все приготовлено очень просто и вкусно из продуктов, производимых общиной.

На закуску салат из помидоров, огурцов, сельдерея; грибы; маринованная и соленая рыба. Следует окрошка и за ней запеченная рыба с картофелем. Конечно, все кончается чаем с мягкой карамелью и печеньем.

Когда мы уезжаем, нет больше визитеров, нет больше туристов. Снова обретает Троице-Сергиева лавра свое веками вымоленное спокойствие.

На обратном пути мы останавливаемся в деревенском домике отца Феофана. В нем как-то особенно спокойно. Весь угол большой комнаты убран иконами.

В садике, окруженном деревянным забором, отдельно огороженный участок с конурой — царство большой собаки, которая играет с каучуковой костью.

Для русского человека восприятие безграничности, с которой он постоянно сталкивается, не может не отразиться на народном характере. Отсутствие чувства меры трудно избежать русскому человеку, будь он даже картезианского склада ума и воспитанным на западной культуре.

А что сказать про Россию сегодня, которая только выходит из долгой изолированности?

Мне кажется, что я могу все понять, но то, что мне кажется вполне объяснимо, удивляет мою Таню. К счастью, мы окружены друзьями. Юрий и Лариса, которые работали в Бизерте, а так же

Володя и Тоня, приехавшие из Саранска, чтобы нас повидать, показывают нам уголки старой Москвы и ее живописные окрестности. За отсутствием времени надо выбирать. Я отказываюсь от музеев.

Мы едем к университету Ломоносова с его широкими, зелеными пространствами, откуда видим всю Москву; Воробьевы горы, где Наполеон ждал ключи города и дождался лишь пламя пожаров; под конец Арбат с его художниками, поэтами, неизбежными почитателями Кришны и старинными домами, которые начинают реставрировать.

Заранее Юрий заказал обед в грузинском ресторане. В этот день мы бродили под дождем в Новодевичьем саду, и отдых вокруг обильного стола со множеством кавказских блюд оставил у нас теплое воспоминание.

У Кремля встретили группу манифестантов. Лозунги — абсолютно немыслимые еще год назад: «Оттолкнем гидру мирового коммунизма», «Меняем Лигачева на Солженицына», «Ленин — самый гуманный из палачей».

Благодаря культурному центру мы присутствовали на двух спектаклях в Большом театре. «Евгений Онегин» — что может быть очаровательней? И как всегда, все ждут сцену бала. Я даже вспоминаю русские балы в Тунисе!

Совсем иной второй спектакль, на который очень трудно достать билеты. Пьеса «Аз воздам» восстанавливает убийство царской семьи в 1918 году в Екатеринбурге. Написанная с заботой об исторической точности, сыгранная с большим, сдержанным достоинством актерами, сходство которых с персонажами поразительно, трагедия глубоко переживается публикой...

Я замечаю быстрые обмены взглядами, когда Николай II, обращаясь к тюремщику-еврею, спрашивает, не боится ли он, что придет время, когда потребуют ответ... от невинных?

И цитируя Евангелие, Божий завет: «Аз воздам» — только Богу судить, — император, который чувствует себя приговоренным, обращается к сыну, завещая ему никогда не искать мести.

* * *

Во вторник, 10 июля, в полночь мы садимся на поезд в Петербург.

Здесь начинается мое паломничество в прошлое моих родителей и в мое собственное и счастливое детство на берегу Балтийского моря. Увы! Я не увидела Ревеля, не увидела уютного домика с большими округленными окнами, ни длинной набережной вдоль серого моря, по которой каждое утро мы беззаботно гуляли, Маша, Буся и я.

Память об этом во мне еще так сильно живет, что время теряет свои границы. Где прошлое? Где настоящее?

Но другие воспоминания ждут нас в Петербурге, в Кронштадте, в Парголове, где жила тетя Катя.

Я знаю, что две семьи Манштейн ожидают нас, но я не знаю, что оговорено для нашего пребывания. Мы приезжаем точно по расписанию. На вокзале я сразу узнаю Женю в белой морской форме: он был у нас дома, когда «Перекоп» заходил в Бизерту.

С ним две дамы. Высокая, еще молодая, элегантная — это кузина Алла. Вдова папиного брата Льва, Мария Зиновьевна, старше меня и меньше ростом. Ее сопровождает родственник, располагающий автомобилем, — что, как я это скоро пойму, очень важно.

Итак, к утреннему завтраку мы оказываемся у Аллы. Ее муж ждет дома, где нас также встречают два кота и собака Рикки. И мы сразу чувствуем себя в семье. Олег Федорович Серебренников, муж Аллы, профессор математической логики в университете, где Алла преподает французский язык. Большого роста, склонный к полноте, с открытым спокойным лицом, все в нем классически напоминает ученого, сконфуженно теряющегося перед чисто материальными затруднениями повседневной жизни. Алла, вероятно, должна быть практичной за двоих. Она устраивает нас в спальне, перебираясь с мужем в столовую-гостиную, так как у них только две комнаты с маленькой кухней. Кроме книг, разложенных везде, важное место отведено орхидеям, что требует сложной системы отопления.

Здесь, как и в Москве, все время нашего пребывания точно расписано. Алла и Женя все разработали в деталях. Первым делом — и я очень этим дорожу — мы идем повидать дядю Юрия Сергеевича, самого младшего папиного брата.

Давно уже папы и его многочисленных братьев нет в живых. Дядя Юрий Сергеевич последний. Крупный, массивный, с правильными чертами лица, он совсем не похож на своего старшего брата, но мы оба очень взволнованы.

На кладбище Александро-Невской лавры, перед могилой Сергея Андреевича — его отца и моего деда — мы все чувствуем семейную связь, унаследованную от общих корней.

Я даже нахожу, что выразительное лицо Аллы больше напоминает подвижное лицо моего папы, чем своего собственного отца — наследие Сергея Андреевича.

Дядя, Юрий Сергеевич, держится прямо, еще чувствуется в нем бывшая сила. Мы подвезли его до дому и пошли пешком вдоль берегов Невы, довольно пустынных в этот тихий летний вечер.

План визитов и экскурсий никогда не был бы выполнен без помощи морских властей и отца Феофана, прибывшего на празднование 750-летия Невской битвы. Первый наш визит к адмиралу, начальнику штаба Ленинградской базы. Я спускаюсь по широким ступеням величественной лестницы Адмиралтейства в сопровождении морских офицеров, и все они знают, что я храню надежду дожить до дня, когда Андреевский стяг будет снова развеваться над городом Петра.

В Морском музее под руководством опытного проводника осматриваем экспозицию, начало которой положено еще в Петровские времена. Спешим, нас ждут в Морском корпусе!

Вера Васильевна Антонова приехала специально для нас, жертвуя своим свободным днем. Она знает, что мой отец провел шесть лет своей молодой жизни в этих стенах, и она хочет нам все показать: дортуары, столовую, портретную галерею... Как жалко, что затеряны стихи, которые передавались через поколения и которые папа иногда читал: торжественный ночной смотр, на который старые адмиралы выходят один за другим из рамок... синусы и косинусы маршируют сплоченными рядами, тангенсы и котангенсы несут вахту... Почему я ничего тогда не записала?

В этот летний день ученики на каникулах. Большое здание опустело. Мы одни в его стенах, и призраки прошедших лет возвращаются юными и беспечными. Я знала многих из них, и они живут вокруг меня. Часть жизни, которую папа провел здесь, кажется самой полной частью всей его жизни.

Два первых года моей собственной жизни связаны с Кронштадтом. У меня мало осталось о них воспоминаний: только темная ночь и белый снег за окном гостиной, да ужас ожидания медведя, который где-то уже шел за мной! Может быть, несколько обрывков отдельных картин: церковные службы на Страстной неделе? Прекрасная погода, большая толпа, мы поднимаемся по бесконечным ступеням; вокруг дрожащее пламя свечей, запах ладана и церковное пение.

Мама с папой часто вспоминали Кронштадт. Они провели в нем три счастливых года до войны. По их рассказам у меня осталось воспоминание кипящего жизнью города. Что осталось от него сегодня?

Что осталось от бурного прошлого, в которое я возвращаюсь одна?

Чтобы попасть в Кронштадт, требуется специальное разрешение: военный катер нас туда доставляет с утра — дядю Юрия Сергеевича, Таню и меня.

Может быть, летние каникулы опустошили город? Почти нет прохожих, никакого движения на улицах. Я люблю этот Кронштадт, тихий и зеленый, асфальт, большой парк и фигуру Петра, как-то особенно упорно стоящую на твердых ногах.

Морской собор — все еще музей, с неизбежным залом Революции.

«Это вам неинтересно», — говорит нам молодой офицер, наш милый проводник, ведя нас прямо к планам фортификаций, сооруженных Петром Великим. Планы защиты Петербурга — в них еще теплится, трехсотлетняя, но все еще живая мысль.

Когда мы выходим, уже темнеет. Какая-то женщина останавливается перед собором-музеем, крестится, низко кланяется.

Мы возвращаемся на машине по дамбе, которая соединяет Кронштадт с континентом. Вдалеке, на островах, под серо-свинцовым небом, как призраки, стираются в тумане очертания крепостей.

* * *

В короткий срок нашего пребывания у берегов Невы, благодаря счастливому стечению обстоятельств и совершенно для меня неожиданно, нас пригласили участвовать в праздновании 750-летия Невской битвы. Сбылась моя старинная, еще детская мечта: идти с крестным ходом по русским проселочным дорогам.

Мы уезжаем на машине с владыкой Феофаном к месту, где произошло сражение, туда, где Ижора впадает в Неву.

Настоящая русская деревня летом, вся в зелени; извилистые, пыльные дороги, залитые солнцем, обрамленные живой изгородью. Деревня полна народа. Мы с трудом находим место для машины. Пешком идем до кладбища, где у маленькой часовни, недавно реставрированной, огромная толпа ждет Патриарха Алексия.

Тропа, по которой он должен пройти, усеяна цветами. Часовня слишком мала, чтобы все могли войти; большинство присутствует на молебне снаружи.

Торжественное богослужение шло под открытым небом, около развалин храма, который отстраивают на том самом месте, где Александр с соратниками ожидал завоевателей.

Мы идем к нему длинной процессией по проселочной дороге, и я переживаю мою старинную мечту: быть одной, неизвестной, в большой толпе паломников разных возрастов, разных сословий. Маленькие дети на плечах родителей, и даже в сопровождении групп молодежи в средневековых одеяниях — некоторые верхом на лошадях, что никого не удивляет в этом так мало изменившемся пейзаже.

Я потеряла Таню, я не вижу больше отца Феофана. Дорога извивается между березами, пересекает деревушку, расширяется к Неве. Здесь в 1240 году Александр с маленькой дружиной ждал шведов. Не я одна переживаю с волнением происходящее.

* * *

В воскресенье, 15 июля, вечером мы садимся на поезд в Москву. Когда-нибудь мои внуки посетят город, который Петр со страстью строил наперекор всем и всему, они осмотрят его дворцы, его музеи, его сказочные окрестности. Может быть, и я буду с ними. А в этот очень короткий приезд я просто радовалась Зимнему дворцу, Летнему саду, Смольному... Как приятно было, смотря на широкое устье реки, ощущать, знать, что это не Сена, не Темза, что это Нева! Бывают секунды, которые переживаются потом в течение целой жизни...

Алла нашла адрес, помеченный у меня на фотографии 1917 года: в окне большого дома бабушка, мама и я, и, конечно, ря-

дом с нами две маленькие головки собак, Буси и Тусика. До сих пор дом еще стоит, все под тем же номером!

Как не пойти на Петербургскую сторону, Большой проспект, дом 44, в квартиру №13, и, как в сказке, очутиться в далеком, милом детстве.

Алла, кажется, сомневается. Она старается меня отговорить: «Там коммунальные квартиры». Я знаю, что она думает: когда несколько семей разделяют квартиру, ютятся по комнатам, с общей кухней и удобствами, не всегда можно ожидать от них безупречной вежливости!

Подъезд совсем, как на старой фотографии, с узорной аркой из крупных камней. Мы поднимаемся по лестнице, никого не встречая, везде царит полная тишина. Вот и номер 13. Я знаю, что находится за этой дверью, но на звонок никто не открывает дверь; еще минута ожидания, последняя безуспешная попытка — мы уходим.

На улице я поднимаю глаза к окну. За плохо задернутой занавесью никто не пытается разглядеть неожиданного визитера. Окно остается закрытым...

Может, так и лучше!

Встреча с прошлым требует особой, обоюдной готовности.

Вечером у Марии Зиновьевны Манштейн, вдовы дяди Льва Сергеевича, мы находим семью с папиной отцовской стороны. Мой кузен Сергей Львович дарит мне фотографии, которые ему — я это чувствую — очень дороги. Но сам бездетный, он знает, что я могу их передать потомкам нашего деда Манштейна.

Жалко, что у нас слишком мало времени, чтобы ближе познакомиться с Сережей.

Фотографии начала XX столетия, некоторые лица на них мне знакомы, мне кажется, что все они жили совсем в другом мире, безвозвратно ушедшем. Дед Сергей Андреевич на водах в 1913 году, трое его сыновей от второй жены — Сергей, Всеволод и Лев.

Что ждало этих юных мальчиков в аккуратных, одинаковых костюмах с большими белыми воротниками, в высоких ботинках на пуговицах и с соломенными канотье в руках?

Старший, Сережа, был зарублен на Перекопе; Всеволод покончил с собой в 19 лет! Единственная дочь, Зинаида, убита в порыве ревности отвергнутым ею человеком. Чем объяснить, что такой пунктуальный, упорный, кабинетный ученый пережил такую бурную жизнь?

Дядя Юрий Сергеевич — последний из шести братьев Манштейн. Расставаясь со мной, он дарит мне годами хранящуюся у него шкатулку; на внутренней стороне крышки детским почерком выведено имя ее первого владельца: «Александр Манштейн».

17 — 18 июля мы опять в Москве, в гостеприимном доме Нинель Гургеновны — мамы Аркадия. Квартира загружена московским телевидением; меня расспрашивают о 20-х годах. Полная свобода слова. Вечером мы чувствуем себя в Тунисе, присутствуя на обеде у тунисского посла Ахмеда Унайеса. Посольство размещается в старинном Шереметьевском особняке, стены которого видели зловещую фигуру Берии. Сколько невинных были замучены тогда в здешних погребах!

РУБЕЖНОЕ

Четверг, 19 июля 1990 года.

Мы летим в маленьком самолетике, как в закрытой железной коробке, и еще живее всплывают мои детские воспоминания о наших с мамой путешествиях через всю Россию — пролетающие за окном цветущие просторы полей, бег деревьев по склонам гор, веселое оживление уезжающих на каникулы и успокаивающий стук колес.

В самолете полутемно и как-то необычно далеко от всего. Ничто не мешает думать о своем; отрывки мыслей, картины прошлого... Складываются стихотворные строчки:

Я вернусь

Белый дом и белые колонны
Двести лет на берегу Донца.
В старом парке прячутся вороны
И алеют розы около крыльца.

Белый дом и белые колонны,
Старый парк в сиянии Донца
Страстный голос соловья в сирени,
Его трели плачут, плачут без конца

В светлом зале музыка и пение,
У рояля — молодой кадет:
Из-под пальцев льется вдохновенье,
И танцует в зале кто-то менуэт.

В моем сердце — в парке вечно лето,
Блеск Донца, черемуха, сирень...
В этом доме, сотканном из света,
Никогда не пробегает тень.

Как вернуться в старую усадьбу,
Как дорогу в детство мне найти?
Как попасть мне к соловью на свадьбу,
Где сирень не может отцвести?

Я вернусь, и в зарослях сирени
Заливаться будет соловей,
Я вернусь, чтоб встретить в парке тени
Дорогих и близких мне людей.

Я вернусь, и будут цвести розы
В старом парке около крыльца.
Я вернусь! Иль это только грезы?
Нет усадьбы больше у Донца

В 17 часов 40 минут маленький самолет приземляется в Северодонецке — поле и за деревянным забором публика ожидает прилетевших. Как видно, нас нетрудно узнать — Светлана Олеговна улыбается нам издалека; рядом с ней молодой мужчина — «Володя с автомобилем», как я узнаю позже. В простоте радушной встречи есть что-то родное, и ближе кажется мне Рубежное.

Через четверть часа мы уже у Лисичанска, и, как в тот далекий июльский день 1918 года, мы стоим на маленькой станции «Насветевич». Ничего не изменилось. Пустынная тропа поднимается между кустарником к моему затерянному царству. Туда нас поведут завтра. Темнеет. Наши заботливые хозяева не хотят нас утомлять. Гостиница удобная, ужин очень приятный, с шампанским и множеством цветов, и я знаю, как это трудно все устроить в теперешних условиях. Уходя, Светлана Олеговна оставляет нам расписание на следующие два дня.

Что будет завтра?

У открытого окна я вглядываюсь в ночь. Я знаю, что все на свете меняется, что белого дома с колоннами в большом цветущем парке давно уже нет.

Люди везде умеют извратить окружающий их мир. Но эта тихая ночь под высоким куполом украинского неба все та же. Сколько близких, дорогих мне людей вглядывались в нее, как я сегодня, на этом дорогом нам кусочке земли. Кто скажет мне, что я не у себя?

И как бы в ответ на мой вопрос, совершенно неожиданно для этой тихой ночи, внезапная гроза разразилась с какой-то беззаботной, почти радостной силой, будто все вокруг меня хотело дать мне знать, что я здесь не чужая. Асфальт широкой улицы блестит от дождя, и силуэты деревьев сплоченными рядами появляются на мгновенье из темноты при вспышках молний. Сколько таких гроз видели хозяева Рубежного за два столетия?

Когда в Бизерте мы с друзьями обсуждали программу путешествия, по общему мнению, больше 48 часов на визит Лисичанска не требовалось.

— Полдня достаточно, чтобы осмотреть школу, и что вы потом будете делать в Донбассе?

И действительно! По расписанию этого второго дня визит школы №5 назначен на 17 часов. Вероятно, мало что осталось от поместья, земли которого влились в разросшийся вдоль Донца город. То, что не уничтожила война, скрылось под асфальтом и бетоном.

Я вспоминаю, как уговаривала меня моя милая Наталья Петровна из посольства России в Тунисе «не возвращаться на родные места, чтобы не рассеять прелесть прошлого»!

Я помню, что Ина, вернувшись в Ерфурт, нашла родной дом в прекрасном состоянии, но до такой степени обезличенным, что она не решилась в него войти. Она была для него чужая!

В Лисичанске я не чувствовала себя чужой. Меня здесь крестили — тогда здесь была еще деревня — в Митрофановской церк-

ви, теперь уже отжившей, задушенной окружающими ее постройками. Но действительность прошлого удивительно сильна. Ничто не может изменить того, что было. Нас везде встречали с большой теплотой. Утром мы были в храме Николая Угодника. Молодые студентки рисовали фрески...

В краеведческом музее мы встречали коллег Светланы Олеговны. Разглядывая выставленные документы, я узнала, что Менделеев навещал Донбасс. Нет сомнения, что он был принят в Рубежном. Мы приглашены директором стекольной фабрики, выстроенной на земле поместья, на которой, как мне кажется, мама работала учительницей в 1918 — 1919 годах. Просторное, светлое здание, окруженное зеленью. Нам дарят большую, писаную маслом картину — «Лето» Гребенюка, а также сказочные елочные рождественские украшения из стекла.

«Выдувать стекло» — слова, произнесенные кем-то подле меня, поднимают в памяти целый мир событий, казалось, давно забытых. Отдельные картины, обрывки фраз, запечатленные когда-то детским умом, встают на свои места и освещаются с удивительной точностью в этой спокойной обстановке, которая, казалось, вовсе не изменилась.

Насколько я знаю, фабрика принадлежала бабе Муне. Она создала при ней школу для детей рабочих, и, когда фабрика была национализирована в 1918 году, мама работала при ней учительницей. Однажды она принесла домой маленькую вазу с тонким горлышком и объяснила мне, как выдувают стекло. Работа трудная, опасная, и в то же время есть в ней любовь к прекрасному. Отец одной из маминых учениц выдул ее сам и очень настаивал, чтобы мама приняла этот подарок. Девочка была больна, и, видя мамино волнение, я поняла, что она много занималась с ребенком.

Мама часто говорила про своих учениц. Некоторые из них немного старше меня, возможно, еще живы. Мне говорят, что вторая учительница, которая работала с мамой, еще жива, что год тому назад она вспоминала о маме с большой симпатией. Сегодня, увы, ей очень плохо, и нам невозможно ее повидать.

На этой же фабрике работал счетовод, который все сделал, чтобы нам помочь, когда мы уезжали.

Я не помню, где жила семья директора Лебедева, но я очень хорошо помню их большую гостиную, тонкий узор фарфоровых чашек и расстеленную на полу роскошную шкуру белого медведя с неподвижным блеском стеклянных глаз. Я не забыла ни трагическую смерть директора, ни отчаяние его жены, обыкновенно хорошо собой владевшей; всех я вижу уже успокоенными в другом мире, где ничего им больше не угрожает. И самой мне спокойно на душе в этот тихий июльский день.

Фабрика может называться «Пролетарская» и бюст Ленина может красоваться перед ней на залитой солнцем маленькой площади, но воспринимается это уже как маловажная деталь, поте-

рявшая свое значение. Почему не будет со временем эта фабрика носить имя Менделеева, бюст которого может быть при входе? Ученый, который гулял по этим аллеям, сидел в тени этих деревьев. Кроме него, сколько исследователей, геологов, инженеров были приняты хозяевами Рубежного?

Кого встречу я сейчас в «парке» или в «доме»? Могут ли двести лет бывшей жизни стереться бесследно? Я начинаю думать, что Жорж и Стефан не ошиблись, когда совсем еще маленькими старались меня успокоить:

— Но может быть, Бабу, есть еще кто-нибудь там, в России? Дети Анны Петровны, ее внуки? Адамовичи, которых было так много?

Мои внуки мне доверяли; мы часто говорили про тех, кто имеет глаза и не видит, кто имеет уши и не слышит. Они знают, что ясный взгляд и тонкий слух недостаточны; требуется к тому же еще любовь и память! Я верю в встречу с моим Рубежным!

Мы идем теперь по направлению к школе №5, построенной на месте барского дома. По всей вероятности, по этой дороге мы проезжали с вокзала на лошадях. Я была тогда еще слишком маленькая. Я помню только Лисью тропу, по которой мы с трудом поднимались в июльскую жару 1918 года. Сегодня я открываю земли усадьбы, которые в моих воспоминаниях, несмотря на все усилия памяти, оставались смутным пятном.

Мы в пригороде Лисичанска — это еще не город; спокойные улицы, дачи с садиками, цветущая зелень... Вдруг на повороте улицы доска: «Рубежная». Дорога расширяется к большому белому зданию в несколько этажей; постройка следует контурам старого фундамента.

Перед фасадом все пусто.

Маленькие, приветливые домики заменили кухню, курятник, хлев и конюшню. Ничего не осталось от Круглого сада, где дядя Мирон выращивал разные сорта фруктов, но все это не искажает природу, и память продолжает жить.

Как когда-то во сне, старые картины уступают место новым, но сейчас я узнаю все, что вокруг меня, и на этот раз Рубежное не исчезнет вдали, когда я проснусь!

От волнения я не знаю, откуда у меня столько цветов в руках, кто идет рядом со мной, но путь этот я хорошо знаю и знаю, кто мне здесь дорог.

У порога дома стоят старожилы.

Еще крепкая пожилая женщина с правильными чертами лица широко открывает мне свои объятия. «Ведь вы Нака?» — спрашивает она меня, называя меня именем, известным только людям, знавшим меня совсем маленьким ребенком. Это Наталья Михайловна Адамович, семья которой больше сотни лет работала в усадьбе.

Сколько у нас с ней общих вопросов!

— А Анна Петровна? А Михаил Иванович? А Наташа?

Она предупреждает мои вопросы, отвечает, не дожидаясь конца фраз: Наталья Михайловна — внучка Кирилла Ивановича, правнука Ивана — сына цыганки.

Сколько мы можем друг другу рассказать! Но нас ждут.

— Входите в ваш дом! — говорит директор Елена Антоновна Иванова, еще молодая, полная энергии. Она проводит нас в длинный зал со множеством окон, выходящих на школьный двор. Сидя за столом, убранным цветами и фруктами, прищуря глаза, я вижу ветки деревьев за стеклом, и «мой парк» оживает от рассказов присутствующих. Для них мы не были чужими; мы принадлежали к Рубежному, мы вернулись. Елена Антоновна не знала старый дом, но она собрала людей, которые могут многое рассказать.

— Я работаю в этой школе уже около десяти лет. Мы живем очень дружной семьей, и на протяжении этого времени люди очень часто с теплотой вспоминали о вашей семье, об имении — месте, где раньше был дом Насветевичей; такое прекрасное было сооружение — с колоннами, спуском к Донцу...

Мы взволнованны, может, что-то и не так, но нам очень радостно приветствовать вас в родовом имении...

Думаю, мы попросим Марию Михайловну Приходько... она живет рядом со школой, местом усадьбы... Она тоже учительница, очень хороший человек, я думаю, она поделится своими впечатлениями. Вам будет приятно. Пожалуйста, Мария Михайловна!

Слушая тихий, скромный голос, я легче примиряюсь с суровой действительностью. Неуместно и бесполезно было бы вспоминать о безвозвратных потерях.

— У вас, Анастасия Александровна, здесь много знакомых. Вас все знают, все вас помнят, помнят как очень отзывчивых, хороших, культурных людей. Говорят, что это была замечательная семья, которая много сделала для Рубежного. Это ведь было большое имение, завод. Рабочие, которые там работали, были очень довольны.

Ну, что сказать? Было хорошее, плохого не было; плохого о вас никто не помнит, только хорошее... Я так волнуюсь, что не могу уже сосредоточиться.

Очень приятно с такими людьми встречаться. И как вы только решились приехать, посмотреть на все свое здесь? А еще, помню, какой парк был здесь, сад! Какие, говорят, садовники были! А фонтан! А розы! Сколько здесь было всего хорошего! Хорошо, что вы приехали. Очень хорошо. Спасибо вам!..

Мария Михайловна останавливается в волнении. Небольшая, хрупкая, она скромно замолкает, так как все хотят говорить. Рядом со мной пожилая, но цветущая еще женщина с живостью вспоминает далекие времена, когда ее с другими деревенскими детьми приглашали на елку в большой дом.

— Какие мы получали подарки! Какие гостинцы! А яблоки?! Вот такие огромные! — Она делает жест двумя округленными

ладонями, и ее розовые щеки и смеющиеся глаза переживают детский восторг.

Она одна из тех, которые «испокон веков жили здесь». Поэтому она помнит, как пострадал дом, как пробивали двери, как превратили зал в кухню, гостиную — в дортуар. Она помнит конец 50-х годов, когда дом окончательно снесли:

— Нашли дощечку, — добавляет она, — с надписью, говорившей, что дом стоит уже 168 лет...

— И еще бы 300 лет стоял, — прибавляет кто-то, — постройка была такая крепкая, что топор отскакивал, не мог пробить дерево. Из одного паркета построили несколько дач!..

Так мне дано было пережить смерть дома — последней из семьи, кто его знал и любил.

Суховатый седой мужчина, которого я давно заприметила, так как ему не сиделось на месте, просит слова и несколько смущенно объясняет:

— Когда надо было строить школу, было выбрано место, где стоял дом, потому что уже точно было известно, что под ним нет каменного угля.

Оратор сам выглядел неудовлетворенным своим объяснением и очень меня растрогал, поднеся мне в подарок большую картину с видом Донца и новым школьным зданием вдали.

Как объяснить окружающим, что я ничего не жду другого, кроме встречи с милым прошлым, и что благодаря их приему, я знаю теперь, что на земле есть уголок, где я никогда не буду чужой?!

Наталья Михайловна прожила в Рубежном всю свою жизнь. Живой интерес ко всему и верная память переносят ее легко в давно ушедшие времена; она знает там всех своих предков. Такие, как Наташа, живут не только в настоящем, но и в прошлом, живут столетиями. В молодости она, вероятно, была крепкая, стройная, с открытым, красивым лицом, как первый Адамович, приехавший сюда из Польши. Отяжелев на старости лет, она ходит с трудом, но когда она говорит, все в ней оживает. Старше меня на три года, она удивительно подробно помнит летние встречи нашего раннего детства. Могла ли я найти себе спутника лучше, чтобы посетить опустошенное пространство вокруг школы №5?

Когда мы покидали большой зал, публика начала расходиться, но некоторые, живущие поблизости, остались с нами.

Обойдя школу, мы вошли в «парк» — большой пустырь на месте центральной площадки с фонтаном, от которой расходились аллеи. Впрочем, одна их них, зацементированная, уцелела и ведет к детскому саду. Заросли кустарника простираются до ограды, а за ней, далеко внизу, Донец.

Испуганная всем этим народом, собака прячется в кустах. Она на коротких лапках, как у аристократических такс из барских домов, но белесого цвета, как большинство дворняжек.

Потомок верной Дези?

Мы ходили по «парку» там, где сохранилось еще подобие сада; несколько деревьев являются частью территории детского сада, где большая аллея содержится в порядке. Наталья Михайловна, для меня уже Наташа, забыла про свои тяжелые ноги, не знает больше, где ее палка; у нее крылья!

Таня, смотря на нас, знает, что мы видим все в другом мире: великолепие большого поместья, где наши предки жили вместе.

Вероятно, мы одни с Натальей это видим. Кто знает, может, когда-нибудь парк оживет? Так много еще свободного места, и все может расти на этой богатой земле!

Мне вспоминается басня Лафонтена про землепашца: уверив сыновей, что в земле зарыт клад, он побудил их ее вскопать. И здесь, как мне рассказывают, тоже часто копают в поисках клада Насветевичей. Почему же заодно и не сажают что-нибудь? Это было бы надежнее, чем находка несуществующего сокровища. Ларчик с монетами тети Анны давно, наверное, был найден. Продолжал ли Вацлав его искать?

Как раз Наташа про него вспоминает. После нашего отъезда он основал семью, имел двух детей и через несколько лет вернулся в Австрию. Семья больше его не увидела, так как границы были закрыты.

А Лебедевы? Семья расстрелянного директора? Наташа их очень хорошо помнит:

— Дама большая, как мужчина, с маленькими усами?

Семья после того несчастья переселилась в одну из квартир дома, где помещалась прислуга. Любезная докторша, которая теперь в ней живет, приглашает нас к себе. Хочет ли она мне коечто показать? Я слежу за движением ее рук — на полу расстилается... шкура белого медведя; очень скромный мех, расплющенная голова без стеклянных глаз! Неужели это мой медведь так состарился? Пересекая двор, я указываю направление к погребу:

— Но он все еще здесь!

Несколько крупных булыжников, ступеньки под землю без крыши — это все, что осталось. Я вижу еще, как спускаюсь за Анной Петровной по лестнице в этот мир бесчисленных стеклянных банок на полках вдоль стен. Память об Анне Петровне живет в нескольких шагах отсюда: домик, который баба Муня для нее построила, устоял! Кокетливый и светлый, он совсем не похож на избу. Белой краской обрамлены многочисленные окна, узорный орнамент белых кирпичиков стен, кружевная зелень веток акации и множество желтых и красных цветов в палисаднике; все это носит отпечаток заботливого ухода. Давно уже умерла Анна Петровна, и дети ее, продав дом, куда-то уехали. Новая хозяйка приглашает нас войти, чувствуя во мне посетительницу из давно ушедших времен. Комнаты просторные, старинная изразцовая печь заменена радиаторами отопления. На буфете в столовой — графин в форме барана, который барин принес 100 лет назад, когда освящали дом. Садик вокруг дома дает овощи и фрукты. Несколь-

ко курочек прогуливаются под дружелюбным взглядом большой собаки по имени Динар. Хозяйка дома, принимающая нас с таким радушием и пирогами с вишней, снимает со стены гипсового, позолоченного ангелочка: «На память о доме».

Светлана Олеговна передает мне книгу «Свод законов» с пометками на полях, которую неизвестный мне юноша принес для меня:

— Из библиотеки судьи Насветевича.

Я чувствую теплую благодарность ко всем этим людям, которых даже не знаю. Они живут на землях усадьбы, память о которой еще теплится, и они хорошо понимают, почему я приехала.

В конце пустыря — кусок утрамбованной земли, покрытый колючками, — это все, что осталось от семейного кладбища. Из всех опустошений это — самое горькое.

Никакого присутствия не чувствуется на этой оскверненной земле.

Такой ли предвидел Иван, «сын цыганки», гибель создаваемого с любовью поместья?

Это здесь начинается спуск заросшей тропы, у которой маленький Шурик не раз видел старика, беседующего с большим рыжим лисом.

Оживают картины прошлого. Я вижу все, о чем вспоминает Наташа. По этой тропе Ольга Роговская каждое утро верхом спускалась к Донцу — всегда на одной и той же светлой лошади, — окруженная группой молодых всадников, это по той большой аллее несли Нику в кресле с залитой кровью грудью, и маленькая Наташа слышала, что он хотел умереть из любви к Ольге.

На этих зеленых берегах, на этих деревянных мостиках папа мальчиком встречал своих деревенских товарищей. И мы с Наташей тоже здесь: две маленькие фигурки, играющие в песке.

— Тогда так много песка не было, — говорит мне Наташа, указывая на песочницы детского сада.

Нам дана радость видеть окружающее глазами детства, и прошлое в эту минуту становится для нас реальнее настоящего. Я знаю, что мы это заслужили.

— Что вам делать в Лисичанске? Полдня достаточно, чтобы осмотреть школу №5, — говорили мне в Бизерте.

Теперь, видя размеры земель Рубежного, я хотела бы иметь время, чтобы походить по деревенским дорогам, по тропам в лесу вдоль берегов Донца. Мне хотелось бы подняться, шаг за шагом, по тропе в кустарниках, вновь пережить чувство странного одиночества и необыкновенной тишины того жаркого июльского дня 1918 года, когда впереди нас ждала полная неизвестностей жизнь

Мне хотелось бы побеседовать с жителями приземистых домиков с горбатыми крышами на другой стороне Донца, словно вкопанных в землю с незапамятных времен.

Везде задерживается память, я это вижу в глазах окружающих, слышу в отрывках фраз, долетающих до меня:

— Но все вас здесь знают!

— Моя тетя Марьюшка работала в большом доме...

— Моя мама стирала белье у счетовода фабрики...

— Но почему вы уехали?..

Скромная фигура появляется из-за поворота аллеи, пытается поцеловать мне руку. Как не расцеловать этого трогательного свидетеля времен, которые я упорно восстанавливала всю мою жизнь! И теперь, когда я у цели, мне не хватает времени!

Светлана Олеговна нашла время для встречи с людьми, которые, как и я, верят в силу прошедшего: «Настоящее без прошлого — это настоящее без будущего!»

Нас трое — историк, изучающий прошлое Донецкого бассейна, Наташа и я. Не чудо ли, что я узнаю историю Рубежного именно здесь, на земле, где 200 лет тому назад осели мои предки?!

Историк Владимир Иванович Подов назвал мне некоторых из них — они упоминаются в книге «Открытие Донбасса». Он даже дал мне адрес в Петербурге, где в областном архиве на улице Псковской хранятся 108 дел за подписью Марии Насветевич. Ученый-историк, он опасался ошибиться в именах. Когда он назвал Богдановича, Наташа оживилась:

— У Богдановича тоже не было сыновей. Он выдал свою дочь замуж за Насветевича, дав им Рубежное в приданое

— Наташа, а ты помнишь, как звали дочку Богдановича? — спросила я.

— Я не совсем уверена... Мне кажется, Анастасья...

Наташин рассказ относится к началу XIX столетия, вероятно, к 1805 году, когда пан Богданович привез из Польши хорошего работника — Сергея Фадеевича Адамовича — отца Ивана — «сына цыганки». Из трех сыновей Ивана, имена которых Наташа тщательно перечисляла по пальцам, я хорошо помню повара Михаила Ивановича и совсем не знаю конюха Федора; что касается Кирилла, то он умер в 1913 году, мне был только год, а Наташе — четыре. Сын Кирилла, Михаил, — отец Наташи. Теперь Наташа живет у своего сына и принимает нас с пирогом и чаем. Ее внучка, лет двадцати, сидит с нами за столом, но я до сих пор не слышала от нее ни одного слова. Застенчивость? Отсутствие интереса?

— Записывайте, записывайте, — настаивает историк.

Она неопределенно улыбается.

Наташа теперь говорит о нашем раннем детстве, и, в зависимости от того, падает ли ее взгляд на мои седые волосы или вспоминается ей маленький ребенок, бежавший к ней с вытянутыми ручками, она обращается ко мне на «вы» или на «ты», и ее голос дрожит от волнения:

— Вы приехали издалека, уважаемая Анастасия Александровна, в наш поселок, где вы родились. Нака, как ты мне все внутри всколыхнула, все мое детство я вспомнила...

Очень подробно она описывает нашу первую встречу:

— Бабушка меня послала однажды понести какой-то сверток Михаилу Ивановичу; он работал на кухне. Я постучала в окно, но дедушка пока не выходил, наверное, был занят. Под каштаном играла девочка и, когда увидела меня, побежала ко мне. Там была еще какая-то женщина; или она няня, или кто, не знаю. Она тоже побежала и начала тебя тащить обратно — уводить от меня. Ты закричала, заплакала; в этот момент вышла твоя мама...

Наташа от волнения замолкает. У нее перед глазами моя мама, идущая с улыбкой ей навстречу.

— Мама подошла с тобой ко мне, говорит: «Будем знакомиться», — и тебя успокаивала, чтоб ты не плакала. — «Спроси девочку, как ее зовут». — Ты взяла меня за руку и ничего не говорила. Тогда мама сама задала вопрос: «Как тебя зовут?» Я ответила: «Наташа». — «А фамилия как?» — «Адамович».

В тот момент вышел Михаил Иванович, взял у меня сверток и сказал, что я внучка Кирилла Ивановича Адамовича. Мама твоя его знала и позвала меня: «Идем с нами погуляем». Ну, я пошла. Под каштаны. Сели мы. Нака, ты не представляешь, как красиво цвели каштаны. Очень красиво! Их там было много, каштанов, был стол под каштанами, скамейки... Был также песок и игрушки, и мы долго играли, но когда я собралась домой, ты схватила меня за руку и не пускала!

Мама успокоила тебя; она подошла ко мне и спросила: «Наташа, ты завтра придешь к нам?» Я говорю: «Да, приду».

И вот я пообещала, и ты меня пустила, и я ушла. Я приходила назавтра. Я все время приходила. Катя, внучка Анны Петровны, тоже приходила, и Ледя, дочка моей тети Марьюшки, которая у вас белье стирала. Но мама твоя больше всего с нами была. Она у меня в памяти осталась, Зоя Николаевна...

Наташа многое может рассказать, может ответить на все вопросы:

— Анна Петровна? У нее дочь была замужем за Берестовым, и жили они все, где ихний дом. У них были три внучки, у Анны Петровны — Антонина, Катя и Дина, так что Анна Петровна была не одна. Умерла она приблизительно в 56-м или в 57-м году.

Какая долгая жизнь, связанная с Рубежным!

Когда перед смертью в 1915 году Мария Насветевич старалась обеспечить старость своей верной Анны Петровны, могла ли она предвидеть, что сами хозяева Рубежного все потеряют и что судьба разбросает их по чужим землям?..

Светлана Олеговна познакомила меня со статьей из местной газеты за подписью Н.В.Лопаткина. По его сведениям в 1868 году будущий император Александр III приезжал в Лисичанск крестить сына своего личного друга генерала Насветевича. Сына или дочь Александру? 1868 год скорее год рождения его дочери, портрет которой в двадцатилетнем возрасте хранится у меня с точным указанием года: «Александра Александровна Насветевич, сентябрь 1888 год». Я знала, что любимая папина «Тотка» была крестницей Государя; я долго хранила массивные императорские часы с императорским вензелем, которые Мария Насветевич получила в подарок на крещение дочери, но только сейчас я узнала, что Александр III посетил Рубежное. И здесь загадочная фотография ожила внезапно в новом освещении: это, конечно, Лисичанск покидает будущий император, направляясь к мосту!

«Проводы Его Высочества за мост». Последнее слово давно должно бы мне дать ключ к разгадке; я знала, сколько энергии вложил генерал Насветевич в постройку моста и железной дороги. Большой альбом в кожаном, коричневом переплете, о пропаже которого во время бомбардировок в Бизерте я сегодня сожалею больше, чем когда-либо, живо передавал ту кипучую деятельность, которая царила во второй половине XIX века в этой области, одной из самых индустриальных в России — знаменитом Донецком бассейне.

Признаться, тогда мне казались мало увлекательными эти стройки вдоль Донца, конструкции моста, группы рабочих, потомки которых могли бы сегодня узнать в них своих дедов. За толстыми, пожелтевшими фотографиями из пропавшего альбома встают лица тех, кто создавал богатство страны.

Их потомки сегодня здесь — те, которые хранят о них память.

День кончается. Сейчас все разойдутся. Наступающая ночь постепенно овладевает опустошенным парком, где сирень давно уже отцвела под развалинами белых колонн.

Где ютится теперь соловей?

Темная громада школьного здания, пустого в это время года, послушно следует очертаниям старого фундамента. В его многочисленных окнах — слабые отблески, словно знак какой-то уцелевшей тайной жизни. Жизнь еще теплится!

С пяти часов утра мы объезжали земли поместья, которые мне были совершенно не знакомы. На противоположном берегу Донца ничего, кажется, не изменилось за 200 лет поля, леса, деревушка. Оставив машину, мы идем пешком по тропе вдоль реки, которая в этом месте расширяется, и останавливаемся напротив Рубежанских холмов, где карабкается к дому заросшая тропа. Ничто не позволяет думать, что мое очарованное царство живет только в памяти. В час, когда встает солнце, когда все еще неподвижно, я стою перед землей поместья, открывая с неожиданной ясностью его красоту и размеры. Все до последних деталей стало на свои места — от туманных оттенков реки, которая только просыпается, до горького запаха полыни, стебли которой я мну между пальцами.

Никогда больше не увижу я того удручающего сна, который регулярно посещал меня годами, прожитыми без всякой надежды на возвращение, — сна призрачной усадьбы, удаляющейся при моем приближении.

Мои поиски прошлого кончаются у тихой пристани. Я уношу из моего Рубежного мирную картину очаровательной пасторали. За поворотом тропинки маленькая старушка — морщинистое лицо под треугольным платочком — пасет взволнованных нашим появлением гусей.

— Я из семьи Насветевич, — говорю я, показывая на другой берег, где над вершинами деревьев виднеется крыша школы.

Она не медлит с ответом, так как слышала, по-видимому, о нашем приезде:

— Я знаю, знаю...

И мы обнимаемся.

Эта хрупкая пастушка на отлогом, зеленом берегу Донца в час, когда встает солнце, — последняя картина, которую я уношу из Рубежного.

ЭПИЛОГ

«Бизерта. Последняя стоянка» — почему такое заглавие?

Раньше я думала, что в России никто не знает Бизерту. Однако количество писем, которое я получаю после моих интервью и статей, затронувших моих соотечественников в России, доказывает, скорее, обратное.

Среди недавно полученных писем мне хочется отметить одно, поразившее меня своей необыденностью. Несмотря на неполный адрес и неправильную фамилию, письмо дошло до меня. Автор просил извинения за неточности, объясняя, что он не все уловил в радиопередаче: член научной экспедиции, он слышал мой голос за Полярным кругом!..

Россия праздновала в 1996 году трехсотлетие Военно-морского флота, созданного Петром. Последняя эскадра Русского Императорского флота пришла умирать в Бизерту в 1920 году. Все, кто в России любят свой Флот, знают Бизерту.

В четверг 20 июня 1996 года делегация представителей Морфлота передала храму Александра Невского в Бизерте, построенному в память последней эскадры, драгоценный дар из Севастополя: небольшую горсточку земли, взятую у входа во Владимирский собор, где в далеком 20-м году получили благословение русские моряки Черноморской эскадры, уходившей от родных берегов на Бизерту.

Тунис. Бизерта. Декабрь 1998 года.

СПИСОК КОРАБЛЕЙ РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА, ПРИШЕДШИХ В БИЗЕРТУ
(по данным французского адмирала Лепотье)

Линейные корабли

«Генерал Алексеев» — командир капитан 1-го ранга Федяевский. Прибыл 27 декабря 1920 г.
«Георгий Победоносец» — командир капитан 2-го ранга Савич. 14 февраля 1921 г.

Крейсера

«Генерал Корнилов» — командир капитан 1-го ранга Потапьев. 29 декабря 1920 г.
«Алмаз» — командир капитан 1-го ранга Григорков. 25 декабря 1920 г.

Эскадренные миноносцы

«Капитан Сакен» — командир капитан 2-го ранга Остолопов. 26 декабря 1920 г.
«Беспокойный». 22 декабря 1920 г.
«Дерзкий» — командир капитан 1-го ранга Гутан. 29 декабря 1920 г.
«Гневный». 6 февраля 1921 г.
«Поспешный». 6 февраля 1921 г.
«Пылкий». 22 декабря 1920 г.
«Цериго». 17 февраля 1921 г.
«Жаркий» — командир старший лейтенант Манштейн. 2 января 1921 г.
«Звонкий» — командир Максимович. 26 декабря 1920 г.
«Зоркий» — командир Зилов. 26 декабря 1920 г.

Посыльное судно

«Якут» — командир капитан 1-го ранга Китицын. 26 декабря 1920 г.

Канонерские лодки

«Грозный» — командир старший лейтенант фон Вирен. 25 декабря 1920 г
«Страж» 26 декабря 1920 г.

Учебное судно

«Свобода» («Моряк») — командир капитан 2-го ранга Рыбин. 29 декабря 1920 г.

База подводных лодок (транспорт)

«Добыча» — командир капитан 2-го ранга Краснопольский. 27 декабря 1920 г.

Подводные лодки

«Тюлень» — командир Копьев. 28 декабря 1920 г.
«Буревестник» — командир фон Оффенберг. 25 декабря 1920 г.
«Утка» — командир Монастырев. 27 декабря 1920 г.

Тральщик

«Китобой» — командир Ферсман. 27 декабря 1920 г.

Плавучая мастерская

«Кронштадт» — командир Мордвинов. 28 декабря 1920 г.

Транспорт

«Баку» (нефтеналивной). 16 февраля 1921 г.

Ледоколы

«Всадник» — командир Викберг. 26 декабря 1921 г.
«Джигит». 17 февраля 1921 г.
«Гайдамак» — командир капитан 1-го ранга Вилькен. 16 февраля 1921 г.
«Илья Муромец» — командир капитан 2-го ранга Рыков. 16 февраля 1921 г.

Буксиры

«Черномор» — командир капитан 2-го ранга Бирилёв. 27 декабря 1920 г.
«Голланд» — командир лейтенант Иваненко. 27 декабря 1920 г.

Пароход

«Великий князь Константин». 23 декабря 1920 г.

СПИСОК ЧИНОВ МОРСКОГО ВЕДОМСТВА, ЗАХОРОНЕННЫХ В ТУНИСЕ

1. Вице-адмирал Герасимов Александр Михайлович (1861 — 1931).

Окончил Морской корпус в 1882 г. и Михайловскую артиллерийскую академию в 1892 г. Участник русско-японской войны, обороны Порт-Артура. Командир учебных судов «Рига» и «Петр Великий». С 1914 г. начальник Ревельского войскового района, генерал-губернатор Эстляндии и Лифляндии. Ранен матросами в дни февральской революции, уволен в отставку. Во время гражданской войны — начальник Морского управления при главнокомандующем вооруженными силами юга России генерал-лейтенанте А.И. Деникине. Начальник Бизертского Морского корпуса (1920 — 1925). Скончался в Бизерте в 1931 г. Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 3-й ст., Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст.

2. Контр-адмирал Беренс Михаил Андреевич (1879 — 1943). Окончил Морской корпус в 1898 г. и штурманский офицерский класс в 1904 г. Участник войны с Китаем 1900 — 1901 гг. и русско-японской войны. За оборону Порт-Артура награжден золотым оружием. С 1906 г. на Балтийском флоте: старший офицер крейсера «Диана», командир эскадренных миноносцев «Легкий», «Туркменец Ставропольский», «Победитель», «Новик» (1916 г.). Командир линейного корабля «Петропавловск». В 1917 г. назначен нач.штаба минной обороны Балтийского моря. После Октябрьской революции примкнул к адмиралу А.В. Колчаку — с 1920 г. командующий морскими силами на Тихом океане. В вооруженных силах генералов Деникина и Врангеля командовал Керченской военно-морской базой, отрядами кораблей в Черном и Азовском морях. С 1921 г. командующий русской эскадрой в Бизерте. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2-й ст. с мечами.

3. Контр-адмирал Ворожейкин Сергей Николаевич (1867 — 1939).

Директор Морского кадетского корпуса в Севастополе. Окончил Морской кадетский корпус в 1886 г. В период с 1909 по 1911 гг. начальник 1-го дивизиона миноносцев Балтийского флота. Первую мировую войну начал командиром крейсера «Россия». Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с бантом.

4. Контр-адмирал Николя Владимир Владимирович (1881 — 1923).

Флагманский минный офицер начальника штаба Черноморского минного дивизиона. Окончил Морской кадетский корпус в 1901 г. Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами.

5. Контр-адмирал Тихменев Александр Иванович (1879 — 1959).

В 1901 г. окончил Морской корпус, в 1906 г. — минный офицерский класс. В 1911 — 1912 гг. флагманский минный офицер штаба начальника отряда резерва ЧФ. В 1912 — 1914 гг. ст. офицер крейсера «Память Меркурия», затем командир эскадренных миноносцев «Жуткий», «Беспокойный», линейного корабля ЧФ «Воля». В эмиграции был председателем объединения русских моряков в Тунисе. Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

6. Капитан 1-го ранга Гаршин Михаил Юрьевич (1882 — 1942).

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. В 1903 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник русско-японской войны и обороны Порт-Артура, чин лейтенанта получил «за отличие в делах против неприятеля». Кавалер орденов Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами. Награжден серебряной медалью Италии за оказание помощи пострадавшим на островах Сицилия и Калабрия от землетрясения в 1908 г.

7. Капитан 1-го ранга Гильдебрант Георгий Федорович (1882 — 1943).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Старший офицер линкора «Ростислав», командир посыльного судна ЧФ «Колхида». Окончил Морской кадетский корпус в 1901 г., участник русско-японской войны. Кавалер ордена Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Награжден серебряной медалью Италии за оказание помощи пострадавшим на островах Сицилия и Калабрия от землетрясения в 1908 г.

8. Капитан 1-го ранга Лебедев Виктор Иванович (1881 — 1944).

Командир эсминцев ЧФ «Гневный», «Живой», старший офицер линкора «Ростислав», начальник 5-го дивизиона эсминцев ЧФ. В 1900 г. окончил Морской кадетский корпус. Участник русско-японской войны. Кавалер золотого Георгиевского оружия (1915 г.), орденов: Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

9. Капитан 1-го ранга Потапьев Владимир Алексеевич (1882 — 1961).

Исполнял должность старшего флагманского офицера штаба начальника Учебного отряда ЧФ. Окончил Морской кадетский корпус в 1907 г. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст., Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

10. Капитан 1-го ранга Мордвинов Константин Владимирович (1875 — 1948).

Начальник 6-го дивизиона миноносцев ЧФ. Окончил Морской кадетский корпус в 1895 г. Был старшим офицером линкора «Георгий Победоносец». Кавалер ордена Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

11. Капитан 2-го ранга Афанасьев Юлий Леонидович (1887 — 1929).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1907 г. Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст.

12. Капитан 2-го ранга Бирилев Вадим Андреевич (1886 — 1961).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1909 г. Кавалер ордена Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Награжден серебряной медалью Италии за оказание помощи пострадавшим на островах Сицилия и Калабрия от землетрясения в 1908 г

13. Капитан 2-го ранга Гутан Николай Рудольфович (1886 — ?).

Старший офицер крейсера ЧФ «Прут». Окончил Морской кадетский корпус в 1907 г. Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

14. Капитан 2-го ранга Кублицкий Александр Иванович (1884 — 1946).

Офицер Гвардейского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1905 г. Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст., Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й ст. с мечами.

15. Капитан 2-го ранга Ланге Александр Карлович (1887 — 1949).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1909 г. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Награжден серебряной медалью Италии за оказание помощи пострадавшим на островах Сицилия и Калабрия от землетрясения в 1908 г.

16. Капитан 2-го ранга Романовский Владимир Николаевич (1885 — 1921).

Флагманский офицер штаба Командующего отдельным практическим отрядом Черного моря. Окончил Морской кадетский корпус в 1905 г. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

17. Капитан 2-го ранга Юрьев Вячеслав Георгиевич (1883 — 1958).

Начальник партии траления минных заградителей ЧФ. Окончил Морской кадетский корпус в 1903 г. Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 2-й ст с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

18. Старший лейтенант Баль Евгений Петрович (? — ?).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1914 г.

19. Старший лейтенант Гаттенбергер Николай Федорович (1891 — 1967).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1912 г. Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

20. Старший лейтенант Давыдов Евгений Евгеньевич (1891 — ?).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1913 г. Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

21. Старший лейтенант Менфановский Аркадий Сергеевич (1884 — 1956).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1916 г.

22. Старший лейтенант Манштейн Александр Сергеевич (1888 — 1964).

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Прапорщик флота с 1909 г. Окончил Морской кадетский корпус. В 1910 г. переаттестован в мичманы. Кавалер ордена Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Награжден серебряной медалью Италии за оказание помощи пострадавшим на островах Сицилия и Калабрия от землетрясения в 1908 г.

23. Старший лейтенант Медведев Сергей Иванович (1886 — ?).

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1907 г. Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст. Награжден серебряной медалью Италии за оказание помощи пострадавшим на островах Сицилия и Калабрия от землетрясения в 1908 г.

24. Старший лейтенант барон фон дер Ропп Александр Эдуардович.

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1908 г. Кавалер орденов Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Награжден серебряной медалью Италии за оказание помощи пострадавшим на островах Сицилия и Калабрия от землетрясения в 1908 г.

25. Старший лейтенант Ропп Федор Лотарович.

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1910 г. Кавалер ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

26. Лейтенант Берсенев Анатолий Владимирович (1891 — 1950).

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1914 г.

27. Лейтенант Голубцов Борис Георгиевич (1894 — ?).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1915 г.

28. Лейтенант Иванов Андрей Павлович (1892 — 1921).

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1915 г.

29. Лейтенант Клевцов Анатолий Степанович (1890 — 1960).

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. Непосредственный наблюдатель по минной части за постройкой кораблей для военного флота. Окончил Морской кадетский корпуса в 1911 г. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

30. Лейтенант Червинский Всеволод Григорьевич (1894 — ?).

Окончил Морской кадетский корпус в 1915 г.

31. Мичман Пилипенко Николай (1894 — 1977).

Офицер Черноморского флотского экипажа. Окончил Морской кадетский корпус в 1914 г. Кавалер ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

32. Инженер-механик генерал-лейтенант флота Лопатин Николай Иванович (1865 — 1929).

Исполнял должность помощника председателя комиссии по испытанию судов военного флота. В 1887 г. окончил Морское инженерное училище им. Императора Николая I. Участник русско-японской войны, старший судовой механик крейсера «Громобой». Кавалер орденов Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 3-й ст.

33. Инженер-механик капитан 1-го ранга Брод Вильгельм Дмитриевич (1885 — ?).

Офицер Черноморского флотского экипажа подводного плавания. В 1907 г. окончил Морское инженерное училище им. Императора Николая I. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом.

34. Инженер-механик капитан 1-го ранга Тирнштейн Константин Робертович (1869 — ?).

Окончил Морское инженерное училище им. Императора Николая I в 1893 г. Старший судовой механик транспорта «Дунай». Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст.

35. Инженер-механик капитан 1-го ранга Янцевич Сергей Петрович (1879 — 1944).

Офицер Черноморского флотского экипажа. В 1902 г. окончил Морское инженерное училище им. Императора Николая I. Участник обороны Порт-Артура. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». Св. Станислава 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с бантом.

36. Инженер-механик старший лейтенант Иванов Алексей Васильевич (1888 — 1959).

В 1911 г. с отличием окончил Морское инженерное училище им. Императора Николая I. Кавалер ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость».

37. Инженер-механик старший лейтенант Кокушкин Павел Михайлович (1885 — ?).

Офицер 2-го Балтийского флотского экипажа. В 1909 г. окончил Морское инженерное училище им. Императора Николая I. Награжден серебряной медалью Италии за оказание помощи пострадавшим на островах Сицилия и Калабрия от землетрясения в 1908 г.

38. Вице-адмирал Небольсин Евгений Константинович (1859 — ?).

Сын генерал-лейтенанта флота и морского писателя К.В. Небольсина. Вице-адмирал с 1917 г. Окончил юнкерские морские классы в Николаеве, в 1880 г. произведен в мичманы. В 1884 г. окончил гидрографическое отделение Николаевской Морской академии. Командовал императорской яхтой «Марево», крейсером «Рында», императорской яхтой «Александрия». Был командиром Свеаборгского порта, в 1914 — 1915 гг. состоял при морском министре офицером для особых поручений. 21 октября 1917 г. уволен в отставку. В 1934 г. еще проживал в Тунисе. Кавалер орденов Св. Владимира 4-й ст., Св. Владимира 3-й ст., Св. Станислава 1-й ст., Св. Анны 1-й ст.

39. Капитан 2-го ранга Монастырев Нестор Александрович (1887 — 1957).

40. Капитан 2-го ранга Рыков Иван Сергеевич (1883 — 1954).

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. С 1907 г. подпоручик флота, в 1915 г. аттестован в лейтенанты флота. Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

41. Капитан 2-го ранга Штернфельс Николай Иванович (1879 — 1955).

Старший офицер посыльного судна ЧФ «Колхида». Старший флагманский офицер штаба начальника бригады подводного плавания ЧФ. Кавалер ордена Св. Анны 3-й ст.

42. Старший лейтенант Ромушкевич Евгений Васильевич (1890 — 1974)

В списках офицеров Императорского флота не значится.

43. Лейтенант Кожин Александр (? — 1974).

В списках офицеров Императорского флота не значится.

44. Лейтенант барон Раден Владимир Николаевич (1885 — 1921).

Офицер 1-го Балтийского флотского экипажа. С 1912 г. подпоручик запаса по Адмиралтейству. Кавалер ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

45. Лейтенант Флорин Евгений (? — 1932).

В списках офицеров Императорского флота не значится.

46. Мичман Беркалов Евгений.

В списках офицеров Императорского флота не значится.

47. Мичман Доброклонский Николай Викторович (? — 1931).

В списках офицеров Императорского флота не значится.

48. Мичман Дросси Александр Петрович (? — 1934).

В списках офицеров Императорского флота не значится.

49. Мичман Морев Борис Никифорович.

В списках офицеров Императорского флота не значится

50. Мичман Песляк Виктор (1896 — 1983).

В списках офицеров Императорского флота не значится.

51. Герасимов Владимир Александрович.

Морской летчик, художник.

52. Пчельников Тэфис (1886 — 1938).

В списках офицеров Императорского флота не значится.

53. Никитин Николай (1897 — 1946).

В списках офицеров Императорского флота не значится.

54. Петров Анатолий Евгеньевич (1896 — 1974).

В списках офицеров Императорского флота не значится.

Список составлен А.А. Смирновым

СОДЕРЖАНИЕ

Анастасия Александровна Ширинская
БИЗЕРТА. ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА

Главный редактор редакции *Н.П. Синицын*
Редактор *В.В. Амельченко*
Художник *Ю.В. Крошкин*
Художественный редактор *Л.Е. Кривокобыльская*
Технический редактор *Н.Я. Богданова*
Фоторепродукции *В.В. Солдатов*
Корректоры *И.И. Матвеева, С.И. Нечаева*
Компьютерная верстка *Н.В. Лапшина*

Лицензия ЛР № 020872

Сдано в набор 27 05.99. Подписано в печать 02.07 99
Формат 60×90/16 Гарн. «Таймс ЕТ». Бумага офсетная Печать офсетная
Печ.л $15^1/_2$. Усл. печ.л. 15,5 + 2 вкл: $1^1/_2$ печ.л., 1,5 усл печ л Уч.-изд.л 17,24.
Изд. № С/99/379. Тираж 5000 экз Зак 633.

Воениздат, 103160, Москва, К-160

АО «Астра семь»
121019, Москва, Филипповский пер., 13